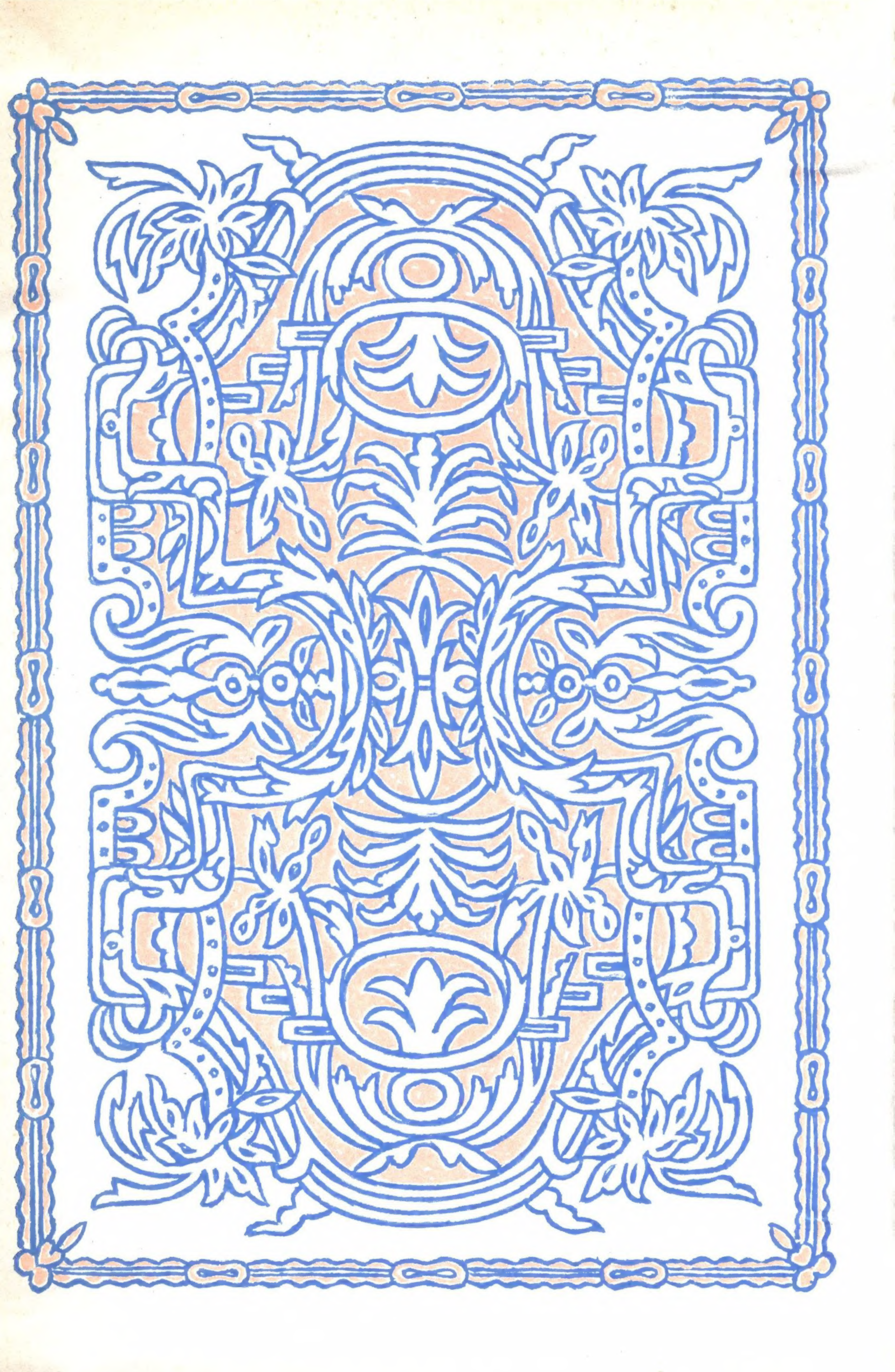
АГАДА
СКАЗАНИЯ ПРИТЧИ
ИЗРЕЧЕНИЯ
ТАЛМУДА и МИДРАШЕЙ



АГАДА

СКАЗАНИЯ, ПРИТЧИ, ИЗРЕЧЕНИЯ ТАЛМУДА и МИДРАШЕЙ

Перевод
С.Г. ФРУГА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "РАРИТЕТ"
1993

ББК 86.31
А 23

Вступительная статья
В. ГАРКИНА

Оформление художника
Ю. БОЯРСКОГО

А $\frac{0403000000}{952(02)-93}$ без объявления

ISBN 5-85735-076-X

ОТ ПУБЛИКАТОРА — ДВА ПРЕДВАРЯЮЩИХ ПОЯСНЕНИЯ

1. Кое-что об отсутствующей книге, возраст которой более двух тысяч лет.

Многим ли в нашей стране удается прикоснуться к книге для взрослого читателя под названием "Агада" (в некоторых изданиях — "Хаггада")?

Между тем ее возраст только в качестве письменного памятника исчисляется с III-V веков, а устный исток теряется во временах до нашей эры.

В НПО "Книжная палата" издательство было оповещено, что эта книга не издавалась на русском языке даже в последние — перестроечные — годы.

Ее старательно замалчивали. Статьи со словом "Агада" (или "Хаггада") отсутствуют в Советском Энциклопедическом словаре, Словаре атеиста (1981, но было в 1966-м), в Литературном, Философском ЭС, в большинстве других справочных изданий.

2. Кое-что о необходимости "Агады".

Что же есть эта книга? Два известных и авторитетных ученых С.Аверинцев и Б.Мейлах утверждают следующее:

"Агада (аггада, "сказание") расцвечивала библейские сюжеты более или менее свободно измышленными назидательными или занимательными подробностями; она выросла из школьной раввинской интерпретации нарративных частей Библии и запечатлелась в первые века нашей эры прежде всего в т.н. мидрашах (толкованиях на библейские тексты) и таргумах (парафразах библейских книг на арамейском языке), отчасти в текстах Талмуда в двух его версиях — иерусалимская (возникла в IV в.) и особенно вавилонская (завершена к концу V в.)."

Добавлю, что на формирование Агады сказались не только иудаизм и христианство, но и, естественно, эллинистическая и римская культуры, даже Авеста.

Уже это обстоятельство обосновывает считать "Агаду" памятником мировой духовной цивилизации и делает больше невозможным продолжать скрывать его от русского и русскоязычного читателя.

Отныне появляется возможность свободного приобретения не только Библии и памятников православия с древних времен, Корана, книг буддистов и многих других верований.

Данное издание исполнено по книге 1910 г. в переводе С.Г.Фруга по составу, который осуществили И.Х.Равницкий и Х.Н.Бялик. Судя по некоторым данным, та книга явилась первой на русском языке. Предполагаю, что она не совсем полное издание Агады. И будем надеяться, что последующие выпуски обретут не только надлежащий объем, но и должный научный аппарат.

В.Гаркин

АГАДА

СКАЗАНИЯ, ПРИТЧИ, ИЗРЕЧЕНИЯ ТАЛМУДА и МИДРАШЕЙ

О ПРИТЧЕ

Не относись к притче пренебрежительно. Подобно тому, как при свете грошовой свечки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, так с помощью притчи познается истина.

(Ш.-Гаш. Р.)

* * *

“Сверх того, что Екклезиаст был мудр, он еще учил народ знанию. Он все изучал, исследовал и много притчей составил”.

Рав Нахман учил: “До Соломона Тора, источник мудрости и истины, представлялась людям в виде лабиринта со множеством входов и выходов, в которых невозможно было не заблудиться. Явился Соломон — и притча стала тем клубком ниток, с помощью которого люди стали свободно ходить по лабиринту Торы”.

Раби Ханина говорил: “Был глубокий колодезь с превосходной, студеной водой, которою долгое время никто не пользовался, пока не нашелся человек, который, связав вместе несколько веревок, начал черпать воду из колодца, а за ним и другие стали черпать и пить. Так и Соломон: сказание за сказанием, притча за притчей — он достиг до сокровеннейших источников знания” *(там же).*

* * *

В одном городе поучали народ одновременно раби Абагу и рав Хия бар[1] Аба. Рав Хию, который объяснял галаху (закон), вскоре все покинули и собрались вокруг раби Абагу, с увлечением слушая сказания и притчи. Покинутый слушателями, рав Хия пал духом. Видя это, раби Абагу обратился к нему со следующей притчей: “В одно место пришли два торговца: один продает драгоценные камни, другой — простые, но

[1] Сын.

полезные предметы домашнего обихода. Не естественно ли, что у второго окажется несравненно больше покупателей, нежели у первого?”

(Сота, 40)

* * *

Велико было соперничество между галахистами и агадистами.

Раби Исаака Нафха[1] пришли послушать рав Ами и рав Аси. Первый желал поучиться галахе, второй послушать агаду, и каждый просил о своем, не давая учителю приступить ни к той, ни к другой лекции.

По поводу этого раби Исаак сказал: “Своим соперничеством вы поставили меня в положение человека средних лет, имеющего двух жен — молодую и старую: первая выщипывает у него седые волосы, чтобы он имел вид молодого, а вторая — темные волосы, чтобы он более походил на старика. В конце концов бедный человек остается лысым”.

(Б.-К., 60)

* * *

“До пределов вселенной слова их доходят”. Это сказано о словах притчи *(Т.д. Ел.)*.

“Ты пьешь вино — кровь виноградных ягод”. Подобно вину, притча влечет к себе сердце человеческое *(Сифре)*.

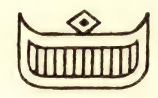
* * *

“Освежите меня яблоками”, — говорит Суламита в “Песне песней”.

Читайте притчи: вкусом и ароматом плодам яблони подобны они.

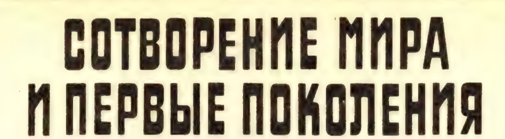
* * *

Галаха — хлеб, агада — вино *(Ваик.-Р., 1)*.



---

1) Н а ф х а — кузнец.



СОТВОРЕНИЕ МИРА И ПЕРВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

I. СОТВОРЕНИЕ МИРА

Повествование о сотворении мира начинается с буквы *бет* ( ), имеющей начертание, открытое только с одной, передней стороны. Этим предуказано, что только то, что последовало *после* начала божественного миростроительства, может быть доступно человеческому разумению *(Бер.-Р., I).*

Был у царя кубок тончайшего стекла.

— Чем, — думал царь, — кубок этот наполнять? Горячей влаги стекло не выдержит, от холодной потускнеет.

И царь брал кубок только для теплых напитков.

Сотворил Бог вселенную и подумал — как руководить Своим творением: одним строгим правосудием — миру грозит разрушение; одним милосердием — земля в грехах потонет. "Соединю, — решил Господь, — правосудие с милосердием. И то, устоит ли?" *(Там же, 12).*

II. НЕБО И ЗЕМЛЯ

Раби Елеазар бен[1)] Симеон учил:

— В Писании упоминается то сначала небо, потом земля, то в обратном порядке. Этим указано, что земля и небо вполне равноценны перед Господом *(там же, 2).*

III. СВЕТ

— Как был сотворен свет? — спросил раби Симеон бен Егосадок.

— Господь, — ответил раби Самуил бар Нахман, — облачился в ослепительно белые ризы, от которых потоками хлынул свет, засиявший от края до края вселенной *(там же).*

Раби Елеазар учил:

— Свет, сотворенный Предвечным в первый день творения, был

---

1) Сын.

такой чистоты и силы, что человек мог видеть от конца до конца вселенной. С появлением на земле греха и порока дивный свет этот начал тускнеть и, наконец, отнят был Всевышним у земного мира и приуготован для праведников в загробной жизни *(Хаг., 12)*.

IV. ДЕРЕВЬЯ И ЗЛАКИ

Когда сотворено было железо, трепет страха прошел по деревьям.

Но железо сказало:

— Не давайте рукоятки для топора — и ни одно из вас повреждено не будет *(Бер.-Р., 5)*.

Раби Симон учил:

— Каждая былинка имеет ангела-хранителя, который властно повелевает ей: "Расти!" *(там же, 10)*.

V. СОЛНЦЕ И ЛУНА

"И создал Бог два светила великии"[1].

— Господи, — сказала луна, — невозможно двум царям один венец носить.

— Иди, — ответил Всевышний, — и сама умали себя.

— За то ли, Господи, что правдивое слово я молвила, Ты умалить себя повелеваешь мне? — взмолилась луна.

Отвечал Всемилосердный:

— Звезды да будут спутниками тебе *(Хул., 60)*.

VI. И ВСЯКАЯ ТВАРЬ

Рав Иегуда учил со слов Равва:

— Ничто в мире Божьем не сотворено без цели. Даже те твари, существование которых кажется человеку совершенно нецелесообразным, содействуют строю и порядку мироздания, и Создатель творит волю Свою через каждое Свое творение, не исключая даже змеи, лягушки, комара.

(Шаб., 77; Бер.-Р., 10)

Раби Негорай учил:

— Когда люди грешат, и кара небесная грозит обрушиться на них,

---

[1] Одинаковой величины.

милосердный взор Всевышнего останавливается на гадах и паразитах, — и Господь говорит:

— Этим, в которых надобности нет, я даю жизнь. Отниму ли ее у тех, кому Мною дано высокое назначение на земле?

(Иеруш., Бер.)

VII. ЧЕЛОВЕК

Р. Симон учил:

Когда Всевышний решил создать человека, между духами небесными произошел раскол. Одни говорили: "сотвори человека", другие: "не твори его".

— Сотвори его, — говорил дух Милосердия, — он будет творить милость на земле.

— Не твори его, — говорил дух Правды, — он ложью осквернит душу свою.

— Сотвори его, — говорил дух Справедливости, — добрыми делами он жизнь украсит.

— Не твори его, — говорил дух Мира, — землю враждою наполнит он.

Поверг Господь Правду на землю. И взмолились Ангелы Служения, говоря:

— Владыка миров! Зачем пятнаешь Ты Правду, печать величия Твоего? Подними ее с земли, Господи!

И пока духи вели спор между собою, осуществилось дело божественного творчества.

— Для чего, — сказал Господь, — пререкания ваши? Сотворение человека уже совершилось *(Бер.-Р., 8)*.

Раби Меир учил:

— Со всех концов земли слетелись пылинки, частицы того праха, в который Господь вдохнул животворящее начало, душу живую и бессмертную *(Санг., 38)*.

Сотворен был только один человек.

Это должно служить указанием, что:

тот, кто губит хотя одну человеческую душу, разрушает целый мир, и кто спасает одну душу, спасает целый мир;

не может один человек возгордиться перед другим человеком, говоря: мой род знатнее твоего рода;

каждому человеку следует помнить, что для него и под его ответственность сотворен мир *(там же, 37)*.

Создав человека, Господь повел его по садам Эдема, говоря:

— Гляди, как прекрасен этот мир, созданный Мною для тебя. Береги его и помни, что поврежденного тобою некому будет исправить *(Ког.-Р., 9)*.

VIII. В КАНУН СУББОТЫ

Десять вещей предуготовано было в канун Субботы, в сумерки: пасть земли (поглотившая Корея и его сообщников), устье колодца (по сказанию — следовавшего за израильтянами в пустыне), человеческий голос Валаамовой ослицы, радуга (появившаяся после прекращения потопа), манна, посох Моисея, шамир (червь, с помощью которого, по древнему сказанию, Соломон тесал гигантские камни при построении храма), письмена, стиль для письма, скрижали Завета.

По другому сказанию — также: злые духи, гробница Моисея, овен, принесенный Авраамом в жертву вместо Исаака, и *первые* щипцы (без которых не могли бы быть изготовлены другие щипцы).

(П. Аб., 5)

IX. АПОФЕОЗ ВСЕЛЕННОЙ

Рав Хама бар Ханина учил:

— Подобно царю, который любуется построенным им чертогом, Господь, взирая на юный мир, говорил:

— "Мир мой, мир мой! О, если бы вечно пребывал ты таким же прекрасным и чистым в очах Моих, как в первые дни твоего существования!" *(Бер. Р., 9)*.

Разукрашенному с царской пышностью венчальному балдахину подобен был мир в вечер шестого дня. И снизошел к миру, подобно невесте, святой покой Субботы *(там же, 10)*.

"Все сделал Он прекрасным в свое время"[1)].

Раби Танхума учил:

— Мир был сотворен в урочное время, ранее которого ему не подобало быть созданным.

Раби Абагу учил:

— Миров многое множество созидал и разрушал Всевышний, — созидал и уничтожал, пока не была сотворена вселенная. И сказал Господь: "Те миры не годились, а в этом все прекрасно" *(там же, 9)*.

---

1) Екклезиаст.

С гордостью взирал Создатель на вселенную, говоря (духам небесным):

— Видите существа, созданные Мною, и образы, Мною начертанные? "Вот как возникли небо и земля при сотворении их". Творец их воздает им хвалу, — кто же их унизит? Творец славит их, — кто же порицать их станет?

Прекрасны и совершенны творения Мои *(там же, 12).*

X. ЕВА

"И Господь образовал Еву из ребра Адама".

Рассудил Господь так:

— Не сотворю ее из головы его, дабы она не была высокомерной; не из глаза его — чтобы она не была любопытной; не из уха — чтобы не подслушивала; не из уст — чтобы не была болтливой; не из сердца — чтобы завистливой не была; не из рук — чтобы не была любостяжательной; не из ног, — чтобы не была праздношатающейся.

Из ребра — скромной и скрытой части тела — сотворил Господь женщину и, по мере образования каждого из членов тела ее, приговаривал: "Будь кроткою, женщина! Будь добродетельной, женщина!"

Однако же ни от одного из пересчитанных недостатков не свободна женщина *(там же, 18; Танх.).*

— Ваш Бог — вор, — сказал кесарь рабан Гамлиелю, — усыпил Адама и у сонного ребро украл.

— Позволь мне, отец, — сказала дочь р. Гамлиеля, — ответить вместо тебя.

И, обращаясь к кесарю, продолжала:

— Я требую правосудия: прошлой ночью к нам забрались воры и, похитив серебряный кубок, оставили нам кубок из чистого золота.

— О, если бы каждый день посылали нам боги подобных воров! — воскликнул кесарь.

— Так дурно ли было для Адама, что взамен ребра ему дана была женщина? *(Санг., 39).*

Из сказания раби Симеона бен Манасии:

— С материнской заботливостью Господь собственноручно заплел в косы волосы Евы перед тем, как впервые показать ее Адаму.

(Бер.-Р., 61)

XI. ОГОНЬ

Раби Иосэ говорил:

— Огонь имел быть создан в канун Субботы, но сотворение его было отложено до исхода субботнего дня. Предвечный зародил в уме Адама божественный начаток творчества. Взял Адам два камня, высекая из них огонь, произнес:

"Благословен творящий светильники огненные!"

(Пес. 54; Бер.-Р., 11)

XII. ГРЕХОПАДЕНИЕ

"Змей был хитрее всех зверей полевых".

Он рассуждал: "Если я обращусь прямо к Адаму, он меня не послушается. Обольщу сначала Еву, — женщины легковерны.

И начал змей хулить Господа, говоря:

— Он сам вкусил от этого дерева — и создал мир. А вам, людям, сказал: "Не ешьте от него", ибо опасался, чтобы вы не стали тоже творить миры.

И еще говорил змей:

— Будущее принадлежит позжеродившемуся. Вы созданы после всех творений, дабы властвовать над миром. Поспешите же поесть плодов этих, пока Бог еще не создал других людей, которые начнут властвовать над вами.

Подошел змей к дереву, взялся за ствол и начал трясти его. Затрепетало дерево, зашумела листва его: "Не смей дотрагиваться до меня, нечестивец!" А змей говорит Еве:

— Вот я дотронулся до дерева — и не умер. Дотронься и ты; увидишь — жива останешься.

Дотронулась Ева до дерева и видит — призрак смерти стоит перед нею.

— Горе мне! — воскликнула она. — Теперь я умру, а Бог сделает другую женщину и даст ее Адаму!

Тотчас же она взяла плодов и ела, и дала также Адаму, и он ел.

И не только Адаму дала Ева поесть плодов от запретного дерева, но покормила ими и животных, и птиц, и зверей. Не поддалась искушению одна только птица феникс.

Эта птица и живет вечно, через каждые тысячу лет сгорая в пламени, выходящем из ее гнезда, и снова возрождаясь из пепла.

(Бер. Р., 19; П. д. Ел.)

Рав Симеон бен Манасии учил:

— Не осуществись грехопадение, искуситель стал бы вечным слугою роду человеческому. Каждому добродетельному человеку дано

было бы в услужение по два змея, которые добывали бы для него из сокровищниц Севера и Юга жемчуг и всевозможные драгоценные камни *(Санг., 59).*

XIII. ПОСЛЕ ГРЕХОПАДЕНИЯ

Наступил первый солнечный закат после изгнания из рая. Похолодело от страха сердце Адама.

— Горе мне! — возопил он. — За грех мой погас светильник дня, и мир снова обращается в хаос. Это смерть, посылаемая в наказание мне небом!

Всю ночь просидели Адам и Ева, каясь и плача. Когда же снова взошло солнце, они поняли, что таков порядок в природе, и жертвоприношением возблагодарили Господа *(Ав.-З., 8).*

XIV. КАИН И АВЕЛЬ

И сказал Каин Авелю, брату своему:

— Поделим мир между собою.

— Поделим, — согласился Авель.

Взял Каин землю, а Авель стада. И условились не затрагивать один владения другого.

Погнал Авель свои стада в поле, а Каин кричит ему: “Земля, по которой ты ходишь, *моя*!” — “А одежда, которая на тебе, не из шерсти ли *моих* овец сделана?” — отвечает Авель.

— Прочь с *моей* земли!

— Долой одежду из *моей* шерсти!

Погнался Каин за Авелем по холмам и долинам, пока не настиг его. Завязалась борьба. Не выдержал Каин, упал и, прижатый к земле, стал молить о пощаде: “Авель, брат мой! Нас двое на земле. Умертвив меня, что ты ответишь отцу нашему?” Сжалился Авель над Каином, освободил его. Встал Каин и убил Авеля.

Медленно, долго убивал его Каин: схватив камень, но не зная, как нанести смертельный удар, он наносил ему побои по всему телу, пока не перешиб ему горло, — и Авель умер.

Убив брата, Каин подумал:

— Спрячусь от отца и матери; ведь от меня они и станут взыскивать за убитого брата, потому что кроме меня и его нет никого на свете.

В это время предстал Каину Господь, говоря:

— От родителей своих ты можешь бежать, но от Меня скрыться ли тебе? Отвечай: где Авель, брат твой?

— Не знаю, — отвечал Каин, — почему Ты спрашиваешь меня? Скажи Ты мне, где он?

— Злодей! — сказал Господь. — Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли.

Подобно вору, который стал бы возлагать вину свою на стражу, не устерегшую его, Каин говорил:

— Да, я убил брата моего, но не Тобою ли внушено мне это злое дело? Ведь Ты — страж всего сущего на земле. Кроме того, если бы Ты не отверг моей жертвы, я не стал бы завидовать и мстить ему.

И еще говорил Каин:

— Владыка вселенной! Я никогда не видал убитого и не знал, что, нанося Авелю удары камнем, я этим убью его. И откуда Ты узнал об убийстве? Отец и мать находятся на земле и не знают; как же об этом узнал Ты, находясь на небе?

— Глупец! Всю тяжесть мира я в долготерпении ношу на Себе, — сказал Господь, — и от Меня ничего сокровенного нет.

— Так Тебе ли, Господи, — взмолился Каин, — трудно снести единый грех мой? "Наказание же мое больше, нежели снести можно".

— Раскаяние спасает тебя, — сказал Господь.

"И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод".

Каин шел, и земля дрожала под его ногами, и лютые звери метались кругом, и звучал их рев и вой: "Вот он, вот он, братоубийца, изгнанник и скиталец на земле. Растерзаем его, сожрем его!"

Ручьями полились слезы из глаз Каина; и взмолился он:

"Куда уйду от духа Твоего?
Куда от лика Твоего я скроюсь?
На небо вознесусь ли я, — Ты там;
Сойду ли в преисподнюю, — Ты там же.
Возьму ли крылья утренней зари,
Переселюсь на край ли океана, —
И там меня рука Господня поведет,
И там десница Божья остановит!"

(Танх.; Бер.-Р., 22)

Истерзанное тело Авеля лежало в поле; кровью его обрызганы были кусты и камни. Верная собака его, овчарка, стерегла убитого, отгоняя хищных птиц и зверей.

Полными ужаса глазами глядели Адам и Ева на убитого сына, не зная, что следует сделать с этим, похолодевшим, неподвижным телом. Недалеко от места лежал павший ворон. И вот, бывший тут другой ворон подумал: "покажу этим людям, что следует сделать с трупом", разгреб землю и закопал в ней мертвого товарища. Видя это, Адам и Ева вырыли могилу и похоронили Авеля *(П.д. Ел.)*.

XV. ЕНОХ

"И ходил Енох путями Господними".

Отвратил Енох душу свою от порочных дел людских и скрывал от людей чистые тайники души своей. Долгое время жил так Енох, проводя в молитве дни свои в уединенной келье в жилище своем.

И однажды, во время молитвы, воззвал к Еноху Ангел Божий.

И отвечал Енох:

— Вот я!

И сказал Ангел Божий:

— Встань, Енох, выйди из кельи своей, ступай к людям и поучай их, какими путями ходить и делать дела, угодные Господу.

Встал Енох, вышел из кельи своей и из жилища своего. И начали собираться к Еноху люди со всей земли, чтобы послушать поучения его. И люди поставили его царем над собою, приходили и кланялись ему до земли, и слушали все и следовали наставлениям его.

Двести сорок три года царствовал Енох, творя суд и милость в народе.

Однажды, когда Енох поучал народ, воззвал к Еноху Ангел Божий и возвестил ему, что решено призвать его на небо, дабы он поучать стал Сынов Господних так, как он поучал дотоле сынов человеческих.

И вот, в то время, когда Енох поучал народ, подняли люди глаза и увидели: несется с неба нечто в образе исполинского коня и летит, направляясь к земле. Сказали люди об этом Еноху. И отвечал Енох:

— Для меня послан этот конь, ибо наступило мне время уйти от вас навсегда.

В эту минуту конь достиг земли и стал перед Енохом. И все бывшие тут видели это. Тогда повелел Енох оповестить по всей земле, чтобы все желающие послушать слово Божие пришли еще сегодня, перед тем, как Енох будет взят с земли. Собрались к Еноху все люди с их вождями и правителями и весь день тот слушали наставления в мудрости, знании и страхе Божием; и заключил Енох мир между всеми людьми, после чего сел на коня и поехал шагом неторопливым. И пошли вслед за ним люди, около восьмисот тысяч человек. Весь день тот они шли за Енохом.

— Возвращайтесь к жилищам своим, дабы не умереть вам в пути, — говорил им Енох. Часть провожавших возвратились; другие шли еще шесть дней за ним. Те же, которые и на седьмой день продолжали идти за ним, говорили:

— С тобою пойдем мы, куда бы ни шел ты. Клянемся, что только смерть разъединит нас с тобою!

Упрашивал их Енох уйти, пока не поздно, но они не послушались его. Отвернулся от них Енох и более не говорил с ними.

И вот, налетела буря... Огненная колесница с конями огненными появилась в вихре — и вознесся Енох на небо.

Ходившие потом на поиски за последними, провожавшими Еноха людьми пришли на то место и видят: все пространство покрыто сплошным снегом и ледяными глыбами, и ни единого признака жизни незаметно кругом *(Сеф. Гаиаш.)*.

XVI. ПОТОП

Вначале, до сотворения человека, одни только воды славили Всевышнего.

"Пуще гула многих вод могучих, в небесах могуч Господь!" — пели моря, пели озера.

И сказал Господь:

— Так славит имя мое стихия, лишенная живой речи.

Каким же сладостным гимном огласит вселенную человек, которого Я сотворю!

У царя был великолепный дворец, все обитатели которого были глухонемые. Не умея говорить, они приветствия свои царю выражали знаками и поклонами. Вместо них поселил царь во дворце людей, обладающих даром речи. Что же от этих людей услышал царь?

— Мы — хозяева этого дворца; он наш!

И повелел царь возвратить дворец прежним жильцам, глухонемым.

Так и Господь — направил снова водяную стихию на ту землю, на которой люди перестали признавать Господа творцом и хозяином всего сущего *(Бер.-Р., 28)*.

Когда в эпоху, предшествовавшую потопу, люди, вместо Бога Живого, стали служить идолам, пред лицом Предвечного предстали два ангела, Шемхазай и Азаил. Видя скорбь Господа, они говорили:

— Властитель вселенной! Когда Ты созидал этот мир, не предостерегали ли мы Тебя, говоря: достоин ли человек, чтобы Ты помнил его, и сын праха, чтобы Ты милостью посещал его?

— Что же теперь с миром делать? — сказал Господь.

— Мы найдем для него другое назначение.

— А мне, — отвечал на это Господь, — ведомо и несомненно, что, если бы вместо людей жили на земле вы, ангелы, искушение овладело бы вами еще легче и скорее, чем это случилось с родом человеческим.

— Испытай, Господи, — сказали они, — позволь нам поселиться на земле, и Ты увидишь, как мы возвеличим святое имя Твое.

Сошли сыны Божии на землю и — стали входить к дочерям человеческим, их земной красотой обольщенные.

Встретил Шемхазай одну девицу по имени Истеарь и пленился ею. Но Истеарь сказала:

— Я соглашусь ответить на твою любовь, если ты откроешь мне

"Шем-Гамфорош"[1], произнося которое ты возносишься на небо, когда этого пожелаешь. Ангел исполнил ее требование. Тогда Истеарь произнесла Святое Имя и вознеслась на небо, сохранив беспорочность свою. В воздаяние за ее добродетель Всевышний обратил Истеарь в звезду и поместил ее в плеяде.

После этого Шемхазай и Азаил взяли себе жен, и у Шемхазая родились два сына: исполины Гива и Гийа.

Архангел Метатрон послал сказать Шемхазаю, что готовится потоп и миру грозит полное разрушение. Поднял голос свой Шемхазай и горько зарыдал:

— Горе мне, — вопил он, — что станется с моими детьми после разрушения мира? Чем они питаться будут?

А съедал каждый из них по тысяче верблюдов, тысяче лошадей и тысяче быков ежедневно.

В ту же ночь обоим было сонное видение. Одному приснилось: лежит на земле гигантский камень в виде стола, поверхность которого вся покрыта рядами письмен. А с неба сходит ангел и, держа в руках нечто похожее на нож, соскабливает и уничтожает строку за строкой до тех пор, пока не осталось всего четыре слова.

Другому привиделось: роскошный сад, засаженный всевозможными деревьями, и ангелы с топорами в руках вырубают деревья одно за другим и оставляют единственное дерево о трех ветвях.

Сны эти Шемхазай истолковал как предвещание близкого потопа, после которого на земле останутся в живых только Ной и три сына его.

Впоследствии Шемхазай раскаялся в земном грехе своем и добровольно покарал себя, повиснув в пространстве между небом и землей, где висит и поныне, вниз головою, в скорби покаянной.

Азаил же не раскаялся и продолжает свое грешное бытие и поныне.

(Мидр. Абк.)

XVII. НОЙ

Рав Гуно со слов раби Иосэ учил:

— В продолжение ста двадцати лет до потопа Господь предостерегал род человеческий и, не видя ни в ком раскаяния, повелел Ною приступить к сооружению ковчега.

Стал Ной сажать кедровые деревья.

— Для чего тебе эти деревья? — спрашивали его люди.

Ной отвечал:

— Господь решил послать потоп на землю и повелел мне построить ковчег, чтобы спастись от потопа мне и семье моей.

Смеялись над Ноем люди, издевались над ним. Смеялись и шутили люди, видя, как усердно он поливает свои кедры, заботясь об успеш-

[1] Имя Божие, произнесенное в полной его транскрипции.

ном росте их; не переставали смеяться и тогда, когда он, срубив деревья, принялся распиливать их на доски. Все предупреждения были напрасны — и настал потоп.

Видя неизбежную гибель свою, озлобленные, обезумевшие люди пытались опрокинуть ковчег, но ковчег, по мановению перста Господня, оказался окруженным львами *(Танх.)*.

Из всех исполинов от потопа спасся один только Ог, царь Васанский. Он был взят Ноем в ковчег, после того как поклялся быть вечным слугою Ною и потомкам его. Ной и прокармливал его, просовывая пищу в особое отверстие, проделанное им для этого в ковчеге *(П.д.Ел.)*.

Выпущенный Ноем голубь вернулся со свежим масличным листом в клюве. И взмолился голубь к Господу, говоря:

— Господи! Лучше корм, горький как лист масличный, от Твоей руки, нежели сладкий как мед — от рук человеческих *(Санг., 108)*.

Двенадцать месяцев пробыл Ной в ковчеге и за все это время не знал покоя ни днем, ни ночью. Один прокорм разнороднейших обитателей ковчега требовал неимоверного труда и терпения. Одни животные принимают корм в час дня, другие — в два часа, третьи — в три и четыре; эти — в первую ночную смену, те — в полночь, еще другие — на рассвете. Верблюду давалась солома, слону — древесная листва, оленю — трава и мох, а прожорливому страусу — всякая всячина.

Были и такие животные, которых Ной и вовсе не знал чем кормить. С хамелеоном был такой случай. Однажды Ной разрезывал гранатовое яблоко; оно оказалось червивым. Находившийся близко хамелеон стал жадно подбирать выпавших из яблока червячков. С тех пор ему начали давать овощи с червоточиной.

Из всех обитателей ковчега только феникс лежал, скромно прикорнув в уголке, и на вопрос Ноя: "Отчего ты не требуешь себе пищи?" — отвечал:

— Я видел, как много у тебя хлопот с другими, и не решился беспокоить тебя.

Тронутый этими словами, Ной сказал:

— Ты пожалел моего труда, соболезнуя моим огорчениям. Да пошлет тебе Всевышний жизнь вечную *(там же)*.

Притча р. Леви:

— Узнав о повелении Ною ввести в ковчег и представителей "всякой плоти", пришла и Ложь, стараясь прокрасться туда же. Но Ной заметил ее и сказал:

— В ковчег принимается и всякая нечистая тварь, но только “по паре”. Иди же, сперва найди себе своего суженого.

Пошла Ложь искать себе суженого, а навстречу — Проклятие.

— Откуда, — спрашивает, — идешь ты?

— Ходила я, — отвечает Ложь, — к Ною, а он говорит: “найди себе сперва пару”. Не согласишься ли ты сочетаться со мною?

— Чем же ты меня вознаградишь за это?

— А вот чем. Составим договор, чтобы все приобретаемое мною, принадлежало тебе.

На том и покончили. И с той поры все, что приобретается Ложью, становится достоянием Проклятия и гибели *(Шох-Т., 7)*.

Когда Ной пошел насадить виноградник, предстал пред ним некий дух по имени Самдон[1] и предложил вступить с ним в компанию на равных началах.

— Но только, — сказал Самдон, — помни, что если ты станешь затрагивать мою долю, ты горько поплатишься за это *(Бер.-Р., 36)*.

Посадил Ной первую виноградную лозу. А Сатана пришел и спрашивает:

— Что будет из этой посадки?

— Виноградник, — ответил Ной.

— Не желаешь ли взять меня в компаньоны?

Ной согласился. Что же сделал Сатана? Привел к винограднику овцу, льва, обезьяну и свинью и, заколов их, поочередно полил виноградник их кровью.

Человек, пьющий вино, обнаруживает поочередно же природные свойства всех названных тварей: вначале он кроток как овечка, потом становится отважным как лев, по мере опьянения начинает кривляться как обезьяна, и, наконец, валяется в грязи подобно свинье.

Все это произошло и с праведным Ноем *(Танх.)*.

XVIII. НИМРОД И СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Кожаные одежды, которые сделаны были Всевышним для Адама и Евы, перешли через Ноя к Нимроду. Одежды эти обладали свойством — одним видом своим укрощать самых лютых зверей. И когда облаченный в эти одежды Нимрод выходил на ловлю, птицы, животные и звери покорно склонялись перед ним. Отсюда пошла слава его, как замечательного звероловова, и этой славе он обязан избранием его на царство *(П. д. Ел.)*.

---

[1] По-видимому — символ пьянства.

“И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес”.

Держали совет приближенные Нимрода — Футь, Мицраим, Хуш, Ханаан и другие родоначальники того поколения.

— Город, — говорили они, — с грозной крепостной башней небывалой доныне высоты — это даст нам возможность сосредоточить свои силы в одном месте, прославит нас по всей земле и даст нам господство и власть над всеми нашими недругами.

В народе говорили:

— Через каждые тысячу шестьсот пятьдесят шесть лет[1] устои небесные расшатываются. Сделаем небу подпоры со всех четырех сторон света.

И еще про Бога говорили:

— По какому праву Он избрал для себя небесные высоты, а для нас юдоль земную оставил? Пойдем, построим башню и на вершине ее поставим идол, грозящий простертым к небу мечом и как бы вызывающий Бога на бой.

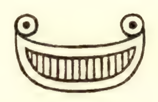
С каждым днем башня росла все выше и выше и наконец достигла такой высоты, что добраться доверху для доставки строительного материала требовалось не менее года времени.

Семь подъемов было у башни с восточной стороны и семь сходен с западной. Если падал человек и убивался насмерть, никто на это не обращал внимания, а потеря одного кирпича вызывала вопли отчаяния:

— Горе нам! Сколько придется ждать изготовления другой плитки, когда каждая минута дорога!

Смешал Господь язык их так, что один не понимал речи другого. Один скажет другому: “принеси воды”, а тот несет песку; “подай топор” — подает лопату. Рассвирепеет тот и раскроит ему череп.

(Бер.-Р., 38; П. д. Ел.; Сеф. Гаиаш.)

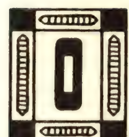


---

[1] Период от сотворения мира до потопа исчисляется в 1,656 лет, и столько же от потопа до воцарения Нимрода. Потоп считался явлением периодическим, и именно через каждые 1,656 лет.

ПРАОТЦЫ

I. АВРААМ



т Ноя до Авраама десять поколений, и за все эти долгие годы Господь не говорил ни с кем из смертных, кроме Авраама.

Притча раби Нехемии:

— У царя во время путешествия выпала из короны жемчужина. Велел царь принести сито и просеять песок на том месте. Просеяли раз — не нашли, другой раз — не нашли, на третий раз нашлась жемчужина. И со вздохом облегчения пронеслось кругом: "Царь отыскал свою жемчужину!"

Так и Господь говорил об Аврааме:

— "Какая надобность была бы перечислять родословную всех этих Сима, Арпахсада, Селаха, Евера, Фалека, Рэу, Серуга, Нахора, Фераха, если не ради тебя, Авраам?" *(Бер.-Р. 39).*

В тот час, когда родился Авраам, на восточном склоне небес появилась звезда, поглотившая свет четырех звезд на четырех сторонах небосвода. Видя это, звездочеты сказали Нимроду:

— Сейчас у Фераха родился сын, будущий родоначальник племени, которому предопределено унаследовать и земной мир, и загробный. Прикажи весь дом Фераха засыпать серебром и золотом, только бы он дал умертвить новорожденного.

Послал Нимрод сказать, по совету звездочетов, Фераху: дай умертвить родившегося у тебя младенца, и царь наполнит твой дом серебром и золотом.

На это Ферах ответил притчей:

— Одному коню сказали: "Дай отрежем тебе голову, а в награду за это дадим тебе полный амбар овса".

— Глупцы, — отвечал конь, — если отрежете мне голову, кто же есть будет овес?

— Отвечу и я: "Если вы умертвите моего сына, кто же унаследует серебро и золото?"

— Впрочем, — прибавил Ферах, — у меня действительно родился сын, но он умер.

Пришлось Ферaху прятать сына от Нимрода, и он укрыл его в пещере, где Авраам оставался три года. Для питания его Бог сделал в стенах пещеры два отверстия, из которых текли мед и елей.

Трех лет от рождения вышел Авраам из пещеры и, увидя мир Божий, стал размышлять о том, кем созданы земля и небо, и он сам. Очарованный величественным видом солнца, его светом и теплом, он весь день возносил молитвенную хвалу солнцу. Когда солнце зашло, а на небе появилась луна, окруженная мириадами звезд, Авраам подумал: "Вот это светило, очевидно, и есть божество, а маленькие светильники, его окружающие, это его вельможи, воины и слуги. Всю ночь он пел гимны луне. Но вот наступило утро; луна зашла на западе, а на востоке снова появилось солнце.

— Нет, — сказал Авраам, — есть Некто, который и над солнцем властен, и над луною. К Нему стану я возносить моления мои.

(М.-Авр., Бетъ-гам.)

Ферах занимался изготовлением идолов, которыми торговал на базаре. Однажды он поручил продажу своего товара Аврааму. Подходит на базаре человек к Аврааму и спрашивает:

— Не найдется ли для меня подходящего бога?

— А тебе какого надо? — спрашивает Авраам.

— Видишь ли, — отвечает тот, — я богатырь и хотел бы приобрести себе бога-богатыря.

Авраам снял истукан, помещавшийся выше остальных, и говорит:

— Вот этот самый для тебя подходящий.

— Но разве он богатырь?

— Глупец! — отвечает Авраам. — Уж таков искони порядок среди идолов: который поставлен *выше* остальных, тот богатырем и слывет.

Когда этот человек собирался уходить со своей покупкой, Авраам остановил его вопросом:

— Скажи, сколько тебе лет?

— Семьдесят.

— И тебе, прожившему на свете семьдесят лет, не стыдно воздавать божеские почести идолу, сделанному день назад.

Покупатель с презрением бросает идол, берет обратно деньги и уходит.

Подошла женщина и передала Аврааму, в дар идолам, полную миску тонкопросеянной муки. Взял Авраам палку, разбил всех идолов, кроме одного, самого крупного, которому и вложил в руки палку. Приходит отец и спрашивает:

— Как это произошло? Кто это сделал?

— Расскажу, — отвечает Авраам, — ничего от тебя не скрывая. Дело было так: принесла женщина миску с мукою и просит принести в жертву идолам. Стал я совершать, как следует, жертвоприношение, а идолы и завели спор между собою, — один кричит: "я хочу поесть раньше", а другой: "нет, я раньше!" Но тут встал самый крупный идол и — видишь — разбил все.

— Но ты издеваешься надо мною, — закричал отец, — разве способны эти...

— Да? Так вдумайся же сам, отец, в слова свои...

Повел Ферах сына на суд к Нимроду.

— Это ты и есть Авраам, сын Фераха? — проговорил знаменитый зверолов, вперив в юношу грозный взор, — отвечай же мне: разве неизвестно тебе, что я господин над всем творением, и солнце, и луна, и звезды, и планеты, и люди — все движется волей моей. Как же ты дерзнул священные изображения уничтожить?

В эту минуту озарил Господь ум Авраама мудростью, и так отвечал он Нимроду:

— Позволь мне слово сказать не в укор, но в хвалу тебе.

— Говори, — сказал Нимрод.

— Исконный порядок в природе таков: солнце всходит на востоке, а заходит на западе. Так вот, прикажи, чтобы завтра оно взошло на западе, а зашло на востоке, и тогда я признаю, что ты подлинно господин над всем творением. И еще вот что: для тебя не должно быть ничего сокровенного. Скажи мне сейчас: что у меня в мыслях и что я сделать намерен?

Нимрод задумался, важно поглаживая рукою свою бороду.

— Нет, — продолжал Авраам, — напрасно ты ищешь ответ. Не владыка вселенной ты, а сын Хуша. И если бы ты действительно был Богом, то отчего ты не спас отца своего от смерти? И так же, как ты отца своего не спас от смерти, ты и сам не спасешься от нее.

Тут Нимрод обратился к Фераху, говоря:

— Не заслуживает ли жестокой кары сын твой, отрицающий божественное всемогущество мое? Он должен быть сожжен!

И, обращаясь к Аврааму, продолжал:

— Поклонись огню как божеству, и я пощажу тебя.

— Огню? — ответил Авраам. — Не правильнее ли поклоняться воде, которая тушит огонь?

— Хорошо, поклонись воде.

— Не поклониться ли лучше облаку, насыщенному водою?

— Я и на это согласен, — поклонись облаку.

— Но разве не сильнее ветер, разгоняющий облако?

— Поклонись же, наконец, ветру!

— Но разве человек не преодолевает и силу ветра?

— Довольно! — воскликнул Нимрод. — Я поклоняюсь огню и тебя заставлю ему поклоняться.

— Бросить его в огонь! — приказал он слугам. — И увидим, спасет ли его тот Бог, которому он поклоняется.

Повели Авраама к калильной печи, связали его, распростерли на каменном помосте, обложили дровами с четырех сторон, с каждой стороны на пять локтей в ширину и на пять локтей в вышину, и подожгли. Видя это, соседи Фераха и прочие сограждане его стали наступать на него с угрозами, говоря:

— Стыд и позор тебе! Не сам ли ты говорил, что сыну твоему суждено унаследовать и земной мир, и загробную жизнь, и ты же предал его Нимроду на казнь!

Но сам Всевышний сошел с неба и спас Авраама от смерти.

(Т. д. Ел.; Бер.-Р., 38)

В ту минуту, когда Авраам был брошен в печь, воззвал архангел Гавриил к Господу:

— Владыка миров! Позволь мне сойти, остудить печь и спасти праведника.

— Нет, — ответил Господь, — Я Един в вышних, а он един на земле. Единому и подобает спасти единого. Но и тебя, Гавриил, ждет подвиг: ты в свое время спасешь троих из потомков его[1] *(Пес., 118)*.

И зазвучал Аврааму голос нагорный:

Я был с тобой, когда, во славу Божью,
Бесстрашно в лютый пламень ты сошел
И на земле к святыне веры чистой
Народам путь свободный указал.
Тебя избрал и возлюбил Я прежде,
Чем первую денницу Я зажег, —
И благодатна жизнь твоя для мира,
Как благодатны росы для полей.

(Бер.-Р., 39)

Авраам, оставаясь в Харране, подобен был сосуду, наполненному благовонным елеем, но закупоренному и лежащему без употребления, почему аромата его и не слышно. Откройте сосуд, дайте ему движение с места на место, — и тогда только обнаружится сила его благоухания. И Господь сказал:

— Авраам, много добрых дел, много подвигов веры и благочестия ты можешь совершить. Встань же, пойди из земли твоей, от родни твоей, из дома отца твоего, — и имя твое возвеличится в мире Моем.

(Бер.-Р., 39; Ш.-Гаш. Р., 1)

---

[1] Хананию, Мисаила и Азарию.

"И я произведу от тебя великий народ".

И отчеканена была монета с изображением: на одной стороне — старика и старухи, а на другой — юноши и девушки (символ непрерывного возрождения и обновления жизни) *(Бер.-Р., 39)*.

"И взял Авраам с собою Сарру, жену свою" — "и всех людей, которые были приобретены им в Харране".

Дом Авраама служил гостеприимным приютом для всякого, и люди находили там не только радушный прием, но также и наставление в истинной вере. А приведение хотя одной души "под сень крыльев Шехины" (духа Божия) равносильно созданию ее и утверждению в жизни вечной *(Ш. Гаш. Р.)*.

Приближаясь вместе с Саррою к границам Египта и зная дурные нравы потомков Мицраима, Авраам спрятал Сарру в сундук. У заставы стали его допрашивать, что он везет в этом сундуке.

— Ячмень, — сказал Авраам.

— Не пшеницу ли? — спросили надсмотрщики.

— Возьмите пошлины как за пшеницу.

— Может быть — перец?

— Возьмите как за перец.

— А не находится ли в этом сундуке золото?

— Я готов заплатить как за золото.

— А вдруг там окажутся шелковые ткани?

— Считайте как за шелковые ткани.

— Но в сундуке может быть и жемчуг?

— Пусть по-вашему — заплачу как за жемчуг.

— Нет, — заявили они, — тут что-то неладное. В этом сундуке, должно быть, находится нечто необыкновенно ценное, и ты шагу не сделаешь прежде, чем сундук не будет открыт.

Пришлось подчиниться. И когда Сарра вышла из сундука, от красоты ее разлилось сияние по всему Египту *(Б.-Р., 40; Танх.)*.

Желая, со свойственным ему радушием, достойно принять трех странников (ангелов), посетивших его у дуба Мамврийского, Авраам поспешил в шатер к Сарре заказать лепешки, масла и молока, а затем побежал к стаду "выбрать теленка нежного и хорошего". Но теленок побежал в сторону от шатра и скрылся в пещере Махпела. Проникнув в эту пещеру, Авраам невольно остановился, пораженный чудным видением: озаренные пламенем светильников, в гробнице покоились Адам и Ева, и благоухание исходило от останков первородной четы. Эту пещеру Авраам и избрал местом вечного успокоения для себя и для Сарры *(П. д. Ел.)*.

II. ГРЕХИ СОДОМА

Молясь о прощении грехов Содому и Гоморре, Авраам взывал к Всевышнему, говоря:

— Судья всей земли поступит ли неправосудно? Господи! Если Ты желаешь, чтобы мир устоял, отмени суд Свой, а исполнится суд Твой — миру не быть. Ты затягиваешь петлю с обоих концов; ослабь сколько-нибудь один ее конец — прости людям хотя часть их грехов, ибо иначе — миру не устоять *(Бер.-Р., 49)*.

Содом находился в цветущем состоянии, и это сделалось причиною гордыни и порочности жителей его.

— Мы, — говорили они, — живем в покое и изобилии, — хлеб идет из Содома, отсюда же вывозится серебро, золото, драгоценные камни и жемчуг. Для чего нам пускать сюда странников, от которых один только убыток? Воспретим же посторонним вступать в пределы нашего города.

Четверо судей было в Содоме: Шакрой, Шакрурай, Зайфой и Мацли-дин[1]. Этими судьями были установлены такие правила:

Кто имеет вола, обязан пасти общественное стадо один день, а кто никакого скота не имеет — два дня.

Был там некий бедняк, сын вдовы; заставили его пасти стадо. Встал этот пастух и убил весь скот, а жителям заявил так: "Тот, у кого была скотина, получает кожу одного животного, а тот, кто скотины не имел, получает две кожи. Это будет вполне последовательно по вашим законам".

Далее:

Если кто отрежет ухо у чужого осла, животное поступает в полное его распоряжение до тех пор, пока не отрастет отрезанное ухо.

Если кто нанесет другому увечье, пострадавший вносит ему плату как за кровопускание.

Кто пройдет через мост, уплачивает четыре зуза[2], а кто переберется вброд — восемь зуз.

Попал туда однажды человек, по ремеслу шерстобит. Потребовали с него четыре зуза мостовой платы.

— Но ведь я мост не переходил, — возражал он, — а перешел вброд.

— Тогда уплати восемь зуз.

Тот не согласился. Избили его. Пошел он с жалобой в суд; а там его присудили к уплате восьми зуз за переправу через брод, и отдельно за то, что ему кровь отворили.

---

[1] Ш а к р о й и Ш а к р у р а й — от слова "шекер", т.е. ложь; З а й ф о й — от "зайфон": подделыватель; М а ц л и-д и н — извращающий правосудие.

[2] Серебряная монета.

Был случай с Елезаром, слугою Авраама. Его избили, а когда он пришел жаловаться, судья постановил взыскать с него за кровопускание. Поднял Елезар камень и, изувечив судью, заявил:

— Следуемое мне от тебя заплати моему истцу, а мои деньги при мне останутся.

Завернул в Содом на ночлег некий странник. На осле его навьючен был, перевязанный шнуром, дорогой, разноцветного узора ковер. Странника встретил один содомлянин и любезно пригласил его на ночлег. В продолжение двух дней не отпускал его гостеприимный хозяин. Когда же странник собрался наконец в дорогу и спросил у хозяина ковер со шнуром, тот прикинулся непонимающим, о чем ему говорят:

— Ковер? Какой ковер?.. Ага, понимаю: тебе приснился ковер... Разноцветный, говоришь ты? И еще шнур приснился тебе? Это, милый человек, сон хороший, к добру тебе: шнур, который ты видел во сне, предвещает тебе долгую жизнь, а ковер разноцветный означает, что ты приобретешь прекрасный сад со всевозможными плодовыми деревьями. Вот, друг мой, что означает сон твой.

— Какой там сон! — запротестовал странник. — Не во сне, а наяву я сдал тебе на хранение ковер со шнуром и требую, чтоб ты мне их возвратил.

Отправились к судье. А судья, выслушав обоих, заявил страннику:

— Сей почтенный гражданин, оказавший тебе столь радушный прием, издавна известен у нас как превосходный толкователь снов, и за то, что он так хорошо истолковал твой сон о ковре и шнуре, ты должен уплатить ему четыре серебреника, — это по таксе, и сверх того за все, что съедено и выпито тобою в эти два дня.

Стояла у них кровать, на которой укладывали спать странников. Если человек оказывался ростом длиннее кровати, ему обрубали ноги; если короче — у него вытягивали члены[1)].

Если попадал туда нищий, хлеба ему не подавали, а каждый давал по монете, на которой надписывал свое имя, и бедняк в конце концов умирал голодной смертью. Тогда каждый брал свою монету обратно.

Была там одна девушка, которая принесла тайком, спрятанным в кувшине, кусок хлеба для нищего. Прошло три дня, а нищий был еще жив. Узнав о поступке девушки, содомляне вымазали тело ее медом и, поставив девушку на верху городской стены, выпустили на нее рой пчел. Девушка в страшных мучениях скончалась.

[1)] Вариант предания о древнем легендарном разбойнике в Аттике, Прокрусте, которому приписывается изобретение т. н. “прокрустова ложа”.

Был еще такой случай.

Встретились у колодца две девушки. Одна из них имела вид крайне изможденный и с трудом держалась на ногах. На вопрос подруги — что с нею, она рассказала, что в доме у них все припасы истощились, и семью ждет голодная смерть. Другая, желая помочь несчастным, сходила домой и, наполнив свой кувшин мукою, тайком поменялась с подругою кувшинами. Но это открылось — и "преступницу" предали сожжению.

И Господь сказал:

— "Теперь, если бы Я и хотел промолчать, голос этой мученицы властно требует от меня ответа".

(Санг., 108-109; Сеф. Гаиаш,; Бер.-Р., 49)

Жена Лота стала соляным столбом.

Кара эта постигла ее за то, что в ту ночь, когда к ним в дом пришли три странника-ангелы, она пошла по соседям, говоря: "Одолжите соли, — у нас гости". А целью ее было накликать на странников содомлян. Господь и обратил ее в соляной столб. Ежедневно к тому месту приходили козы и слизывали столб до основания; на завтра же столб появлялся снова *(Бер.-Р., 49; Сеф. Гаиаш.)*.

III. ПОТОМСТВО АВРААМА

Раби Леви, со слов р. Иоханана, рассказывал притчу:

Одному страннику лежал путь через пустынную местность. На всем пути в продолжение десяти дней не встретил он ни поселения, ни корчмы, ни даже воды и какой ни на есть растительности. Наконец, показалось вдали дерево. А под деревом оказался источник. Поел странник плодов от дерева, утолил свою жажду, отдохнул в тени и, собравшись в дальнейший путь, обратился к дереву с такими словами:

— Милое дерево! Как тебя благодарить и чего пожелать тебе? Чтоб рост твой был хорош? Но ты и так стройно и прекрасно; чтоб ветви твои были густолиственны? Но листва твоя и теперь уже густа и обильна. Чтоб плоды твои были сочны и сладки? Но они и теперь сочны и сладки. Чтобы ты не терпело недостатка во влаге? Но источник прекрасной воды бьет у корней твоих, и место, где ты растешь, прекрасно. Остается пожелать тебе одного: чтобы все побеги, которые пойдут от тебя, были во всем тебе подобны.

Так, после двадцати поколений, представлявших собою пустыню, появляется Авраам, самоотверженный служитель Господа, гостеприимный хозяин, наставник истинной веры, возвеличивающий в мире имя Бога живого и вечного. И вот, остановив на нем взор Свой, Господь говорит:

— Авраам! Что Мне сказать тебе и чем тебя благословить? Ты и

теперь уже образец праведности и совершенства, и жена твоя, Сарра, исполнена благочестия и добродетели, и все домочадцы твои — люди праведные. Одного пожелаю тебе: чтобы все потомки твои были тебе подобны *(Бам.-Р. 11).*

“На смех поступил со мною Бог. Кто услышит обо мне, рассмеется, — говорила девяностолетняя Сарра, — кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить *детей* грудью?”

Сколько же детей кормила грудью Сарра?

Рождение Исаака вызывало у всех естественное недоумение, и клевета стала переходить из уст в уста. “Полюбуйтесь, — говорили кругом, — старик и старуха подобрали где-то подкидыша и выдают его за собственного ребенка! И мало того, еще пиршество устраивают по этому случаю. Однако кого же они этим убедят?”

Слыша эти пересуды, Авраам пригласил на пир почтеннейших соседей с их женами, а последних Сарра попросила принести с собою грудных детей своих, но без их кормилиц. Когда приглашенные явились, Бог сотворил чудо: превратил сосцы Сарры в неистощимый источник молока, и она поочередно накормила грудью всех принесенных детей.

Не видя возможности после этого отрицать подлинность материнства Сарры, — клеветники попытались было опорочить супружескую верность ее, указывая на слишком преклонный возраст Авраама. Но сходство лица Исаака с лицом Авраама сделалось настолько полным и очевидным, что все поневоле стали говорить: “Да, Исаак — сын Авраама”.

(Б. М., 87)

Авраам встал рано утром, взял хлеба и мех воды и дал Агари и отпустил ее с отроком ее, Измаилом, в пустыню Вирсавии.

Чадру Агари Авраам прикрепил у нее к поясу, дабы конец ткани, влачась за нею по песку, оставлял след, по которому он мог бы определить, в которую сторону она направилась.

Измаил поселился в пустыне Фаран; и мать его взяла ему жену из степей Моавитских, по имени Исса.

По прошествии трех лет пошел Авраам в пустыню Фаран повидать Измаила; а Сарре поклялся он, что не сойдет с верблюда в том месте, где живет Измаил.

Прибыл Авраам к шатру Измаила в полдень и, застав только жену его, спросил:

— Где находится Измаил?

— Он ушел вместе с матерью, — ответила Исса, — за финиками и другими плодами в оазис.

— Я очень устал от пути в пустыне, — сказал Авраам, — дай мне немного воды и хлеба.

— Нет у нас, — ответила она, — ни воды, ни хлеба.

Отъезжая от шатра, Авраам сказал:

— Когда возвратится муж твой, Измаил, скажи ему: приезжал некий старец из Ханаана, чтобы повидать тебя, и велел тебе сказать: не хорош порог в жилище твоем.

Когда возвратился Измаил, жена рассказала о приезде Авраама, повторив последние слова его.

Измаил отослал Иссу обратно в дом ее родителей, а мать взяла ему другую жену, из рода отца своего, и звали ее Фетума.

Прошло еще три года, и снова отправился Авраам повидать сына своего Измаила и, как и в первый раз, поклялся Сарре не сходить в том месте со своего верблюда. Прибыл он и на сей раз в полдень и, застав у шатра жену Измаила, спросил:

— Где находится Измаил?

— Погнал, — ответила она, — вместе с матерью верблюдов на пастбище.

— Я очень устал, — сказал Авраам, — от пути в пустыне. Дай мне немного воды и хлеба.

Вынесла Фетума воды и хлеба и дала ему.

Встал Авраам и вознес молитву к Господу, — и дом Измаилов наполнился всякого добра в изобилии.

Когда возвратился Измаил, жена его рассказала ему о происшедшем. И понял тогда Измаил, что отныне милость отца его почила на нем *(П. д. Ел., 30).*

IV. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ИСААКА

Когда Исаак был отнят от груди, Авраам устроил большой пир. Сатана же говорил перед Господом:

— Владыка! Вот каков этот праведник Твой: пирует с гостями, а принес ли в жертву Тебе хотя одного вола, хотя одну горлицу, одного птенчика?

— Авраам, — ответил Господь, — находит высшую радость в сыне, но вот увидишь, я велю ему принести сына в жертву, и он тотчас исполнит Мою волю.

В последний раз перед вечной разлукой с сыном Авраам отпраздновал рождение его семейным пиром, а Сарре сказал так:

— Я познал Истинного Бога, когда мне было три года, сын же наш подрос и до сих пор не получил еще наставления в истинной вере. Я знаю одно место, где детям дается хорошее воспитание, и желаю отвести туда нашего сына.

— Отправляйся с миром, — ответила Сарра.

Снаряжая сына в дорогу, Сарра надела на него лучшую одежду его, а голову повязала дорогой шалью с застежкой из драгоценных

камней, и провизии дала вдоволь для него и для Авраама. На прощание обнимая Исаака и не в силах удержать душившие ее слезы, Сарра говорила Аврааму:

— Умоляю тебя, господин мой, не спускай глаз с сына нашего в пути, береги его, давай ему поесть и попить вовремя, не утомляй его ходьбой по жаре, — ты знаешь, нет у меня ни сына, ни дочери кроме него, единственный он у меня.

Долго и горько плакала Сарра, провожая сына с мужем. Плакали и все бывшие при этом люди, слуги и служанки Авраама и Сарры.

Не мало слуг было у Авраама, но он сам оседлал себе осла: так сильна была и в этот час величайшего испытания любовь его к Богу.

Предстал сатана Аврааму в образе старца и спрашивает:

— Куда это идешь ты, Авраам?

— На богомолье, — отвечает Авраам.

— А для чего ты огонь, нож и дрова взял с собою?

— Чтоб можно было, на случай, если задержимся в пути день-другой, горячую пищу приготовлять себе.

— Старик, — сказал сатана, — не сам ли слышал я, как Бог сказал тебе: "Возьми сына своего"? И у тебя, старика, хватает жестокости повести сына на заклание?

— Такова воля Божия, — отвечал Авраам.

Предстал сатана Исааку в образе юноши и спрашивает:

— Куда идешь ты, отрок?

— Поучиться слову Божию, — отвечал Исаак.

— Когда именно, — продолжает сатана, — при жизни или же после смерти?.. О, несчастное дитя несчастной матери! Сколько дней провела в посте и скорби мать твоя, вымаливая себе сына, а этот безумный старик отнял тебя у нее и ведет на заклание!

— Если бы это и было так, как ты говоришь, то и тогда я не пойду против великого моего Творца и воли отца моего.

Видя невозможность совратить их, пошел сатана и обратился в многоводную реку, заградив им дальнейший путь. Вступил Авраам в реку, а когда вода стала достигать ему до шеи, поднял он взор свой к небесам, взывая:

— Владыка мира! Ты избрал меня и открылся мне, говоря: "Един Я, и ты единственный, чрез кого мир познает имя Мое". Повелел мне закласть сына, и я немедля пошел исполнить Твое веление. А теперь, Боже, спаси меня! Ибо воды дошли до души моей. Если утонем, я или сын мой, кто же исполнит слово Твое и кем провозглашено будет Единство Твое?

— Клянусь, — сказал Господь, — что через тебя мир узнает о Едином.

Прикрикнул Господь на сатану, и в тот же миг высохла река.

3–760

Что придумал сатана? "Слышал я из-за Горней Завесы, — говорит он Аврааму,. — такие слова: "Не Исаак, но овен предназначен для жертвы всесожжения".

На это Авраам ответил:

— Такова судьба лжеца: когда он и правду скажет, ему никто не верит.

Три дня продолжался путь, дабы люди не стали говорить об Аврааме: ему не дали опомниться; обезумел человек и заколол сына.

Дальнейший путь шел по долине. Но так как место жертвоприношения Исаака должно было стать обителью Духа Святого, совершилось чудо: по мановению перста Божьего окружающие долину горы сомкнулись и образовали одну горную возвышенность, достойную служить подножием для Духа Вечного.

— Видишь ли ты, сын мой? — спросил Авраам.

— Вижу, отец, дивных очертаний гора поднялась, и облаком повита вершина ее.

— А вы, — обратился Авраам к сопровождавшим его отрокам, — видите вы что-нибудь?

— Нет, — сказали отроки, — ничего особенного не видим; все те же пустыри кругом.

— Останьтесь же тут, при осле, — сказал им Авраам.

Взял Авраам дрова для всесожжения и возложил на Исаака — подобно тому, как возлагают крест на плечи человека, ведомого на распятие, взял в руки огонь и нож, и пошли дальше.

Тут великий страх напал на Исаака. "Отец, — сказал он, — я вижу огонь и дрова; где же агнец для всесожжения?"

— Тебя, сын мой, избрал Господь на жертву Себе, — ответил Авраам.

И сказал Исаак:

— Если так угодно Богу, да исполнится воля Его. Об одном только скорбит моя душа: что станется с матерью моей?

И оба они, этот отец, готовый казнить собственного сына, и этот отрок, безропотно идущий на заклание, принялись за работу: делали помост из камня, складывали костер, высекали огонь. Авраам подобен был отцу, ведущему сына к венцу, Исаак — жениху, приготовляющему себе венчальный балдахин.

— Скорее, отец! — торопил Исаак Авраама. — Спеши исполнить волю Господа и, смотри, хорошенько сожги меня, а пепел мой собери и отнеси к матери, — она сохранит его как память обо мне, казненном

тобою. Ах, отец, отец! Что вы станете делать на старости, осиротелые и одинокие?

— Сын мой, — отвечал Авраам, — нам жить осталось недолго, и Тот, Кто доныне был утешением нашим, нас и впредь не оставит.

— Отец, — говорил Исаак, — ты знаешь, душа строптива; трудно ей расстаться с телом. Боюсь, как бы, увидев нож, занесенный надо мною, я как-нибудь не пошевельнулся бы, и жертва сделается несовершенной и неприемлемой. Так смотри, отец, хорошенько, по рукам и ногам свяжи меня.

— И матери, — продолжал он, — не говори, если застанешь ее стоящей возле колодца или на кровле, — она, упаси Бог, упадет и разобьется насмерть.

Лежал Исаак на жертвеннике, устремив взор в глубину небес. И не в силах был Авраам оторвать глаз от сына; и плакали эти старые глаза слезами беспредельного горя и отчаяния. Вот он взял в руку нож... Не дрогнет его рука, пока четвертая часть крови не выйдет из тела сына. Но сатана оттолкнул руку Авраама, и нож, падая, со звоном ударился о камни жертвенника. Нагнулся Авраам за ножом, но в это мгновение потрясающий вопль вырвался из груди его, глаза, полные невыразимой скорби, поднялись к небесам, и голос его зазвучал:

"Подъемлю к горам очи мои —
Откуда придет помощь моя?"

В это мгновение небеса расступились над Исааком, и видел он: в ослепительном блеске катится Колесница Небесная; тесными рядами сонмы ангелов сомкнулись, и звучат их голоса: "Глядите, единственный единственного на заклание привел!"

В это мгновение раздался небесный голос:" Не поднимай руки твоей на отрока".

— Кто ты, говорящий ко мне? — спросил Авраам.

— Я — ангел Господен, — был ответ.

— Нет, — сказал Авраам, — я не могу послушаться слов твоих. Господь *Сам* повелел мне принести в жертву сына моего, и от Него я желаю услышать об отмене Его веления.

Разорвались облака, распахнулась лазурь.

— Клянусь! — раздался голос Господен.

— Ты поклялся, Господи, — вновь заговорил Авраам, — но и я поклялся, что не сойду с этого жертвенника прежде, нежели не выскажу всего, чего желаю я.

— Говори, — сказал Господь.

И говорил Авраам:

— Не обещал ли Ты, Господи, говоря: "Сосчитай звезды, — также неисчислимо будет потомство твое?"

— Да, обещал, — ответил Господь.

— От кого же пойдет потомство мое?

— От Исаака.

— Не говорил ли Ты далее: "И сделаю потомство твое, как песок земной?"

— Да, Я говорил это.

— От кого?

— От Исаака.

— И вот, Господи, я мог бы сказать Тебе: "Вчера Ты обещал мне потомство от Исаака, а ныне велишь повести его на заклание", но я преодолел ропот сердца моего и не стал заклинать Тебя, так поступи и Ты, Господи: когда согрешат потомки Исаака и навлекут на себя несчастие, вспомни тогда жертвоприношение Исаака, и да зачтется это перед Тобою, как если бы от него один ворох пепла остался на жертвеннике; вспомни об этом и прости потомкам его и избавь их от бедствия.

Отвечал Господь:

— Я выслушал слова твои; теперь слушай, что Я скажу: предопределено потомкам Исаака грешить предо Мною; и раз в году, в день Новолетия, совершаться будет суд Мой над ними. А дабы Я смягчал вину их, вспомнив о жертве Исаака, пусть они трубят в рог этот ———

— О каком роге говоришь Ты, Господи?

— Оборотись назад.

И взглянул Авраам, и видит: овен запутался в чаще рогами своими.

Весь день после этого перед Авраамом мелькал овен: зацепит рогами за ветви дерева и едва успеет высвободиться, как тут же запутается в кустарнике.

— Авраам! — сказал Господь. — Так и потомкам твоим суждено: запутавшись в грехах, они будут скитаться из страны в страну, из царства в царство.

— Господи! — вырвался крик из груди Авраама. — Когда же наступит конец их скитальчеству?

И был ответ:

"Придет Господь. Как молния из тучи,
Сверкнет стрела Его; Он возгремит трубой,
И в бурях юга шествовать он будет.
Сынов твоих Бог Воинств защитит;
И будут ликовать они, как от сикеры,
И камни пращные ногами попирать:
И радостью и мощью их сердца
Наполнятся, как жертвенная чаша
И как алтарь по всем его углам.
Подобно пастырю, Господь спасет народ Свой,
И он в стране Господней воссияет,
Как адаманты в царственном венце..."

(Танх.; Санг., 9., Сеф. Гаиаш.; Еруш., Таан)

V. ЦЕЛЕБНЫЙ КАМЕНЬ

По преданию от р. Симеона бен Иохай, Авраам носил на шее некий драгоценный камень, при взгляде на который люди излечивались от всякой немощи. После кончины Авраама Всевышний вправил этот чудесный камень в солнечный диск.

Абайя, по поводу этого предания, вспоминал древнюю поговорку: "встанет солнце — встанет и больной"[1].

И недаром, как говорил рав Ханан бар Аба со слов Рава, люди, узнав о смерти Авраама, восклицали:

— Горе миру, лишившемуся своего руководителя! Горе кораблю, потерявшему кормчего своего!" *(Б.-Б., 17 и 91).*

VI. ИАКОВ И ИСАВ

Два побега вышли рядом из земли, один — мирта, другой — терновника. Вначале они мало чем отличались один от другого, а когда выросли и расцвели, один покрылся душистой листвой, а другой колючками.

Так росли рядом Иаков с Исавом, в ранней юности ничем не отличаясь друг от друга. Но они подросли и разошлись в разные стороны: Иаков посвятил себя служению Истинному Богу, а Исав — идолам. *(Бер.-Р., 63)*

VII. СЛЕПОТА ИСААКА

Раби Елизар бен Азария говорил:

— Видя Исаака, лежащим на жертвеннике, плакали ангелы, и слезы ангельские падали на глаза Исаака, оставляя следы на зеницах его. От этого к старости и потускнели глаза Исаака *(Мид. Абк.).*

VIII. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ИСААКА

Домашние скрывали от Исаака идолопоклонство Исава, а сам он, вследствие слепоты, не мог видеть этого.

Был канун пасхальной ночи [2]. И сказал Исаак Исаву:

— Знаешь, сын мой, эту ночь весь мир встречает хвалебным гимном. В эту ночь родники росы открываются. Приготовь мне мое любимое кушанье, и, пока я жив, я благословлю тебя.

---

[1] Применительно к свойствам солнечной теплоты, целебная сила которой, по-видимому, признавалась и в древние времена.

[2] Т.е. той ночи, в которую впоследствии израильтяне стали праздновать исход из Египта. Более вероятный смысл: канун первой весенней ночи, начало возрождения природы, которое, в той или иной форме, праздновалось повсюду, а особенно пастушескими племенами библейской древности.

И не расслышал он голоса Духа Святого: “Не вкушай пищи у человека завистливого и не прельщайся лакомыми яствами его”.

Отправился Исав на ловлю и замешкался там. Ибо послал Господь сатану задержать его там подольше. А сделал это сатана так: поймает Исав оленя, свяжет ему ноги и оставит лежать, погонится за другим оленем, и также свяжет его, и побежит дальше; а сатана идет по следам его, развязывает оленей и пускает на волю. Возвращаясь и не находя своей дичи, Исав сызнова принимался за ловлю. А в это время Ревекка говорила Иакову:

— В эту ночь, сын мой, источники рос открываются. В эту ночь небесные духи поют славу, и это время самое благоприятное, чтоб получить благословение от отца.

Вошел Иаков к отцу, и показалось слепому Исааку, что воздух вокруг него наполнился благоуханием рая.

— Вот, — сказал Исаак, — благоухание от сына моего, как запах от поля, благословенного Господом.

А когда, по уходе Иакова, вошел Исав, “вострепетал Исаак великим трепетом”, потому что в это мгновение ему привиделись отверзнутые бездны ада и Исав, подкладывающий дрова в печи адские.

(Пир. д. Ел.; Танх.)

IX. ИАКОВ

“Иаков вышел из Вирсавии и пошел в Харан. — И остановился ночевать, потому что зашло солнце”.

К одному царю приходил изредка его преданный друг. И царь говорил слугам: “Потушите светильники, потушите лампады; наедине я желаю беседовать с моим другом”.

И Господь повелел заблаговременно погасить[1] солнечный диск, дабы втайне и задушевно говорить с Иаковым.

“И взял Иаков из камней того места” — и сделал ограду для защиты от зверей.

Заспорили камни между собою, которому из них послужить изголовьем. Этот говорит: “я хочу, чтоб на мне покоилась голова праведника”, другой говорит:" на мне!" Чудесным образом все камни слились в одну сплошную плиту.

“Увидел Иаков во сне: лестница стоит на земле, а верх ее касается неба, и ангелы восходят и сходят по ней”.

Это были духи-покровители четырех царств “пленения и изгнания” Израиля.

---

[1] В подлиннике игра слов: “ki-wo haschemesch” — ибо зашло солнце, “kiwo haschemesch” — погасил солнце.

"И вот Господь стоит над ним".

При появлении Всевышнего, упорхнули духи, навевавшие на Иакова мрачные видения грядущих веков. И стоял Господь и, как добрая няня, опахивал лицо спящего.

Рав Исаак говорил:

— Всю землю Ханаанскую Господь свернул, как сворачивают свиток папируса, и, положив ее под изголовье Иакова, сказал:

— Землю, на которой ты лежишь, я отдам тебе и потомкам твоим.

(Бер.-Р., 69; Хул., 91)

X. ГРОБНИЦА РАХИЛИ

Гробница эта находится по дороге в Вифлеем. Провидел Иаков, что по этому пути будут проходить, отправляясь в изгнание, потомки его, и похоронил он там Рахиль, дабы она молила Господа о милосердии к изгнанникам. Об этом и гласит стих пророка: "Вот, голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание, — Рахиль плачет о детях своих".

(Танх.)

XI. ИОСИФ В ЕГИПТЕ

"И увидел господин его, что Господь с ним, и что всему, что он делает, Господь в руках его дает успех".

Как виночерпий, Иосиф обладал чудесным свойством. Бывало, он нальет вина Потифару."Это какое вино?" — спросит Потифар.

— Пряное, — отвечает Иосиф.

— А я хочу полынного.

И сладкое вино мгновенно превращается в полынное.

Потребует Потифар согретого вина — вино тотчас же становится теплым.

То же самое с водою и проч.

Потифар и поставил его главным правителем в доме и все, что имел, отдал на руки его *(Танх.; Бер.-Р., 87).*

Иосифу в то время было семнадцать лет, он был в полном расцвете красоты. Дня не проходило, чтобы Зелика, жена Потифара, не говорила ему о своей страсти. По три раза на день она меняла свои одежды, стараясь обольстить его.

— О, как прекрасен ты! — говорила Зелика. — Как дивно прекрасны глаза твои! Как упоительно сладок голос твой! Возьми арфу мою и спой мне песню под звуки струн ее... А кудри, кудри твои! Возьми себе этот золотой гребень, Иосиф, возьми и расчеши им кудри свои!.. О, как прекрасен ты, возлюбленный мой!..

— Иосиф! — говорила она, переходя от мольбы к угрозам. — Горе тебе, если ты не ответишь на любовь мою: кандалами железными отягощу тебя, жизни твоей не пожалею!..

— Что с тобою, Зелика? — спрашивали египтянки, подруги ее. — Чего еще не достает тебе, жене вельможи знатного, любимца фараонова?

— Чего мне не достает? — отвечала Зелика. — Сейчас вы узнаете это.

В то время, когда эти египтянки занялись предложенными им плодами, очищая их острыми ножиками, в комнату, по зову Зелики, вошел Иосиф. Впились они глазами в лицо его и порезали себе до крови пальцы. Застывшие в очаровании, глядели они на лицо его, не видя и не чувствуя, как капала кровь из порезанных пальцев на плоды, на стол, на туники их...

— Вот, — сказала Зелика, — при одном взгляде на него вы так очарованы, поражены красотою его. Что же должна испытывать я, постоянно видя его, под одной кровлей находясь с ним?..

С каждым днем росла и крепла страсть ее. Но не уступал Иосиф ни мольбам, ни угрозам ее.

Наступил день разлития Нила. С великою радостью, с музыкой и плясками, сопровождаемый несметными толпами, пошел фараон с волхвами и вельможами своими к берегам священной реки их. Пошел туда и Потифар со всеми своими людьми, и остались в доме его только Зелика и Иосиф.

Тончайшими благовониями умащенная, облаченная в роскошнейшие одежды свои, вся осыпанная драгоценными каменьями — притаилась Зелика в одном из покоев, мимо которых должен был пройти сейчас Иосиф. Опьяняющим ароматом корицы и ладана, мирры и алоэ был насыщен воздух кругом... Послышались шаги. Вдали показался Иосиф... Вот он остановился... По тишине, стоявшей кругом, по необычному обилию и изысканности ароматов от курильниц он понял, кто стережет приближение его... Быстрым движением повернулся он назад... Но Зелика одним прыжком очутилась возле него, судорожно ухватилась за одежды его... Молнией сверкнуло лезвие кинжала в руке ее... "Ты пойдешь ко мне!" — подобно шипению раздался грозный шепот над ухом его... Одно мгновение — один порыв — фигура Иосифа исчезла вдали, а в руке у Зелики остался разорванный плащ его...

(Танх.; Сеф. Гаиаш.)

Призвал фараон всех волхвов и мудрецов Египта и рассказал им сон свой; но не было никого, кто бы истолковал его фараону.

— "Семь тучных коров", — говорили эти мудрые снотолкователи, — означает, что у тебя родится семь дочерей. "Семь тощих коров" — семь дочерей ты похоронишь. "Семь тучных колосьев" — семь царств завоюешь. "Семь тощих колосьев" — семь областей отложатся от короны египетской.

И вот, после того как волхвы Египта и мудрецы его истощили все свое искусство, нисколько не облегчив угнетенной души фараона, тогда был призван Иосиф; и повелитель Египта сразу увидел все ничтожество прежних снотолкователей *(Бер.-Р., 89)*.

В одеждах виссонных, с царским перстнем на руке, с золотою цепью на шее, верхом на могучем коне, из коней фараоновых — повезли Иосифа по улицам столицы египетской. Пять тысяч воинов, сверкая обнаженными мечами, шли хороводом впереди него; звуки тысячи цитр и тысячи бубен, предшествовавших им, сливались со звуками тысячи арф, заключавших это великолепное шествие. Отряды почетного конвоя фараона, все в присвоенных званию их кожаных, покрытых золотом, поясах, шли по правую и левую руку его. Кровли домов покрыты были толпами женщин и девушек, высыпавших из домов, чтобы полюбоваться красотою Иосифа. По всему пути стояли курильницы с душистыми кореньями и травами, и громко раздавались голоса двадцати глашатаев: "Преклоняйтесь перед Цафнаф Панеахом! Фараоном поставлен он над всею землею египетской".

Полный глубокого благоговения — поднял Иосиф взоры свои к небу и воззвал к Предвечному:

"Из праха Ты подъял меня,
Из бренья нищего возвысил.
Господь! Блажен, кто на Тебя
Свои возложит упованья".

(Сеф. Гаиаш.)

Раби Хийя бар Аба говорил со слов р. Иоханана:

— Слыша сказанное фараоном Иосифу: "Властью фараона говорю тебе: Без тебя никто не посмеет шагу ступить во всей земле Египетской", — волхвы и звездочеты говорили фараону:

— Государь! Рабу, купленному за двадцать серебреников, ты даешь власть над нами!

— В этом рабе, — отвечал фараон, — я вижу признаки царского величия.

— Но если так, — продолжали те, — потребуй от него, по крайней мере, знания, подобно тебе, всех семидесяти языков.

— Хорошо, — сказал фараон, — я спрошу его об этом.

В ту ночь Иосифу явился архангел Гавриил и научил его всем семидесяти языкам и наречиям. Наутро фараон стал испытывать Иосифа, — Иосиф свободно отвечал на любом из семидесяти языков, а в заключении сам обратился к фараону на языке, повелителю Египта совершенно незнакомом.

— На каком это языке ты говоришь? — спросил фараон.

— На еврейском, — ответил Иосиф.

— Научи меня этому языку, — стал просить фараон.

Иосиф исполнил его желание. Но не сумел научиться фараон священному языку, и взял он с Иосифа клятву, чтобы это осталось тайной между ними *(Бер.-Р., 89; Сота, 36).*

XII. БРАТЬЯ ИОСИФА В ЕГИПТЕ

Когда сыновья Иакова собрались в Египет для закупки хлеба, отец им сказал:

— Дети мои, все вы одарены от Господа и силой, и красотой. Дабы не возбуждать лишнего любопытства, не входите вместе в одни ворота и, вообще, не держитесь близко один к другому.

Предание от рав Иегуды бар Симона:

— Иосифу известно было, что братья его идут в Египет для закупки хлеба, и, дабы узнать немедленно о их прибытии, он у всех ворот поставил особых людей, которым поручено было вести ежедневные записи, по имени и отчеству, всем приезжим, а вечером списки представлять Иосифу. Убедившись таким образом, что братья его все налицо, хотя они и входили через разные ворота и находились в разных местах в городе, Иосиф повелел закрыть все зерновые склады и оставить открытым единственное зернохранилище. Дав заведующему список имен десяти братьев, Иосиф приказал, когда явятся эти люди, немедленно задержать их и доставить к нему.

Прошло три дня, а братья к зернохранилищу не являлись. Пошли их разыскивать и нашли поодиночке бродящими по городу из одной улицы в другую, с одного базара на другой; задержали их всех и доставили к Иосифу.

"Узнал их Иосиф, но сделал вид, будто не знает их" — как человек им чужой, иноплеменный. Взял он в руки кубок, постучал по нему пальцами и, прислушиваясь к звону металла, сказал:

— Кубок этот говорит, что вы соглядатаи.

— Мы люди честные, — ответили они.

— Если вы честные люди, почему вы входили как бы крадучись, поодиночке в разные ворота, и зачем в продолжение трех дней слонялись по базарам?

— Мы отыскивали пропажу.

— Какую такую пропажу? Мой кубок говорит мне, что двое из вас разрушили большой город.

— Назови, кто именно из нас?

Постучав по кубку, Иосиф сказал:

— Имена их: Симеон и Леви.

— Господин, — начали они, пораженные чудесной силой кубка, — нас, рабов твоих, двенадцать братьев...

— Но вас здесь только десять; где же двое остальных?

— Меньший — при отце, а одного не стало.

— Это самое я и говорил вам и утверждаю: вы соглядатаи. И вы не выйдете отсюда, пока не приведете меньшего брата вашего.

И, взяв Симеона, приказал связать его. Но, зная необыкновенную силу Симеона, Иосиф ввел семьдесят испытанных воинов, которым повелел наложить кандалы на Симеона и отвести его в темницу. Едва воины приблизились к Симеону, последний крикнул с такой силой, что все они повалились как подкошенные, и зубы выскочили у них из челюстей и рассыпались по полу.

При Иосифе в это время был сын его, Манасия.

— Возьми ты его, — сказал Иосиф.

Встал Манасия, одним ударом оглушил Симеона и, наложив на него кандалы, отвел в темницу.

— Этот удар, — говорил Симеон братьям, — не удар египтянина: такие удары наносить умеют только люди нашего рода.

Великий страх пал на братьев, и они отправились к Иакову поведать ему о происшедшем.

Нелегко было убедить отца отпустить с ними Вениамина.

— Отец, — убеждал его Иуда, — если Вениамин пойдет с нами, то, неизвестно еще, может быть, его и не заключат в темницу; без него же мы не можем явиться к фараону, и всем нам неизбежно придется умереть с голода. Наконец, я беру на себя ответственность и ручаюсь за его безопасность *(Бер.-Р., 91; Танх).*

Поникнув головой, сидел Иаков у входа в шатер свой. Бесконечной цепью испытаний проходила в памяти старца вся его долгая жизнь: бегство из родного дома к Лавану; двадцать лет полурабского служения тестю; бегство от Лавана и встреча с Исавом, которого приходилось умилостивить дарами, чтобы спастись от лютого гнева его; несчастие с Диною; смерть любимой жены, Рахили. Подросли, наконец, дети; давно пора было дать отдых старым костям, — исчезает Иосиф. Теперь — грозит голод, а Симеон в темнице, и Вениамина ждет та же участь...

— Боже Всемогущий, смилуйся над моими детьми, смилуйся над старостью моей. Положи предел испытаниям моим! *(Бер.-Р., 92).*

Радостно забилось сердце Иосифа при виде Вениамина. Как живое встало перед ним милое лицо Рахили, матери их. Позвал Иосиф братьев на пир и, желая быть во время пира поближе к любимому брату, снова обратился к помощи своего кубка.

— "Иуда, — начал он, поднося к носу бокал и в запахе его содержимого ища указаний, — Иуда, у которого царственный вид, пусть займет первое место. Рувиму сесть рядом с ним дает право его первородство". И т. д. Когда очередь дошла до Вениамина, Иосиф сказал: "Я сирота без матери, и его мать умерла, родив его. Меня разлучили с

братом, и у него не стало брата. Одна судьба у обоих нас, и нам отрадно будет склонить головы друг к другу.

Видя особое радушие Иосифа к этому отроку, Асенефа, жена Иосифа, положила и свое кушанье на блюдо Вениамина; то же самое сделали Ефреем и Манасия *(Танх.)*.

Но вот в мешке Вениамина оказался серебряный кубок Иосифа.

— Вор! — накинулись на него братья, — вор, сын воровки! — кричали они ему. — Мать твоя покрыла стыдом отца нашего[1], и ты опозорил нас, украв чашу у гостеприимного хозяина! И вот, останешься ты вечным рабом этому человеку.

Но тут выступил вперед Иуда и встал перед Иосифом.

В это время духи небесные говорили друг другу:

— Сойдем вниз и поглядим, как Вол со Львом[2] в единоборство вступает. И нет у Вола страха перед Львом.

Предание от рав Иоханана:

— Голос Иуды в это время звучал на расстоянии четырехсот парса[3]. Услыша знакомый голос, Хушам, сын Дана, поспешил из Ханаана в Египет и встал рядом с Иудой. Загремели голоса этих двух человек — и заколебалась земля во всем Египте.

Видя гнев Иуды, закипели гневом и другие братья; затопали ногами — и глубокими бороздами взрывалась земля под ними.

Но более всех других страшен был Иуда. На груди, против сердца, рос у него один волосок, который в то время, когда Иуда распалялся гневом, превращался в острую иглу и выходил наружу, проколов ткань пяти одеяний, которые носил Иуда.

Но Вол не уступал Льву.

Ударил Иосиф ногою о мраморную скамью, на которой перед тем сидел, — и скамья рассыпалась на мельчайшие осколки.

— Что это значит? — удивился Иуда. — Этот человек силен не менее каждого из нас!

Схватился Иуда за меч, но меч, точно удерживаемый невидимой рукой, не выходил из ножен.

— Сомнения нет, он и человек богоугодный, — подумал Иуда и обратился к Иосифу с такими словами:

— Господин! С самого начала ты, без всякого повода, начал взводить на нас обвинения. Множество народу из разных стран приходит в Египет для закупки зерна, и ни одного человека ты не подвергал такому допросу. А мы, пришли мы, что ли, взять дочь твою себе в жены или

---

1) Похитив идолы у Лавана.

2) "Крепость Иосифа как первородного вола" (Предсмертное благословение Моисея. Второзак., 33,17). "Молодой лев Иуда" (Благословение Иакова. Бытие, 49,9).

3) П а р с а — четыре версты.

сестру свою выдать за тебя замуж? Ты спрашивал, и мы на все твои вопросы отвечали, ничего не скрывая. Чего же ты требуешь от нас?

— Прежде всего, — сказал Иосиф, — объясни, почему именно ты выступаешь защитником этого отрока, а не кто-либо другой из братьев, старше тебя?

— Потому, — ответил Иуда, — что я поручился за его безопасность перед отцом.

— А почему ты не заступился за другого брата, когда вы продавали его измаильтянам, и не пожалел старика отца, спокойно говоря ему: "Хищным зверем растерзан Иосиф"? Тот брат твой ничем не погрешил перед тобою; этот же похитил мой кубок. Ты и скажи отцу, когда он спросит о нем: "в колодезь ведро — туда и веревка".

Громко и горестно зарыдал Иуда, говоря:

— Как мне пойти к отцу моему, когда отрока не будет со мною?

— Хорошо, — сказал Иосиф, — рассудим спокойно дело наше; чего ты требуешь от меня?

Но Иуда уже не слушал его.

— Нефтали! — крикнул он. — Иди узнай, сколько в городе кварталов. — Быстрый, как серна, Нефтали вернулся и сказал: "двенадцать".

— Братья, — крикнул Иуда, — три квартала разрушу я, да каждый из вас — по одному кварталу, чтоб ни души в живых не осталось.

— Иуда, — заговорили братья, — Египет не Сихем: разрушить Египет — все равно что разрушить весь мир.

Почувствовал Иосиф, что не выдержать ему дольше, и крикнул: "удалите от меня всех и оставьте меня одного с этими людьми".

Удалились египтяне, и снова заговорил Иуда:

— Ты поклялся жизнью фараона нечестивого, а я жизнью праведного отца моего клянусь: стоит мне только извлечь из ножен меч мой — и Египет наполнится трупами.

— Обнажи свой меч, — отвечал Иосиф, — и я узлом завяжу его на шее твоей!

— Огонь Сихема пылает во мне!..

— Не огонь ли Тамары, Иуда? Так я потушу его!

Гневу Иуды в это мгновение не было пределов. Слитки железа изгрызал он, превращая их в опилки.

— Все улицы я кровью обагрю! — гремел голос его.

— Красильщиками вы всегда были, — ответил Иосиф, — вы и одежду брата вашего выкрасили кровью.

Но, видя, что они готовы кинуться и опустошить Египет, Иосиф заговорил:

— Не верно то, что вы сказали, будто брат Вениамина умер. Нет, он жив: купил его я. Позову — и он придет. "Иосиф, сын Иакова! — начал он звать. — Приди ко мне! Иосиф, сын Иакова, приди к братьям твоим, которые продали тебя!"

Начали братья оглядываться во все стороны. А Иосиф говорит:

— Не ищите его кругом себя. Он перед вами: я — Иосиф, брат ваш. И очи ваши, и очи Вениамина видят, что это мои уста говорят с вами; на родном языке я с вами говорю.

Братья и глазам своим не верили: помнили они его отроком, а перед ними стоял человек, обросший бородою.

В одиннадцати колесницах, из колесниц фараоновых, возвращались братья Иосифа в Ханаан, везя с собою для Иакова особую, роскошной отделки, колесницу и целый караван, нагруженный дорогими одеждами для каждого из внуков Иакова, тканями и благовониями для жен своих, невесток Иосифа, для Дины — целую сокровищницу золототканых и серебротканых одежд. Провожая братьев, Иосиф говорил им:

— Когда придете к отцу нашему, не говорите ему обо мне сразу, но постепенно подготовьте его к этому.

Случилось так, что, при приближении их к шатрам своим, им встретилась Серах, дочь Ассира, девушка, прекрасная лицом и обладавшая в редкой степени даром игры на цитре. Поведали они ей об Иосифе и сказали:

— Ступай к отцу нашему, к Иакову, и заиграй перед ним на цитре, и песню запой, а в песне этой упомяни то, о чем мы рассказали тебе.

Сбегала Серах в шатер за цитрой, пришла к Иакову и, сев у ног его, стала перебирать струны цитры и сладким голосом своим запела:

“Он жив и славен
В стране далекой...”

Поднял патриарх поникшую голову свою и начал прислушиваться к голосу Серах.

“Он жив и славен...” —

повторила девушка, заставляя тихо и сладостно звенеть струны на цитре, и наконец громким и ликующим аккордом зазвучала песня:

“Он жив!
Он жив и славен,
В стране далекой,
Твой сын Иосиф,
Твой сын и дядя мой!..”

Потоком света и радости полилась песня Серах в душу Иакова — и дух Господен сошел на него, и понял он, что правда звучит в словах песни этой *(Бер.-Р., 92; Танх. Сеф. Гаиаш.).*

XIII. КОНЧИНА ИАКОВА

Призвал Иаков сыновей своих и сказал:

— Соберитесь, и я возвещу вам, что будет с вами в грядущие дни.

Желал Иаков открыть им грядущую судьбу мира, но дар предвидения вдруг покинул его.

— Нет ли, упаси Господь, — подумал он, — в семье моей изъяна, как в семье отца моего, в лице Исава?

— Нет, — сказали в один голос сыновья его, — слушай, отец наш Израиль! В наших сердцах, как и в твоем сердце, жив только Единый.

И Иаков благоговейно отвечал:

— Благословенно имя Его, царствующего во веки веков!

И звучит из века в век, дважды в день, утром и вечером, клич далеких потомков его:

— "Слушай, Израиль!

Слушай в гробнице Махпела, отец наш Израиль! Крепко и свято храним мы завет твой: Господь наш — Господь единый!"

(Пес., 56; Бер.-Р., 98).

И дошли они (сыновья Иакова с телом его) до гумна Атада[1].

По преданию от раби Абагу, туда пришли также сыновья Исава, и сыновья Измаила, и потомки Хеттуры. Пришли со злыми чувствами и враждебными целями, колючим кустарником окружив останки праведника. Но вот, видят они: венец Иосифа висит у гроба. И все сняли венцы свои, счетом тридцать шесть, и, точно золотой гирляндой, окружили ими гроб патриарха *(Сотта, 13).*

---

[1] "А т а д" означает собственно: изгородь из колючего кустарника.

РАБСТВО И ИСХОД

I. РАБСТВО ЕГИПЕТСКОЕ

“Как виноград в пустыне, я нашел
Израиля; как ягоду, впервые
Созревшую средь листьев молодых
Смоковницы, узрел отцов Я ваших".

(Осия, IX, 10)

ав Иудан говорил:

— Подобно тому, как со смоковницы снимается сначала по одной созревшей ягоде, потом по две, по три, и, наконец, приступают к сбору плодов целыми корзинами, так и на народном древе нашем, сначала созрело одно славное имя — Авраам, затем — Исаак, Иаков, и, наконец: “расплодились сыны Израиля и размножились, и возросли, и окрепли чрезвычайно; и наполнилась ими та земля” *(Бер.-Р., 46).*

Прошло сто тридцать лет от водворения израильтян в Гошене Египетском. И был сон фараону. Снилось ему, что сидит он на троне своем, и стоит перед ним некий старец, и у старца весы в руках. Вот опустил старец чаши весов, на одной поместил всех старейшин, вельмож и правителей египетских, на другую чашу поставил одного ягненка-сосуна. Поднял старец весы, — и вот, видит фараон: чаша с ягненком перевесила чашу со всеми старейшинами, вельможами и правителями египетскими.

Призвал фараон волхвов своих и сказал:

— Истолкуйте мне сон мой.

В то время при дворе фараона находился и Валаам, сын Веоров, бежавший в Египет с островов Хиттимских.

— Государь! — сказал Валаам. — Сон твой предвещает, что произойдет великое зло для Египта от народа израильского. В народе этом родится человек, который разорит Египет и освободит израильтян от власти твоей.

— Что же я должен сделать, — спросил фараон, — чтобы предупредить это?

— Спроси сначала других волхвов, а меня соблаговоли выслушать потом.

Отвечал один из волхвов, Регуил (Иофор) Мадиамский:

— Да живет Государь! Да живет во веки Государь наш! Мой совет: отступись от израильтян и не пытайся вступить в борьбу с ними. Бог издревле избрал народ сей из всех народов земли. Когда предок твой фараон пожелал приблизиться к жене патриарха их Авраама, Бог Израилев поразил его и весь дом его жестокими карами. То же постигло и Авимелеха, царя Герарского. Праотца их Иакова Бог спас от Исава и от Лавана, покушавшихся убить его, и от всех царей Ханаанских, которые выходили против Иакова и сыновей его. Предок же твой фараон возвеличил израильтянина Иосифа, мудростью своей спасшего Египет во время семилетнего голода, и отца Иосифа с братьями его радушно принял и поселил их в стране своей. Поэтому, совет мой: перестань угнетать израильтян, и если не желаешь оставить их жить мирно в Египте, дай им спокойно уйти в землю Ханаанскую.

Разгневался фараон на Регуила за слова его и обратился к другому волхву, Иову Егуильскому.

— Великий Государь! — ответил Иов. — Ты один властен над всеми жителями страны своей; сделай так, как угодно в очах твоих.

Заговорил тогда Валаам.

— Государь! — сказал он. — Праотец израильтян Авраам вышел невредимым из печи калильной. Другой родоначальник их, Исаак, был возложен на жертвенник для всесожжения, но жертвенный нож не коснулся его. Патриарх их, Иаков, долгие годы служил Лавану, и тяжесть трудов не умалила крепости сил его. Ни огнем, ни мечом, ни работами изнурительными не одолеть тебе народа этого. Есть одно средство, доныне еще не испытанное; средство это: стихия водная. И вот мой совет: всех детей, которые родятся отныне у израильтян, прикажи бросать в реку *(Сеф. Гаиаш.)*.

“Если будет сын, то умерщвляйте его”.

Предание от раби Ханана:

— Что тогда делали кроткие, непорочные матери еврейские? В пещерах прятали они младенцев своих. Но египтяне отыскивали их и бросали в реку.

В это время Господь говорил ангелам:

— Сойдите на землю и взгляните — потомков возлюбленных моих Авраама, Исаака и Иакова в воду бросают!

Встревоженные, отлетали ангелы от Господа и, входя по колено в воду, принимали младенцев на руки и укладывали их на утесах, а из утесов образовывались сосцы, питавшие младенцев материнским молоком.

4–760

Пояснение рав Авиры:

— Освобождением из рабства народ обязан заслугам праведниц израильских того времени. Когда женщины эти приходили за водой, Господь посылал к тому месту множество мелкой рыбы, и вода в кувшинах оказывалась пополам с рыбою. Отправляясь к мужьям, находящимся на работе, каждая приносила по два кувшина, один с вареной рыбой, другой с согретой водой, помогала мужу умыться, счищать с себя пыль, утолить голод и жажду и нежными ласками утешала его. Приближалось время родов; надо было уходить куда-нибудь подальше от зорких врагов. И они уходили в поля, в рощи, рожали — и спешили возвратиться к покинутым жилищам. И посылал Господь ангела-хранителя, который поил детей молоком, питал их елеем и медом, как родная мать, лелеял их.

Узнавали об этом египтяне, ходили искать детей, но никого не находили: земля расступалась и любовно принимала малюток в свои недра. Приходили египтяне с плугами, глубоко бороздили землю на тех местах, но детей и следа не было. А когда египтяне удалялись, малютки, точно стебли травы, вырастали из почвы. Впоследствии, уже взрослыми, они толпа за толпою приходили в свои жилища.

А в тот час, когда Господь открылся народу у Чермного моря, они же и были первыми, кто узрел величие Его, — и зазвучали хором голоса их:

— "Вот Бог мой!" *(Ш.-Гаш.-Р., 8; Т.д. Ел.; Сота, II).*

II. РОЖДЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ МОИСЕЯ

Мириам, еще до появления на свет Моисея, предвидела пророческим даром и говорила отцу:

— Моя мать родит сына, который явится спасителем нашего народа.

Родился Моисей — и весь дом наполнился сиянием.

— Пророчество твое, — сказал Амрам, целуя дочь, исполнилось.

Когда же Моисея пришлось спустить в корзине в Нил, мать накинулась с угрозами на дочь, крича:

— Где же, дочка, пророчество твое?

И Мириам пошла к реке, притаилась и стала наблюдать издали, чем кончится ее пророчество.

Когда Моисей был взят дочерью фараона, Мириам, обратившись к ней, сказала:

— Не сходить ли мне и не позвать ли к тебе кормилицу из евреянок?

Почему именно — из евреянок? Потому что ни у одной из кормилиц-египтянок младенец не брал груди. Ибо, сказал Господь:

— Устам, которым предстоит говорить Именем Моим, не подобает прикасаться к груди идолопоклонницы.

Полюбила Моисея дочь фараона, как мать — родного сына. Ни на шаг не отпускала она его из дворца, ласкала, лелеяла, красотою его

налюбоваться не могла. И кто, бывало, не взглянет на него, не в силах оторвать глаз от лица его.

Привязался к ребенку и фараон, ласкал его, забавлял, а Моисей нередко снимал с головы фараона венец и надевал себе на голову.

Не по душе была эта забава волхвам, приближенным фараона. В ночь рождения Моисея египетские звездочеты наблюдали появление на небе новой звезды и предсказывали, что родившийся в ту ночь младенец явится избавителем израильского народа. Теперь, видя Моисея забавляющимся таким образом фараоновым венцом, волхвы обратились к повелителю Египта, говоря:

— Государь! Предостерегаем тебя от опасности, угрожающей тебе в лице этого ребенка: теперь он забавы ради надевает на себя венец твой. Однако как бы он не оказался тем именно, о котором мы пророчествовали, что он в будущем отнимет вместе с короною и царскую власть у тебя.

И начали уговаривать фараона убить Моисея.

Бывший среди них мадиамский жрец Иофор сказал:

— По моему мнению, ребенок этот еще не сознает того, что делает. Мы можем это испытать: пусть поставят перед ним блюдо с золотом и раскаленными угольями. Если ребенок потянется к золоту, то это докажет, что он способен действовать сознательно, и в таком случае казните его, если же он протянет руку к угольям, тогда за что же убивать его?

Когда блюдо было принесено, Моисей протянул руку к золоту, но архангел Гавриил оттолкнул руку Моисея — и он, схватив уголек, сунул его себе в рот и обжег язык. С тех пор Моисей и сделался косноязычным *(Шем.-Р., 1).*

III. МОИСЕЙ НА РАБОТЕ ЕГИПЕТСКОЙ

"Спустя много времени, когда Моисей вырос, он вышел однажды к братьям своим и увидел тяжкие работы их".

Видел Моисей эти изнурительные работы и говорил:

— Горе мне видеть вас, несчастные! Я готов душу мою положить за вас!

Нет работы более тяжкой, чем работа над глиной. И Моисей, не разгибая спины, помогал каждому. Не дорожа высоким придворным положением своим, он приходил облегчать работу братьям своим. И сказал Господь:

— За то, что ты, пренебрегая личными заботами, ходил соболезновать народу с любовью братской, Я оставлю все и на небе, и на земле и буду говорить с тобою.

По другому толкованию: Моисей, видя, что израильтян заставляют работать без всякого роздыха, обратился к фараону и сказал:

— Государь! Каждому рабовладельцу известно, что, если не дать рабу один день отдыха в неделю, раб не выдержит и умрет. И этим

рабам твоим не выдержать долго, если ты не установишь для них отдыха по одному дню в неделю.

— Иди, — ответил фараон, — и сделай так, как ты говоришь.

Пошел Моисей и установил для израильтян празднование субботнего дня.

“И он убил египтянина и скрыл его в песке. И вышел он на другой день, и вот, два еврея ссорятся; и сказал он обидчику: "зачем ты бьешь ближнего твоего"? А тот сказал: “кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Не думаешь ли убить меня, как убил египтянина”? Моисей испугался и сказал: “сомнения нет, — дело это раскрыто!”

Размышляя над судьбою родного народа, Моисей спрашивал себя: “Чем так согрешил этот народ, что отдан в рабство египтянам?” Услыша же слова того израильтянина, Моисей сказал: “сомнения больше нет, дело это раскрыто — я теперь знаю, за что постигла израильтян тяжелая судьба их: соглядатайство развито среди них, — и достойны ли они быть избавленными от рабской доли своей?” *(Шем.-Р., 1).*

Восемнадцать лет было Моисею, когда он бежал от мести фараона в землю Ефиопскую и сорок семь лет прожил он в земле этой. Из Ефиопии Моисей отправился в Мадиам, к Иофору *(Сеф. Гаиаш.).*

IV. МОИСЕЙ У ИОФОРА

Иофор был язычником и служил жрецом при капище. Незадолго до прихода Моисея, сознав ничтожество идолов, он порешил сложить с себя жреческий сан, удалиться от капища и обратиться к служению Истинному Богу. Созвал он жителей того города и, обратившись к ним, сказал:

— Я долгие годы служил у вас жрецом. Но я состарился, и вот, я прошу вас, изберите себе другого жреца вместо меня.

С этими словами он вынес и передал им все жреческие принадлежности, бывшие при нем.

Отказ от жреческого сана был неслыханным делом в те времена, и возмущенные поступком Иофора сограждане объявили его отступником и предали строжайшему отлучению: никто не должен был исполнять для него никакой работы и вообще приходить с ним в малейшее общение. В числе других ушли от него и пастухи, пасшие его овец. Дочерям его, которых было семеро, пришлось самим ходить за стадами. Но пастухи отгоняли их от колодца и не давали наполнять корыта, чтобы напоить овец.

При одном из таких случаев появился Моисей, заступился за них, начерпал воды и напоил овец их.

На вопрос Иофора (он же Регуил): “Что вы так скоро пришли сегодня с пастбища?” — дочери его ответили:

— Какой-то египтянин защитил нас от пастухов и помог нам напоить овец наших.

Моисей был тогда в египетской одежде, и дочери Иофора приняли его за египтянина.

Иными толкователями слова "Какой-то египтянин", пояснялись такой притчей:

"Одного человека ужалила змея. Побежал он к реке и бросился в воду, а в том месте увидел тонущего ребенка и спас его от смерти. Ребенок начал благодарить своего спасителя, но тот сказал: "Дитя, не я тебя спас, а спасла тебя змея. Ибо не укуси она меня, я бы не побежал к реке и не помог бы тебе выбраться из омута".

Так и Моисей — когда дочери Иофора начали благодарить его — сказал:

— Благодарите не меня, а того египтянина, из-за которого я должен был бежать сюда *(Шем.-Р., 1; Танх.)*.

V. КРОВАВАЯ ВАННА

"И стонали сыны израилевы от работы и вопияли".

Но ужаснее работы было другое:

Фараон, и без того близкий к смерти, заболел проказою, а волхвы посоветовали ему, как лучшее лечение, ванны из теплой детской крови, по две ванны в день. Для этой цели закалывали еврейских детей по два раза ежедневно — утром сто пятьдесят и сто пятьдесят вечером.

(Шем.-Р., 1)

VI. ПАСТЫРЬ БОЖЬЕГО СТАДА

"Моисей пас овец у Иофора". Однажды убежал из стада козленок. Моисей побежал за ним и догнал его в ущелье, у источника, из которого козленок с жадностью пил.

— Бедняжка, — сказал Моисей, — тебя мучила жажда, а я об этом и не подумал. А как ты устал теперь!

Дав козленку напиться, он положил его себе на плечо и понес к стаду.

В это время раздался Голос:

— Тот, в ком столько любви и состраданья к стаду овечьему, достоин стать пастырем стада Божьего *(Шем.-Р., 2)*.

VII. НЕСГОРАЕМЫЙ КУСТ

Однажды, когда Моисей провел стадо далеко в пустыню и пришел к горе Божией, Хориву, он увидел: горит куст терновый, горит и не сгорает. И услышал Моисей голос Господа, звучащий из пламени:

— Если сердце твое этого не говорит тебе, то пусть скажет этот куст колючего терновника:

"Я, Господь, скорблю скорбью народа и соболезную горькой участи его. И как не силах пламя испепелить этот куст, так Египту не сокрушить Израиля".

На вопрос одного язычника: Для чего Бог явился Моисею из куста терновника, р. Иегошуа бен Карха сказал:

— Для того чтобы люди знали, что нет того места, на котором не почил бы дух Господен, не исключая и терновника.

И ради того еще Господь явился Моисею в кусте горящем и несгораемом, что Моисей носил в душе страх за судьбу народа, которому — думал он — предстоит неизбежная гибель в рабстве египетском. Господь, показав ему огонь пламенеющий и куст несгораемый, сказал:

— Подобно тому как пламя это не в силах испепелить куст, так не в силах египтяне истребить народ израильский *(там же).*

VIII. ПОСОХ МОИСЕЯ

Посох этот, предуготованный в сумерки шестого дня творения, был дан господом Адаму в раю, от Адама перешел к Еноху, от Еноха к Симу, потом переходил по наследству к Аврааму, к Исааку, к Иакову и, наконец, к Иосифу. После смерти Иосифа посох был взят фараоном к себе. Иофор, бывший одним из волхвов египетских, смутно чувствуя чудесную силу этого посоха, выпросил его у фараона и посадил среди деревьев в своем саду. Однако невидимая рука не давала ему подойти близко к посоху. Когда явился Моисей, увидел посох и прочитал начертанные на нем письмена, он протянул руку и беспрепятственно взял его себе. Видя это, Иофор понял, что Моисею суждено освободить народ израильский, и дал ему в жены дочь свою Сепфору *(П. д. Ел.).*

IX. СТАРЕЙШИНЫ

К фараону пришли Моисей с Аароном.

Куда же девались старейшины израильские, которых Моисею велено было Богом взять с собой к фараону?

Старейшины эти вначале отправились вместе с Моисеем, но по дороге стали отставать один за другим, пока не осталось никого из них, а пред фараоном предстали только двое — Моисей и Аарон. Вспомнил об этом Господь в тот час, когда Моисей был призван взойти на Синай. И старейшинам сказано было:

— Оставайтесь внизу, у подножия горы: тот, кто в страхе отступил перед фараоном, не достоин всходить на эту святую гору *(Шем.-Р., 5).*

Х. МОИСЕЙ И ААРОН У ФАРАОНА

Предание от р. Хии бар Аба:

В Тот день, когда Моисей и Аарон явились к фараону, у повелителя Египта был назначен прием властителей разных стран. Цари восточных и западных стран покорно возлагали на голову фараона свои короны. В это время фараону доложили о приходе каких-то двух старцев.

Во дворце было четыреста входов, у каждого входа содержались на страже хищные звери — львы, медведи и др., которые не давали переступить порога, прежде чем один из волхвов не произнесет заклинания. При приближении же Моисея и Аарона все эти звери, увидя в руке Моисея посох с начертанным на нем Шем-Гамфораш, покинули сторожевые места свои и последовали за обоими старцами, ласкаясь и лижа им ноги, пока те не достигли приемного зала. При появлении Моисея и Аарона все были ослеплены неземным видом их: могучие, как кедры ливанские, стояли эти два человека; ярким звездам подобны были очи их, как гроздья финиковой пальмы широко на груди раскинулись бороды; солнечным блеском лучились их лица, а посох Моисея казался выточенным из сапфира.

Гордо и пламенно зазвучали их голоса. Трепет благовония и восторга охватил всех. Цари с глубокими поклонами положили к ногам их свои короны. Первым пришел в себя фараон и начал пытливо вглядываться в их лица. Кто эти люди, — спрашивал он себя: если они цари, то почему не увенчивают меня, подобно другим, своими коронами? Если они послы, то почему не подают своих верительных посланий? Но эти люди даже не приветствуют меня в установленном порядке.

— Кто вы? — спросил фараон.

— Мы послы Господа нашего, благословенно имя Его.

— Зачем вы явились ко мне?

— Мы пришли возвестить тебе:" Освободи народ Мой", — так говорит Бог Израилев.

— Кто он такой, — гневно воскликнул фараон, — кто он, этот Бог, который не нашел нужным даже корону прислать мне, и почему я обязан исполнять повеления Его? Не знаю я этого Бога и народа вашего не отпущу на волю. Впрочем, — продолжал он, — погодите.

— Принести сюда, — приказал он, — “список богов”.

И, взяв этот список, начал читать:

“Бог Моавитян. Бог Аммонитян. Бог Сидона” и т.д.

— Вот видите, а вашего Бога тут нет.

По этому поводу раби Леви говорил:

— Припоминаю притчу про священника и его слугу. Отправился священник в далекий путь, а слуга его, человек невежественный и глупый, пришел искать его на кладбище. Ходит по кладбищу и кричит: “Не видали ли моего господина?” — "А кто господин твой?" — спрашивают его. — “Священник такой-то”. — “Ну и глуп же ты! — смеются люди. — Священника ты ищешь на кладбище?!” Этими же словами

могли бы ответить фараону и Моисей с Аароном: " Глупец! Место ли живому среди мертвых? Боги, имена которых ты сейчас называл, — истуканы бездушные, а наш Бог — Бог живой, и вечно царство Его".

— Скажите мне, по крайней мере, — продолжал фараон, — что он ваш Бог, юноша или старик? Сколько лет ему от роду? Много ли царств он завоевал, много ли городов покорил?

— Силою и могуществом Господа нашего полна вселенная, — отвечали Моисей и Аарон, — Он был до сотворения мира, есть и будет вечно. Он же и тебя сотворил и дал тебе жизнь.

— А какие он подвиги совершил?

— Подвиги! Он небеса распростер и основал землю, огонь пламенеющий высекает голос Его, горы расселивает, скалы дробит. Лук Его — огонь, пламя — стрелы Его. Факелом пылает копье Его. Щит Его — облака, молния — меч Его. Он создает холмы и горы, небо тучами покрывает, ниспосылает дожди и росы и злаки растит; творит жизнь в чреве материнском; низвергает царей и венчает царей...

— Ложь все это, — сказал фараон, — владыка мира — я. Я сотворил сам себя, и Нил создан мною. Не знаю я Бога вашего и слушаться его не желаю! *(Шем.-Р.,5; Танх.; Иалк.; Сеф. Гаиаш.).*

XI. НА РАБОТЕ ЕГИПЕТСКОЙ

— Не давать им соломы! — приказал фараон. Приставники же понуждали выполнять их урочную работу каждый день, как и тогда, когда им давалась солома, и надзирателей из израильтян били. Покорно и терпеливо принимали эти люди от египетских приставников побои и притеснения за родной народ.

И вот, когда велено было избрать семьдесят человек в старейшины и судьи над Израилем, Господь, на вопрос Моисея: кого избрать, сказал:

— Те надзиратели, которые, жертвуя собою, принимали утеснения и муки за народ свой, вот кто достоин этого высокого и славного призвания *(Танх. Гак.).*

Приходилось собирать соломинку к соломинке, а набрав необходимый запас соломы, приниматься за глину. Глину вместе с соломой месили ногами. Сквозь исколотую и растрескавшуюся кожу проступала кровь, и капли ее смешивались с глиною. Работала, помогая мужу, одна беременная женщина; от непосильного труда и натуги произошел выкидыш, и плод, в общей сутолоке, попал в глиняную массу и был затоптан ногами. Сошел с небес архангел Михаил и вознес погибшего младенца к престолу Всевышнего. В ту ночь и был произнесен приговор над Египтом *(П. д. Ел.).*

Народ роптал на Моисея и Аарона, говоря:

— Да видит и судит вас Господь за то, что вы сделали нас ненавистными в глазах фараона и рабов его и дали им меч в руки для гибели нашей!

И сложилась в народе притча:

"Утащил волк овцу. Догнал волка пастух и стал овцу отнимать. Между волком и пастухом овца растерзанной и осталась".

(Шем.-Р., 5)

XII. РОПОТ МОИСЕЯ

И обратился Моисей к Господу и сказал:

— Господи! Для чего Ты подвергнул такому бедствию народ сей, для чего послал меня? С того времени, как я пришел к фараону и стал говорить именем твоим, он начал хуже обращаться с этим народом; избавить же — Ты не избавил народа Твоего.

Отвечал Господь:

— Скорблю о тех, которых нет более в живых. Много раз Я открывался праотцам твоим, и ни от кого из них Я не слышал малейшего ропота. Я говорил Аврааму: "Встань, пройди по земле сей в долготу и в широту ее: ибо Я тебе дал ее и потомству твоему навсегда". Когда же Аврааму понадобилось место для погребения Сарры, он должен был купить для этого пещеру за четыреста серебряных сиклей. Но Авраам не возроптал на Меня за это. Я говорил Исааку:" Странствуй по сей земле и Я буду с тобою и благословлю тебя". А когда люди его копали в долине Герарской и нашли там родник питьевой воды, то пастухи герарские не давали пастухам Исаака поить овец из этого родника. Но Исаак не возроптал на Меня. Иакову говорил Я: "Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему". А когда он пожелал разбить шатер для себя, он место для этого должен был купить. И Иаков не возроптал на меня. И ни один из них не спрашивал об имени Моем. А ты? Вначале ты пожелал знать, как назвать Меня народу, говоря именем Моим, а ныне ты упрекаешь Меня, говоря: "Ты не избавил народа Твоего". Так знай же: ты увидишь поражение фараона, но не увидеть тебе поражения царей Ханаанских *(Санг., 110)*.

XIII. ЕГИПЕТСКИЕ КАРЫ

Поражение Нила, воды которого превращены были в кровь, было совершено через Аарона, а не через Моисея. Ибо Господь сказал Моисею:

— На лоне этих вод ты обрел спасение от угрожавшей тебе смерти, и не подобает, чтобы кара, имеющая постигнуть эту реку, была совершена твоей рукою *(Шем.-Р., 9)*.

Первою карою было превращение нильских вод в кровь. Ибо сказал Господь: “Река эта обожествляется египтянами, и Всевышний, желая покарать народ, прежде всего поражает кумиры, которым этот народ служит”.

И превратились в кровь все воды, какие были в пределах египетской земли, и даже вода в чашах для питья; и слюнные железы у египтян стали выделять кровь. И была кровь во всей земле египетской.

(Танх. Гак.)

Кары, ниспосланные на египтян, следовали одна за другою в том порядке, как производятся боевые приемы на войне.

Военачальник, обложив город, прежде всего старается лишить жителей воды. Если после этого город не сдается, войска начинают производить оружием грохот и звон, сопровождаемые грозными боевыми кликами. Потом, в дело вступают лучники, обсыпая город градом стрел. За лучниками выступают отряды варварски жестоких бойцов[1]. Если и этого оказывается недостаточным, за дело принимается отряд истребителей; затем на город изливают легковоспламеняющуюся жидкость[2], после чего идет метание из пращей, общий штурм всеми боевыми силами. Взятых в плен заключают в темницы и, наконец, старших и более влиятельных предают казни.

То же происходило и в Египте:

Вода была превращена в кровь.
Жабы оглушали своим кваканьем.
Мошки впивались в тело, как стрелы.
Нашествие хищных зверей.
Моровая язва истребила скот.
За моровою язвою — воспаление с нарывами.
Разразился град.
За градом — саранча.
Потом — тьма.
И наконец — поражение первенцев.

(Танх.)

Последняя из десяти кар, поражение первенцев, постигла не только живых первенцев египетских, но отразилась и на давно умерших: в эту ночь собаки разрыли их могилы и кости растаскали по всему Египту. Бывшие же в домах египтян изображения первенцев их арабесками на стенах оказались разбитыми в куски и рисунок их стертым.

Из всех египтян ни одной из кар не подверглась одна только Бифия, дочь фараона, извлекшая младенца Моисея из Нила (Сеф. *Гаиаш.)*.

---

[1] В подлиннике:"Barbarim" — варвары.

[2] В подлиннике: “Naft” — нефть.

XIV. ГРОБ ИОСИФА

Как нашел Моисей место погребения Иосифа?

От того поколения в живых осталась Серах, дочь Асира. Пришел к ней Моисей и спросил:

— Не известно ли тебе что-либо о том, где погребен Иосиф?

Серах поведала Моисею следующее:

— Египтяне сделали для Иосифа металлический гроб и опустили его на дно Нила, дабы призвать благословение на воды этой реки. И еще потому, что чародеи египетские говорили фараону: " Если ты желаешь, чтоб израильтяне никогда не ушли отсюда, сделай так, чтоб они не могли отыскать гроб Иосифа; ибо Иосиф заклял сынов израилевых вынести кости его отсюда и взять их с собою в Землю Обетованную. Таким образом, без его останков им невозможно будет уйти из Египта.

Пошел Моисей, стал на берегу Нила и громким голосом воззвал:

— Иосиф! Иосиф! Настало время, когда Господь избавляет народ свой от рабства, и наступил час для исполнения данной тебе народом клятвы. Воздай же должное Господу: ты задерживаешь Духа Святого, задерживаешь народ, задерживаешь Покровы Облачные Славы Господней. Если ты сам покажешься из воды — хорошо, если же нет — мы свободны будем от клятвы нашей.

Тотчас на воде показались пузырьки и легко, как тростник, всплыл со дна гроб Иосифа.

Все время странствования Израиля в пустыне гроб Иосифа и Ковчег Завета находились рядом. Прохожие, видя это, спрашивали о значении этих двух хранилищ. Им отвечали: "В одном — останки человека, в другом — Завет Господень".

— Но разве подобает находиться мертвецу рядом со святыней Господней.

— Тот, кто покоится в этом гробу, исполнял все, что написано в Завете этом *(Сот., 13).*

XV. ЧЕТЫРЕ ЗАСЛУГИ

За четыре заслуги перед Господом евреи были освобождены из рабства египетского: за то, что не изменяли своих имен, сохранили родной язык, не разоблачали священных тайн своих и не отменяли обрезания *(Шох.-Т., 114).*

XVI. ТРОЙНОЕ НАКАЗАНИЕ

Своим упорством фараон напоминает притчу про наказанного слугу:

— Некто послал слугу на базар купить рыбу. Купленная рыба оказалась тухлой. За это хозяин предложил слуге на выбор одно из трех

наказаний: съесть рыбу, либо получить сто ударов, либо же заплатить сто мин[1].

— Съем рыбу, — выбрал слуга.

Принялся есть, но не успел окончить, как ему сделалось дурно.

— Нет, — заявил он, — лучше уж получить сто ударов.

На шестидесятом ударе он почувствовал, что больше ему не выдержать.

— Остановитесь! — закричал он. — Плачу сто мин.

Оказалось — он и тухлой рыбы наелся, и бит был, и денег лишился.

Так и фараон: и карам подвергся, и освободил евреев, и Египет был разорен *(По Танх. Гак.)*.

XVII. РАБСТВО И СВОБОДА

Притча раби Леви:

— Некто имел участок земли, покрытый кучами мусора, и решил его продать. Купивший эту землю очистил ее от мусора и нашел на том месте родник превосходной воды. Насадил он виноград и гранатовые деревья, остальное место разбил на грядки под ароматические растения; посадки свои подвязал на тычинках; построил тут же башню и приставил к месту надежного сторожа. Прохожие не могли налюбоваться. Случилось побывать там прежнему владельцу. Видя, во что превратилась прежняя пустошь, он воскликнул: "Горе мне! Такое место я продал! Такой благодати я лишился!"

Народ израильский, находясь в Египте, представлял собою пустошь, покрытую мусором. Свобода превратила их в вертоград цветущий — и слава их прошла по всему миру, как живой укор прежнему их поработителю, фараону *(Шем.-Р., 20)*.

XVIII. МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Голубь, спасаясь от ястреба, залетел в расселину скалы и наткнулся на змею. Что делать голубю? Начал он бить крыльями и стонать из всех сил, дабы услышал хозяин голубятника и поспешил выручить его из беды.

Голубю этому подобны были израильтяне при бегстве их от фараона: впереди — бездна морская, позади — египтяне. Что было делать им? "И возопили сыны Израилевы к Господу". И избавил их Господь из рук египтян *(Ш.-Гаш.Р.)*.

---

[1] М и н а — монета в 60 сиклей.

XIX. СТОЛП ОБЛАЧНЫЙ

"И вошел столп облачный в середину между станом египетским и станом сынов Израилевых и был облаком и мраком".

Облаком для Израиля и мраком для египтян.

Метали египтяне в израильтян стрелы и камни пращные — и облако, посланное Господом, принимало в себя стрелы и камни, подобно тому, как делает орел, когда птенцам его угрожает опасность. Не в когтях своих, как это делают прочие птицы, опасаясь хищников, выше их летающих, а на крыльях несет он орлят своих. Опасность угрожает орлу только со стороны человека. Пусть же, думает орел, стрела вонзится в меня, но не в птенцов моих *(Мех.)*.

XX. СУД БОЖИЙ

В то время, когда вознамерился Господь потопить египтян в море, встал Уза, дух-покровитель Египта, и простерся перед Господом, говоря:

— Господи! Милосердием движимый, Ты мир сотворил. Зачем же Ты потопить желаешь детей моих?

Тотчас созвал Господь весь сонм небесный и сказал:

— Будьте судьями между Мною и Узою, покровителем Египта.

Начали духи-покровители различных народов говорить в защиту египтян. Видя это, мигнул архангел Михаил архангелу Гавриилу, тот одним взмахом крыльев порхнул в Египет и, вырвав кирпичную плиту вместе с налипшей на ней глиной и известью, в которых затоптан был труп младенца, предстал пред Господом, говоря:

— Праведный Судия! Вот как поступали с порабощенными детьми Твоими.

И провозгласил Господь суд Свой над Египтом.

Вознамерились в это время ангелы воспеть хвалу перед Господом. Но Всевышний остановил их, говоря:

— Творения рук Моих погибают, а вы хвалу поете предо Мною!

(Мид. Авк.; Мег., 10)

Из проповеди раби Иосии Галилейского.

— После перехода через Чермное море начал петь народ хвалу Господу. И что это было за дивное песнопение! Ребенок на коленях у матери, вытянув шею свою, и младенец, оторвав уста от материнской груди, созерцали Славу Господню и пели:

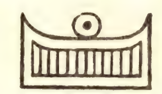
— Вот Господь мой, и я превознесу Его! *(Сот., 30)*.

Колесницы, на которых выехал фараон в погоню за израильтянами, доспехи всадников и сбруя на лошадях были украшены дорогой отделкой и убраны жемчугом и алмазами. Во время отлива израильтяне толпами приходили на берег и собирали все это, не желая оторваться от богатой добычи. И много усилий стоило Моисею заставить народ двинуться дальше от берегов Чермного моря *(Танх. Гак.)*.

"Обрадовался Египет исходу их".

Притча р. Берехии:

— Тучный человек ехал верхом на осле. "Ох, — подумывал осел, — скоро ли слезет он с меня?" А всадник, в свою очередь, кряхтел: "Кончится ли наконец эта езда моя?" Когда приехали на место, оба вздохнули свободно. Неизвестно только, кто обрадовался больше, — осел или всадник. Надо полагать все-таки, что осел. Положению осла и всадника его подобны были египтяне и израильтяне в последние дни перед Исходом: кара за карой сыпались на Египет, и кряхтел он и говорил: "Когда же наконец освобожусь я от оседлавшего меня Израиля?" Израильтяне, в свою очередь, нетерпеливо ждали исхода своего из Египта. Исход совершился — и оба они обрадовались ему. А кто обрадовался больше, — на это дает прямой ответ Псалмопевец: "Египет обрадовался исходу их" *(Шох. Т., 25)*.



В ПУСТЫНЕ

I. МАННА

писании манна уподобляется хлебу, елею, меду. Раби Иосия бераби[1] Ханина пояснял:

— Манна была: для отрока — хлебом, для старца — елеем, для младенца — медом, и каждым усвоивалась сообразно потребностям его возраста *(Иома, 75).*

Обогретая солнцем, манна таяла и уходила потоками в море. Приходили серны, олени, лани и другие животные и пили из этих потоков. Ловившие эту дичь иноплеменники ощущали в мясе ее вкус манны и говорили:

— Блажен народ, которому ниспослано это! *(Мех., Танх.).*

Раби Иосия учил:

— Подобно тому как пророк открывал людям все сокровенное от человеческих взоров, манна разоблачала перед народом всякую попытку скрыть истину. Так, например: двое приходят к Моисею судиться; один говорит: "этот человек присвоил себе моего раба", а другой возражает: "я раба у него купил". — "Завтра утром[2] я рассужу вас", — отвечал Моисей. На завтра и было видно: если омер на долю раба оказывался у первого из тяжущихся, это свидетельствовало, что вторым из них раб был воровски присвоен, а если лишний омер находили у второго, то этим устанавливалось, что раб был им куплен.

(Иома, 75)

---

[1] Сын раби.

[2] Манну собирали рано по утру, "каждый по стольку, сколько ему съесть: по омеру (мера) на человека, по числу душ, сколько у каждого в шатре". Собираемое меряли омером, и сколько бы ни было собрано для данного шатра, число омеров оказывалось каждый раз соответствующим числу душ этого шатра.

“Есть ли Господь среди нас или нет?” — говорили, искушая Господа, израильтяне в Массе-и-Мериве. “И пришел Амалик...”

Израильтяне подобны были тому ребенку, о котором притча гласит:

“Посадил отец своего сына себе на плечи и пошел ходить по базару. Заметит ребенок ту или другую вещь и говорит: "Купи мне это, отец!" Тот и покупает. Раз, другой, третий, — увидел ребенок товарища своего и вдруг спрашивает: “А не знаешь ли ты, где мой отец?” — “Глупец! — отозвался отец. — Сидишь у меня на плечах, я покупаю для тебя все, чего ты ни пожелаешь, и ты же у первого встреченного спрашиваешь: "не видал ли моего отца?" Взял и сбросил сына с плеч своих; подбежала собака и укусила ребенка".

Так и народ израильский: по выходе из Египта, Облака Величия окружили его; стал хлеба просить, — Господь манной дождить начал; мяса требовать стал — Господь перепелов послал ему; все потребности его удовлетворялись. И этот народ начал роптать, говоря: “Есть ли Господь среди нас или нет?” И вот сказал Господь:

— Клянусь, вы это узнаете: вот придет собака и искусает вас!

Этой собакой был Амалик.

Раби Леви, со слов раби Симеона бен Халафты, говорил:

— Подобно мухе, которая норовит усесться на гнойник, Амалик чутко следил за Израилем.

“Помни, как поступил с тобою Амалик на пути, когда вы вышли из Египта”.

Имя Амалик служило для Израиля предостережением, как плетка для наказанного ребенка.

Притча раби Леви:

Был у одного человека виноградник. Окружил он его изгородью и посадил на цепь злейшего пса. Пришел сын хозяина и сломал изгородь: собака его и искусала.

— Помнишь, сын мой, как ты искусан был? — говорил потом хозяин виноградника каждый раз, когда он желал напомнить сыну о сломанной им изгороди.

Именем Амалик Господь напоминал Израилю грехи его в пустыне.

(Танх. Гак.)

“Когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль (в битве с амаликитянами)”.

Но разве Моисей собственноручно участвовал в бою и мог личными действиями способствовать победе израильтян? Приведенный стих

служит указанием, что до тех пор, пока израильтяне устремляли взоры свои к небесным высотам и сердцами своими покорялись Отцу Небесному, они побеждали, а когда переставали делать это — терпели поражения *(Р.-Гаш., 29).*

III. ДАРОВАНИЕ ЗАВЕТА

Притча раби Исаака:

Заболел у царя сын. И едва стал оправляться от болезни, пришел его наставник и говорит:

— Пора царевичу отправиться в школу.

— Нет, — отвечал царь, — дадим ему сперва окончательно оправиться, укрепить свои силы, а затем — приняться за учение.

Так и Господь сделал.

— Народу, — сказал он, — измученному рабством, надо дать сперва укрепить силы свои, окрепнуть духом и телом на свободе, а затем дать ему Закон *(Эха Р.).*

Притча раби Иегуды бераби Симон:

Некто, имея сад, насаженный аллеями смоковниц, яблоней и гранатовых деревьев, сдал его арендатору. Придя туда через некоторое время, он нашел сад совершенно запущенным, заросшим терновником. Позвал он людей, чтобы вырубить терновник, но в это время среди колючих зарослей заметил пышноцветущую розу, издававшую упоительное благоухание. И он сказал: "ради одной этой розы я готов оставить все в этом саду нетронутым".

На двадцать шестом поколении после миротворения воззрел Творец на мир и нашел его наводненным грехом и пороком; то же было и в эпоху Потопа, и в эпоху "Рассеяния". Заросшему терновником саду подобен был мир. Но в этом мире, как роза в заглохшем саду, расцвел Израиль в тот час, когда ему дан был Завет на Синае. И когда зазвучал народный голос: "Будем исполнять и слушать", Господь сказал:

— Розы ради пощажу Я вертоград. Ради Торы и Израиля сохраню миру бытие его *(Ваик.- Р., 23).*

"Господь пришел от Синая, открылся им от Сеира, воссиял от горы Фарана и шел со тьмами святых; одесную Его огнь Закона".

Когда у Предвечного возникла мысль даровать людям Завет Свой, Он предложил Тору сначала потомкам Исава.

— А что написано там? — спросили потомки Исава.

— Не убивай.

— Вся жизнь людей рода нашего основана на убийстве, по пророчеству предка нашего: "Ты будешь жить мечем твоим". Мы не можем принять Твою Тору.

5-760

Предлагал Господь Тору потомкам Измаила.

— А о чем заповедано в ней? — спросили потомки Измаила.

— Не кради.

— Только кражею и грабежом мы и существуем, как сказано о нас: “Дикий осел — между людьми; руки его на всех, и руки всех на него”. Нет, мы не можем принять Завет Твой.

Обратился Господь к Израилю.

— Будем исполнять и слушать! — был ответ *(Песик. (Р.) 21).*

Рав Симай учил:

— Когда народ израильский сказал: “Будем исполнять и слушать” — прежде всего исполнять, а слушать[1] потом, — явилось шестьсот тысяч Ангелов Служения и каждого израильтянина двумя венцами увенчали: одним — за “будем слушать” и другим — за “будем исполнять”. А когда народ израильский впал в грех, сошло дважды шестьсот тысяч ангелов-истребителей и сняли венцы с них. О том и гласит стих Писания: “Сняли с себя сыны Израилевы украшения, воспринятые ими у горы Хорива” *(Шаб., 8).*

Раби Иоханан учил:

— В тот час, когда раздалось Слово Божие с вершин Синая, все в мире притаилось: птенчик не чирикнет, птица не порхнет, вол не замычит, море не шевельнется; остановились колеса Небесной Колесницы; замерло “свят!” на устах серафимовых. Вся вселенная недвижно и безмолвно слушала глас нагорный: “Я — Господь, Бог твой!”

(Шем.-Р., 29)

“Я — Господь твой”.

Богатырем-воином являлся Господь на Чермном море, начертателем Завета и учителем Истины — на Синае, юношей в дни Соломона, а в дни Даниила — старцем, исполненным благоволения и милости. И Господь сказал: “Даром что вы видели Меня в разных образах, — но и на Чермном море, и на вершинах Синая, и всюду, и всегда, Я был и есмь “Господь — Бог ваш”.

(Танх. Гак.)

Слова раби Иегошуи бен Леви:

— От каждого слова, исходившего из уст Господних, мир наполнялся благоуханием. Слово следовало за словом, и волны благоухания сменяли одна другую *(Шаб., 8).*

---

[1] Т. е. вникать, рассуждать.

Раби Иосия бар Ханина говорил:

— Подобно тому как манна казалась вкусом своим отроку — хлебом, старцу — медом, младенцу — молоком, больному — легким и сладким печением, так и глас Всевышнего воспринимался старцами, отроками, детьми и женщинами — каждым по свойствам своего возраста и природы своей *(Шем.-Р., 5).*

Изумителен и дивен был голос Господен. Не знали внимавшие ему, в которую сторону лицо свое обратить: с Востока и с Запада, от Полуденной и Полуночной стороны звучал голос этот; то раздастся от лазури небесной, то от лона земли зазвучит.

Слова Господни падали подобно ударам кузнеца по наковальне, каменотеса по глыбе гранитной: от каждого удара искры во все стороны разлетаются, от каждого удара градом осколки сыплются. Так и слово Божие: одновременно на семь разных ладов звучало оно и слышно было одновременно же на всех семидесяти языках и наречиях, дабы слушали и уразумели все народы земли *(Танх. Гак.).*

Великий страх пал на царей в чертогах их. И приходили они к Валааму и спрашивали: "что значит этот великий шум? Не потоп ли идет на землю?"

— Нет, — отвечал Валаам, — давно уже поклялся Господь не приводить более потопа на землю.

— Может быть, — продолжали они спрашивать, — Он говорил только о водяном потопе, а ниспошлет ныне потоп огненный?

— Никакого потопа, поклялся Господь, более не будет.

— Что же означает этот небывалый доныне шум, который мы слышим?

— Дар бесценный, — отвечал Валаам, — заключен в сокровищницах Господних. Девятьсот семьдесят четыре века до сотворения мира хранил Господь дар этот, и ныне вознамерился Он передать его сынам своим.

"Могучую силу дарует Господь народу Своему", — заключил речь свою Валаам *(Зеб., 116).*

Когда Моисей взошел на небо, вопросили ангелы:

— Господи! Место ли среди нас женщиной рожденному?

— Тору восприять явился он, — отвечал Господь.

— И сокровище, столько веков до сотворения мира лелеемое Тобою, Ты отдаешь смертному? Господи! Слава Твоя превыше небес; достоин ли сын человеческий, чтобы такою милостью Ты посетил его?

— Моисей! — сказал Господь. — Отвечай ты им.

— Господи! — воззвал Моисей. — Страшусь, не сожгли бы они меня дыханием своим.

— Прикоснись рукой к Престолу Моему и отвечай им.

И отвечал Моисей ангелам:

— Тора, которую Господь дарует мне, гласит: “Я — Господь, Бог Твой, выведший тебя из земли Египетской”. А вы, духи небесные, нисходили ли вы в Египет? Находились ли вы в рабстве у фараона? Далее сказано: “Да не будет у тебя иных богов, кроме Меня”. Живете ли вы среди народов языческих? “Не произноси имени Господа всуе”, но разве вы занимаетесь суетными делами людскими? “Помни день субботний”. Но вы и в будни не делаете никакой работы, и отдых нужен ли вам? От отца и матери не рожденные — как вы станете исполнять заповедь: “Чти отца своего и матерь свою”, “не убивай”, “не кради”, “не прелюбодействуй”, но разве вы знаете чувство зависти? Разве испытываете соблазны плоти?..

Тотчас же покорились ангелы воле Господней и исполнились приязнью к Моисею *(Шаб., 9)*.

Рав Симеон бен Лакиш говорил:

— Данный Моисею Завет был начертан черным огнем по белому пламени, запечатан печатью огненной и в покров огненный облачен. Стиль, которым производились письмена, Моисей вытер о свои волосы — и стало исходить сияние от лица его.

(Иеруш. Шек.; Иалк.)

Раби Иегошуа бен Леви учил:

Когда Моисей сошел с Синая пред лицо Господа, явился Сатана и спросил:

— Тора, Владыка, — где она?

— На землю послана Мною, — ответил Господь.

Пошел Сатана к Земле и спрашивает:

— Где Тора?

— Господь установил путь ее, — отвечала Земля.

Пошел Сатана к Морю.

— Не у меня она, — отвечало Море.

К Бездне пошел Сатана.

— Не во мне она, — отвечала Бездна.

Возвратился Сатана к Господу и говорит:

— Владыка мира! Я по всей земле искал и не нашел ее.

— Иди к Бен Амраму, — сказал Господь.

Предстал Сатана Моисею и спрашивает:

— Тора, данная тебе Господом, где она?

Отвечал Моисей:

— Что значу я, чтоб мне Господь Тору дал?

— Моисей! — раздался голос Господа. — Тебе ли неправду говорить?

— Господь! — сказал Моисей. — То сокровище, лелеемое Тобою, которым изо дня в день любовался Ты, смею ли я принять как личное достояние свое?

Отвечал Господь:

— За то, что ты сам умалил достоинство свое, Тора да будет носить имя твое: "Помните Закон Моисея, раба Моего!" *(Шаб., 9).*

IV. ЧИСЛО "ТРИ"

Один галилеянин говорил рав Хасде:

— Благословен Господь, давший тройственный Завет Свой тройственному народу, через третьего в семье своей, в третий день третьего месяца[1] *(там же, 88).*

V. НАДАВ И АВИГУ

"И Моисею сказал Он: взойди к Господу ты и Аарон, Надав и Авигу".

Впереди шли Моисей и Аарон, а за ними следовали Надав и Авигу. И говорил Надав Авигу:

— Поскорее бы умерли эти два старика, и тогда мы с тобою стали бы управлять народом.

— Не хвались завтрашним днем, — раздался Голос, — увидим, кто кого хоронить будет[2].

Это — что на миру говорится: не мало было жеребят, кожа которых пошла на черпаки для их маток *(Ваик.-Р., 60; Санг., 52).*

VI. ПОКЛОНЕНИЕ ТЕЛЬЦУ

"И увидел народ, что Моисей долго не сходит с горы".

Прошло сорок дней, и урочный час, назначенный Моисеем, прошел, а он все не возвращался. Тогда явился Сатана и, желая вызвать смуту и замешательство, стал спрашивать:

— Учитель ваш, Моисей, — куда девался он?

— Взошел на небо, — отвечал народ.

— Время, когда он должен был возвратиться, уже прошло, — продолжал Сатана.

Но его больше не слушали.

— Моисей умер.

И это не произвело ожидаемого действия.

Тогда Сатана явил перед ними образ Моисея в гробу, повисшем в

---

[1] Тройственный завет: Пятикнижие, Пророки и Гагиографы.
Тройственный народ: когены, левиты, израильтяне.
Третий в семье: Мириам, Аарон, Моисей.
Третий день Сивана — третьего месяца в году.

[2] Надав и Авигу, сыновья Аарона, согрешившие принесением неуказанной жертвы, были сожжены небесным огнем и, по повелению Моисея, были вынесены из святилища за стан и там преданы погребению.

пространстве между небом и землею. И в народе стали указывать друг другу на это видение, говоря: "Вот что сделалось с этим человеком!"

Собралась здесь и вся примесь иноплеменная, сорок тысяч человек, вышедшая вместе с Израилем из Египта, и с нею два волхва египетских, Ионус и Иомбрус, которые прежде творили колдовство перед фараоном. Собрались они вокруг Аарона и Хура, говоря:

— Нет, не возвратиться более Моисею!

Возмущенный этим Хур поднял голос свой и закричал на них:

— Жестоковыйные! Вы уже забыли все, что этот человек сделал для вас?!

Набросился народ на Хура и убил его.

Стали наступать с угрозами на Аарона:

— Сделаешь нам Бога — хорошо; нет — мы поступим с тобою, как поступили с Хуром.

Напуганный этими угрозами, Аарон попытался было как-нибудь затянуть дело.

— Выньте, — сказал он, — золотые серьги, которые в ушах ваших жен.

Рассчитывал Аарон, что женщины, которым трудно расставаться со своими украшениями, откажут мужьям в этом. Женщины действительно отказывались отдать свои золотые вещи.

— Сохрани нас Бог, — говорили они, — забыть о тех чудесах и подвигах, которые совершены были для народа нашего, и начать поклоняться идолам!

Тогда все мужчины вынули золотые серьги из ушей своих и принесли к Аарону.

Возвел Аарон очи к небесам и воззвал к Господу:

— К Тебе возвожу очи мои, Обитающий в небесах! Тебе ведомо, что против воли моей я делаю это.

И бросил золото в огонь. А волхвы начали творить заклинания.

По другому сказанию, в деле изготовления тельца главное участие принимал израильтянин по имени Миха, который был спасен Моисеем от смерти, когда его придавило кирпичами на постройке в Египте. Этот Миха взял дощечку с надписью "Появись, телец!" и бросил ее в горнило с золотыми вещами. С ревом и прыжками появился из горнила телец, и народ закричал: "Вот бог твой, Израиль!"

Увидев это, Аарон воздвиг жертвенник. Многие выражали желание помочь ему в этой работе, но Аарон отказывался от их помощи, говоря:

— Дайте мне одному сделать это: для святости жертвенника требуется, чтоб я единолично его построил.

В душе же Аарон надеялся, что, пока он займется постройкою жертвенника, успеет возвратиться Моисей. Но жертвенник был готов, а Моисей не возвращался. Тогда Аарон заявил: "Завтра праздник Господу". Оттяну, думал он, дело хотя до завтра.

— Забыли Господа! — воскликнули Ангелы Служения. — Забыли Спасителя своего, великие чудеса совершившего в Египте!

— Как скоро забыли они дела Его! — возопил, вторя ангелам, Дух Святой *(Танх.; Танх. Гак.)*.

VII. МОЛИТВА МОИСЕЯ

"И сказал Господь Моисею: "Сойди отсюда".

— Сойди, — говорил Господь, — с той высоты, которой ты более не достоин.

— Чем согрешил я, Господи? — спросил Моисей.

— Согрешил народ твой.

— Мой народ? Твой народ они и Твой удел, который Ты избавил от рабства силою Твоею великою. Чем же согрешили они?

— Славу свою на изображение тельца променяли.

— Владыка вселенной! — сказал Моисей. — Телец этот может пригодиться в помощники Тебе.

— В чем же он помогать Мне станет?

— Ты, Господи, будешь ветры направлять, а он дожди низвергать; Ты — ведать солнечный свет, он — лунный; Ты — взращивать деревья, он — злаки.

— Моисей! — воскликнул Господь. — И ты совращен этим бездушным идолом?!

— А если он, — сказал Моисей, — только идол бездушный, изображение тельца, который питается травою и предназначен для заклания, то зачем же воспламеняется гнев Твой, Господи, на народ Твой?

— Сойди отсюда! — сказал Господь.

— Сойди с высоты славы своей. Я дал тебе эту славу только ради народа Моего. Теперь, когда совратился народ, для чего надобен ты Господу?

И взывал Моисей к Господу:

— "Вспомни Авраама, Исаака и Израиля, рабов Твоих, которым клялся Ты Собою". Господи! Если бы небом и землею поклялся Ты, я еще мог бы сказать: как небо и земля могут исчезнуть, так и клятва Твоя может быть отменена Тобою. Но Ты Именем великим Своим поклялся. Имя Твое живет и будет жить вечно, так и клятва Твоя останется неизменной во веки веков.

И сказал Господь:

— Прощаю по слову твоему.

И в далеких веках будут говорить народы земли:

— Блажен ученик, по слову которого поступал Учитель его!

(Бер.-Р., 32)

VIII. СКРИЖАЛИ

Когда Моисей начал сходить с горы, данные ему скрижали сами неслись перед ним в воздухе. Когда же он приблизился к стану и увидел тельца, исчезли письмена со скрижалей, и они всей тяжестью своей легли на руки Моисея. И воспламенился Моисей гневом, бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою *(Танх.)*.

IX. СКИНИЯ ЗАВЕТА

"И сделай брусья для скинии из дерева ситтим".

Перед уходом своим в Египет провидел Иаков построение скинии и сказал сынам своим:

— Дети мои! Потомкам вашим предопределено выйти из земли Египетской, и повелит Господь построить святилище Ему. Насадите теперь же кедровые деревья, дабы к тому времени требуемое дерево было готово.

Они так и сделали *(Танх.)*.

X. СЕМИСВЕЧНИК

"По образу, который показал Господь Моисею, он сделал светильник".

Непосильно трудною показалась эта работа Моисею. И Господь сказал:

— Я сделаю это перед тобою.

Вспыхнули огни четырех цветов — белого, красного, черного и зеленого, — и под перстом Всевышнего образовался светильник с его шестью стеблями, чашечками, гранатовыми яблоками и цветами.

(Танх. Гак.)

"Когда ты будешь зажигать светильники" — — —

— Владыка вселенной! — говорили израильтяне перед Господом. — Ты светоч мира, Ты источник света, — и нам велишь Ты зажигать свет перед Тобою?

Отвечал Господь:

— Мне нет нужды в вашем свете, но Я желаю, чтоб вы светили Мне так же, как Я светил вам.

Притча гласит:

Шли одним путем зрячий со слепым. И сказал зрячий слепому:

— Когда мы войдем в дом, ты зажжешь свечу и посветишь мне.

— Помилуй, друг! — возразил слепой. — Когда мы были в пути, ты был единственной поддержкой мне; ты же указывал мне дорогу, пока мы не дошли до дома, а теперь ты мне, слепому, говоришь, чтоб я светил тебе!

— Я для того говорю тебе это, — ответил зрячий, — чтоб дать тебе возможность хотя чем-нибудь вознаградить меня за услуги, оказанные тебе мною *(Бам.-Р., 15).*

Раби Абина говорил:

— Диск солнечный — один из слуг Господних. Человеческий глаз не в силах вдоволь насладиться светом его. Молния — одно из отражений огня небесного, и блеск ее сияет во всех концах мира; так Всевышнему ли нужен свет от рук человеческих?

— Ради умножения заслуг человеческих, — отвечал рав Аха, — Господь увеличил Тору и умножил заветы ее *(Ваик.-Р., 31).*

XI. ЖАЛО ЗЛОСЛОВИЯ

"И смотрел (народ) вслед Моисею, доколе он не входил в Скинию".

Смотрели вслед Моисею люди, склонные к клеветничеству, и пальцем на него показывали.

— Взгляни, — говорил один, — что за затылок, что за плечи откормил он себе на народном хлебе!

— Бездельник он! — поддерживал другой. — Человек, заведующий постройкой скинии и распоряжающийся запасами серебра и золота в столь несметных количествах, — удивительно ли, что он скопил себе богатство?

Доходили пересуды эти до слуха Моисея, и он сказал себе: "Клянусь, что, когда скиния будет готова, я тотчас же дам им отчет во всем, что проходило через руки мои.

— Что делать, — продолжал он размышления свои, — народу свойственна подозрительность. — И Моисей отдал отчет во всем, что было употреблено для скинии — золота, серебра и меди, до последнего сикля *(Танх.).*

XII. В ПУСТЫНЕ

Передвижения израильтян по пустыне производились Моисеем согласно положению сопровождавшего их Облака: когда оно начинало подниматься, Моисей возглашал: "Восстань, Господи, и рассыплются враги Твои!" Тогда народ собирался в дальнейший путь. У кого имелось вьючное животное, тот нагружал на него вещи свои; имущество же тех, у кого таких животных не было, принималось Облаком, которым и переносилось до места следующей стоянки. Об остановке давалось знать трубными сигналами, и каждое колено ставило стан свой в установленном порядке: на первом плане, к востоку, колено Иудино со своим знаменем и родоначальником во главе, а за ним остальные, каждое колено со станом своим, "при знамени своем и при знаках семейств своих".

Каждый родоначальник, патриарх, имел особый, присвоенный ему стяг, окраска которого соответствовала цвету того из камней на Хошене (наперснике судном), на котором вырезано было его имя[1]:

Стяг Рувима: на красном фоне изображены мандрагоры.

Симеона: по зеленому полю — рисунок, изображающий город Сихем.

Левия: одна треть стяга белого цвета, одна треть — черного и одна — красного. Изображение — Урим и Тумим.

Иуды: на лазоревом фоне изображение льва.

Иссахара: цвет темно-синий; изображение — солнце и месяц.

Завулона: по белому полю — корабль.

Дана: окраска цвета сапфира; изображение — змея.

Гадда: окраска цвета прозрачного агата; рисунок представляет отряд воинов.

Нефтали: на дымчато-розовом фоне изображена газель.

Асира: фон цвета хризолита; изображение — масличное дерево.

Иосифа: фон темный, переходящий в черный, и на нем соединенное изображение двух стягов Ефрема и Манассии, носивших изображения: первый — вола, второй — буйвола.

Вениамина: фон двенадцати оттенков; изображение — волк.

В таком порядке двигались они стан за станом, и столпы облачные клубились над ними.

Первым останавливалось Облако над скинией, находившейся в середине между станами. Собрать и установить скинию было почетным правом колена Левиина. Становились станы каждый на свое место — и Облака Величия Господнего останавливались над каждым из них. И тут сказывалась во всей полноте своей святая мощь Моисея: Облако Шехины не сходило на скинию, прежде чем Моисей не возгласит: "Возвратись, Господи, к тьмам тысяч Израилевым!"

Во всех передвижениях ковчег носили впереди; из среди шестов его вылетало по две искры, которыми убивало встречавшихся на пути змей, скорпионов и других опасных животных.

При каждой стоянке появлялся колодец со свежей и прекрасной водой[2].

Появлялся колодец у входа во двор скинии, возле шатра Моисея. У колодца собирались родоначальники всех двенадцати колен и начинали петь славу Господу. Тогда вода поднималась из колодца и разливалась тут и там по всей площади, протекая правильными ка-

---

[1] Соответствие, судя по дальнейшему описанию, далеко не полное. Так, например: камень с именем Симеон назван "питда" — топаз, а стяг этого патриарха был окрашен в зеленый цвет; имя Иуда было вырезано на карбункуле, а стяг его был небесного цвета и т. д.; объясняется это, надо полагать, различием минералогических номенклатур, тогдашней и новейшей.

[2] Устье этого колодца — одна из десяти вещей, предуготованных в сумерки шестого дня творения. См. с. 5—6.

налами между одним станом и другим и широкой водяною полосою опоясывая все становище. Побережия покрывались густою и сочною растительностью с плодами, ягодами, овощами и обильным кормом для скота. Небо пустыни отражалось в воде, и живая поверхность ее отливала небесной синевой, мерцанием зари, солнечным блеском и лунным сиянием.

На огромном расстоянии наблюдалось это изумительное явление, и люди в восторге вопрошали:

"Кто это,
Блистающая, как заря,
Как луна прекрасная,
Как солнце светлая,
Грозная, как полки со знаменами?"

(Бам.-Р., 20; Танх.; Иалк.)

XIII. ОБЛИК МОИСЕЯ

Весь мир был потрясен и очарован чудом Исхода. Имя Моисея было у всех на устах. Дошла весть о великом чуде и до мудрого царя Арабистана. Призвал царь лучшего художника-живописца и повелел ему отправиться к Моисею, написать и доставить облик его. Когда художник возвратился, царь собрал всех мудрецов своих, искусных в науке физиогномики, и предложил им определить по облику характер Моисея, свойства, наклонности, привычки его, и в чем таится чудесная сила его.

— Государь! — ответили мудрецы. — Облик этот принадлежит человеку жестокому, высокомерному, жадному к наживе, одержанному властолюбием и всеми пороками, какие существуют на свете.

Возмутили царя эти слова.

— Как! — воскликнул он. — Возможно ли, чтобы таким был человек, дивные подвиги которого гремят по всему миру?

Пошел спор между художником и мудрецами. Художник утверждал, что облик Моисея написан им вполне точно, а мудрецы настаивали, что натура Моисея определена ими по этому изображению безошибочно.

Мудрый царь Арабистана решил проверить, кто из спорящих прав, и лично отправился в стан Израилев.

При первом же взгляде царь убедился, что облик Моисея изображен художником безукоризненно. Войдя в шатер человека Божьего, преклонил царь колена, поклонился до земли и рассказал о споре между художником и мудрецами.

— Сначала, прежде чем я увидел лицо твое, — сказал царь, — я подумал: должно быть, художник плохо написал облик твой, ибо мудрецы мои в науке физиогномики люди весьма опытные: ныне же убеждаюсь, что это люди совершенно ничтожные и суетна и ничтожна мудрость их.

— Нет, — ответил Моисей, — это не так: и художник, и физиогномисты люди весьма искусные; и тот, и другие правы. Да будет ведомо тебе, что все пороки, о которых говорили мудрецы, действительно присвоены были мне от природы, и быть может — еще в большей степени, нежели это определено ими по облику моему. Но долгими и напряженными усилиями воли боролся я с пороками моими, пересиливал и подавлял их в себе, пока все противоположное им не стало второй натурой моей. И в этом высшая гордость моя.

(Мид. по Тиф. Иср., Кидд.)

XIV. ПРОИСКИ КОРЕЯ

При освящении левитов, которых окропляли очистительной водою, сбрив волосы со всего тела, посвящение получил и Корей. И стала говорить Корею жена его:

— Полюбуйся, как поступил Моисей с тобою: сам царем стал, Аарона первосвященником сделал, сыновей его иереями. Теруму принесут — он говорит: "Отдайте все священнику", принесут десятину для левитов, он и от нее отбирает десятую часть для священника же. Мало этого, он еще обрить вас велит. Издевается он над вами. Волосы у людей — и то ему завидно!

— Но Моисей ведь и себя дал обрить, — возражал Корей.

— Ну, разумеется: всю власть и весь почет забрал, надо же хоть чем-нибудь поступиться.

Ходил Корей среди народа, а его, обритого, никто не узнавал.

— Ты ли это? — удивлялись все. — Кто это тебя отделал так?

— Кто, как не Моисей, — отвечал Корей, — и мало того что оголили, еще за руки и за ноги брали, вверх поднимали и приговаривали: "Вот ты и очищен!" Брата своего, Аарона, точно невесту нарядил и в скинии собрания посадил.

Недоброжелатели Моисея и пошли на все лады повторять, возбуждая народ против него:

— Моисей — царь; брат его Аарон — первосвященник, сыновья его — иереи. Терума — священнику, часть десятины — священнику, всякий дар и всякое приношение — ему же!..

А Корей, по природе своей склонный к злоумышленным шуткам и издевательству, стал такую побасенку рассказывать:

— Соседка у меня, вдова с двумя девочками-сиротками. Клочок поля — все имущество ее. Принялась она полоску свою пахать. Приходит Моисей: "Помни, — говорит, — женщина, пахать, запрягши вола с ослом вместе, — нельзя". Приступила она к засеву, — Моисей снова тут: "Поля своего, — говорит, — двумя родами семян не засевай". Пришло время жатвы, — "край поля своего — предупреждает он ее, — оставь недожатым и забытого от жатвы снопа не подбирай". Приступила к молотьбе. "Давай, — говорит он, — теруму, давай первую десятину, давай вторую десятину". Что делать, закон! Покорилась бедняга, дала. Как дальше быть? Подумала она и решила продать участок и

купить себе пару ягнят: будет, думала она, и шерсти на одежду, и от приплода польза. Когда овечки оягнились, пришел Аарон: "Подавай, — говорит,— ягняток сюда, ибо — "каждого первенца должно посвятить Господу". Воля Божия, ничего не поделаешь, — отдала ягняток. Наступило время стрижки, — Аарон и тут не заставил себя ждать: "Шерсть первой стрижки принадлежит мне. Так сам Бог повелел".

— Сил моих нет больше, — решила она, — зарежу я овец, и хотя мяса поедят дети мои.

Едва успела сделать это, Аарон тут как тут: "Плечо, челюсть и желудок принадлежат мне!"

— Боже праведный! — воскликнула она. — И теперь даже, зарезав овечек своих, я не могу спастись от жадности этого человека. Лучше уже я все целиком посвящу Тебе, Господи!

— А если так, — заявил Аарон, — то отдай мне все: все, что Божье, то мое.

Забрал всю убоину дочиста и ушел. Так без ничего и осталась несчастная вдова со своими сиротками.

— И все это, — прибавлял Корей, — делается именем Божиим!..

Был в числе единомышленников Корея и Он, сын Пелефа, из колена Рувимова, но его спасла от гибели жена его.

— Какой тебе расчет, — говорила она мужу, — вмешиваться в пререкания Корея с Моисеем? Тот ли, этот ли возьмет верх, ты все равно останешься в подчинении.

— Но что мне делать теперь? — отвечал Он. — Я принимал участие в заговоре и присягнул на верность Корею.

— Сделаем вот что, — посоветовала жена, — оставайся дома, и я спасу тебя.

Напоила мужа вином и уложила спать, а сама вышла и села у входа в шатер, — повязку с головы сорвала, волосы распустила и взъерошила. Кто ни приходил к Ону, торопился уйти обратно[1]. А тем временем земля и поглотила Корея со всеми его единомышленниками.

Так различно поступили в деле этом жена Она и жена Корея. Про первую и сказано: "Мудрая жена устроит дом свой", про вторую: "а глупая разрушит его своими руками" *(Санг. 109; Шох.-Т., Танх.)*.

XV. ВОДА ИЗ КАМНЯ

Злословие и издевательство продолжали преследовать Моисея. Когда стало известно о том, что Моисей готовится источить воду из скалы, злонамеренные люди начали вышучивать его, говоря:

— Что же, вы разве не знаете, что он был когда-то пастухом у Лавана, а пастухи большие мастера в поисках за водою. Моисей снача-

---

[1] Глядеть на женщину простоволосую считается грехом.

ла отыщет родник, а потом приведет нас туда и скажет: “Вот, глядите, я из камня воду вам источу”. Хорошо, вот перед нами камень; пусть он из этого камня добьет нам воды, из другого не желаем!

И они толпами начали останавливаться у каждого камня.

Увидал это Моисей и, хотя Господь и повелел ему: “из любого камня, как они того пожелают, ты источи им воду”, он, однако, будучи вне себя от гнева, крикнул:

— За мною ступайте!

И он дал себе клятву, что только из того камня, который он сам выберет, источит он им воду.

“И поднял Моисей руку свою и ударил в скалу жезлом своим дважды”.

После первого удара вода из скалы стала сочиться медленно, капля за каплей.

— Бен Амрам! — зазвучали кругом голоса. — Этой воды хватит разве только для грудных младенцев или, в крайнем случае, для сейчас отлученных от груди детей.

Возмущенный их словами, Моисей ударил вторично в скалу, и обильным потоком хлынула вода *(Танх.; Танх. Гак.)*.

И не в одном описанном случае дерзость и назойливость черни преследовали Моисея. Сутяжничество было явлением постоянным, и недаром говорил Моисей: “Как мне одному носить тягости ваши, бремена и распри ваши?” Не щадило злословие и его личной жизни. Если Моисей выходил пораньше из шатра, то говорили:

— Чего это он торопится из дому уходить? Не сладка, должно быть, семейная жизнь его.

А когда он оставался дома дольше обыкновенного, те же самые толковали:

— Чем, думаете вы, он занят там? Сидит и придумывает какие-нибудь новые законы и правила для нас!

Доходило до того, что приводили малюток своих и, бросая их на колени к Моисею, кричали:

— Скажи, Бен Амрам, где то довольство, которое ты создал для малых сих? Где пропитание, которое ты для них наготовил?.. *(Иалк.)*.

XVI. ГОРА ОР

На пути следования Израиля в пустыне сопровождавший их столп облачный возвышенности сглаживал, а низины повышал до одного уровня, дабы сделать путь менее утомительным, и только на местах стоянок оставлялось одно более возвышенное место — для скинии. Из гор же сохранились лишь три: Синай — для Шехины, Нево — место погребения Моисея — и Ор — место погребения Аарона *(Танх. Гак.)*.

XVII. КОНЧИНА ААРОНА

Когда наступило время Аарону покинуть земной мир, Господь сказал Моисею:

— Иди к Аарону и скажи ему, что час его пришел.

Встал Моисей рано утром, подошел к шатру Аарона и стал звать его: "Аарон, брат мой, выйди ко мне!"

Вышел Аарон и спрашивает:

— Что заставило тебя встать так рано и прийти ко мне?

— Этой ночью, размышляя о мудрости божественной, я остановился над одним вопросом, которого никак уяснить себе не мог. По этому поводу я и пришел к тебе.

— А какой это вопрос?

— На память я объяснять этого не могу; требуемое место находится в книге "Бытия". Принеси книгу эту, и почитаем ее.

Принес Аарон книгу "Бытия", и стали они вместе читать главу за главой, и после каждого повествования Аарон приговаривал: "Как хорошо сделано все Господом, как прекрасно все сотворено Им на свете!"

Когда дошли до рассказа о сотворении человека, Моисей заговорил:

— Что сказать об Адаме, который грехопадением дал смерти доступ к миру? И меня, который брал верх над духами небесными, и тебя, который был в силах ангела смерти останавливать, — даже нас не тот ли ждет конец? Долго ли нам жить осталось?

— Недолго, брат мой!

Продолжая таким образом, Моисей постепенно подготовил Аарона к мысли о близости кончины его. Почувствовал Аарон, что приблизился час его, и говорит:

— Не ввиду ли этого ты и разговор весь завел?

— Да, брат мой!

Видевшие Аарона в эту минуту заметили — точно умалился сразу рост его.

И взмолился Аарон:

— Сердце мое трепещет во мне, и ужасы смертные напали на меня.

— Готов ли ты к смерти? — продолжал Моисей.

— Я готов, — был ответ.

— Взойдем на гору Ор.

Поднялись на гору втроем: Моисей, Аарон и Елеазар, сын Аарона.

Видел это народ, но не знал, что идет Аарон в последний путь свой. "Господь призвал его на гору", — подумали израильтяне.

На вершине горы открылась перед ними пещера. Они вошли туда и нашли там зажженный светильник и готовый, чудного вида, гроб.

Начал Аарон снимать одежды свои; снимал одну за другою, и Елеазар надевал их на себя, а вокруг Аарона туман клубился и точно пеленою обвивал его.

— Брат мой! — воскликнул Моисей. — Когда умерла сестра наша, я с тобою позаботились о ее погребении; при твоей кончине находимся я и Елеазар. Кто же в мой смертный час будет находиться при мне?

В это мгновение раздался голос Предвечного:

— Клянусь, Я сам приму душу твою!

И сказал Моисей:

— Войди, брат мой, и ложись в этот гроб.

Аарон лег.

— Протяни руки свои, — продолжал Моисей. — Закрой глаза. Смежи уста.

Одно за другим исполнил Аарон. Тогда сошла Шехина, облобызала его — и отлетела от Аарона душа его.

Моисей и Елеазар склонились к усопшему и стали целовать ланиты его. Но сошло Облако Славы и заволокло гроб Аарона, а глас небесный прозвучал: "Удалитесь отсюда". И едва Моисей и Елеазар вышли из пещеры, вход закрылся за ними.

Израильтяне стояли у подножия горы, ожидая их возвращения. Заметив сходящими с вершины Моисея и Елеазара и не видя между ними Аарона, стали недоумевать, предчувствуя недоброе. А народ любил Аарона за миролюбие и миротворчество его. Этой минутою воспользовался Сатана и начал подстрекать народ против Моисея и Елеазара. Пошел ропот кругом. Одни говорили: "Это Моисей убил Аарона из зависти". Другие: "Убил его Елеазар, дабы поскорее унаследовать сан первосвященника". Третьи допускали возможность и естественной кончины его. Когда же приблизились Моисей и Елеазар, все окружили их и стали допрашивать:

— Куда девался Аарон?

— Господь принял его для жизни вечной, — отвечал Моисей.

— Мы не верим тебе! — закричал народ. — Он, быть может, обидное слово сказал тебе, и ты приговорил его к смерти.

С камнями в поднятых руках стал наступать народ на Моисея и Елеазара, угрожая тут же покончить с ними. И вдруг — открылась пещера; ангелы подняли гроб с телом Аарона и вознесли его высоко над землею. Медленно плыл гроб в лазурной вышине, и пение ангельское раздавалось вокруг него.

"Он отходит к миру, — пели ангелы, — да будет покоиться на ложе своем".

"И оплакивал смерть Аарона тридцать дней весь народ Израилев".

Плакали мужчины, плакали женщины. В то время как Моисей был неумолим в отношении малейшего закононарушения, Аарон кротостью своей очаровывал каждого. Никто от него не слыхал: "Ты — грешник", или "ты — грешница!". Встретится он с человеком злым, преступным, он первый обратится к нему с приветствием и слово ласковое скажет. Придет тому на ум дурное дело совершить, вспомнит он об Аароне и подумает: "Горе мне! Как же я после этого в лицо ему взгляну?" Или — узнает Аарон о распре между двумя людьми. Придет он к одному и говорит: "Вот, ты в злобе на товарища своего, а послушал

бы, что он втайне говорит про тебя: "Сердце мое, — говорит, — сжимается от боли. Я глубоко раскаиваюсь и готов волосы на себе рвать от отчаяния, что не смею в глаза взглянуть товарищу моему, перед которым я один во всем виноват". И не уйдет, покуда не увидит, что не осталось более ни капли злобы в душе этого человека. От него пойдет Аарон к другому с теми же увещательными и ласковыми словами. Встретятся эти люди и кинутся в объятия друг к другу. Вот почему смерть Аарона вызвала глубокую скорбь во всем народе.

(Ialк.; Сиф.-З.; Аб. д. Нат., 12)

XVIII. ПОТОК АРНОН

"Наполняйся, водоем! Пойте ему!"

У потока Арнон произошло столкновение израильтян с Сигоном, царем Есевонским[1].

Поток этот протекал между двумя косогорами, настолько близкими друг к другу, что, стоя на вершине одной горы, человек мог легко переговариваться с другим человеком, стоящим на противоположной возвышенности. Дорога шла, спускаясь к потоку и снова поднимаясь в гору. Израильтяне обыкновенно выбирали путь поближе к местам, орошенным водою.

Косогор с одного берега был изрыт множеством пещер, противоположный же представлял ряд скалистых выступов, по форме своей напоминавших женские груди.

В этом-то месте Сигон сосредоточил несметные боевые силы свои. Часть их расположилась у потока, чтобы преградить путь израильтянам, остальные засели в пещерах, дабы сверху ударить на них же. Но израильтянам не пришлось спускаться вниз, к потоку: по мановению перста Господнего, оба косогора над потоком сдвинулись тесно один к другому, уступы одного вошли в пещерные отверстия другого — и всех находившихся там аморреян раздавило насмерть. Вершины же косогоров слились так плотно, что невозможно было различить прежней разобщавшей их линии.

В то же время чудесный колодезь Израиля спустился к потоку и, ополоводившись еще более прежнего, затопил последние остатки аморрейских богатырей, подобно тому, как воды Чермного моря затопили египтян.

Израильтяне проходили вершиною соединившихся косогоров, не видя и не зная всего совершившегося. Но, по воле Всевышнего, воды колодца проникли и в пещеры и начали вымывать оттуда несметное множество голов, рук, ног растерзанных аморреян. Израильтяне стали оглядываться, не находя колодца на обычном его месте, и, наконец,

---

[1] К этому царю Моисей отправил послов из пустыни Кедемоф, чтобы сказать ему: "Позволь пройти мне землею твоею. Я пройду дорогою, не сойду ни направо, ни налево. Пищу продавай мне за серебро и воду для питья давай мне за серебро, — доколе не перейду за Иордан". Но Сигон не позволил израильтянам пройти через свою землю.

6-760

увидели его вдали, где кончались косогоры и открывалось течение Арнона. Колодезь светился мягким лунным блеском, а воды его продолжали выносить из пещер тела погибших воинов. Стоя у потоков, израильтяне воспели гимн колодцу:

"Наполняйся, водоем!
Славы песнь колодцу пойте!
Водоем князья копали,
И народные вожди
С начертателем Закона
Вырыли его жезлами...
Наполняйся, водоем!"

(Танх. Гак.)

XIX. ОГ, ЦАРЬ ВАСАНСКИЙ

При приближении к границам Едреи, Моисей объявил народу:

— Здесь остановимся на ночлег, а завтра пойдем на приступ и возьмем Едрею.

На рассвете, когда глаз едва еще различал окружающее, Моисей, вглядываясь в даль, увидел какую-то гигантскую массу, возвышающуюся над вершиною городской стены. "Что это? — подумал Моисей. — Не сделали ли за ночь новую надстройку?" Но эта гигантская масса — был сам царь Васанский, Ог. Великан сидел на стене, и ноги его достигали до земли.

— Не бойся его, — сказал Господь Моисею.

Ог, сидя не стене, размышлял так:

— Весь стан Израилев сколько занимает? Всего три парса. Пойду выломаю скалу протяжением в три парса, обрушу ее на израильтян и убью всех до единого.

Выломал Ог скалу длиною в три парса и понес, положив ее себе на голову. Явился ангел Господен и просверлил в скале отверстие как раз над головою Ога. Опустилась скала Огу на плечи. Стал он делать усилия, чтобы освободиться от скалы, но тут передние зубы его начали вытягиваться, удлиняться наподобие слоновых клыков, вонзились в скалу, и Огу так и не удалось освободиться от скалы.

Моисей был ростом десять локтей. Взял он топор длиною в десять локтей и, подпрыгнув настолько же локтей, подрубил Огу лодыжки и умертвил его *(Бер., 54; Нида, 24)*.

XX. ВАЛААМ

Ввиду приближения израильтян, моавитяне пошли держать совет со старейшинами мидианскими.

— Вождь израильский, — рассуждали они, — пробыл долго в Ми-

диане; от туземных старожилов мы и узнаем, каковы особенности этого человека.

— Неотразимая сила слова, — отвечали мидианские старейшины, — вот что составляет главную особенность этого человека.

— Тогда и мы, — решили моавитяне, — выставим против него человека, обладающего таким же даром.

Мидиане вели постоянные распри с моавитянами, и вражда между ними была исконная. Но теперь, ввиду общей опасности, они заключили союз между собою.

Так грызутся две собаки, пока волка поблизости не заметят.

Мидиан и Моав, — это что говорится: хорек да кошка над одним салом пир устроили.

"И сказал Господь Валааму: "Не ходи с ними".

— Так я отсюда прокляну израильтян, — сказал Валаам.

— Не проклинай народа.

— Так я благословлю его.

— Он в твоем благословении не нуждается, ибо он уже благословен.

Как пчеле говорят: " Ни твоего меда, ни жала твоего".

— С вершины скал я вижу его.

Этот стих указывает на всю глубину ненависти Валаама к Израилю; даже из его благословения узнаешь затаенные мысли его. Чтобы уничтожить дерево, человек опытный не станет обрубать ветви его, ветку за веткой, а разгребет землю, обнажит корни и срубит дерево вместе с корнями. Так и Валаам: стоя на вершине скалы, он говорил:

— Не дело это будет — проклинать каждое колено в отдельности: до корня их, до самого основания доберусь и срублю дерево ненавистного мне народа.

Попытался — и не по силам это оказалось для него. И наитяжелую каменную глыбу сдвинуть можно, если она поверх земли лежит. Народ же этот подобен скале, основанием своим укрепившейся в бездонных недрах земли *(Бам.-Р., 20; Танх.Гак.; Танх.)*.

XXI. ДОЧЕРИ СЕЛАФААДА

Пять дочерей Селафаада, из колена Манасиина, отец которых умер, предстали пред Моисеем, Елеазаром, князьями и всем обществом и сказали:

— Дай нам удел среди братьев отца нашего.

Моисей представил дело их Господу. Господь же сказал Моисею:

— Дочери Селафаадовы правы; дай им наследственный удел среди братьев отца их и отдай им также удел их умершего отца.

— Да, — говорили дочери Селафаада, — Божие милосердие не то, что милосердие человеческое: Бог не делает разницы между мужчиной и женщиной.

В этом случае, говорил раби Натан, сказалось превосходство женщин над мужчинами, в смысле цельности и силы характера: мужчины, при первом испытании, готовы были возвратиться к неволе египетской; женщины же стремились закрепить за собою удел в собственной, свободной стране *(Сифра; Иалк.)*.

XXII. ВОЙНА С МИДИАНОМ

Господь сказал Моисею:

— Отомсти мидианитянам за сынов израилевых и после отойдешь к народу своему[1].

Моисей повелел воинам вооружиться и выступить против мидианитян под предводительством Финеаса, внука Аарона, сам же в этой войне не участвовал. "Мидиан, — сказал Моисей, — был моим убежищем, и недостойно меня принимать личное участие в его поражении".

Поговорка гласит: "Не бросай камня в колодец, из которого ты пил воду".

Произнесши благословение свое над Израилем, Валаам не преминул, однако, дать Валаку такой совет:

— Бог израильтян ненавидит блуд. Блудом ты и постарайся обольстить их.

Сделал это Валак таким образом:

Зная, что израильтяне любят всякия сласти, он велел понастроить навесы для торговли сластями, а продавщицами посадить блудниц. Когда израильтяне разбрелись по улицам и базарам, блудницы стали предлагать им сласти и вина аммонитского. Вино же аммонитское производит возбуждающее действие. Выпив вина, израильтянин начинал приставать к блуднице, прося ласк ее. Тогда женщина, вынув спрятанный у нее на груди идол, говорила:

— Поклонись богу моему — и я подарю тебе ласки мои.

— Но ведь я — израильтянин, — возражал он ей.

— Что за важность! — отвечала она. — Ты только обнажись перед изображением этим.

---

[1] "Отойти к народу своему" — умереть.

Не знали израильтяне, что в этом именно и заключается обряд поклонения идолу Ваал-Пэору. И не отставала блудница, пока не доводила израильтянина до нарушения Завета Моисеева, о чем и гласит Писание:

"Пошли израильтяне к Ваал-Пэору и предались постыдному, и сами стали мерзкими, как те, которых возлюбили".

В войне с мидианитянами был убит израильтянами и Валаам, в то время, когда он пошел к Валаку потребовать вознаграждения за двадцать четыре тысячи израильтян, павших благодаря его совету Валаку.

Оправдалась поговорка: "Пошел верблюд рогов просить, ему и уши отрезали" *(Сифра; Бам.-Р., 22; Санг., 106).*

XXIII. ОДЕЖДА И ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

— Уходя из Египта, взял ли народ с собою ткани для одежды? — спросил раби Елеазар.

— Нет, — ответил раби Симеон.

— Во что же они одевались в продолжение сорока лет в пустыне?

— Одежда доставлялась для них духами небесными.

— И хорошо носилась одежда эта?

— А ты не читал разве, что написано? "Одежда твоя не ветшала на тебе вот уже сорок лет".

— Но ведь люди растут, и дети становились взрослыми?

— С детьми происходило то, что с улиткою происходит: вместе с нею растет и ее раковина.

— И одежда эта не требовала частого мытья и чистки?

— От соприкосновения с чудесным Облаком одежда очищалась, получала первоначальный вид свой и становилась свежей и блестящей.

— И огненное Облако не сжигало ее?

— Ткань этой одежды обладала свойствами асбеста.

— И паразиты не заводились в ней?

— Людей того поколения и в могиле червь не трогал, а тем более — при жизни.

— Но все-таки — испарения кожи...

— Водою чудесного колодца вымывало различные пряные травы и коренья, которые израильтяне расстилали и катались по ним, как по луговой траве. Благоухание от этих злаков было удивительное по приятности и силе своей.

Ведомый так благодатной десницей Всемилосердного, живя в довольстве и побеждая на поле брани, народ воспевал хвалу Господу:

"Господь — мой Пастырь, и ни в чем
Нужды не знаю я.
Среди душистых луговин
Покоит Он меня;
Приводит к лону тихих вод
И крепость Он дает
Душе моей, ведя меня
По праведным стезям.
Долиной смертной тени я
Пройду — не устрашусь.
Твой жезл и посох Твой дают
Покой душе моей".

(Шох. Т., 23; Пес.д.К., 10)

XXIV. В КОНЦЕ СОРОКАЛЕТНЕГО СТРАНСТВОВАНИЯ

Ежегодно в канун девятого Аба, во все время пребывания народа в пустыне, Моисей объявлял по всему стану Израилеву:

— Выходите копать могилы! Выходите копать могилы!

Каждый израильтянин, выкопав себе могилу, ложился в нее на ночь. По утрам выходил глашатай, провозглашавший:

— Живые, отделитесь от мертвых!

В живых оказывалось каждый раз меньше на пятнадцать тысяч человек. Так продолжалось до тех пор, пока умерших не насчитывалось шестьсот тысяч душ[1]. В последний, сороковой год из могил встали все до единого. "Не произошла ли ошибка в счете дней?" — подумали они и легли в могилы также и на следующую ночь, но и на этот раз ни одного мертвого не оказалось, тем не менее они повторили то же самое и в ночь на одиннадцатое, и так еженощно, до пятнадцатого Аба. Когда же и на утро последнего дня встали все живыми, народ понял, что эта тяжелая кара Господня прекратилась навсегда, и этот день сделали праздником.

Этим объясняется сказанное мудрецами нашими: "Не было у израильтян высших праздников, чем пятнадцатое Аба и Иом-Кипур."

(Иеруш. Таан. Шох. Т.)

Сорок лет водил Господь израильтян по пустыне, прежде чем ввести их в землю Ханаанскую, ибо сказал Господь:

"Если Я прямым путем приведу их в Ханаан, займется каждый из них полем и виноградником своим и совершенно забросят Учение

---

[1] По преданию, эти 600 тысяч составляли комплект израильтян, выведенных Моисеем из Египта. Для заселения Ханаана и образования самостоятельного израильского государства эти египетские выходцы были наименее подходящим элементом.

Мое. Надо, чтобы сначала дух Истины Господней глубоко внедрился в души их".

Сорокалетнее кочевание являлось необходимым еще по другой причине. Проведав о том, куда именно направляются израильтяне, и полагая, что они пойдут кратчайшим путем, хананеяне поторопились собственными руками опустошить страну: сожгли посев, выкорчили деревья, вырубили насаждения, разрушили постройки и засорили источники. За сорок лет страна успела снова обстроиться и принять прежний цветущий вид свой, став той Землей Обетованной, которую Господь обещал Аврааму отдать народу израильскому *(Танх.)*.

"Когда придете в землю, которую Господь Бог дает вам, и посадите какое-либо плодовое дерево". — — —

Подобно курице, которая, пока птенцы ее малы и слабы, подбирает их под крыло свое, телом своим греет их, роется в земле, ища корма для них, — Моисей нес все заботы о народе в продолжение сорока лет пребывания его в пустыне: небесная манна, чудесный колодезь, прилет перепелов — все было готово для них. Облака Славы Господней окружали их; Столп Облачный путеводно шел впереди них. Когда же им пришло время поселиться в земле своей, Моисей, в предупреждение им, и сказал:

— Отныне пусть каждый из вас возьмет полольник и сам приготовит место для посевов и посадок *(Ваик.-Р., 25)*.

XXV. ДАР ЯСНОВИДЕНИЯ

"И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей". Всем прочим пророкам видения являлись в теневых очертаниях; перед Моисеем же видения возникали в светящихся, отчетливых образах. О первых сказано: "Через пророков проявляю Я подобие Мое"; о Моисее: "Явно, а не в гаданиях образ Господа он видит".

Пятьдесят ворот ведут в сокровищницу Разума, и все, за исключением одних, стали доступными для Моисея на Синае, — как сказано: "Немногим Ты умалил его перед Всеведущим".

"И возьму от Духа, который на тебе, и возложу на них" (на старейшин).

Ошибочно было бы думать, что от этого пророческий дар Моисея сколько-нибудь умалился. Моисей в то время был подобен светильнику, от которого зажигают другие светильники и свет которого от этого нисколько не уменьшается *(Иеб., 49; Нед., 38; Танх. Гак.)*.

XXVI. ЕЛДАД И МЕДАД

"Двое из мужей оставались в стане".

Существует такое объяснение:

Когда Господь сказал Моисею: "Собери Мне семьдесят мужей из старейшин Израилевых", стал Моисей размышлять: "Как сделать это? Выберу от каждого колена по шести человек, окажется двое лишних; выберу по пяти от колена, не будет доставать десяти; выбрать от одних колен по шести и от других — по пяти, я поселю зависть между теми и другими коленами". Что же Моисей сделал? Выбрал от каждого колена по шести человек, взял семьдесят две записки, на семидесяти написал слово "старейшина", а две оставил пустыми. Смешав вместе все семьдесят две записки, положил их в урну и сказал: "Подходите и вынимайте жребий". Тому, кто вынул записку с надписью "старейшина", Моисей говорил: "Небо давно освятило тебя"; тому же, кем вынута была пустая записка, говорил: "Господь не пожелал тебя, что же я могу сделать для тебя?"

Раби Симеон говорил:

— "Оставались в стане" означает: не выходили из шатров своих. Когда Господь повелел Моисею выбрать семьдесят человек в старейшины, Елдад и Медад сказали: "Недостойны мы такого почета". Тогда сказал Господь": "За то, что вы сами умалили достоинство свое, я прибавлю славы славе вашей". Сказалось же это в том, что прочие пророки временно только проявили дар свой, а Елдад и Медад не переставали пророчествовать. Они же и прорицали: "Моисей умрет, а израильтян в Обетованную Землю введет Иегошуа" *(Санг., 17)*.

XXVII. МОИСЕЙ И ИЕГОШУА

"Да поставит Господь, Бог духов, для всякой плоти; человека над обществом этим".

Сознавая, что сыновья его не достойны стать после него вождями народными, облачился Учитель наш Моисей и стал с молитвой на устах перед Господом.

— Владыка мира! — взывал Моисей. — Поведай мне, кому народом предводительствовать? Да поставит Господь, Бог духов, такого вождя, который мог бы управлять "всякой плотью", ибо, Владыка, Тебе ведомо, как различно направление мыслей каждого из них, и я, перед вечной разлукой с ними, молю Тебя, если угодно Тебе поставить над ними вождя, поставь такого человека, который терпеливо руководил бы ими, сообразуясь с особенностями каждого из них.

И Господь сказал Моисею: "Возьми себе Иегошую, сына Навина".

Посвящая Иегошую в вожди над народом, Моисей говорил ему:

— Поручая тебе народ этот, я вверяю тебе не козлищ, но козлят, не овец, но агнцев. "Иди по следам стад и паси козлят твоих подле шатров пастушеских" *(Танх. Гак.; Аб. д. Нат., 17)*.

"И дай ему от славы твоей", — от славы, но не всю славу. Старики того поколения говаривали: "Лик Моисея подобен солнцу; лик Иегошуи — что лик луны. Горе и стыд нам, что мы дожили до этого!"

(Б.-Б., 75)

XXVIII. КОНЧИНА МОИСЕЯ

"И сказал Господь Моисею: вот, приблизились дни твои к смерти".

Про это и гласит сказанное: "Хотя бы и возросло до небес величие его, и голова его касалась облаков — погибнет и он, и видевшие его будут говорить: где он?"

О чем говорится в этом стихе, если не о смертном часе? Даже имей человек крылья и летай подобно птице в небе, придет смертный час, сломаются крылья, и он упадет на землю.

"Хотя бы возросло до небес величие его". Моисеем это достигнуто было: он всходил на небо, облака попирал ногами, Ангелам Служения уподоблялся, с Господом говорил лицом к лицу и Тору из рук Господних восприял, а пробил час его, Господь сказал ему: "Приблизились дни твои к смерти!"

Видя, что приговор над ним скреплен печатью Всевышнего, очертил вокруг себя Моисей тесный круг и, стоя на середине его, воззвал к Господу, говоря:

— Владыка мира! Я не тронусь отсюда, пока ты не отменишь приговора Твоего!

Возложил на себя Моисей вретище и облекся во вретище, в пепел вывалянное, и дотоль возносил моления и мольбы свои к Господу, пока небо, и земля, и весь строй мироздания не пошатнулись при мысли: не пришло ли Господу желание мир заново перестроить?

— Нет, — прозвучал Глас Небесный, — еще не явилось желание у Всевышнего мир перестроить, но — "в Его руке душа всего живущего"[1].

Что в этот час сделал Господь? Провозгласил у каждых ворот каждого из семи небес, чтобы не восприяли молитвы Моисея и не возносили ее пред Ним, потому что приговор над Моисеем уже скреплен Печатью Всевышнего. Когда же голос молитвы Моисеевой усилился и стал достигать все большей высоты, призвал Господь Ангелов Служения и сказал: "Наискорей сойдите и замкните все Врата Небесные". Ибо молитва Моисея подобна была мечу, который рубит и рассекает без удержу.

В это время Моисей взывал к Господу:

— Владыка вселенной! Перед Тобою открыто и Тебе ведомо,

[1] Т. е. — дело идет о кончине одного человека.

сколько труда я положил и сколько скорби я испытал, чтоб народ израильский уверовал в святое имя Твое; сколько скорби я принял, пока не установил среди них Законы и Повеления твои. Я говорил себе: так же, как я в несчастии видел их, я и в счастии их увижу. Теперь же, когда счастье народа близко, Ты говоришь мне: "Ты через Иордан не переедешь". Ведь свою же Тору Ты неправдивою делаешь. В Торе сказано: "В тот же день отдай плату его" (наемнику). Это ли плата моя за сорокалетнюю работу, совершенную мною, чтобы сделать израильтян народом святым и верным Тебе?

— Таков приговор Мой! — ответил Господь.

— Господи! — взмолился Моисей. — Если Ты решил не вводить меня в землю Израильскую, оставь меня жить подобно полевым зверям, которые питаются травою, пьют воду и взирают на мир Божий, — как любой из них пусть живет душа моя.

— Довольно! — сказал Господь.

— Господи! — продолжал Моисей. — Если и этого не желаешь Ты, дай мне жить подобно птице, летающей в воздухе по всем четырем сторонам света, каждодневно подбирая пищу свою, а вечером возвращаясь в гнездо свое. Подобно птице любой пусть живет душа моя.

— Довольно! — ответил Господь.

— Господи! — продолжал Моисей. — Если живой я не войду в Обетованную Страну, да буду я внесен туда мертвым, так же, как будут внесены кости Иосифа туда.

Отвечал Господь:

— Моисей! Когда Иосиф пришел в Египет, он не выдавал себя за иноплеменника, но заявил, что он израильтянин; ты же, придя в Мидиан, скрыл, что ты израильтянин.

Всплыли солнце и месяц с неба в Зебул[1)] и сказали:

— Владыка! Если Ты суд праведный совершишь над Бен Амрамом, мы далее будем светить, если же нет, мы светить не будем.

Метнул в них Господь стрелами и копьями, говоря:

— Изо дня в день язычники поклоняются вам — и вы продолжаете светить; Моего достоинства вы не отстаиваете, а за достоинство смертного заступаетесь!

Видя, что не внимают ему, обратился Моисей к Небу и Земле:

— Вымолите милость для меня!

Отвечали Небо и Земля:

— Чем молить о милости для тебя, лучше будем молить о милости для нас самих, про которых сказано: "Небеса истреплются, как дым, и земля обветшает, как одежда".

Обратился Моисей к Солнцу и Луне:

— Вымолите милость для меня!

Отвечали Солнце и Луна:

---

1) Третье небо. Об этом см. впереди, в соответствующем отделе.

— Чем молить о милости для тебя, лучше будем молить о милости для нас самих. Ибо сказано: "И побледнеет луна, и устыдится солнце".

Стал Моисей Звезды и Планеты просить:

— Вымолите милость для меня!

Отвечали Звезды и Планеты:

— Чем молить о милости для тебя, лучше будем молить о милости для нас самих. Ибо сказано: "И истлеет все воинство небесное".

К Горам и Холмам обратился Моисей:

— Вымолите милость для меня!

Отвечали Горы и Холмы:

— Чем молить о милости для тебя, лучше будем молить о милости для нас самих. Ибо сказано: "И горы сдвинутся, и холмы падут".

Пришел Моисей к Морю и просить стал:

— Вымоли ты милость для меня!

— Бен Амрам, — отвечало Море, — как не похож день нынешний на минувшие дни! Ведь это ты, тот самый Бен Амрам, который подошел, ударил посохом по мне — и расступились воды на двенадцать путей, и не могло я противостать тебе из-за Шехины, шествовавшей одесную тебя. А ныне — что приключилось с тобою?

Напомнило Море Моисею о прошлых подвигах его, и воскликнул Моисей:

— О, если бы я был теперь, как в далекие времена мои! В то время, Море, когда я стоял над тобою, я был царем в мире, теперь я простерт во прах — и не взирают на меня!

К Духу Лика Святого[1] обратился Моисей:

— Испроси милость для меня, чтобы не умер я!

— Моисей, учитель мой! — отвечал Дух Лика Святого. — К чему усилия эти? Из-за Завесы слышал я, что в этом деле не будет услышана молитва твоя.

Сомкнул руки свои Моисей над головой своей, и рыдал он, и вопил:

— К кому же, к кому пойду я о милости молить?

Великим гневом преисполнился Предвечный, пока не раздалось из уст Моисея:

— Господь, Господь, Бог милосердный и многомилостивый[2]!

Тотчас же отошел гнев Святого Духа. И сказал Господь Моисею:

— Моисей! Две клятвы произнесены Мною: одна — истребить народ с лица земли, — когда "дело оно"[3] было им совершено; другая клятва — что ты умрешь, не войдя в Обетованную землю. Первую клятву Я отменил, вняв мольбе твоей: "Прости!" Ныне ты вновь желаешь, чтобы Свое Я отменил, а твое исполнил: "Дай мне перейти, —

---

[1] Архангел Мататрон, бодрствующий перед Ликом Предвечного.

[2] Слова, возглашенные Господом при вторых скрижалях.

[3] Поклонение тельцу.

просишь ты, — и увидеть ту землю". Двух крайностей ты требуешь. Нет, одно из двух: желаешь ты, чтоб Я вторую просьбу твою исполнил, откажись от первой просьбы своей; а если ты настаиваешь на первой просьбе, откажись от второй".

Услыша это, Моисей воскликнул:

— Лучше пусть погибнет Моисей и тысячи ему подобных, нежели поврежден был бы один хотя ноготь у единого из народа!

И далее говорил Моисей:

— Владыка вселенной! Неужели стопам, которые всходили на небо, лицу, которое восприяло лик Шехины, и рукам, восприявшим Тору из рук Твоих, — неужели им стать достоянием праха?

— Так замыслил Я, и таков мировой порядок: у каждого поколения свои наставники, свои представители, свои вожди. Доныне служить предо Мною было твоим уделом, отныне это удел ученика твоего Иегошуи.

— Господи! — сказал Моисей. — Если я для того должен умереть, чтобы Иегошуа заменил меня, то я пойду и сделаюсь учеником его.

— Если ты желаешь этого, — ответил Господь, — иди и сделай так.

Встал Моисей и ранним утром пошел к шатру Иегошуи. Иегошуа сидел, разъясняя законы, а Моисей, поникнув головой и сложив на груди руки, стоял перед ним. В это время глаза Иегошуи смежились, и он не видел Моисея, — дабы, огорченный этим, Моисей согласился принять кончину свою. Израильтяне же между тем пришли, по обыкновению, к шатру Моисея, чтобы послушать поучения от него, и спрашивали: "Моисей, учитель наш, — где же он?" — "Ушел, — отвечали им, — к шатру Иегошуи". Пришли израильтяне к шатру Иегошуи, видят — Иегошуа сидит, а Моисей стоит, и спрашивают Иегошую: "Что это произошло с тобою, что учитель наш, Моисей, стоит, а ты сидишь?" Поднял глаза Иегошуа и, увидя Моисея, разодрал одежды свои и плача и вопя восклицать стал: "О, учитель, учитель! Отец, отец мой!" Стал народ просить Моисея: "Моисей! Учитель наш! Наставляй нас в Святой Торе!" — "Я на это не имею права", — отвечал Моисей. "Мы не отстанем от тебя!" — продолжал просить народ. Тогда голос нагорный прозвучал:

— Учитесь у Иегошуи!

И тогда народ подчинился, решив принимать наставления из уст Иегошуи.

Первое место занял Иегошуа, Моисей сел по правую руку, а сыновья Аарона по левую руку его. В это время массора Мудрости[1] отнята была от Моисея и дана Иегошуе.

Отправились к Скинии Собрания. Моисей шел по левую руку

---

[1] Массорою впоследствии стало называться учение о произношении, правописании и систематике книг Св. Писания. "Массора Мудрости" — дар проникновения во внутреннее *строение* Разума, ключ Мудрости.

Иегошуи. Вошли в Скинию. Спустился Столп Облачный и отделил их друг от друга. Когда Столп удалился, подошел Моисей к Иегошуе и спросил:

— Что говорил тебе Господь?

— А когда Господь открывался тебе, знал ли я, что Он говорил тебе?..

— О, лучше сто смертей, — воскликнул Моисей, — чем единое ощущение зависти!.. Владыка миров! Доныне я молил о жизни, отныне — отдаю Тебе душу мою!

Видя Моисея готовым к смерти, отверз Господь уста Свои, говоря:

— Кто же отныне встанет на защиту Израиля в час гнева Моего? Кто охранит на поле брани детей Моих? Кто станет испрашивать милосердия к ним, когда они согрешат предо Мною?

В это время явился Мататрон и, простершись перед Господом, сказал:

— Властитель мира! Моисей при жизни был Твой и после смерти Твой он.

Отвечал Господь притчей:

— Был у царя сын, который что ни день доводил отца до готовности убить его; спасала сына от отцовского гнева мать его. Пришло время — мать умерла. Царь безутешно плакал.

— Государь наш, царь! Зачем ты так плачешь? — спрашивали царя слуги его.

Отвечал царь:

— Не только жену я оплакиваю; плачу о ней и плачу о сыне моем: многократ я в гневе готов был убить его, и каждый раз мать спасала его от руки моей.

— Так и Я; не о Моисее только плачу Я, оплакиваю его и плачу о народе израильском: ибо, сколько раз огорчал Меня народ, вызывая гнев Мой, а Моисей заступался за него — и проходил гнев Мой.

Самаэль, глава злых духов[1)], нетерпеливо ждал смертного часа Моисея.

— Когда же, — говорил он, — придет наконец то мгновение, когда я сойду к умирающему Моисею и приму душу его? Когда наконец плакать будет Михаил, а я хохотать буду?

В это время Господь говорил Гавриилу:

— Иди, принеси душу Моисея.

— Владыка мира, — отвечал Гавриил, — умирает тот, кто шестистам тысяч равноценен был, — в силах ли я видеть смерть его?

Сказал Господь Михаилу:

— Иди, принеси душу Моисея.

— Владыка мира, — отвечал Михаил, — я был наставником Моисея, он учеником моим был. В силах ли я видеть смерть его?

[1)] Ангел смерти.

Сказал тогда Господь Самаэлю:

— Иди, принеси душу Моисея.

Оделся в гнев, опоясался мечом, злобою облачился Самаэль и выступил против Моисея. Застал он его в ту минуту, когда Моисей Шем-Гамфораш в свиток вписывал; сияние лица его было подобно сиянию солнца, и весь он ангелу Бога Воинств подобен был. Страх пал на Самаэля, трепет обуял его, слова вымолвить не мог он.

— Нечестивец! — закричал на него Моисей. — Зачем ты явился сюда?

— Принять душу твою пришел я, — ответил Самаэль.

— Кем послан ты?

— Тем, Кем сотворено все живущее.

— Иди прочь отсюда! Я желаю воспеть хвалу Всесвятому:

"Я не умру, но буду жить
И возвещать дела Господни!"

— Моисей! — сказал Самаэль. — К чему гордыня твоя? Есть кому и без тебя восхвалять Его: "Небеса вещают славу Господа".

— Я небеса молчать заставлю и буду петь славу Его:

"Внимайте, небеса, я буду говорить.
Земля да будет слушать речь мою".

— Душа каждого являющегося в мир обречена мне.

— Во мне силы больше, чем во всех в мире.

— В чем эта сила твоя?

— Слушай, — отвечал Моисей, — я — сын Амрама; трех лет от рождения я пророчествовал, возвещая, что мне предопределено из огня пламенеющего Тору приять. В чертог царский входил и с головы царской корону снимал. Восьмидесятилетним старцем я совершал в Египте знамения и чудеса, шестьсот тысяч народа перед глазами всего Египта на волю вывел, море на двенадцать частей рассек, взошел и дорогу в небесах проложил, в бранях ангельских участвовал, сонмища небесные побеждал и таинства их перед людьми разоблачал; с Господом говорил лицом к лицу, Закон Огненный приял из десницы Его и народ Закону этому поучал; с Сигоном и Огом, двумя богатырями народов земных, я в бой вступал и посохом, который в руке моей, поразил их; солнце и луну в зените их останавливал, — кто из живущих в мире подобное совершить может? Уйди, беги прочь от меня! Не отдам я тебе души моей!

Возвратился с ответом Самаэль к Силе Небесной.

— Иди и принеси душу Моисея! — было вновь веление Господне.

Извлек из ножен меч свой Самаэль и предстал перед Моисеем.

Вознегодовал Моисей, сжал в руке божественно-чудный посох с

начертанным на нем Шем-Гамфораш и начал изо всех сил разить Самаэля. Самаэль бросился бежать. Вооружённый неотразимым Шем-Гамфораш, Моисей настиг его и, сорвав с чела своего луч, исходивший от междубровия его, ослепил князя смерти, Самаэля.

Раздался Глас небесный:

— Приблизился час, когда ты должен покинуть мир земной.

— Владыка! — взмолился Моисей. — Зачти мне тот день, когда ты в несгораемом кусте открылся мне; зачти мне то время, когда я сорок дней и сорок ночей стоял перед Тобою на горе Синайской. Молю Тебя: не предавай меня в руки Ангела Смерти!

— Не страшись, — прозвучал Небесный Голос, — Я Сам буду при тебе и совершу погребение твое.

— Повремени, Господи, — воззвал Моисей, — чтобы я мог благословить народ: я всю жизнь постоянными предостережениями и нареканиями досаждал ему.

Начал Моисей благословлять каждое колено отдельно, но, чувствуя, что времени осталось мало, дал им одно общее благословение.

— Израильтяне! — сказал он. — Много огорчал я вас законами и постановлениями и ныне прошу — простите меня!

— Учитель и Господин наш, — отвечали израильтяне, — мы прощаем тебя.

Встал и народ перед Моисеем, говоря:

— Моисей, Учитель наш! Много тебя гневили мы и много отягощали тебя. Прости нас!

— Прощаю, — сказал Моисей.

Зазвучал Небесный Голос:

— "Минута кончины твоей приближается".

— Благословенно Имя Его, Живого и Сущего во веки веков! — возгласил Моисей и, обращаясь к народу, сказал:

— Прошу вас, когда вы войдете в Землю Обетованную, поминайте меня, поминайте кости мои, говорите: "Горе Бен Амраму! Горе тому, кто подобно коню мчался впереди нас, а кости его остались лежать в пустыне!"

Зазвучал Небесный Голос:

— Полминуты осталось до кончины твоей.

Сложил Моисей руки свои на груди и сказал народу:

— Глядите, вот конец созданного из плоти и крови!..

Встал Моисей, принял освящение подобно серафимам, — и сошел Господь с Вышних Высот, чтобы принять душу его, и три Ангела Служения шествовали с Господом: Михаил, Гавриил и Сагсегель. Михаил постлал ложе Моисею, Гавриил разостлал ризу висонную в изголовье, Сагсегель — в ногах. Михаил встал с одной стороны ложа, Гавриил — с другой стороны.

“Моисей! — раздался голос Господа. — Закрой глаза”.
Моисей закрыл глаза.
“Сложи руки свои на груди”.
Моисей сложил руки.
“Выпрями ноги”.
Моисей выпрямил ноги.
Тогда воззвал Господь к душе Моисея:

— Дочь моя! Сто двадцать лет Мною было определено тебе жить в теле Моисея, ныне пришло тебе время выйти из него. Выходи, не медли!

— Владыка! — отвечала душа. — Я знаю, что Ты Бог всех духов и Властитель всех душ; Ты меня сотворил, Ты вдунул меня в тело Моисея на сто двадцать лет. Ныне же — есть ли во всем мире тело чище Моисея? Я люблю его, и я не желаю выйти из него.

— Выйди, — сказал Господь, — и Я вознесу тебя в Вышние Высоты и поселю тебя под сенью Престола Славы Моей, вблизи херувимов и серафимов...

Облобызал Господь Моисея — и лобзанием принял душу его.

Возрыдал Дух Святой, восклицая: “И не было более во Израиле пророка такого, как Моисей!”

Плакали небеса и говорили: “Не стало благочестивого на земле!”

Плакала земля и говорила: “Праведнейшего из людей не стало!”

Ангелы Служения плакали, говоря: “Правду Господню осуществил он”.

Плакал народ и говорил: “Он суд творил во Израиле”.

И все вместе возглашали: “К миру отходит он. Да упокоится на ложе своем...” *(Деб.-Р., 7, 11; Танх.; Танх. Гак.; Иалк.; Нед., 39).*

XXIX. МОГИЛА МОИСЕЯ

“И похоронил его в долине, в земле Моавитской, против Бет-Пэора”.

Раби Берехия говорил:

— Указания подробнейшие, и тем не менее — “никто не знает места погребения его до настоящего дня”.

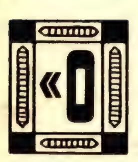
Посылали когда-то из Рима к гарнизону Бет-Пэорскому с запросом: “укажите, где погребен Моисей?” Но указать никто не мог: стоят на горе — могила видна в долине; сойдут в долину — могила видна на горе. Разделятся на две группы — и тем, которые наверху, кажется, что могила внизу, а тем, которые снизу, могила виднеется наверху, во исполнение сказанного: “И никто не знает места погребения его до настоящего дня”.

Раби Хама бераби Ханина говорил:

— Ради чего скрыта могила Моисея от глаз человеческих? Того ради, что открыто и ведомо было Всеблагословенному, что Храм имеет быть разрушен и народ изгнан из земли своей; не пришли бы тогда на могилу Моисея, плача и моля: "Моисей! Учитель наш! Встань, молись за нас!" — и, встав из могилы, не вымолил бы Моисей отмены рокового приговора: ибо, праведники угодны Господу после смерти еще более, нежели при жизни своей *(Сот., 13 — 14).*

СУДЬИ. ЦАРИ. ПРОРОКИ.

I. ИЗБРАННАЯ ЗЕМЛЯ



«Он стал и измерил землю".

Измерял Господь все народы земли — и не нашел народа, достойного восприять Тору, кроме одного — "поколения пустыни".

Измерял Господь все горы — и не нашел другой горы, чтобы на ней дать людям Закон, кроме Синая.

Измерял Господь все города — и не нашел города для построения в нем Святого Храма, кроме Иерусалима.

Измерял Господь все страны — и не нашел страны, достойной стать владением Израиля, кроме земли Ханаанской *(Ваик.-Р., 13).*

II. ИЕГОШУА НАВИН

Когда народ двинулся, чтобы переходить через Иордан, "то, лишь только ноги священников, несших ковчег, погрузились в воду Иордана, вода, текущая сверху, остановилась и стала стеною".

Вода собиралась кучевыми массами и сводообразно подымалась вверх, свод над сводом, достигая более трехсот верст в вышину, так что все цари Востока и Запада могли наблюдать это *(Сот., 34).*

"Согрешил Израиль, — сказал Господь Навину, — взяли из заклятого, и украли, и утаили"[1].

— Кто именно, Господи? — спросил Иегошуа.

— Разве Я — соглядатай? — отвечал Господь. — Кинь жребьи и узнаешь.

Кинул Иегошуа жребьи, и пал жребий на Ахана.

— Уликою против меня ты считаешь жребий, — возражал Иегошуе Ахан, — а вот, кинь жребьи между собою и Елеазаром-священником, и падет жребий на одного из вас.

---

[1] На войне с жителями Гая (кн. I. Навина, VII).

Начал Иегошуа вглядываться в двенадцатикамение на хошене первосвященника и видит: камень колена Иудина потускнел (ибо таково было свойство хошена: когда колено делает угодное в очах Господних, камень этого колена горит ярким блеском, камень же того колена, которое впало в грех, становится тусклым).

Увидя это, Иегошуа сказал Ахану:

— Сын мой! Воздай славу Господу, Богу Израилеву, принеси перед Ним покаяние.

— Действительно, я согрешил! — ответил тотчас Ахан.

(Танх.)

"Стой, солнце, над Гаваоном!"

Отвечало солнце Иегошуе:

— Мне говоришь ты стой? В обычае ли это, чтобы младший приказывал старшему? Я сотворено было в четвертый день, а ты в шестой, и ты же мне говоришь: "стой!"

— Раб лукавый! — воскликнул Иегошуа. — Не невольнику ли, за деньги купленному, подобно было ты для предка моего?[1] Не таким ли видел он тебя во сне своем: "Вот, солнце и луна, и одиннадцать звезд поклоняются мне?"

Тотчас же "остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим" *(там же; Иалк.)*.

Иегошуей были отчеканены монеты, имевшие хождение повсюду. На этих монетах были изображения: с одной стороны — вола, с другой — буйвола *(Эр., 22; Бер.-Р., 39)*.

III. ИЕФФАЙ И ЕГО ДОЧЬ

Иеффай был человеком невежественным, "сучком сикоморинным"[2], и, благодаря этому, он дочь свою погубил.

Выступая войной против аммонитян, Иеффай дал обет Господу, сказав:

— Если Ты предашь аммонитян в руки мои, то, по возвращении моем с миром, *что* выйдет из ворот дома моего навстречу мне, будет обречено Господу, и вознесу сие на всесожжение.

Тогда же вознегодовал на него Господь, говоря:

— Ведь если навстречу ему попадется собака, свинья или верблюд, он и их в жертву мне принесет?

И суждено было его дочери выйти навстречу ему.

---

[1] Для Иосифа.

[2] Название, которое давалось человеку дурного воспитания и низкого происхождения. Иеффай же был сыном блудницы.

Когда Иеффай увидел ее, разодрал он одежды свои и сказал:

— Увы, дочь моя! Ты сразила меня! Я отверз о тебе клятвенно уста мои перед Господом и не могу отречься!

Был ведь там первосвященник Финеас?[1] Но Финеас говорил:

— Мне ли, первосвященнику, сыну первосвященника, унизиться до того, чтобы первому обратиться к грубому невежде?

А Иеффай говорил:

— Я — глава колен израилевых, глава правителей — и мне унизиться, чтобы первому обратиться к какому-то жрецу?

Из-за спора этих двух человек и погибла несчастная. Оба они повинны были в крови ее, и обоих постигла кара: от Финеаса Дух Святой отступил, а останки Иеффая были погребены по частям в разных местах Галлаада[2].

Когда Иеффай вывел дочь свою для заклания, она воззвала к нему, говоря:

— Отец! Отец! Есть ли в Торе такое повеление, чтобы израильтяне приносили в жертву детей своих?

— Обет уже дан мною, дочь моя! — был ответ.

— Но ведь и предок наш Иаков, — продолжала она, — дал обет: "Из всего, что Ты, Боже, даруешь мне, я дам Тебе десятую часть". Господь дал ему двенадцать сыновей, а принес ли он в жертву хотя одного из них?

Все это говорила Иеффаю дочь его, но он не внял словам ее, — вывел и заклал ее перед Господом.

И горестно воскликнул Дух Святой:

— Души живые требовал ли я в жертвы Мне? Чего Я не повелевал и не говорил, и что на мысль не приходило Мне! *(Танх. Гак.).*

IV. САМСОН

"И начал Дух Господен вдохновлять его в стане Дановом, между Цорою и Естаолом".

Предание от рав Асси:

— Цора и Естаол — две высокие горы. Самсон сорвал их с основания и растер их в прах одну о другую.

И воззвал Самсон к Господу, и сказал:

— Господи Боже! Вспомни меня и укрепи меня только на сей раз, о, Боже!

---

[1] Который мог бы разрешить Иеффая от обета.

[2] По преданию, тело Иеффая начало гангренизировать задолго до смерти, и отдельные члены его, по мере их отмирания, предавались погребению в разных местах.

— Владыка мира! — говорил Самсон. — Вспомни: двадцать два года я был судьей над Израилем и ни разу ни одному из них не говорил: "Переставь трость мою с одного места на другое..."

(Сот., 9 и 10).

V. ЕЛКАНА И АННА

Четыре раза в год ходил Елкана паломником в Сило[1]: три раза согласно уставу, а четвертый раз по обету. Совершал он паломничество вместе с женою, сыновьями, дочерьми, братьями, сестрами и всей родней своей. На ночлег останавливались на городских площадях. Все окрест любопытствовали, спрашивая, "куда это идете вы?"

— В Дом Господен, что в Сило, — отвечали они, — откуда исходит Учение и Уставы Господни. А вам почему бы не пойти туда? Пойдем вместе с нами.

Со слезами умиления слушатели отвечали.

— Мы пойдем с вами.

На первый раз пошло с Елканою пять семей; на следующий год пошло их десять, а еще через год жители всего округа готовы были отправиться в Сило.

Ходил Елкана в Сило каждый год другими путями, увлекая за собою жителей то одних, то других городов, пока паломничество в Сило не сделалось общим во всем народе израильском.

И сказал Господь:

— Елкана! Ты добрым делам дал перевес среди Израиля, воспитывал народ в Уставах Моих, и многие, благодаря тебе, душу свою спасли. За это Я произведу от тебя сына, который воспособит умножению дел благих среди Израиля, утверждению народа в Уставах Моих, и многие спасутся через него *(Т. д. Ел.; Иалк.).*

У Елкана были две жены: Анна и Феннина. У Феннины были дети, у Анны же не было детей.

И соперница Анны сильно огорчала ее, побуждая ее к ропоту на то, что Господь заключил чрево ее. Постоянно Феннина обращалась к ней с такими вопросами:

— Купила ли ты уже старшему сыну своему чалму, хитон, рубашку?

Вставая рано поутру, обращалась к Анне с вопросом:

— Отчего ты, Анна, не встаешь, чтобы умыть сыновей своих и проводить их в школу?

А в шесть часов дня:

— Анна, отчего ты не идешь встречать сыновей своих, возвращающихся из школы?

---

[1] Место пребывания Скинии во времена священнослужения пророка Элия.

Когда садились за стол и Елкана уделял каждому из детей его долю кушанья, Феннина говорила Елкане:

— Этому сыну моему ты дал долю и этому сыну моему дал, а *тому*[1] не дал! Почему?..

За то, что она вызывала в душе Анны ропот на Господа, Всевышний сказал:

— Ты заставляешь ее роптать на Меня, — клянусь: после грома[2] бывает дождь — и Я вскоре посещу ее милостью Моей *(Песик.)*.

"И дала Анна обет, говоря:

— Господь Саваоф! Если ты призришь на скорбь рабы Твоей — и дашь мне сына. — — —"

Поучение раби Елазара:

— С тех пор как Господь мир сотворил, не было человека, который назвал бы Господа именем Саваоф, доколе не явилась Анна и первая произнесла имя Саваоф. Подобно нищему у царского пира, который говорит: "Государь! Из всего, что наготовлено для пира твоего, пожалеешь ли ты одного ломтя хлеба для нищего?" — взывала Анна к Господу: "Господь Саваоф! При всем великом множестве существ[3], сотворенных Тобою в мире этом, пожалеешь ли Ты дать единого сына мне?"

Долго молилась Анна перед Господом. Едва заметно двигались уста ее, "а говорила она *в сердце своем*".

Из глубины *женского лона* своего взывала Анна к Господу.

— Владыка мира! — говорила она. — Все сотворенное Тобою в женщине имеет свое определенное назначение: глаза — чтобы видеть, уши — чтобы слышать, нос — чтобы обонять, рот — чтобы говорить, руки — чтобы работать, ноги — чтобы ходить, сосцы — чтобы детей вскармливать молоком. Сосцы же, которые на лоне моем, — для чего они? Не для того ли, чтобы детей вскармливать? Дай же мне, Господи, сына, и я сосцами своими вскормлю его! *(Бер.-Р., 31)*.

VI. САМУИЛ

"Светильник Божий еще не погас, и Самуил лежал в храме Господнем, где ковчег Божий. И воззвал Господь к Самуилу".

Пока еще не зашло солнце Элия, взошло солнце Самуила. "Вос-

---

[1] Т. е. несуществующему сыну бездетной Анны.

[2] В тексте игра слов: "Har'im" — раздражать, вызвать ропот, и "Har'im" — греметь.

[3] С а в а о ф — Zewooth — означает: "Бог воинств" и "Бог существ".

ходит солнце — и заходит солнце" — говорит Екклезиаст. Прежде чем закатиться солнцу одного праведника, Господь зажигает солнце другого праведника *(Иома, 38; Бер.-Р., 58).*

"Когда состарился Самуил, то поставил сыновей своих судьями над Израилем". — "Но сыновья его не ходили путями его и уклонялись в корысть".

Не следовали примеру отца своего. Праведный Самуил обходил все города израильские и творил суд в каждом городе. "Из года в год он ходил и обходил Вефиль, и Гилгал, и Мицпу и судил народ". Сыновья же его поступали иначе: сидели в городах своих неотлучно, дабы увеличивать доходы помощников и писцов своих.

Они же и при десятинном приношении лишнюю меру брали, и товарами брали у купцов, и всякие другие подарки вымогали.

(Шаб., 56)

VII. САУЛ

За что удостоился Саул царского сана? За кроткий нрав свой.

Когда пропали ослицы у Киса, отца Саулова, Саул, взяв с собою одного из слуг, отправился на поиски. Обойдя несколько округов и придя в землю Цуф, Саул сказал слуге: "Пойдем назад, чтобы отец, оставив мысль об ослицах, не стал беспокоиться *о нас*": слугу он ставил на один уровень с собою. А чтобы уклониться от царской власти, для которой он указан был Самуилу Богом, он спрятался *в обозе (Тосеф.).*

Когда Саул со слугой поднимались в город (где находился Самуил), то встретили девиц, вышедших черпать воду, и спросили: "Есть ли здесь прозорливец?" Те отвечали:

— Есть; вот он впереди тебя; только поспешай, ибо он сегодня пришел в город, потому что сегодня у народа жертвоприношение на высоте. Когда придете в город, застанете его, пока он еще не пошел на ту высоту, к трапезе; ибо народ не начнет есть, доколе он не придет; потому что он благословит жертву и после того станут есть званные. Итак, ступайте, теперь еще застанете его.

Зачем они наговорили столько?

— Потому, что женщины болтливы, — отвечал Рав.

Р. Самуил же объяснял это так:

— Чтобы подольше любоваться красотою Саула, про которого сказано: "Молодой и красивый; и не было никого из израильтян красивее его; он от плеч своих был выше всего народа" *(Бер., 48).*

Подошел Саул к Самуилу и спросил: "скажи мне, где дом провидца?"

— Я — провидец, — отвечал Самуил.

И сказал Господь Самуилу:

— Ты провидец? А Я покажу тебе, что ты не провидец.

Показал это Господь Самуилу при помазании на царство отрока Давида: когда Самуил, еще не зная, которого из сыновей Иессея избрал Господь в цари, увидел Елиава, он сказал: "Верно, сей перед Господом помазанник Его!" Но Господь сказал Самуилу:

— Не смотри на вид его и на высоту роста его. Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце *(Сифрэ, Мидр. Сам.)*.

Когда Господь сказал Саулу: "Иди и порази Амалика и истреби все, что у него — от мужа до жены, от отрока до младенца, от вола до овцы", — взмолился Саул к Господу, говоря:

— Господи! Если погрешил человек, чем повинно животное? Если грешны взрослые люди, чем дети виноваты?

Раздался Голос Небесный:

— Не будь слишком милосердным, Саул!

А в то время, когда Саул повелел Доегу: "Ступай и умертви священников Новийских", Небесный Голос воззвал:

— Не будь чрезмерно жестоким, Саул!

"Саул и народ пощадили Агага, царя амаликитян[1)]".

— Таков порядок вещей, — говорил по этому поводу р. Иегошуа бен Леви: кто милосерд к злодеям, тот становится злодеем для милосердных. Саул, пощадивший Агага, казнил священников Новийских.

(Иома, 22; Иалк.)

"И поклялся ей Саул Господом".

Саул, который именем Господа клянется колдунье, подобен женщине, которая, находясь у своего возлюбленного, клянется ему жизнью своего мужа *(Ваик.-Р., 26; Танх.)*.

VIII. КОНЧИНА САУЛА

Раби Леви учил:

— Грядущее, век за веком, показал Господь Моисею: каждый век с его судьями, с его царями и царскими наместниками, с его пророками, мудрецами, вождями, с его распорядителями и предводителями, с его насильниками и грабителями. И показал ему Господь царя Саула с его сыновьями, сраженными в битве.

— Господи! — воскликнул Моисей. — Первый царь над детьми Твоими — и ему пасть от меча?!

[1)] Заклятейших врагов Израиля.

Отвечал Господь:

— Мне говоришь ты это? Говори священникам, которые им убиты — этим грозным обвинителям его предо Мною.

Раби Иуда говорил со слов Рава:

— За что понес кару Саул? За то, что он не отстаивал достоинства своего. Как гласит Писание: "Негодные люди говорили: "Ему ли спасать нас?" И презрели его и не поднесли ему даров. Но он как бы не замечал того".

Раби Иуда говорил со слов Самуила:

— Почему столь непродолжительно было царствование дома Саулова? Потому, что оно было *совершенно безупречно.*

Ибо — как говорил раби Иоханан со слов раби Симеона бен Иегосадока — народ любит, чтобы у тех, которые получают власть над ним, волочился не совсем чистоплотный хвост сзади, дабы, когда такой человек чрезмерно зазнаваться начнет, можно было бы сказать ему: "обернись-ка назад!" *(Иома, 22).*

IX. ДАВИД-ПАСТУХ

"Господь испытывает праведного", — говорит Псалмопевец.

В качестве пастуха испытал Господь Давида — и Давид оказался превосходным пастухом.

"От *дворов овчих* взял его". Отдельными отарами пас Давид овец своих, давая каждой группе более подходящий, по возрасту ее, корм: одним верхушки кормовых трав, т. е. более нежные их части, другим — срединные, третьим — нижние части злаков.

И сказал Господь:

— Кто умеет так заботливо вскармливать пасомых им, каждого сообразно потребностям его, тот да будет народным пастырем Израиля, — как гласит стих Псалтири: "И от доящих привел его пасти народ свой, Иакова, наследие свое, Израиля" *(Шем.-Р., 2; Иалк.).*

X. МУДРОСТЬ ГОСПОДНЯ

"Как многочисленны дела Твои, Господи! — воспел Давид. — Премудро все сделал Ты". Все сотворенное Тобою — прекрасно, а мудрость прекраснее всего. Но Тобою и юродство создано. Для чего оно? Ходит по улице человек в отрепьях, мальчишки за ним бегают, издеваются над ним. Приятно ли в очах Твоих зрелище такое?

— Давид! — сказал в ответ Господь. — За то, что юродство существует, ропщешь ты на Меня? Клянусь, что тебе же понадобится оно! И ты не только пожелаешь его себе, но в тоске ты станешь, как милости, вымаливать его у Меня.

Не долго Давиду ждать пришлось:

С мечом Голиафа, хранившимся дотоле в Скинии, бежал Давид от Саула к Ахису, царю Гефскому.

— Давид! — послышался Глас предупреждающий. — К Ахису идешь ты? Давно ли убит тобою Голиаф Филистимлянин? Еще кровь его не вся в землю всосалась: братья же его состоят телохранителями при Ахисе. И ты решаешься идти туда, да еще меч Голиафа взял с собою?..

Едва явился Давид к Ахису, братья Голиафовы обратились к царю, говоря:

— Позволь нам убить убийцу брата нашего.

— Нет, — отвечал Ахис, разве не в единоборстве убил брата вашего Давид? И не таков ли уговор был Голиафа с израильтянами: "Выберите у себя человека, и пусть пойдет ко мне, и если он может сразиться со мною и убьет меня, то мы будем вашими рабами"?

— Если на то пошло, — настаивали они, — то сойди же ты с трона и уступи ему царство, а мы к нему в рабы вступим, — ведь таков, говоришь ты, уговор был.

Не нашелся Ахис что ответить им. Устрашенный этим, воззвал Давид к Господу:

— Услышь меня, Владыка мира!

— О чем просишь ты, Давид? — вопросил Господь.

Отвечал Давид Господу:

— Господи! Из *оного* ниспошли на меня...

— А не говорил ли Я тебе, Давид: не пренебрегай — каяться будешь?..

Притворился Давид юродивым. Ходит и на дверях надписи делает:

"Ахис, царь Гефский, сто раз десять тысяч должен мне, да жена его — пятьдесят раз десять тысяч".

Жена же Ахиса и дочь их были юродивыми. Шумят и кричат с одной стороны, а Давид вторит им с другой.

— Что же это, наконец! — не выдержал Ахис и закричал на рабов своих. — Разве мало у меня своих сумасшедших, что вы его еще привели, чтобы он юродствовал передо мною?

— Мог ли я от юродства столько ждать для себя? — воскликнул с радостью великою Давид. — Благословляю Господа *во всякое время:* и в мудрости моей, и в юродстве моем *(Шох.-Т., 33; Иалк.).*

XI. ШЕРШЕНЬ И ПАУК

Однажды, сидя в саду, Давид увидел, как шершень пожирал паука.

— Что за прок в этих тварях Твоих, Господи? — сказал он. — Шершень портит соты, и сам ничего не производит полезного; паук целый год ткет, а одеться не во что.

— Давид! — отвечал Творец. — Ты издеваешься над творениями Моими? Придет время — и ты нуждаться будешь в них.

Спасаясь от преследований Саула, скрылся Давид в пещере. Послал Господь паука, и тот заткал паутиной вход в пещеру. Пришел Саул и видит: вход паутиной заткан.

— Очевидно, — решил он, — в эту пещеру никто не входил, иначе паутина была бы разорвана в клочки.

И удалился, не входя в пещеру.

Выйдя из своего убежища и увидав, в чем дело, Давид готов был расцеловать паука.

— Благословен, — сказал он, — Создавший тебя, благословен будь и ты!

После этого случая узнал Давид, что Саул расположился на холме Гахила, и пошел в то место. Саул спал в шатре, и тут же лежал Авенир, военачальник Саула. Авенир был роста исполинского и телом своим занимал все пространство вдоль шатра, так, что голова его была у одного входа в шатер, а ноги достигали противоположного входа. Когда явился Давид, Авенир лежал, держа ноги согнутыми в коленях, и Давид прошел под коленями его, а в ту минуту, когда Давид, с копьем Саула и сосудом с водою, собирался уходить, Авенир вдруг начал выпрямлять ноги, как две гигантские колоды, опуская их над Давидом.

Воззвал Давид к Господу:

— Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил меня?

Навел Господь шершня на Авенира; ужаленный исполин снова согнул ноги, — и Давид мог свободно выйти из шатра.

И воспел Давид хвалу Господу:

"Кому подобное свершить?
Господь-Благоподатель!
Прекрасны все деяния Твои".

(А.-б. д. Сира)

XII. ГУСЛИ ДАВИДА

"В полночь встаю я, чтобы славить Тебя".

Гусли висели над ложем Давида, против отверстий оконных. Когда наступала полночь, дуновение северного ветра проходило, шевеля струны гуслей и они сами собою звучать начинали. Тогда вставал Давид с ложа и все время до наступления утренней зари проводил в изучении Мудрости Господней.

— О том, — говорил рав Исаак бар рав Ада, — и гласит стих Псалмопевца:

"Воспрянь, слава моя, —
Воспрянь, псалтырь и гусли!
И встану я рано,
Чтоб славить Тебя,
Господь мой!"

"Да буду вечно я в Твоем жилище жить,
Покоиться под кровом крыл Господних".

Мог ли надеяться Давид жить вечно? Нет, не личного бессмертия просил он у Господа, но о том лишь была молитва его, чтобы песнопения и славословия его вечно звучали в храмах Господних.

Сказание гласит:

Заключив книгу "Псалтирь", возгордился Давид и воскликнул перед Господом:

— Творец! Есть ли другой на свете, который подобно мне сумел бы воспеть славу Тебе?

Явилась тут лягушка и сказала:

— Не спесивься, Давид! Кваканьем своим я больше чем ты славословлю Господа... *(Бер., 3; Иеруш,; 11. Шира).*

XIII. ДАВИД И ИЕСВИЙ

Был там (во время войны филистимлян с израильтянами) "Иесвий из Нова, один из потомков исполинов, у котораго копье было весом в триста сиклей меди".

"Иесвий из Нова" — по объяснению рав Иуды со слов Рава: человек, появление которого на пути Давида находилось в связи с известным событием в городе Нове[1].

— Давид, — сказал Господь, — доколе греху новийскому тяготеть над тобою? Из-за тебя убиты были священники новийские, из-за тебя Доег Идумеянин лишился удела в жизни вечной[2], из-за тебя же пали Саул и трое сыновей его. Выбирай одно из двух: либо прекратиться роду твоему, либо тебе попасть в руки врага.

— Владыка! — отвечал Давид. — Лучше, чтоб я попал в руки врага, нежели прекратился бы род мой.

И было после этого — вышел Давид на звериную ловлю. Предстал ему Сатана в образе оленя быстроногого. Пустил Давид стрелу, но промахнулся, кинулся преследовать его, пока, увлекаемый оленем, не достиг до земли филистимской. Увидал его там Иесвий.

— Вот он, — сказал Иесвий, — тот, которым убит брат мой Голиаф!

Связал Иесвий Давида, поволок и, бросив в давильню, придавил его прессовальным бревном. Произошло чудо: земля под Давидом опустилась, и он остался невредимым.

---

[1] См. следующее примечание.

[2] Новийский священник Ахимелех снабдил Давида провизией, за неимением простого хлеба отдав ему священные Хлебы Предложения. Узнав об этом, Саул обвинил новийских священников в измене и повелел Доегу умертвить их всех до единого.

День тот был канун субботы. Авесса, сын Серуи[1], мыл голову в чаше вместимостью в четыре саа[2]. В это время прилетел голубь и начал хлопать над ним крыльями.

Встревожился Авесса.

— Кенесет-Израиль[3], — сказал он, — уподоблен голубю: "Вы стали как голубица, которой крылья покрыты серебром, а перья чистым золотом". Появление этого голубя знаменует, что царь наш Давид находится в опасности.

Пошел Авесса в царский дом; Давида там не было; послал в академию — и там его не оказалось.

— По правилам, — рассуждал Авесса, — постороннему воспрещается ездить на царском коне, садиться на трон и употреблять скипетр царский. Однако запрещено ли это и в тех случаях, когда личности царя грозит опасность? Запросил об этом Авесса в академии. Там ответили: "в случае опасности для царя запрещение это недействительно".

Сел Авесса на царского мула и отправился в путь, а пространство, которое ему предстояло проехать, сократилось само собою[4]. По пути встретилась ему Ерфа, мать Иесвия, сидевшая в то время за прялкой. Завидя Авессу, она метнула в него веретеном, но промахнулась.

— Послушай, — крикнула она, — подай-ка мое веретено.

Метнул Авесса веретено, попал ей в темя и умертвил ее.

Увидел Иесвий Авессу и сказал:

— Теперь их двое (т. е. Давид и Авесса) и они убьют меня.

Воткнул он копье свое в землю, острием вверх, схватил Давида и взбросил его на воздух так, чтобы он, падая, накололся на острие. Произнес Авесса Шем-Гамфораш — и Давид повис в воздухе между небом и землей.

— Как ты попал сюда? — спросил Авесса.

Рассказал Давид о том, что говорил Господь и что он, Давид, ответил Господу, предпочтя, чтобы кара постигла его самого, но не коснулась потомства его.

— Помолись об обратном, — сказал, выслушав его, Авесса, — потомки твои пускай хотя "воском торгуют", лишь бы ты не страдал!..

— Помоги же ты мне молитвой своей!

"И помог ему Авесса, сын Саруин: произнес Шем-Гамфораш — и Давид невредимо встал на ноги".

Кинулся Иесвий преследовать их.

— Ступай, — крикнули они ему, — к Ерфе, родительнице твоей, — в могиле ты найдешь ее.

---

[1] Один из военачальников Давидовых, человек исполинского роста и силы богатырской.

[2] Древняя мера сыпучих тел.

[3] Народ Израильский.

[4] Популярное в сказочных повествованиях: "kefizat haderech". Представление, обратное понятию путепрохождения: не человек проходит данное расстояние, но это последнее сокращается со сказочной скоростью.

При этих словах упали силы Иесвия, и Давид с Авессою умертвили его.

После опасности, какой подвергся Давид, люди его поклялись, говоря:

"Не выйдешь больше с нами на войну, чтобы не угас светильник Израиля" *(Санг., 95).*

От полонянок, находившихся в царском гареме, у Давида родилось четыреста сыновей. Все они, вопреки иудейскому закону, выбривали волосы на висках, а на затылке заплетали их в косы; заставляли носить себя в золотых паланкинах и в армии занимали места начальников и командиров; все они были задиры и драчуны, наводившие ужас на окружающих *(Кид., 76).*

XIV. КОНЧИНА ДАВИДА

"Открой мне, Господи, моей кончины час
И меру дней моих поведай", —

взывал Давид к Господу.

— Положено Мною, — отвечал Господь, — чтобы ни единому смертному не ведом был час кончины его.

— Долго ли мне жить осталось?

— И этого смертному не открывают.

— В который день недели умру я?

— В день субботний.

— Господи! Дай мне умереть в первый день будней.

— День вступления на царство сына твоего Соломона уже определен, а царствование одного не может быть в ущерб царствованию другого ни на единый волос.

— Господи! Дай мне умереть в канун субботы.

Отвечал Господь:

— "Единый день в селениях Твоих дороже тысячи" — гласит псалом твой. Давид, один лишний день, который ты проведешь в изучении Святой Истины, дороже для Меня тысячи грядущих всесожжений сына твоего Соломона *(Шаб., 39).*

Отчеканенные Давидом монеты имели изображение: с одной стороны — пастушеских посоха и сумы, с другой — крепостной башни. *(Бер.-Р., 39)*

XV. МУДРОСТЬ СОЛОМОНА

В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночном и сказал: “Проси, что дать тебе”.

— Даруй рабу твоему сердце разумное, — отвечал Соломон.

Притча раби Симеона бен Халафты:

— У царя был советник, которого царь отличал особым благоволением.

— Проси, что дать тебе, — сказал ему однажды царь.

Подумал советник царский: попрошу серебра и золота, царь даст мне; драгоценных камней и жемчуга — он и в этом не откажет. Попрошу я лучше царевну в невесты: вместе с нею придет и все остальное. — Так и Соломон: попрошу я лучше, — решил он, — разума у Господа, а с разумом я и всего достигну. — Господь и сказал Соломону:

— За то, что ты просил разума и не просил себе жизни долгой, богатства, победы над врагами, Я сделаю по слову твоему, и то, чего ты не просил, Я дам тебе *(Ш.-Гаш. Р.)*.

XVI. МУДРЕЕ ВСЕХ ЛЮДЕЙ

“Он был мудрее всех людей”.

Над всеми царями был страх его.

Народы и племена становились его данниками, враги и ненавистники — друзьями его.

Богат и могуч, владелец бесчисленных угодий, серебра и золота в количествах несметных — он притчи разъяснял, давал постигать сокровенное, поведывал тайны глубины беспредельной.

Имя его гремело среди властелинов, среди мудрых — подвиги его.

Цари приходили на лицо его глядеть, слова мудрости жадно слушать из уст его.

К нему, праведному и чистому, ведающему таинства небесные, посылали вельможи в слуги и служанки сыновей и дочерей своих.

Рыбы морские, птицы небесные, животные и звери полевые сами приходили на бойни, чтобы быть заклаными для стола Соломонова.

Ему был дан великий ключ ко всем вратам мудрости и разума сердечного.

Он разумел язык птиц и животных, и зверей полевых.

Олени и газели были его скороходами, львы и барсы — оруженосцами его *(Тарг. Ш.)*.

XVII. ЧЕЛОВЕК О ДВУХ ГОЛОВАХ

Однажды предстал пред Соломоном царь дьяволов Асмодей и сказал:

— Тот ли ты, о котором написано, что он всех людей мудрее?

— Да, — отвечал Соломон, — так обещано мне Господом.

— А не желаешь ли, — продолжал Асмодей, — я покажу тебе нечто, чего ты сроду не видал.

— Покажи.

Простер Асмодей руку свою к стране "Тевель" — и пред Соломоном появился человек о двух головах с двумя парами глаз. Дрожь прошла по телу Соломона, и, не в силах преодолеть тревожное чувство, он проговорил:

— Отведите его в комнату ко мне.

Призвал Соломон Бенаю, сына Иегоиады[1], и говорит:

— Как полагаешь ты, есть под нами люди?

— Душою твоей, государь, клянусь — утверждать не могу; слыхал только от Ахитофеля, что где-то там, под нами, люди живут.

— А что бы ты сказал, если бы я показал тебе такого человека?

— Но возможно ли это? Глубина земли нашей — пятьсот лет пути, да между нашей землей и той землей тоже пятьсот лет пути.

Послал Соломон, и привели того человека. Увидя его, пал Беная на лицо свое и произнес:

— Благословен Господь, Царь вселенной, давший мне дожить и просуществовать, сохранив меня до сего времени![2]

— Какого ты рода и племени? — спросил Соломон, обращаясь к двуглавому человеку.

— Из рода Адама я, из потомков Каиновых, — отвечал двуглавый человек.

— Где обитаете вы?

— В стране "Тевель".

— Есть у вас солнце и луна.

— Есть.

— С которой стороны всходит солнце у вас и на которой заходит оно?

— Восходит с Запада и заходит на Востоке.

— Чем занимаетесь вы?

— Пашем, жнем и стада пасем.

— Молитесь вы?

— Да.

— О чем гласит молитва ваша?

— Как многочисленны дела Твои, Господи! Все премудро содеяно Тобою.

— Если желаешь, — сказал Соломон, — мы возвратим тебя в страну твою.

— Окажите милость, возвратите меня туда.

Призвал Соломон Асмодея и сказал:

— Ступай и отведи его обратно.

— Нет, — ответил Асмодей, — во веки уже я не могу отвести его обратно.

---

[1] Один из военачальников Давидовых.

[2] Бенедикция "Schehechjonu", произносимая при совершении некоторых ритуальных отправлений, при отведовании в первый раз в сезон плодов, а также при виде, в первый раз, редкого явления природы.

Видя, что ему уже не вернуться в прежнее место свое, двуглавый человек взял себе жену и остался жить на земле.

Жена родила ему семерых сыновей; шестеро уродились в мать, вида обыкновенного, седьмой же уродился в отца — о двух головах и двух парах глаз.

Человек из страны "Тевель" занялся землепашеством и сделался одним из богатейших людей на свете.

Прошли годы. Человек тот умер, оставив имение детям своим.

Между наследниками возник спор. Шестеро из них говорили:

— Нас всех семеро братьев, и наследство должно быть разделено на семь частей.

Седьмой же, тот, что о двух головах, говорил:

— Нет, восьмеро нас, и я имею право на две доли в наследстве.

Пришли все к Соломону и сказали:

— Государь, царь наш! Нас всех семеро, а брат наш, который о двух головах, говорит, что нас восьмеро и что наследство после нашего отца должно быть разделено на восемь долей, из коих две доли он требует для себя.

Созвал Соломон членов Синедриона и спросил:

— Как вы рассудите дело это?

Не мог Синедрион дать ответа.

— Завтра поутру придите вторично, — сказал Соломон тяжущимся.

Когда настала полночь, пришел Соломон в храм и воззвал к Господу:

— Владыка мира! Открывшись мне в Гаваоне, Ты сказал: проси, что дать тебе. Не просил я ни серебра, ни золота, только мудрости просил я, чтобы судить людей правдиво.

Отвечал Господь:

— Утром просвещу мудростью тебя.

Наутро собрал Соломон всех членов Синедриона и сказал: "Введите двуглавого человека".

Его ввели.

— Вот, — сказал Соломон, — сделаем испытание: если у этого человека одна его голова воспринимает и чувствует то, что происходит с другой его головой, тогда он должен быть сочтен за одного человека, если нет, то, следовательно, это — два отдельных человека. Принесите горячей воды, — повелел Соломон.

Когда вода была принесена, Соломон велел вылить ее на одну голову того человека.

— Государь! Государь! — завопили обе головы. — Мы умираем! Мы умираем!

При виде этого исполнились все изумлением перед Соломоном.

(Бет-Гам.)

8–760

XVIII. СПОР МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ЗМЕЕЙ

Шел полем человек, неся кувшин с молоком. Встретилась ему змея, стонавшая от мучительной жажды.

— О чем стонешь ты? — спросил человек.

— Изнемогаю от жажды, — отвечала змея, — а у тебя что это в кувшине?

— Молоко.

— Дай мне испить молока, и я укажу тебе место, где клад зарыт.

Дал человек змее молока напиться.

— Укажи же мне клад, о котором ты обещала, — сказал человек.

— Следуй за мною, — ответила змея, — и, приведя его к одному большому камню, сказала: вот, под этим камнем лежит клад.

Сдвинул человек камень, разрыл землю и, достав клад, направился к дому своему. Что же сделала змея? Всползла и обвилась у него вокруг шеи.

— Что это ты делаешь? — закричал человек.

— Умертвить тебя хочу, — отвечала змея, — за то, что ты сокровище мое забрал.

— Идем на суд к Соломону, — предложил человек.

— Идем, — сказала змея, но осталась по-прежнему обвитою вокруг шеи у него.

Обратился человек с мольбою к Соломону.

— Чего желаешь ты? — спросил Соломон змею.

— Умертвить его.

Отвечал Соломон:

— Прежде всего, сойди с шеи его долой: не подобает, чтобы ты распоряжалась им более, нежели я, в то время, когда вы судиться ко мне пришли.

Сползла змея на пол.

— Теперь, — сказал Соломон змее, — говори, я слушаю.

— Я требую, — начала змея, — чтобы мне дано было умертвить его, в исполнение сказанного Господом: "Ты будешь жалить его в пяту".

— А о тебе, — сказал Соломон человеку, — Господом заповедано: "он будет поражать змею в голову".

В одно мгновение человек размозжил змее голову.

Отсюда — поговорка: "И лучшей из змей голову размозжи".

(Введ. к Танх. Гак.)

XIX. КОТОРЫЙ ИЗ ТРЕХ?

Шли дорогой три странника. Наступил канун субботы.

Сговорились странники и спрятали бывшие при них деньги в одном месте. В полночь один из них встал и, взяв деньги, запрятал их в другое место. В исходе субботнего дня пошли странники взять деньги и, не найдя их, начали обвинять друг друга в краже. Решили пойти на суд к Соломону.

Выслушав рассказ странников, Соломон предложил им за решением явиться на другой день, а сам стал придумывать, каким образом обнаружить вора, заставив его самого уличить себя. Когда странники снова явились на суд, Соломон обратился к ним с такими словами:

— Слышал я о вас, что вы люди просвещенные, мудрые и в делах спорных опытные, и я прошу вас рассудить дело, с которым обратился ко мне один царь. В стране этого царя росли в соседстве отрок и девушка. Полюбили они друг друга, и сказал отрок девушке:

— Поклянись мне в том, что не станешь ничьей женою прежде, чем я не дам на то своего согласия.

Девушка поклялась. Через некоторое время ее обручили с другим человеком. После венца, когда молодые остались наедине, невеста заявила жениху:

— Я не могу сделаться твоей женою до тех пор, пока не пойду к первому жениху моему, которому я поклялась, и не получу его согласия на это.

Придя к первому жениху, она сказала:

— Возьми с меня большой выкуп серебром и золотом и разреши мне стать женою того, с кем меня повенчали.

— Так как ты осталась верна клятве своей, — ответил тот, — я не возьму никакого выкупа. Иди, ты свободна.

А молодому мужу, который был тут же, он сказал:

— Радуйся в мире доле своей.

На обратном пути на них напали разбойники. Между разбойниками был один старик, который, не довольствуясь награбленными деньгами и украшениями, потребовал любовных ласк от молодой женщины.

— Позволь мне, — взмолилась она к разбойнику, — рассказать тебе об одном случае в моей жизни.

И она рассказала историю первого своего сватовства и то, как поступили оба жениха ее.

— Подумай же, — прибавила она в заключении, — тот юноша, который имел все права на меня, преодолел свою страсть и не дотронулся до меня, тебе, человеку старому, тем более следует обуздать себя. Оставь себе все серебро и золото, только освободи меня с мужем моим.

Выслушав рассказ ее, разбойник поднял глаза к небу и, глубоко

раскаявшись в том, что он, уже стоящий на краю могилы, намеривался сделать, не только отпустил молодую чету на свободу, но и возвратил полностью все ограбленные у нее деньги и драгоценности, до последней мелочи.

— Царь, — прибавил Соломон, — в стране которого случай этот произошел, спрашивает меня, кто из замешанных в этой истории заслуживает высшей похвалы? И вот, я вас прошу помочь мне рассудить это дело.

— Государь, — ответил один из странников, — по-моему, высшей похвалы заслуживает невеста, оставшаяся верной своей клятве.

Второй сказал:

— Высшей похвалы достоин молодой муж, который сумел удержаться от искушения и не дотронулся до нее прежде, чем первый жених не освободил ее от клятвы.

— Это что! — воскликнул третий из странников. — Более всего я удивляюсь разбойнику: подумайте только, мало того что он пленницы не тронул, деньги, все деньги, которые уже были у него в руках, обратно отдал!..

И сказал царь Соломон:

— Этот последний с таким восторгом говорит о деньгах, которых он и не видел даже, а только слышит о них; как же он способен был поступить с теми деньгами, которые очутились в его руках?

Заключенный, по повелению Соломона, в темницу, человек этот действительно сознался и указал место, где спрятал украденные деньги.

(Мид. Ас. Гад.)

XX. СОЛОМОН И МУДРОСТЬ ЕГИПЕТСКАЯ

“И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости египтян”.

В чем состояла мудрость египтян?

Когда Соломон решил приступить к построению храма, он послал к фараону Нехо с просьбой прислать, за известную плату, искусных мастеров для этой постройки. Что сделал фараон? Призвал астрологов и сказал им так:

— Наблюдайте по звездам и укажите мне тех из зодчих, которым предопределено умереть в этом году, их-то я и пошлю к Соломону.

Когда люди, посланные фараоном, явились к Соломону, “мудрейший из людей” узрел через Духа Святого, что людям этим назначено умереть в том же году. Дал им Соломон каждому по савану и отправил их обратно с письмом, в котором он писал фараону:

“У тебя, по-видимому, недостает саванов для погребения покойников. Получай людей своих обратно вместе с саванами”.

(Бам.-Р., 19; Песик.)

XXI. ХРАМ И ДОМ СОЛОМОНОВ

Был у Соломона чудесный червь, носивший название "Шамир". Червь этот обладал свойствами тесла и гранила. Помощью "Шамира" обтесывался строевой камень для храма и дома Соломонова и производилось гранение драгоценных камней для хошена.

Червь был величиною с ячменное зерно, и самые твердые предметы не могли противостоять его чудесным свойствам. Сохраняли его завернутым в шерстяную вату в свинцовом сосуде, наполненном ячменными отрубями.

"Шамир" был принесен к Соломону орлом из рая, где этот червь хранился с вечера шестого дня творения[1] *(Сот., 45; Шох. Т.).*

"И сделал он в храме окна с откосами".

Такие откосы делаются обыкновенно от наружной стороны стены к внутренней ее стороне, чтобы дать свету извне широко разливаться по внутренности здания. Окна же в храм имели откос в обратном направлении, ибо из храма этого исходил божественный свет, озарявший весь мир *(Танх.; Иалк.).*

"Построил также Соломон дом Дубравы Ливанской".

По преданию от р. Ошайи, в храме были посажены Соломоном деревья, сделанные из чистого золота, подобие деревьев, приносящих нежнейшие плоды. Золотые деревья своевременно давали плоды, которые при дуновении ветра спадали, — как сказано: "шумели подобно лесу Ливанскому". Плоды эти поступали на иждивение духовенства. Когда же в храм Господень вторглись иноплеменные, деревья те лишены были чудесной производительности своей — "поблек цвет на Ливане". Но возвратится это в грядущем:

"Возликует степь безводная;
Расцветет, как лилия, пустыня,
И Ливана слава дастся ей".

(Наум, XXXV)

За все время, пока строился храм, никто из участвовавших в работе не умер и не болел и не поломано было ни одного заступа, ни одного топора и никакого другого орудия *(Иома, 21; Песик. (Р.)).*

---

1) См. далее, гл. XXIV.

XXII. ПРЕСТОЛ СОЛОМОНА

"И сделал царь большой престол из слоновой кости". Престол был покрыт лучшим золотом из Офира и осыпан жемчугом, ониксом, опалами, топазами, смарагдами, карбункулами и другими самоцветными каменьями белых, зеленых и красных тонов.

Устройства престол был такого:

Верх — закругляющийся сзади высоко над сиденьем. Ступеней — шесть, и на них фигуры из чистого золота. На первой ступени лежат: с одной стороны — лев, с другой — вол. На второй ступени — волк и ягненок. На третьей — леопард и козленок. На четвертой — медведь и олень. На пятой — орел и голубь. На шестой — ястреб и воробей. Спинка заканчивалась фигурою горлицы, держащей в коготках ястреба.

Над верхним закруглением — светильник со всеми принадлежностями его: светильнями, щипцами, пепельницами, чашечками и чеканными цветами. С правой стороны его семь стеблей с именами семи патриархов рода человеческого: Адама, Ноя, Сима первородного, Авраама, Исаака и Иакова, и Иова с ними. И с левой стороны семь стеблей, а на них имена семи праведников вселенских: Левия, Каафа, Амрама, Моисея, Аарона, Елдада и Медада, и Хура с ними. На верху светильника утверждено было золотое елеехранилище, откуда брался елей для храмовых лампад, а под ним — большая чаша с елеем для возжигания этого же светильника; на чаше начертано было: "Элий", на двух стеблях от нее — имена сыновей Элия: "Офни" и "Финеас", а на сточных трубках внутри стеблей: "Надав" и "Авигу".

По бокам престола были две кафедры — для первосвященника и для наместника его, и семьдесят кафедр перед троном — для семидесяти старейшин, судей Синедриона.

В уровень с висками восседающего — фигуры двух наяд.

С обеих сторон престола расположены были двадцать четыре виноградных лозы, образующих сень над ним; за лозами — декорированные тканями белого виссона финиковые пальмы, и на них павлины из слоновой кости.

Тут же, полые внутри, фигуры двух львов, наполненные благовониями. Благовония начинали сочиться при восхождении Соломона по ступеням трона.

Внутри престола помещался механизм, который приходил в действие, едва царь ступит ногою на первую ступень. В ту же минуту лев протягивал лапу, вол ногу, и царь, опираясь на них, как на перила, поднимался на следующую ступень. То же самое повторялось на каждой из шести ступеней. Когда царь достигал верхней ступени, слетали орлы и усаживали его на трон, после чего крупнейший из орлов возлагал венец на голову его.

В эту минуту приходил в движение скрытый в механизме серебряный змей, — львы и орлы укрепляли балдахин над царем, а поме-

щавшийся на особой колонне голубь поднимался со своего места, открывал ковчег и вынутый оттуда Свиток Завета клал на руки Соломону. Тогда первосвященник со старейшинами, приветствуя царя, занимали места свои по обеим сторонам царя и приступали к делам судебным.

Появление лжесвидетелей вызывало особое действие всех механизмов: колеса их начинали вращаться с необыкновенной быстротой и силой. Мычание волов, рычание львов и тигров и рев медведей сливались с блеянием ягнят, воплями козлят, криком ястребов, щебетом воробьиным. Волки, олени, орлы, павлины метались из стороны в сторону... Трепет и ужас охватывали лжесвидетелей. "Из-за нас, — говорили они, — мир весь рухнет!" — и невольно начинали одну чистую правду показывать.

Впоследствии престол этот был взят, вместе с другой добычей, фараоном Нехо и отвезен в Египет. В ту минуту, когда фараон ступил на первую ступень, поднял лев лапу и так сильно ударил его в бедро, что он на всю жизнь остался хромоногим. Отсюда и название его *Нехо*[1]. Из Египта престол был увезен нечестивым Навуходоносором в Вавилон, и при первой попытке взойти на престол лев ударом лапы поверг Навуходоносора на землю. После разрушения Вавилона престол был взят Дарием и увезен в Мидию, но садиться на него Дарий и не пытался. В Египет престол был привезен Александром Македонским, взят оттуда Енифоном[2], причем, во время перевозки его на судне, повреждена была одна из ножек, и ни одному мастеру в мире починить ее не удалось.

(Аба-Гур.; Пон. Ах.; Тарг. Ш.)

XXIII. ЦАРИЦА САВСКАЯ

Однажды, "когда развеселилось сердце Соломона от вина", созвал он царей ближайших стран, восточных и западных.

Звуками арф, кимвалов, бубнов и гуслей капеллы Давидовой оглашался чертог царский. Желая предстать перед теми царями во всем величии и могуществе своем, Соломон повелел и птицам небесным, и зверям полевым, и пресмыкающимся, и бесам, и оборотням, и дьяволицам явиться и хоровод устроить перед ним. Писцы царские по именам и названиям вызывали их, и все, как земные существа, так и духи, тотчас же и без всякого принуждения, появлялись перед Соломоном.

---

[1] Nache — искалеченный; neche-raglajm — хромоногий.

[2] Из династии Селевкидов.

Среди пернатых не оказалось одной птицы, петуха Бар[1]. Разгневанный ее ослушанием, Соломон повелел разыскать эту птицу и подвергнуть ее строжайшему наказанию.

Приведенный к Соломону, петух Бар рассказал следующее:

— "Государь, царь мира! Выслушай меня и соблаговоли вникнуть в то, что я поведаю тебе. Уже три месяца, как я задался одной мыслью, настолько овладевшей всем существом моим, что я ни до еды, ни до питья не дотрагивался во все это время: облечу, решил я, весь мир, погляжу, есть ли на свете страна или царство, непокорные власти твоей, государь.

"После долгих наблюдений я нашел такое место; это "Град Китор" в земле Восточной. Прах этой земли ценнее золота; серебра же, что мусора, на улице валяется. Деревья, там растущие, посажены еще в первые дни творения и орошение получают от вод эдемских. Дружин множество имеется в той стране, и воины носят венцы на головах, но войну вести не обучены и даже стрелять из лука не умеют.

"И еще я видел там: царствует в стране той женщина, а зовут ее "Царица Савская".

"И вот, если царю угодно, опояшу я, как воин, чресла свои, пойду в Град Китор, в землю Савскую, властелинов их в кандалы закую, правителей в оковы железные и приведу их к властелину, царю моему".

Понравилось дело это Соломону. Написали писцы царские грамоту и к крыльям петуха Бара привязали ее.

Поднялся в высь небесную, полетел петух Бар, и полетели за ним птицы стаями к Граду Китору, в землю Савскую.

Вышла утром на поклонение солнцу царица Савская и видит — закрыли птицы солнце, затмили его. Разодрала она одежды свои, стоит изумленная, пораженная. Подлетел к ней петух Бар, и увидала она — письмо к крыльям его привязано. Сняла царица письмо и читать начала. А в письме вот что написано:

"От меня, царя Соломона. Мир тебе и мир вельможам твоим. Ведомо тебе, что Всесвятой-Благословенный царем-властелином поставил меня над зверями полевыми, над птицами небесными, над бесами, оборотнями, дьяволицами, и все цари Востока и Запада, Полудня и Полуночи приходят на поклон ко мне. Так вот, придете вы по доброй воле с приветом ко мне, я приму тебя, царица, с почетом превыше всех царей, пребывающих пред лицом моим; буде же не пожелаете, и не придете, и не поклонитесь мне, я пошлю на вас царей с легионами и колесницами. А спросите вы: что за цари, легионы и колесницы у Соломона? Было бы ведомо вам: цари эти — звери полевые, колесницы — птицы небесные; духи, бесы и дьяволицы — легионы те, что задушат вас на ложах в жилищах ваших, а звери полевые на полях растерзают вас и птицы небесные склюют мясо с костей ваших".

---

[1] Сказочная птица "Tarnegol ha-Bar" (буквально: лесной петух), однородная легендарному быку "Schor ha-Bar".

Прослушав написанное в послании, разодрала остатки одежд своих царица Савская, созвала старейшин и сановников своих и сказала:

— Знаете ли вы, с чем прислал царь Соломон ко мне?

— Не знаем мы царя Соломона и царской власти его не признаем! — заявили старейшины и вельможи.

Но царица не понадеялась на них и не послушалась слов их, а призвала всех кораблевожатых, повелела нагрузить корабли деревом кипарисовым, жемчугом и камнями самоцветными; и послала царю Соломону шесть тысяч отроков и девушек, родившихся в одном и том же году и месяце, в один и тот же день и час, все одинакового роста, одинакового телосложения и одинаково одетые, в одежды пурпурные. И послала через них письмо к царю Соломону:

"От Града-Китора, — писала она, — до земли Израильской семь лет пути. И вот, желание мое и просьба моя — позволь мне через три года прибыть к тебе".

По прошествии трех лет прибыла царица Савская к царю Соломону.

Узнав о прибытии ее, послал к ней Соломон Бенаю, сына Иегоиады. Человек этот был прекрасен как утренняя заря, как звезда в плеяде среди сонмищ звездных, как лилия у потоков водных.

Увидя его, сошла с колесницы царица Савская.

— Царица! — сказал Беная. — Для чего ты с колесницы сошла?

— Не ты ли царь Соломон? — вопросила царица.

— Нет, — отвечал Беная, — не царь Соломон я, но один из слуг его.

Обратила лицо свое царица Савская к вельможам своим и такую притчу изрекла:

"Льва не видавшие —
На логовище львиное взгляните.
Царя Соломона незревшие —
Придите взглянуть на красоту того,
Кто слугою при нем состоит".

Повел Беная царицу Савскую к Соломону. Соломон же, для встречи ее, выбрал павильон, весь из стекла построенный. Показалось царице, что царь не стеклом, а водою окружен — и безотчетным движением подняла она края одежд, до колен своих обнажив ноги свои. Увидел Соломон, что ноги у нее волосами обросли, и сказал он:

— Красота твоя — красота женская, а волосы — волосы мужчины. У мужчины красиво оно, у женщины изъяном почитается.

А царица так Соломону сказала:

— Загадаю я тебе три загадки. Отгадаешь — я признаю мудрецом тебя, не отгадаешь — я буду знать, что человек ты самый обыкновенный:

“Колодезь деревянный, ведро железное, черпает камни, поит водою. Что это?”

— Сурьмило[1], — ответил Соломон.

“Из земли исходит, землею питается, льется как вода, а разливает свет. Что это?”

— Нефть.

“Буря ходит по верхушкам его и стонет, и вопит горестно, и как тростник сгибает их; почет для мертвых, позор для живых, радость для воробьев, горе для рыб. Что это?”

— Лен[2].

Предстали перед Соломоном отроки и девушки — все одинакового облика и роста и одетые одинаково.

— Отличи, — сказала царица, — кто отрок, кто девушка.

Велел Соломон принести орехи и поджаренные зерна и стал угощать их. И вот, отроки не стесняясь поднимали края одежд и всыпали в них предложенное угощение; девушки же застенчиво клали орешки в чадры свои.

— Вот, — сказал Соломон, — те — мужчины, а эти — женщины.

Тогда сказала царица Савская:

— Не доверяла я слухам, но теперь, когда сама вижу, убедилась я, что и наполовину не знала, сколь велика мудрость твоя. Блаженны подданные твои и блаженны рабы твои!

Привел Соломон царицу в покои чертога своего.

Подарила Соломону царица Савская дары из золота и лучшего серебра. А Соломон, в благодарность ей, дал царице Савской все, чего желала она *(Тарг. Ш.; Мид. Миш.).*

XXIV. ДОЧЬ ФАРАОНА

Ночью того дня, когда окончено было построение храма, состоялась женитьба Соломона на дочери фараоновой, Бифии[3].

Таким образом, совпали два празднества: торжество освящения храма и венчальный пир Соломона.

И венчальное пиршество дочери фараоновой превзошло, по блеску и роскоши, первое празднество храма Господнего. Возымел тогда же Господь намерение разрушить Иерусалим, как гласит Писание: “На гнев и на досаду Мне существует город этот с того дня, как построили его”.

---

[1] Трубка сурьмила делалась из тростника, ручка-насос — из металла. Самое вещество для подкрашивания бровей и окрашивания глазного яблока представляло минералогический выплав; попадая в глаз, вызывало усиленное действие слезоточников.

[2] Почет для мертвых — саван, позор для живых — веревка для виселицы, радость для воробьев, клюющих льняные зерна, горе для рыб — сети.

[3] Дочь Писебханина, последнего фараона XXI династии.

По преданию от раби Хонии — разных восемьдесят плясок проплясала Бифия в ту ночь перед Соломоном.

По другому преданию — тысячу инструментов музыкальных привезла она и в то время, когда музыканты играли на них на пиршестве в ту ночь, она говорила, поясняя Соломону:

— Вот этот гимн исполняется у нас в честь такого-то божества, а этот — в честь такого-то.

И что еще сделала она? Над ложем Соломона поставила балдахин, осыпанный с внутренней стороны драгоценными камнями, сверкавшими в ночной тени подобно звездам и планетам. Каждый раз, когда Соломон, проснувшись, собирался вставать, он принимал блеск каменьев за сияние звездное — и так проспал он до четвертого часа после восхода солнца.

По преданию от раби Леви — в тот день тамид[1] был совершен лишь четыре часа после восхода солнечного, ключи же от Храма находились у Соломона и хранились под изголовьем у него. Глубоко огорчен был народ невозможностью приступить своевременно к торжеству освящения Храма, но будить царя никто не решался. Пошли к Вирсавии, матери Соломоновой, и рассказали ей. Пришла Вирсавия, разбудила Соломона и примерно наказала его: сняла сандалии с ноги своей и, сыпля удары, приговаривала: "А что, чадо мое? А каково, плод чрева моего?!" *(Мид. Миш.)*.

"Соломон породнился с фараоном, царем египетским, и взял за себя дочь фараона".

В тот час, когда Соломон взял за себя дочь фараона, сошел архангел Гавриил и опустил тростину в море; на том месте образовалась мель, на которой впоследствии основан был Рим *(Шаб., 56)*.

XXV. ШАМИР

"И когда строился Дом, то строился из цельных, обтесанных камней; ни молота, ни топора, ни всякого другого железного орудия не было слышно при строении его".

Знал Соломон, что место нахождения червя "Шамир" известно одному только Асмодею, князю дьяволов. Обитал же Асмодей в пещере под горой, и был там колодезь, закрытый камнем с печатью Асмодея на нем.

Изо дня в день всходил Асмодей на небо, где изучал мудрость небесную, оттуда возвращался на землю для изучения земной мудрости, после чего приходил к своему колодцу и, убедившись предварительно, что печать цела, отодвигал камень, напивался воды и, снова закрыв и запечатав колодец, уходил.

---

[1] Жертва постоянная, ежедневная.

Призвал Соломон Бенаю, сына Иегоиады, дал ему цепь и перстень, на которых Шем-Гамфораш начертан был, и дал ему руно овечье, да мехи с вином и послал его к Асмодею.

Пришел Беная к пещере Асмодеевой, и вот что сделал он: ниже того места, до которого доходил колодец, выкопал яму и, спустив туда всю воду, отверстие законопатил шерстью; проделав затем отверстие поверх колодца, вылил в устье вино из мехов. Покончив с этим, взобрался на дерево и стал ждать прихода Асмодея.

Асмодей явился, осмотрел печать, открыл колодец и видит: вместо воды — вино.

— Ну, нет, — сказал Асмодей: "Вино глумливо, сикера буйна, и неразумен тот, кто увлекается ими"[1].

Отошел и пить не стал. Но жажда стала невыносимо мучить его. Не выдержал Асмодей, выпил-таки все вино из колодца, захмелел и заснул крепким сном. Сошел Беная с дерева и связал его цепью.

Проснулся Асмодей и бушевать начал.

— Укротись! — сказал Беная. — Имя Владыки твоего над тобою! Имя Владыки над тобою!

Взял его и повел. Поравнялись с пальмой; почесался об нее Асмодей и повалил ее; проходили мимо одного дома, и его повалил Асмодей.

Встретился им заблудившийся слепой, Асмодей помог ему выбраться на дорогу. Попался им потом шатающийся без пути пьяный — и его Асмодей на дорогу вывел. При встрече со свадебным поездом, шумным и веселым, Асмодей заплакал. Некий человек сандалии башмачнику заказывал, приговаривая: "такие сшей мне сандалии, чтоб на семь лет хватало!" — расхохотался Асмодей. Проходили мимо колдуна в то время, когда тот колдования свои производил, — и тут расхохотался Асмодей.

Привели Асмодея к Соломону. Взял Асмодей тростину, отмерил четыре локтя и, бросив тростину перед Соломоном, сказал:

— Вот пространство, которое останется у тебя после смерти, а ныне ты мир весь покорил, и этим не довольствуешься, — еще меня поработить захотел!

— Я от тебя ничего не домогаюсь, — отвечал Соломон, — кроме одного. Я собираюсь построить храм Господень, и мне нужен для этого "Шамир".

— "Шамир", — отвечал Асмодей, — находится не у меня, но у духа морского, а дух морской доверяет его, под присягой, только петуху Бар.

— А что делает с "Шамиром" петух Бар?

— Придя в необитаемую скалистую местность, положит "Шамир" на утес, утес раскалывается; бросит Бар в расселину семена древесные, — на том месте и возникнет поселение.

---

[1] Притчи Соломоновы, XX.

Отыскали гнездо петуха Бар. Покрыли гнездо матовым стеклом. Явился петух Бар. Видя невозможность проникнуть в гнездо, взял он "Шамир" и положил его на стекло, дабы оно раскололось. Бросили в петуха Бар комом земли, выронил он "Шамир"; подобрали червя и унесли.

Увидал петух Бар, что не сдержал клятвы своей, пошел и удавился.

Спрашивал Беная Асмодея:

— Почему, когда тебе встретился сбившийся с дороги слепой, ты помог ему выбраться на дорогу?

— Об этом слепом оповещено в небесах, что он праведник истый и что тот, кто доставит ему хотя краткое облегчение, стяжает душе своей жизнь вечную.

— А пьяного зачем ты на дорогу вывел?

— О нем оповещено было в небесах, что это нечестивец неисправимый, — и я доставил ему минутное удовольствие в земной жизни, дабы окончательно лишить его и малейшей доли в жизни вечной.

— Почему ты при встрече со свадебным поездом заплакал?

— Потому, что жениху тому предназначено умереть, не прожив и тридцати дней после свадьбы, а жене его — тринадцать лет ждать, доколе подрастет малолетний деверь ее[1)].

— Почему ты рассмеялся, слыша, как человек тот, заказывая себе сандалии, требовал, чтобы их хватило ему на семь лет?

— Самому ему семи лет не прожить, а он сандалиями на семь лет запасается!

— Почему над колдуном рассмеялся ты?

— На том месте, где колдун сидел тогда, клад богатейший зарыт. А он ворожит себе и о кладе, что под ним находится, и не подозревает!..

XXVI. ИЗ ЦАРЕЙ В НИЩИЕ

Соломон удержал при себе Асмодея до окончания всех работ по постройке Храма.

Однажды, когда они оставались одни, спросил Соломон Асмодея:

— Скажи, чем *вы* сильнее нас, людей?

На это Асмодей ответил:

— Освободи меня от цепей да передай мне перстень свой, и тогда я сумею показать тебе, чем мы сильнее людей.

Снял с него Соломон цепи и дал ему свой перстень. Наступил Асмодей на Соломона и поглотил его. Уперся потом одним крылом в землю, другим в небо и, извергнув Соломона, размахнулся и закинул его за четыреста парса. Вспоминая об этой минуте, Соломон сказал в "Екклезиасте":

---

1) Чтобы сделаться женою его, — согласно Моисееву закону о "ibum" и "chaliza".

— Что пользы человеку при всех трудах его под солнцем? И это было моею долею от всех трудов моих! Ничего, кроме посоха, не осталось у меня. "Я царем был над Израилем", а ныне — я царь только над посохом моим...

Пошел Соломон у чужих порогов подаяния просить.

— Я, — говорил он, — Проповедник, был царем над Израилем в Иерусалиме.

— Царь Соломон, — отвечали ему, — восседает на троне своем в Иерусалиме, а ты юродствуешь.

И били его тростинами, а поесть давали миску крупника.

И Соломон говорил:

— Вот доля моя от всех трудов моих!

— —[1)]

Когда Соломон предстал перед Синедрионом, мудрые старцы говорили в недоумении:

— Обыкновенным юродивым однопредметное помешательство не свойственно. Что же представляет из себя этот человек?

Опросили Бенаю:

— Призывал ли тебя царь?

— Нет, — ответил Беная.

Посылали к женам Соломоновым:

— Что с царем? Приходил он к вам?

— Как же, приходил, — получился ответ.

Вторично послали туда же:

— Осмотрите-ка ноги у него.

— Он все время обуви не снимал[2)], — ответили жены Соломоновы.

Тут все и обнаружилось...

Приняли тогда Соломона и возвратили ему перстень и цепь с начертанием Шем-Гамфораша. Асмодей, видя это, улетучился.

(Гит., 68; Танх. Гак.)

XXVII. ПОРЦИЯ ЗЕЛЕНИ

Во время странствий Соломона в облике нищенском, подошел к нему некий человек и почтительно просить его начал, — зайти гостем в дом его:

— Государь мой, царь! Соблаговоли зайти и призреть на меня сегодня.

Привел тот человек Соломона в дом свой, пригласил в верхнюю горницу и велел подать на стол тельца жареного и множество других

[1)] В источниках, откуда взята настоящая легенда, пропущен промежуточный момент, фактическая сущность которого подсказывается последующим содержанием легенды. Отсутствие Соломона не было замечено ни в Синедрионе, ни в доме царском, так как Асмодей принял его образ.

[2)] Чтобы не обнаружить козлиных копыт своих. По комментарию же Раши — у Асмодея, вместо ног, петушиные лапки.

яств. За обедом хозяин стал напоминать Соломону о разных делах его, как царя Израильского: "Помнишь, мол, то-то и то-то совершенное тобою, когда ты еще царем был?"

Застонал Соломон, зарыдал горестно при воспоминаниях этих; плакал все время обеда и с плачем ушел из дома того.

Назавтра подошел к Соломону другой человек и также просить его стал:

— Государь мой, царь! Окажи мне честь — призри на меня сегодня.

— Не затем ли ты зовешь меня, — отвечал Соломон, — чтоб поступить со мною так, как поступил тот, приятель твой?

— Государь, — отвечал этот, — я человек бедный; если ты окажешь мне честь зайти ко мне, я могу предложить тебе лишь немного зелени, — все, что имеется у меня. Если ты на это согласен, то зайди в жилище мое.

Когда они пришли, хозяин омыл у гостя лицо, руки и ноги и подал на стол свой обед, состоявший из небольшой порции зелени. Пока Соломон ел, хозяин говорил ему слова утешения.

— Государь! — говорил он. — Господь поклялся отцу твоему, что не прекратится царствование потомков его. И так обычно у Господа: наказует — и милует. И верю я, что Пресвятой Благословенный еще возвратит тебя в царство твое.

Возвратившись к власти царской, Соломон, вспоминая о рассказанном, записал для Притчей своих:

"Лучше угощение из зелени, — бедняком предложенное мне, — нежели откормленный бык, которым угощал меня богач для того только, чтобы напомнить мне о горестном положении моем" *(Иалк.)*.

XXVIII. ИЕРОВОАМ

В тот день, когда царем Иеровоамом поставлены были два золотых тельца: один в Вефиле, другой в Дане, построен был первый шалаш на том месте, где впоследствии основан был Рим[1] *(Шаб., 56)*.

"И после этого события не сошел Иеровоам с своей худой дороги".

После какого события?

По сказанию раби Аба:

— Обратись на путь истинный, — настоятельно говорил Господь Иеровоаму, — и будешь ты и сын Иессеев (Давид) совершать прогулки со Мною в садах Эдемских.

— А кто из нас двоих первое место займет при Тебе? — спросил Иеровоам?

— Сын Иессеев, — ответил Господь.

— Если так, то я не согласен, — заявил Иеровоам *(Санг., 102)*.

---

[1] От которого пришли многие беды на народ израильский.

XXIX. ИЛИЯ И ЖРЕЦЫ ВААЛА

"Пусть дадут нам двух тельцов, и пусть они (жрецы Ваала) выберут себе одного тельца" — — — " а я приготовлю другого тельца" — — — "и призовите вы имя бога вашего, а я призову имя Господа", — говорил пророк Илия жрецам Вааловым: "тельцов же возьмите, рожденных двойней и у одних яслей вскормленных, и киньте жребьи, которому из них быть для Господа и которому для Ваала". Кинули жребьи. Телец, доставшийся Илии, тотчас пошел за ним, а тот телец, которому выпал жребий Ваалов, стоял, не трогаясь с места; все жрецы Вааловы и пророки рощи, идолу сему посвященной, собрались тут, но и общими усилиями сдвинуть его не могли. Продолжалось это до тех пор, пока Илия не обратился к тельцу, сказав:

— Ступай с ними.

Заговорил телец человеческим голосом и так сказал Илии перед всем народом:

— Я и товарищ мой — оба мы от одного чрева рождены и от одного тельца зачаты были, на одном пастбище выросли, у одних яслей вскормлены. И что же? Ему выпал жребий быть для Господа, и над ним имя Господне освятится, а мне — сделаться жертвой Вааловой и вызвать гнев Создателя моего!

— Телец! Телец! — отвечал Илия. — Напрасен страх твой. Будь послушен им, дабы не было отговорки у них. Имя же Господне освятится и через тебя точно так же, как и через тельца, который взят мною.

— И это решительный совет твой? — возразил телец. — Тогда клянусь: я не сойду с этого места, пока ты сам из рук в руки не передашь меня им.

"И взяли они тельца, которого он и дал им", т. е. тельца, которого передал им Илия *(Танх.; Бам.-Р., 23).*

XXX. ИОНА

"И встал Иона, чтобы убежать в Фарсис от лица Господня".

Почему убежал Иона?

Вот почему: в первый раз Господь посылал его, чтобы обратить на путь правый народ израильский, и слова Ионы оправдались: "он[1)] восстановил пределы Израиля от края Елафского до моря пустыни, по слову Господа, Бога Израилева, которое Он изрек через раба своего Иону, сына Амифиина, пророка из Гафхефера". В следующий раз он послан был пророчествовать о разрушении Иерусалима, но Израиль принес покаяние, и сжалился Господь и не разрушил Иерусалима. С тех пор Иону прозвали лжепророком. Теперь, когда Господь снова

---

1) Царь Иеровоам.

посылал его для пророчества, на сей раз в Ниневию, стал размышлять Иона так:

"Мне известно, что народ тамошний склонен к раскаянию; раскаются ниневийцы, Господь обратит гнев Свой на Израиля. И мало того что израильтяне меня лжепророком прозвали, меня и другие народы тем же назовут. Убегу я лучше".

Пришел Иона в Иоппию (Яффа), но там корабля не оказалось. Навел Господь шторм на корабль, находившийся на расстоянии двух дней пути от Иоппии, и вернул его в гавань.

Видя это, обрадовался Иона.

"Ныне, — рассудил он, — я узнал, что деяния мои угодны в очах Господа".

И обратился к корабельщикам:

— Возьмите меня в плаванье с собою.

— Мы в Фарсис отправляемся, — заметили ему.

— И я с вами — в Фарсис.

Отплыли день пути, и поднялся шторм — со всех сторон забушевал. При этом все другие корабли спокойно проходили по всем направлениям, а штормом терзало ужасно только тот корабль, на котором находился Иона.

"И устрашились корабельщики, и взывали каждый к своему богу".

По объяснению раби Ханании — на этом корабле находились люди всех семидесяти народностей; каждый держал в руках изображение своего божества. "Будем, — говорили они, — взывать каждый к богу своему, и того из богов, который услышит нас и избавит от бедствия, мы признаем богом над собою".

Взывали все, каждый к своему богу, но напрасно.

Иона же в то время спустился во внутренность корабля, лег и в тоске душевной заснул.

Пришел к нему кормчий и сказал:

— Мы находимся между жизнью и смертью, а ты лежишь и спишь! Из какого племени ты?

— Еврей я.

— А ведь говорят люди, что Бог евреев — Бог великий. Встань, воззови к Богу твоему: может быть, Бог вспомнит о нас, и мы не погибнем — и сотворит нам чудо, какое вам на Чермном море совершил.

— Не стану скрывать от вас, — ответил Иона, — из-за меня пришло бедствие это на вас. Возьмите меня и бросьте в море, и стихнет море для вас.

Не решались люди те бросить Иону в море. Бросили жребьи, и пал жребий на Иону. Все вещи, какие были на корабле, побросали в воду; это не помогло; стали было усиленно грести, чтобы возвратиться на сушу, — это оказалось невыполнимым. Что было делать? Взяли они Иону и, подойдя с ним к борту, воззвали:

— Господи, Бог вселенной! Да не падет на нас кровь невинного и да не погибнем мы за душу человека этого; ибо неизвестно нам, каковы

9–760

свойства и каковы дела его. Но сам он говорит: "За меня беда эта постигла вас".

Взяли они Иону, до колен опустили его в воду — море сразу утихло. Подняли его обратно на судно — море снова забушевало. Опустили его по горло — море утихло. Извлекли его — шторм налетел снова. И только когда они бросили его в воду, море утихло совершенно.

"И *предуготовил* Господь большую рыбу, чтобы поглотить Иону".

По сказанию р. Тарфона — рыба эта предуготована была Господом в первые дни творения.

В пасть этой рыбы попал Иона — точно в просторный дом вошел и стоит себе свободно. Глаза этой рыбы давали Ионе свет, точно два окна.

По сказанию р. Меира — внутри рыбы повешен был самоцветный камень, который светил Ионе подобно солнцу в полдень и делал видимым для него все, что в море и в бездонных глубинах его.

Сказала рыба Ионе:

— Тебе, по-видимому, неизвестно, что близок час мой, и я поглощена буду левиафаном.

— Приведи-ка меня к нему, — сказал Иона, — я и тебя, и себя спасу.

Подплыла рыба с Ионою к левиафану. Обратился Иона к левиафану и сказал:

— Левиафан! Да будет ведомо тебе, что ради тебя явился я сюда: место, где пребываешь ты, мне осмотреть надо. Но этого мало: я тот, кому предназначено на язык тебе аркан накинуть, из моря тебя извлечь и закласть для великого пиршества праведников.

Метнулся левиафан и оказался сразу вдали от Ионы на расстоянии двух дней пути.

— Послушай, — сказал Иона рыбе, — вот, я спас тебя от левиафана; покажи же ты мне все, что в море и в безднах его находится.

Показала рыба ему ту Великую Реку, которая самый океан водами питает; показала те пути в Чермном море, которыми израильтяне по дну его прошли; показала то место в море, где шквалы и смерчи зарождаются; показала ему устои земли и основания ее, и ад, и бездны преисподней. И показала она ему Святилище Предвечного и "эвен-шетиа" — камень краеугольный, заложенный в бездне под Святилищем этим, а на камне том сыны Кореевы[1)] стоят и Господу славословия возносят.

И сказала рыба Ионе:

— Сейчас мы находимся как раз против Святилища Господня. Помолись — и услышана будет молитва твоя.

---

1) Псалтирь, 42, 44—49.

— Остановись же, — отвечал Иона, — на этом месте, и я помолюсь Господу.

Рыба остановилась — и воззвал Иона к Господу, говоря:

— Владыка мира! “Низвергающий и вновь Подъемлющий” — название Твое. Низвержен я, — подъемли меня! “Умертвляющий и Воскрешающий” — имя Тебе. На пороге смерти душа моя, — воскреси меня!

Не была услышана молитва Ионы, пока не воззвал он:

— Господи! Обет, который я дал, я исполню: обещал я поднять из моря левиафана и заклать его для великого пира праведников — и это исполню я в тот день, когда придет спасение Твое.

По мановению перста Господня, рыба извергла Иону на сушу.

(П. д. Ел.; Мид. Иона)

XXXI. ИЕЗЕКИЯ И ИСАИЯ

Царь Иезекия и пророк Исаия не ходили друг к другу.

Иезекия говорил:

— Пусть Исаия первый придет ко мне. Так поступил и пророк Илия: пришел сам к царю Ахаву.

А Исаия на это отвечал:

— Пусть Иезекия первый придет ко мне, по примеру Иорама, сына Ахава, который первый пришел к пророку Елисею.

Ниспослал Господь недуг на Иезекию, а Исаии сказал:

— Иди, проведай болящего.

Пришел к Иезекии Исаия сын Амосов и сказал ему:

— Так говорит Господь: “Сделай завещание для дома своего, потому что *ты умрешь и не будешь жить*”: умрешь — для земной жизни, и не будешь жить — в мире загробном.

— За что мне двойная кара? — спросил Иезекия.

— За то, что ты безбрачным остался.

На это Иезекия сказал:

— Мне известно стало через Духа Святого, что дети, которые родятся от меня, будут людьми недостойными.

— Тебе ли тайны Господни ведать? Тебе надлежало исполнять то, что повелено тебе, а Господь совершит по воле Своей.

— Выдай теперь за меня дочь свою, Исаия! Может быть, ради общих заслуг наших, от меня достойное потомство произойдет.

— Приговор Предвечного над тобой произнесен.

— Сын Амосов! Кончай прорицания свои и уходи, — воскликнул Иезекия, — от прадеда моего (от Давида) жив завет в семье нашей: “Даже когда меч острый уже на шее твоей лежит, не переставай уповать на милосердие Божие”[1] *(Бер., 10).*

---

[1] И чудо Милосердия совершилось: Иезекия был исцелен и прожил после того пятнадцать лет. Знамением обещанного ему исцеления послужило такое чудесное явление: тень на солнечных часах Ахазовых возвратилась назад на десять ступеней *(II Цар., XX).*

XXXII. МЕРОДАХ-БАЛАДАН

Вавилонский царь Меродах-Баладан имел обыкновение обедать в три часа и спать после этого до девяти часов вечера. Сделал он то же самое и в тот день, когда движение солнца было задержано ради знамения царю Иезекии. Встав от послеобеденного сна, царь был изумлен, вместо вечерних сумерек увидя кругом свет утра. Возмущенный нерадивостью слуг, давших ему (как он полагал) проспать до утра, он готов был убить их за это.

— Как осмелились вы, — кричал он, — оставить меня спать весь день и всю ночь?!

— Государь! — отвечали слуги. — Нынешний день вернулся назад к утру своему.

— А чьим богом совершено это?

— Богом царя Иезекии.

— А разве существует бог более могущественный, нежели тот, которому поклоняюсь я?

— Государь, — отвечали слуги, — Бог царя Иезекии могущественнее всех богов вселенной.

Тогда — "послал Меродах-Баладан, сын Баладана, царь Вавилонский, письма и дары Иезекии". Писал он так:

"Мир и привет Иезекии, царю, мир Иерусалиму и мир великому Богу".

После того как письма были отданы для отсылки их к Иезекии, сообразил Меродах-Баладан, что поступил он не так, как следовало:

— Привет Иезекии и Иерусалиму написал я раньше и только потом привет Богу.

Встал он с трона и, сделав три шага, чтобы вернуть прежние письма, написал вместо прежних другие письма, которые гласили:

"Мир и привет Богу великому, мир Иерусалиму и мир Иезекии".

Тогда сказал Господь:

— Из уважения ко Мне ты встал с трона и три шага сделал. За это Я произведу из потомков твоих трех царей, которые властвовать будут от края до края мира; имена их: Навуходоносор, Евил-Меродах и Валтасар *(Танх.)*.

XXXIII. МАНАССИЯ

Предание от Симеона бен Азаии.

— В найденном мною в Иерусалиме "Списке родословий" я нашел такую запись:

"Пророк Исаия был убит царем Манассией. Когда Манассия поставил в Святилище изображение идола, Исаия стал пророчество-

вать перед народом, говоря от имени Господа: "Почему гордитесь вы храмом, построенным Мне? Ни высшие, ни низшие миры не вмещают величия Моего, — так нужен ли храм ваш Мне? "Где же вы дом построите Мне и где место для присутствия моего"? Вот, идет Навуходоносор — разрушит он дом тот и вас в изгнание уведет!"

Разгневался Манассия. "Взять его!" — крикнул он слугам своим. Убежал Исаия в лес, произнес Шем-Гамфораш и исчез, поглощенный стволом кедра. Но при этом остались наружу кисти, вплетенные в края его одежды. Рассказали об этом Манассии; послал он туда плотников. Начали плотники дерево то распиливать, и стала кровь капать и течь. Когда дошла пила до уст Исаии, отлетела душа его. Ибо устами своими согрешил он, сказав: "Живу среди народа, которого *уста нечисты*".

(Иеб., 49; Песик., 4; Иеруш. Санг.)

Манассии явился во сне рав Аши.

— Зачем, — спросил рав Аши, — вы идолам поклонялись?

— Если бы ты жил в том поколении, — ответил Манассия, — ты бы ухватился за край облачения идольского и за идолом бежал бы *(Санг., 101)*.

"И привел Господь на них военачальников царя Ассирийского, и заключили они Манассию в кандалы, и оковали его оковами, и отвели его в Вавилон".

Манассию посадили в медный котел, в котором проделаны были отверстия, а под котлом разложили огонь. И в такой беде находясь, Манассия не отвратился от идолопоклонства, и не было того идола, к которому он не взывал бы: "Идол такой-то! Приди, спаси меня!" Видя, что никто из них не приходит на помощь ему, Манассия сказал: "Помнится мне — отец мой, молясь, взывал, бывало, так: "Когда ты в бедствии будешь — —— то обратишься к Господу, Богу твоему". И вот, я ныне взываю к Нему. Услышит Он меня — хорошо, нет — я буду знать, что божества — все одинаковы".

Ангелы Служения стали запирать все окна небесные, дабы не давать молитве Манассии доступа к Господу.

— Владыка миров! — говорили они. — Человек, который дерзнул поставить идол в Святилище Твоем — возможно ли раскаяние для него?

Отвечал Господь.

— Но если Я отвергну его раскаяние, Я этим поставлю преграду для всех других кающихся.

И для молитвы Манассииной Господь открыл доступ под подножие Престола Небесного. "И услышал Господь моления его и возвратил его в Иерусалим, на царство его" *(Песик.)*.

XXXIV. ЭТО — И ЕЩЕ ДРУГОЕ

По преданию от р. Хии бар Абуия:

— У царя Иоакима было начертано на черепе: "это — и еще другое".

Дедом р. Перейды найден был, валявшийся у ворот Иерусалимских, человеческий череп, на котором было начертано: "Это — и еще другое". Предал он череп этот погребению, но череп вышел на поверхность земли. Вторично похоронил — и череп вторично вышел наружу. Понял он тогда, что это череп Иоакима, о котором сказано в Писании: "Ослиным погребением он будет погребен: его вытащат и бросят далеко за ворота Иерусалима".

"Однако же он был царем, подумал дед р. Перейды, и оставлять его на позор не подобает".

Взял он череп, завернул его в шелковые ткани и в ковчег положил.

Увидала это жена его, пошла и рассказала соседкам, а те начали говорить ей:

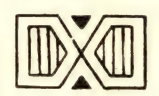
— Это — череп первой жены его. Он все еще забыть ее не может.

Затопила она печь и сожгла череп.

Узнав об этом, дед р. Перейды сказал:

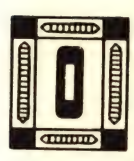
— Вот что означала надпись на черепе "это — и еще другое".

(Санг., 82)



РАЗРУШЕНИЕ ПЕРВОГО ХРАМА

I. ПЛАЧ ВЕЧНЫЙ



посланных Моисеем из пустыни Фарана "высмотреть землю Ханаанскую" сказано:

"И, высмотревши землю, возвратились они — — — и говорили: "не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас". И подняло все общество вопль, и плакал народ во всю ту ночь, и роптали на Моисея и Аарона".

Сказание от раби Иоханана:

— И сказал Господь: "Вы плакали тогда без причины. И вот, Я установлю для вас плач из рода в род, плач вечный". День тот был девятое Аба *(Таан., 29)*.

II. ДЕВЯТОЕ АБА

Предание гласит:

Разрушение храма произошло в девятый день месяца Аб, на исходе субботнего дня и "субботнего года". В тот день храмовую службу отправляли Иоаривиды; левиты стояли на эстраде своей и пели славословия. "Он воздаст им, — пели они, — за их беззаконие, за их злодейство. Он истребит их — —". И не успели они допеть до конца — "истребит их Господь, Бог наш", как ворвались в храм язычники и схватили их.

Седьмого Аба ворвались язычники в храм Господень, пировали там и святотатствовали в продолжение трех дней и в вечер девятого подожгли храм. Пожар продолжался весь день десятого Аба. О том и гласят слова пророка:

"Горе нам! День догорает,
Тени ложатся вечерние" и пр.

(там же)

"И находился город в осаде — — и голод усилился в городе".

Собирались на базарах дочери сионские, встречались и спрашивали одна другую:

— Зачем ты сюда пришла? Ведь ты прежде никогда на базар не ходила?

— Скрывать ли мне от тебя? Ужасны муки голода; дольше терпеть я уже не в силах.

Поддерживая одна другую, ходили они, искали по всему городу и не находили ничего, чем голод утолить. Обессиленные, охватывали руками колонны и умирали тут и там, на всех углах улиц. Оставленные дома грудные дети их ползком пробирались к ним, отыскивали каждое мать свою и, припадая к груди, брали сосцы их в рот, сосали, но молоко не шло больше из остывшей груди — и исходили голодом дети и падали мертвыми на грудь матерей своих.

И было тогда слово Господне Иеремии:

"Встань, иди в Анафофу и откупи поле от дяди твоего, Анамеила".

И когда вышел Иеремия из Иерусалима, сошел с неба ангел, толкнул стопой стены иерусалимские, и стены растрескались. И воззвал ангел и сказал:

— Пусть придут враги, пусть войдут в дом, в котором нет более хозяина, пусть ограбят, пусть разрушат его. И пусть войдут в виноградник, страж которого оставил его и ушел, и пусть вырубят лозы его, дабы не стали враги эти похваляться, говоря: "мы завоевали место это!" Город завоеванный завоевали вы, народ убитый убивали, дом сожженный сжигали вы.

Пришли враги; на Храмовой Горе поставили они идольский амвон свой.

И было это как раз на том месте, где восседал царь Соломон, держа совет со старейшинами, как лучше святой храм украсить. Теперь на месте том сидели враги и совет держали о том, как удачнее храм этот сжечь.

Пока шло совещание, подняли они глаза и увидели: сошли четыре ангела с факелами в руках и подожгли Святилище со всех четырех сторон.

Увидя храм объятым пламенем, взошел первосвященник на кровлю его, а вслед за ним — группа за группой взошли юнейшие из коганидов с ключами от храмовых дверей в руках; и воззвали они к Господу и сказали:

— Владыка мира! Недостойные быть сокровищехранителями, заслужившими Твоего доверия, — возвращаем мы Тебе ключи от Дома Твоего!

И с этими словами бросили ключи к небесам. Показалось подобие кисти руки и приняло ключи.

Когда первосвященник направился к выходу, он был схвачен воинами Навузарадана и заколот возле жертвенника, на том месте, где им совершалось обыкновенно жертвоприношение тамид. При виде этого дочь его кинулась бежать, вопия: "Горе мне, отец мой, радость очей моих!" Схватили и ее и закололи, — и кровь ее смешалась с кровью отца.

Видя храм в пламени, собрали когены и левиты арфы и трубы, бросились с ними в огонь и сгорели.

Бросились в огонь и девушки, которые в то время ткали завесу для ковчега.

Видя неминуемую гибель свою, кинулся Седекия к подземному ходу, который шел от дома царского до степей Иерихонских. Направил Господь оленя по линии подземного хода; погнались за ним вавилоняне и настигли его у выхода из подземелья в тот момент, когда выходили оттуда Седекия с сыновьями, и вавилоняне тут же схватили их.

Отправил Навузарадан Седекию и сыновей его к Навуходоносору, предлагая царю поставить Седекии такой вопрос:

— Ради чего изменил ты мне? И по какому закону судить тебя? По уставам твоего Бога — ты подлежишь казни за то, что нарушил клятву, данную тобою именем Его. По закону государственному — ты должен быть казнен потому, что всякий, кто нарушит присягу свою царю, подлежит смерти.

— Прошу тебя, — сказал Седекия Навуходоносору, — убей меня первым, дабы не видеть мне крови детей моих.

— Нас убей, государь, сначала, — взмолились к Навуходоносору сыновья Седекии, — не дай нам видеть пролитую кровь отца нашего!

Навуходоносор же сделал так: зарезал перед Седекией сыновей его, у Седекии выколол глаза и бросил их в печь, а его самого отвел в Вавилон.

И вопил Седекия, говоря:

— Придите, люди, взгляните. Пророчествовал Иеремия обо мне: "Будешь ты отведен в Вавилон и в Вавилоне ты умрешь, но не увидят Вавилона глаза твои". Не желал я слушать слов его. И вот — в Вавилоне я, но не видят его глаза мои.

Приближаясь, на обратном пути из Анафофы, к Иерусалиму, увидел Иеремия — дым клубится, восходя от того места, где храм находится. И подумал он: "Не раскаялся ли народ, возобновив жертвоприношения Господу? Ведь это — дым от воскурений вижу я".

Ворота оказались запертыми.

Взошел Иеремия на городские стены и увидел он: вместо храма груды камней.

И возопил горестно Иеремия, и воскликнул он:

"Ты влек меня, Господь, —
Я шел, Тобой влекомый"[1].

Пошел Иеремия дорогой своей. Идет и вопит:

— Где путь, которым пошли грешные? Где дорога, которою бредут погибающие? Пойду, погибну вместе с ними.

Идет он и видит — весь путь кровью залит и земля по обеим сторонам его кровью забрызгана. Пригнулся он лицом к земле — следы малюток, следы грудных детей на этом пути оттиснулись; и склонялся пророк к земле и припадал устами к следам этим. Следя по ним, дошел он до того места, где находились малютки эти вместе с другими изгнанниками, и обнимал и лобызал их.

Вот увидел пророк: толпа юношей заключена под ярмо железное — и согнул он и свою голову под ярмо это. Толпа старцев брела закованная в цепи. Приник к ним пророк головой своей. И от них удалили его. Увидал это Навузарадан и повелел отвести его в сторону. Стоя в отдалении от них, плакал пророк и плакали все, взирая на него.

— Братья мои! Племя родное! — говорил пророк. — Все это приключилось вам за то, что не послушались вы предсказаний моих.

Когда достигли берега Евфрата, Навузарадан сказал Иеремии:

— Если желаешь, иди со мною в Вавилон.

Подумал об этом Иеремия и рассудил так: "Если я пойду в Вавилон, не останется никого, чтобы слово утешения сказать тем, кто в Иерусалиме остался".

Отошел от изгнанников Иеремия. А те, видя это, подняли громкий плач и завопили горестно:

— О, Иеремия! О, отец наш! Вот, и ты нас покидаешь.

Отвечал Иеремия:

— Небо и землю в свидетели беру: если бы вы хотя единый раз заплакали, пока вы в Сионе находились, вы не были бы изгнаны оттуда.

---

[1] Когда Иеремии было слово Господне откупить поле в Анафофе, в уделе Вениаминином, пророк, влекомый туда волей Божией, подумал: "Отменил Господь кару Свою; враги не разрушат храма, и не будет изгнан народ из земли своей".

— "Горе, горе тебе, благодатнейшая из стран!" — восклицал он, идя в обратный путь свой. А по дорогам, тут и там, валялись отрубленные пальцы рук и ног; и подбирал он их, прижимал к груди, целовал долго и нежно, в складки одежд своих заботливо заворачивал и прятал их, и говорил, рыдая:

— Дети, дети мои! Не предупреждал ли я вас, не говорил ли: "Воздайте славу Господу, Богу Вашему, пока Он еще не навел темноты, пока не спотыкаются ноги ваши на горах мрака"?

Про это и гласят слова пророка:

"О горах подниму
Плач и рыдание,
О степных шалашах
Песнь плачевную", —

о красивых и славных горах наших, о шатрах Иаковлевых, превратившихся в обитель песни плачевной!..

И так повествовал Иеремия:

— Когда я всходил к Иерусалиму, поднял я глаза и увидел: женщина сидит на вершине горы, в одежды черные облачена, и волосы ее по плечам в беспорядке раскинуты. И вопиет, и вопрошает она: "О, может ли быть утешение для меня?"

И я иду, вопия и вопрошая: "О, может ли быть утешение для меня?"

Подошел я и заговорил с нею, и спросил я:

— Если ты человек, то отвечай мне, а если ты дух — исчезни!

Отвечала она:

— Разве ты не узнаешь меня? Я та, у которой было семь сыновей; в далекие края отец их ушел; стала я плакать в тоске по нем, а в это время пришли и сказали мне: обрушился дом и всех семерых детей убило. И вот, не знаю я, кого мне теперь оплакивать, по ком в трауре волосы мои распускать.

— Женщина! — сказал я ей. — Не лучше же ты матери твоей, обители Сионской, — она же пастбищем стала для зверей полевых!

Отвечала она и сказала:

— Это — я, матерь твоя, дщерь Сионская, семерых родившая!

И сказал я:

— Кара твоя каре Иова подобна: у Иова отняты были сыновья и дочери его, — и ты сыновей и дочерей своих лишилась. Отняты были у него серебро и золото его, — и у тебя отняты сокровища твои; на навозе валяться брошен был Иов, — и ты мусором и брением стала. И так же, как утешил Господь Иова, обратится к тебе Господь и утешит тебя.

(Песик. (Р.), 26; Таан., 29; Эха Р.)

“Об этом плачу я” (Плач Иеремии).

Рав Иегуда пояснял:

— Плачу о том, что отошел Дух Святой и отошел разум. Ибо не изумительно ли, что в то время, когда иноплеменники подошли, чтобы выколоть у него глаза, у Седекии не хватило разума удариться головой об стену и умереть? *(Эха Р., 1).*

IV. УХОД ШЕХИНЫ

“И отошла слава Господня от входа дома”.

Притча раби Ахи:

— Исполненный гнева, покидал царь чертог свой. Но, переступая порог его, вернулся царь и, с простертыми объятиями целуя стены и колонны, заплакал, говоря: “Оставайтесь с миром, сени чертога моего! Оставайся с миром, обитель царской власти моей! Мир тебе, милое убежище мое! Мир тебе, отныне и во веки мир тебе!” И Дух Господень, покидая Святилище Свое, возвращался с порога его и простирал объятия и целовал стены и колонны Святилища и, горестно плача, говорил: “Прощай, священная обитель Моя! Прощай, царственный чертог Мой! Прощай, приют милый Мой! Прощай на веки!” *(там же).*

V. ПЛАЧ ГОСПОДЕНЬ

“И Господь, Господь Саваоф призывает вас в день этот плакать и сетовать, и рвать волосы свои, и одеться в рубище”.

Когда созрело решение Господа предать уничтожению святую Обитель Его, Господь сказал:

— Дотоле, пока Я обитаю в Доме этом, рука иноземного не коснется его. Отведу от него очи Мои и поклянусь не воссоединяться с ним до времени урочного, — и придут иноплеменные и разрушат его.

Отвел Господь десницу Свою, — “отвел десницу свою от неприятеля”, — и вошли враги в Святилище и сожгли его.

— Отныне, — сказал Господь, — нет для Меня обиталища на земле, — пусть же отойдет от него Шехина Моя, и удалюсь Я в прежнюю обитель Мою.

И плакал Господь и говорил:

— Увы! Что совершил Я! Ради народа Моего Я Дух Мой на земле поселил, а ныне, когда согрешил народ, Я удаляюсь в прежнюю обитель Мою. Совершиться ли этому? На смех Я стал для народов, для людей на издевательство!

Явился Метатрон, пал на лицо свое перед Господом и сказал:

— Владыка мира! Дай плакать мне, но не плачь Ты, Господи!

Отвечал Господь:

— Если ты не дашь воли слезам Моим, Я уединюсь в те тайники, куда и тебе доступа нет, — “втайне плакать будет душа Моя”.

И Ангелам Служения сказал Господь:

— Идите, и пойду Я с вами, и поглядим мы, что сделали враги с Домом Моим.

И шествовал Господь, и Ангелы Служения с Иеремией предшествовали Ему. И когда увидел Господь, во что превратился храм, воскликнул Он:

— Да, вот Дом Мой, вот место отдохновения Моего, куда пришли враги и сделали все, чего пожелали!

И восплакал Господь и воззвал, говоря:

— Горе мне о Доме Моем! Где вы, дети Мои? Священники, левиты Мои, где вы? Возлюбленные Мои, где вы? О, как помочь Мне вам? Сколько раз предостерегал Я вас, и не раскаялись вы!

— Иеремия! — сказал Господь. — Я подобен ныне человеку, у которого был единственный сын. Пир венчальный приготовил он сыну своему, а сын во время венчания умер. И не болит сердце твое за Меня и за детей Моих? Иди, зови из могил Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, — они знают, *как* плакать надо!

— Господи, — сказал Иеремия, — где погребен Моисей — неведомо мне.

— Иди, стань на берегу Иордана, подними голос свой и взывай: "Бен Амрам! Бен Амрам! Встань и взгляни, как овец твоих растерзали враги!"

Пошел Иеремия к гробнице Махпела и воззвал к праотцам мира:

— Встаньте. Пришло время, когда вы призываетесь пред лицо Всевышнего.

— Для чего? — вопросили праотцы.

— Не ведомо это мне, — ответил Иеремия, из страха услышать упрек от них: "В *твое* время приключилось подобное бедствие детям нашим!"

Отошел Иеремия, встал на берегу Иордана и воззвал:

— Бен Амрам! Бен Амрам! Встань: настало время, когда ты призываешься пред лицо Всевышнего.

— Чем день нынешний отличается от других дней, — прозвучал голос Моисея, — что меня призывают пред лицо Господне?

— Не ведомо это мне, — ответил Иеремия.

Не спрашивал его более Моисей, но обратился к Ангелам Служения, которых он знал со времени дарования Завета на Синае, и так сказал он им:

— Слуги небесные! Ведомо ли вам, для чего призывают меня пред лицо Всевышнего?

— Бен Амрам! — отвечали Ангелы Служения. — Не знаешь ты, что храм Господень разрушен и народ в изгнание уведен?

Разодрал Моисей одежды Славы, в которые Господь облачил его, заломил над головою руки свои и, плача и вопия, к гробнице праотцев пошел. Разодрали и праотцы облачение свое, положили руки на головы свои, и шли они, вопия и плача, пока не дошли до врат храма.

Узрел их Предвечный, как идут они плача от одних ворот к другим, как человек, скорбящий о смерти дорогого ему существа, и Господь, оплакивая совершившееся, говорил:

"Горе царю, в юности счастливому и несчастному в старости своей!" *(Эха Р.)*.

VI. ПЛАЧ ПРАОТЦЕВ

Терзая пряди бороды своей, взъерошивая волосы на посыпанной пеплом голове, сжатыми кистями рук бия по лицу себя, в разодранных одеждах, с плачем великим предстал Авраам перед Господом. С криками и воплями обходя развалины храма, взывал он к Предвечному:

— За что, Господи, всех других родов и племен злосчастнее удел мой? За что до такого позора и унижения довел Ты меня?

Видя это, и Ангелы Служения, став ряд против ряда, подняли плач, и восклицали они:

— Опустели дороги и больше нет путников, — дороги, проложенные Тобою к Иерусалиму, чтобы путники не переставали проходить по ним, — как запущены они! Дороги, по которым народ израильский проходил и возвращался в праздники свои, — о, как опустели они!

Воззвал Господь к Ангелам Служения и сказал:

— О чем, рядами вторя друг другу, вы плач подняли?

— Владыка мира! — отвечали ангелы. — Плач наш об Аврааме, возлюбленном Твоем: за что на него не призрел Ты, Господи?

Сказал Господь:

— С той поры, как отошел возлюбленный Мой в жизнь вечную, не являлся он предо Мною; а ныне — чего желает друг Мой в доме Моем?

Отвечал Авраам:

— За что, Господи, изгнаны Тобою дети мои? За что разрушен храм, воздвигнутый на месте том, где я сына моего приносил в жертву всесожжения Тебе?

— Сыны твои, — сказал Господь, — согрешили, преступив все заветы Торы, все двадцать две буквы, начертанные в ней.

— Господи! Кто в этом свидетельствует против них?

— Тора сама да предстанет и свидетельствует против Израиля!

Предстала Тора свидетелем на суд Всевышнего.

— Дочь моя! — воззвал к Торе Авраам. — *Ты* явилась уликою против Израиля, преступившего уставы твои, — и нет стыда предо мною на лице твоем? Вспомни день, когда Господь ходил, всем народам и племенам предлагая тебя, и никто из них принять тебя не желал, покуда не пришли сыны мои к горе Синайской и прияли тебя, и чтили тебя. А ныне, в день их несчастия, ты приходишь свидетельствовать против них?!

Отошла Тора и молча стала в стороне.

— Да предстанут двадцать два знака Писания, — повелел Господь, — и свидетельствуют против Израиля.

Предстали священные буквы, и выступила буква "Алеф" первой уликою против Израиля.

Обратился к ней Авраам и сказал:

— *Алеф*! Ты — начальная среди букв, и ты выступаешь обвинителем против народа Израильского в дни несчастия его. Вспомни день, когда явился в откровении Господь на горе Синайской и с тебя Десятисловие начал: "*Анохи* (Я) Господь Бог твой", — и ни один народ принять тебя не желал, кроме сынов моих. И ты же выходишь свидетельствовать против них?!

Отошла "Алеф" и молча стала в стороне.

Выступила буква "Бет".

— Дочь моя! — сказал ей Авраам. — Тебе ли свидетельствовать против сынов моих, столь ревностно изучавших Пятикнижие, которое с тебя начинает повествование свое[1]?

Отошла "Бет" и молча стала в стороне.

Видя, как Авраам две первые буквы безмолвствовать заставил, все остальные сами отошли стыдливо, и ни одна не стала говорить ничего в улику против Израиля.

И воззвал тогда Авраам к Господу, говоря:

— Владыка мира! На сотом году жизни моей Ты сына дал мне, и когда он был в полном расцвете сознания, тридцати семи лет от рождения, Ты сказал мне: "Принеси его в жертву всесожжения Мне"; как злодей встал я на сына моего, не сжалился над ним, своими руками связал его, — и Ты не зачтешь мне этого, Господи, не сжалишься надо мною?

Воззвал Исаак и сказал:

— Владыка мира! Когда отец сказал мне: "Господь усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой", — я не восстал против веления Твоего и доброй волей дал связать себя для всесожжения и протянул шею свою под нож. И не зачтешь Ты мне этого, Господи, и не смилуешься надо мною?

Воззвал Иаков и сказал:

— Владыка мира! Не был ли я слугою двадцать лет в доме Лавана? А когда я ушел оттуда, встретил меня нечестивый Исав, намеривавшийся убить детей моих, и должен был я собственной душой жизнь их защитить. И ныне, после того, что я, как птенцов, взлелеял их и муки принимал, чтобы взрастить их, — ныне предаешь Ты их, как овец на заклание, в руки врагов. И не зачтешь Ты мне перенесенного мною, и не сжалишься, Господи?

Воззвал Моисей и сказал:

— Владыка мира! Не был ли я сорок лет пастырем верным для Израиля? Быстрым конем я мчался перед ними в пустыне. А когда пришло время войти им в Землю Обетованную, Ты произнес надо мною приговор: "В пустыне падут кости твои". А ныне, послав народ в изгна-

---

1) *Берешит* — "*В начале* сотворил" и пр.

ние, Ты призвал меня, чтобы скорбеть и оплакивать его. Истинно говорят люди: “ От милостей господина не мило мне, от немилости его горе мне”.

И сказал Моисей Иеремии:

— Веди меня. Пойду к ним, взгляну, чья рука тяготеет на них.

— Нет проходу, — отвечал Иеремия, — все дороги телами убитых покрыты.

— Все-таки пойдем.

Пошел Иеремия и Моисей вслед за ним. Дошли они до рек Вавилонских. Увидели изгнанники Моисея и друг другу говорить стали:

— Вот, Бен Амрам из могилы встал, чтобы от рук врагов избавить нас.

Раздался Голос Небесный:

— Изгнание ваше решено Мною!

— Дети мои! — сказал Моисей. — Возвратить вас не в силах я, — неизменно Господом решено это. Но Он, Всемилосердный, вскоре вернет вам милосердие свое.

И отошел от них Моисей — и к праотцам мира пришел он. И вопросили праотцы:

— Что сделали враги с сынами нашими?

Отвечал Моисей:

— Одних умертвили, у других руки за спину подвернули и связали, кого в цепи железные заковали, кого раздетыми и нагими повели. Одни в дороге пали мертвыми, и тела их сделались добычею для птиц небесных и для зверей земных, другие под палящим солнцем на муки голода и жажды брошены.

Подняли праотцы плач и стенание, и, рыдая, говорили они:

— Увы! До чего дожили вы, дети наши! Как сироты без отца стали вы. В полдень в летний зной — без одеяния, лежите вы в наготе неприкрытой. По горам бредете, по острому каменнику, без башмаков, без сандалий. Грузом песка отягощены плечи ваши. Подвернуты назад и связаны руки ваши. Слюны своей проглотить не в силах вы...

— Будь проклято, солнце! — воскликнул Моисей. — Зачем не погасло ты в тот час, когда в Святилище Господне враги вошли?

— Клянусь, — отвечало солнце, — клянусь тебе, Моисей, пастырь верный! Как было погаснуть мне, когда ни на мгновение не отходили от меня, — шестьюдесятью бичами огненными бичевали меня, говоря и повторяя: “иди и свети полным светом своим!”

— Увы, обитель святая! — продолжал Моисей. — Тьмою стало сияние твое. Как ужасно разрушение твое! Грудой пепла Святилище стало; питомцы школ — жертвами смерти, отцы их — добычею меча, плена и изгнания.

— Вас, полонившие их, заклинаю я: не подвергайте их казни жестокой, не предавайте их истреблению полному; не убивайте сына

перед отцом его и дочери перед матерью ее: “Придет, говорю вам, время и взыщет с вас Господь за это!”

Не внимали вавилоняне мольбам его.

— Владыка мира! — взывал Моисей. — В Торе Твоей написано: “Ни коровы, ни овцы не закалывайте в один день с порождением ее”. А вот сколько убито детей вместе с матерями их, а Ты молчишь, Господи!

В эту минуту очутилась перед Господом Рахиль, матерь наша, и воззвала она:

— Господи, Владыка! Тебе ведомо, как велика была любовь ко мне раба Твоего Иакова. Семь лет прослужил он ради меня отцу моему, а когда пришло время сделаться женою его, отец решил подменить меня сестрой моей, и я не возревновала его к сестре моей. Я, из плоти и крови созданная, прах и пепел, ревновать не стала к сопернице моей; Ты же, царь живой, сущий и милосердный, тебе ли ревновать к идолам, мертвым и ничтожным, и за них изгонять детей моих?

В эту минуту вернулось милосердие Божие, и сказал Господь:

— Ради тебя, Рахиль, я возвращу народ израильский в пределы его.

“Так сказал Господь:
Голос в Раме слышен,
Вопль и горькое рыдание, —
То Рахиль о детях слезы льет
И утешиться не хочет.
Удержи свой голос от рыдания
И глаза свои от слез,
Ибо ждет тебя за труд награда, —
Говорит Господь, — в свои пределы
Возвратятся вновь сыны твои”.

(Еха Р.)

VII. КРОВЬ ПРОРОКА ЗАХАРИИ

Предание от раби Иегошуи бен Карха:

— Некий старец из жителей Иерусалима, рассказал мне: “Видишь, — говорил он, — и в этой долине, и в самом Иерусалиме Навузарадан, начальник телохранителей Навуходоносоровых, казнил несметное множество народа. Кровь казненных потекла и слилась с кровью Захарии. Кровь же Захарии кипела и била вверх ключом. ”Что это?" — спросил Навузарадан. “Кровь от жертвоприношений”, — ответили ему. Велел он принести жертвенную кровь, сравнил и нашел ее совершенно различною от крови той.

— Слушайте, — сказал Навузарадан, — скажете правду — хорошо, нет — я железными гребнями сдеру мясо с костей ваших.

— Что сказать тебе? — отвечали ему. — Некий пророк был среди нас; порицал он нас за грехи наши, восстали мы и убили его. И вот, сколько лет прошло, а кровь его не успокаивается.

— А вот, — сказал Навузарадан, — я уговорю его успокоиться.

10-760

Привели, по приказу его, членов обоих синедрионов, великого и малого, и казнили их на том месте. Но кровь Захарии не успокоилась; заклали юношей и дев, — не помогло и это; казнили детей, питомцев школ — и это не помогло.

— Захария! Захария! — воскликнул тогда Навузарадан. — Лучших из народа погубил я, желаешь ли ты разве, чтоб я истребил всех до единого?

Как только проговорил он слова эти, тотчас кровь успокоилась.

Чувство невольного раскаяния проснулось в сердце Навузарадана.

"Если, — подумал он, — из-за одной погубленной жизни, гнев Господень, в виде этой кипящей крови, не утихал столько времени, что же должно произойти после того, как мною столько жизней погублено?"

Бежал оттуда Навузарадан, послал завещание семье своей и принял закон Бога Единого *(Гит.,57)*.

VIII. МУКИ ИЗГНАННИКОВ

"Звала я друзей моих, —
Они обманули меня".

(Плач Иеремии,I,19)

Предание от раби Иегошуи бен Леви:

Направляемых в Вавилон изгнанников иерусалимских вели с завязанными за спиной руками, закованными в железные наручники, голышом, как животных. Когда проходили мимо поселений измаильтян, изгнанники стали просить начальников конвоя:

— Окажите нам милосердие и жалость — проведите нас через селения братьев наших, потомков дяди нашего Измаила.

Просьбу их исполнили. Вышли измаильтяне навстречу и стали предлагать им соленого хлеба и рыбного рассола, а вместо воды — пустые мехи, наполненные воздухом и снаружи смоченные водою. Поев соленое и полагая, что в мехах вода, израильтяне[1] хватались зубами за мехи, воздух входил в их легкие — и они падали замертво.

Таким же образом — по преданию от раби Иоханана, — погибли восемьдесят тысяч юношей-коганидов. Вооруженные золотыми щитами, прорвались они через войска Навуходоносора и направились к измаильтянам.

— Вы потомки дяди нашего, — говорили они сынам измаиловым, — дайте нам воды напиться!

— Вы поешьте сперва, — отвечали те и, накормив их соленым, давали им, вместо воды, мехи, наполненные воздухом *(Эха. Р.)*.

---

[1] У которых руки были в оковах.

IX. НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ

Полоненным израильтянам Навуходоносор не позволял останавливаться подолгу на одном месте во всех пределах Ханаанской земли, но гонял их с места на место. Делалось это вавилонянами из опасения, чтобы народ израильский не имел возможности принести покаяние Господу. "Бог племени этого, — говорили они, — ждет, чтоб израильтяне раскаялись в грехах своих и дотоле, пока они еще находятся на своей земле, Он, чего доброго, поступит с нами так, как поступил с Сеннахирибом[1)].

Когда же достигли рек Вавилонских и очутились на своей земле, победители тотчас сделали стоянку. Одни (вавилоняне) занялись бражничаньем, другие (израильтяне) обратились к плачу и стенаниям.

— Зачем вы сидите и плачете? — спрашивал их Навуходоносор. И повелел он колену Левиину выступить вперед и сказал:

— Приготовьтесь! Желаю я, чтобы, пока мы едим и пьем, вы стояли и проводили перстами по струнам арф ваших так, как вы делали это в вашем храме, перед Богом вашим.

Начали переглядываться между собою левиты и говорить один другому:

— Мало того что Святилище Господне разрушено за грехи наши, дойдем ли мы до того, чтобы перед этим низким человеком стоять и играть на арфах наших?

По общему уговору, повесили они арфы на вербах, росших там, и, решившись на самопожертвование, начали все надламывать и зубами откусывать большие пальцы на руках своих.

— Вот, глядите, — говорили они вавилонянам, показывая на руки свои, — "*как* нам петь песнь Господню?" *(Песик. (Р.),31).*

Раби Иоханан бен Закай говорил:

— Почему местом изгнания народа израильского избран был Вавилон преимущественно перед другими странами? Потому, что род Авраама происходил оттуда. Куда отсылает муж согрешившую перед ним жену? — В дом отца ее *(Тосеф. Б. К.).*

По преданию от раби Иоханана:

— Во все время царствования нечестивца Навуходоносора, не появлялся смех на устах ни у одного человека. О времени после смерти Навуходоносора и гласит стих пророка: "Вся земля отдыхает, покоится и поет ликуя" *(Шаб.,149).*

[1)] Ангел Господень, по слову Своему через пророка Исаию, поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч, а сам Сеннахириб был убит двумя сыновьями его *(IIкн.Царей XIX).*

X. СКОРБЬ КЕНЕСЕТ-ИЗРАИЛЬ

"Вспоминая об этом,
Изливаю я душу мою".

— О ком гласят слова эти в псалме сынов Кореевых?

— О Кенесет-Израиль.

— Владыка мира! — говорила Кенесет-Израиль. — Я вспоминаю безмятежный мир минувших дней и говорю: "о, если бы было ныне, как в те дни, когда храм существовал еще, и Ты сходил с вышних и Духом Твоим осенял меня, и народы пели славу мне, а когда я, грешная, молила о милосердии, Ты внимал мольбе моей. Ныне же — стыд и позор стали уделом моим".

И еще говорила она:

— Господи! Каким смущением полна душа моя, когда брожу по руинам Дома Твоего и слышу шепот, который проходит по ним: "Место, где потомки Авраама приносили жертвы на алтаре Твоем и стояли священники, народ благословляя, и левиты играли на арфах своих, — там шакалы рыскают ныне!

"В многолюдных сонмах я ходила,
С гласом радости вступала в Божий Дом".

"По стопам шествовавших на праздники в священный град, под сень Господню всходила я; ровные лежали дороги предо мною и деревья осеняли голову мою. А ныне — изгнания тень легла на меня, по бурелому путь мой лежит, и обнаженною я по солнцу иду. Сонмами торжественными всходила я прежде, сонм за сонмом, подобно водопаду, ни днем, ни ночью не прерывающему течения своего; с корзиною первинок на голове, с гимнами и песнями я путь свой совершала. И гласили песни те —

По утрам:
Вставайте, пойдем
На гору Сион!"
На дорогах:
"Я с радостью слышу: пойдем
В обитель Господню!"
В Иерусалиме:
"Стояли ноги наши
В твоих вратах, Иерусалим!"
На Храмовой горе:
"Аллилуйя! Славьте Господа
Во Святилище Его!"
Во дворе храма:
Все живущее
Да хвалит Господа.
Аллилуйя!"

"А ныне — безмолвны восхождения мои, и безмолвно обратно иду я..."

(Еха-Р.)

XI. УТЕШЕНИЕ

"Утешайте, утешайте народ мой".

— Утешай меня, утешай меня, народ мой, — говорил Господь.

"Виноградник был у виноградаря; пришли люди и вырубили его. Кто в утешении нуждается — виноградник или виноградарь? Дом сожгли, — кого утешать надо: дом или хозяина? Вы виноградником были у меня. Пришел Навуходоносор и разрушил виноградник Мой, вас изгнал и обитель Мою сжег, — в утешении *Я* нуждаюсь. Утешай Меня, утешай Меня, народ мой!" *(Песик. (Р.)).*

"Боже! Пришли язычники в наследие Твое" — гласит песнь Асафова.

"*Песнь* Асафова? Не уместнее ли было бы "*плач* Асафов", "*стенание* Асафова?"

Нет. Покои венчальные предуготовил царь для сына своего, выбелил их, обшил панелями, живописью покрыл. Но царевич блудным сыном стал. Пришел царь, стал завесы раздирать, плетения тростниковые уничтожать. Видя это, воспитатель царевича взял свирель свою и принялся играть на ней. Стали окружающие говорить ему:

— Царь венчальные покои сына своего разрушил, а ты песни поешь!

— Потому пою я, — отвечал тот, — что царь *покои* сына своего разрушил а не *на него* самого гнев свой излил.

И Асафу люди говорили:

— Господь храм и святилище Свое разрушил, а ты "песни" поешь.

— Потому-то и пою я, — отвечал Асаф, — что на дерева и камни излил Господь гнев Свой, а народ не истребил Он в гневе Своем.

(Еха-Р.)

ОТ ПЕРВОГО ДО ВТОРОГО ХРАМА

I. ХИРАМ, ЦАРЬ ТИРСКИЙ

— Сын человеческий! Тира царю возвести:
Так говорит Вездесущий Господь. Возгордился
Ум твой, и ты говоришь: "Бог — я, и в недрах морей
Я на престоле, подобно богам, восседаю".

(Иезек., XXVIII)

ришел Хирам к морю. Четыре железных столпа, длины безмерной, опустил в глубину и на дне морском в квадратном положении утвердил. И сделал он семь сводов небесных с престолом, изображениями зверей, громами, молниями. Первый небосвод — стеклянный, и на нем — солнце, луна и звезды. Второй — железный, по этому своду перекатывались каменные шары и, сталкиваясь, производили грохот, подобный громовому раскату. Между этим сводом и следующим — бассейн с водометами. Третий — из свинца; четвертый — из металлических сплавов, и между ними — водометы. Пятый — из меди. Шестой — из серебра, и вделаны в него жемчуга и самоцветные камни. Седьмой — из золота, и по нему изображения зверей и херувимов. На этом " небе" помещался золотой трон, на вершине которого утверждена была целая система подвесок из жемчуга красного цвета. При каждом движении восседающего на троне подвески эти сталкивались между собою, и получалось подобие блеска молний и грохота грома.

И сказал Господь Иезекиилю:

— Сын человеческий! Иди, скажи Хираму: "Почто возгордился ты? Не от женщины ли рожден ты?"

— Господи! — сказал Иезекииль. — Как пойти мне к нему? Ведь он в воздушном пространстве пребывает?

Навел Господь ветер, опахнул он кудри на голове Иезекииля и повел его по воздуху, и привел к Хираму. И затрепетал в ужасе Хирам при виде Иезекииля.

— Кто привел тебя сюда? — воскликнул он.

— Господь привел меня, — ответил Иезекииль, — и так сказать

тебе велел Он: "Почто возгордился ты? Ведь смертный ты, от женщины рожденный".

— Пусть так, — сказал на это Хирам, — пусть я от женщины рожден, но жив и сущ я вечно! Как Господь среди морей восседает, так и я, как Господь на семи небесах обитает, так и я.

А кончил Хирам, царь Тирский жизнь свою так: послал Господь на Хирама Навуходоносора, и низложил он его. Из собственного тела Хирама ежедневно вырезывали куски мяса, и, обмакивая в уксус, давали ему вместо пищи. И умер он в ужасных мучениях.

Чертоги же, в виде небосводов воздвигнутые Хирамом, были поглощены недрами земными, где сохраняемы Господом для обитания праведников по пришествии Грядущего *(Бет.-Гам.,5).*

II. ДАНИИЛОМ ВОСКРЕШЕННЫЕ

В то время, когда Ханания, Мисаил и Азария были брошены, по велению Навуходоносора, в калильную печь, было слово Господне Иезекиилю:

— Иди, воскреси мертвых в долине Деире.

Поднявшиеся из могил скелеты стали наступать на Навуходоносора и колотиться о лицо его.

— Что это? — завопил Навуходоносор.

— Товарищ тех трех[1], — отвечали ему, — в долине Деире мертвых воскрешает.

Услыша это, поднял Навуходоносор голос свой и воззвал:

"Как велики Его знамения,
Могущественны чудеса Его!
И царство Его — царство вечное,
Владычество — в роды родов!"

(Санг.,62)

По сказанию раби Елеазара, воскрешенные Иезекиилем, встав из могил, возносили хвалу Всевышнему и снова возвращались к покою вечному.

По сказанию же раби Елеазара бен р. Иосе Галилейского, воскрешенные из мертвых Иезекиилем ушли в землю Израильскую, взяли себе жен и родили сыновей и дочерей. Живым подтверждением этого являлся раби Иегуда бен Бетера, который, услыша это сказание, встал и заявил:

— Я — один из потомков тех людей, и вот филактарии, оставшиеся мне от деда моего, одного из воскресших в долине Деире. *(Там же, 91)*

---

[1] Ханании, Мисаила и Азарии.

III. ХАНАНИЯ, МИСАИЛ И АЗАРИЯ

Поучение раби Симеона Силоийского:

— В ту минуту, когда три отрока брошены были в калильню, предстал перед Господом Июркелий, дух града, и сказал:

— Господи! Позволь мне сойти и остудить калильню, дабы спасти праведников этих от смерти.

Сказал Июркелию архангел Гавриил:

— В чем же проявится тут могущество Господне? Ты — дух града, а это всем известно, что вода тушит огонь. Я — дух огня; пойду *я*, остужу печь внутри и раскалю ее снаружи, — это будет двойным чудом.

— Иди, — сказал Господь Гавриилу.

И воспел Гавриил:

"Господня истина — во век.
Аллилуия!"

(Песик.,118)

IV. ПРОРОК ЕЗДРА

Раби Иосе учил:

— Ездра, не предупреди его Моисей, был достоин, чтобы через него была дана Тора народу израильскому (Санг.,20).

V. ЧЛЕНЫ ВЕЛИКОГО СОБОРА[1)]

Раби Иегошуа бен Леви учил:

— Почему лица эти названы "членами Великого Собора"? Потому, что ими "возвращен был Божественному Венцу исконный блеск Его". Моисей, славя Господа, титуловал его: " Бог великий, могучий и страшный". Иеремия говорил: "Варвары разрушают Святилище Господне, — где же страх перед Ним?" И Иеремия опускал название "страшный"[2)]. Даниил говорил: "Иноплеменные властвуют над сынами Его и порабощают их, — где же мощь Его?"[3)] И он опускал слово "мощный". Явились мужи Великого Собора и сказали: "Наоборот, — в том и заключается высшее могущество Господне, что Он пересиливает гнев Свой и проявляет долготерпение Свое по отношению к нечестивцам и злодеям. И страх Господен тем и велик, что только страхом этим одинокое и беззащитное племя продолжает существовать среди враждебных ему народов мира *(Иома, 69; Иалк.)*.

[1)] Представители Иудеи приблизительно в период времени от Кира Персидского до Александра Македонского.

[2)] Иеремия, XXXII, 18.

[3)] Даниил, IX, 4.

VI. МАРДОХЕЙ И ЕСФИРЬ

“Псалом при появлении утренней зари”.

Про времена Мардохея и Есфири гласит стих этот. Ночь, хотя преобладающую сущность ее составляет темнота, имеет все же свет луны, звезд и планет. Темнота же, во всей полноте этого понятия, наступает в минуты, предшествующие появлению утренней зари: меркнет луна, гаснут звезды, исчезают планеты — и нет темноты более совершенной, чем темнота предрассветная. И в эти минуты внемлет Господь вселенной со всем сущим в ней, из тьмы выводит зарю и дарует миру свет.

И потому еще Есфирь уподоблена утренней заре, что вся эпопея Есфирина шла, развиваясь с той же постепенностью, с какою протекает появление и светонарастание утренней зари. Подобно едва начинающему брезжить мерцанию, первым моментом было появление Мардохея “у ворот чертога царского”. Потом: “Есфирь — царица”. Далее: “бессонница царя и чтение ”Памятной книги"; “Мардохей в царском одеянии и верхом на царском коне, ведомом под уздцы Аманом”; “Аман на виселице”; “контруказ Ахашвероша”; “Мардохей, выходящий после приема у царя, в одежде царской”; и наконец, — “у иудеев был *свет*”.

Рав Аси говорил:

— Как с утренней зарею кончается тьма ночная, так с Есфирью времена чудес окончились *(Шох. Т.; Иома, 29).*

VII. ПИР АХАШВЕРОША

“Питье шло чинно”.

По сказанию раби Леви, у персов был обычай, по которому каждый приглашенный на пир к царю должен был выпивать колоссальный кубок, содержимостью в пять восьмых гина[1]. Человек мог тут же умереть или сойти с ума, ничто не могло заставить отменить этот обычай. Натурально, прибегали к единственному средству — подкупу виночерпия: платили, не жалея золотых динариев, и виночерпии богатели со дня на день. Ахашверош обычай этот отменил: пусть, сказал он, каждый пьет столько, сколько хочет и может *(Аба Гур.; Иалк.).*

---

[1] Три бутылки.

VIII. БИГФАН И ФЕРЕШ

"В те дни, когда Мардохей сидел у ворот царских, два царских евнуха, Бигфан и Фереш, оберегавшие порог, озлобились и замыслили наложить руку на царя Ахашвероша".

Сказание раби Леви:

— Бигфан и Фереш были киликийцами, из города Тарса, и прежде занимали место привратников царских. На их место царь назначил Мардохея. Это их озлобило, и сговорились они так: "Подсыплем в питье царское отравы; царь умрет, и все станут говорить: пока царя охраняли Бигфан и Фереш, царь был в полной безопасности, а назначили иудеянина — царя и отравили". Разговор этот они вели по-киликийски, в уверенности, что из окружающих никто их не поймет. Не знали они, что Мардохей одно время заседал в Синедрионе и был знаком со всеми семьюдесятью языками и наречиями[1] *(Мид.Пан.Ах.; Мег., 13).*

"И их обоих повесили на дереве".

"После этого возвеличил царь Ахашверош Амана".

Притча раби Иегуды га-Наси:

— Созвал лев на пир всех зверей и животных. Происходил пир под навесом из львиных шкур. Насытившись, гости стали говорить: "Кто бы нам теперь песню спел?" Остановились на лисе. "А будете ли вы подпевать мне?" — задала им вопрос лиса. "Будем", — ответили четвероногие гости. Подняла лиса глаза к навесу из львиных шкур и запела: "Желаю, чтобы то, что постигло *верхних*, постигло и *нижних*".

Таков смысл и приведенных двух стихов: "Кто дал нам увидеть повешенными Бигфана и Фереша, Тот да приведет нас увидеть и падение Амана" *(Эс.-Р.).*

IX. ВОЗВЕЛИЧЕНИЕ АМАНА

Притча раби Леви:

— Конюх оскорбил царевича. Рассудил царь так: "Если я казню оскорбителя, все будут говорить: конюха казнили. Нет, сперва возвеличу его, а потом казню". Произвел царь конюха сначала в трибуны, затем в градоправители и потом уже повелел обезглавить его. — Так и Господь сказал: "Если бы Аман был казнен еще в то время, когда он советовал Ахашверошу воспретить возобновление Иерусалимского храма, никто бы о нем не знал; нет, пусть он сперва приобретет известность и потом казнен будет". Так оно и произошло: сперва "поставил царь кресла его выше всех князей", а потом — "повесили Амана на дереве, которое он приготовил для Мардохея".

И такова обычная судьба всех врагов Господа:

---

[1] Для членов Синедриона было обязательно знание языков всех народов.

"Растут подобно злакам нечестивцы,
И пышным цветом грешники цветут,
Чтоб стать потом добычей истребленья".

(Эс.-Р.; Аба-Гур.)

X. ЗАМЫСЕЛ АМАНА

"Задумал Аман истребить *всех* Иудеев".

Свила птица гнездо на морском берегу. Смыло гнездо прибоем. Озлилась птица и давай клювом воду из моря на берег выливать, а песок с берега бросать в воду. Увидала это другая птица и спрашивает:

— Что это ты делаешь, безумная?

— Не уйду отсюда, — отвечает первая, — пока не превращу море в сушу и сушу в море.

— Глупейшее ты создание! Многое ли ты, в конце концов, сделать можешь?

И про Амана сказал Господь:

— Я, Всемогучий, возымел намерение истребить народ израильский и *не мог* сделать этого, едва только встал Моисей, чтобы отвратить гнев Мой, а глупец Аман "убить, погубить и истребить их" задумал! Клянусь, голова его станет искуплением их. Им — спасение, ему — виселица *(там же).*

XI. ЯБЕДНИЧЕСТВО АМАНА И УКАЗ АХАШВЕРОША

Предание от Равы:

— В деле ябеды Аман обладал редким искусством. Между ним и Ахашверошем произошел следующий разговор относительно народа иудейского:

Аман: Государь! Повели жестоко преследовать их.

Ахашверош: Опасно это: их Бог карает всех преследователей их.

Аман: Они давно уже изменяют заветам Его.

Ахашверош: Но есть среди них и праведники, которым удается вымолить прощение для них.

Аман: Все они одинаковы. Скажешь, может быть: истребление их повлечет опустошение какой-нибудь области в стране? Нет, народ этот живет " разбросанный и рассеянный между всеми другими народностями в государстве твоем". Убыток казне? Но казне от них, как заводу от мула[1], никакой прибыли нет. "И законы их отличны от законов всех других народов": они не едят и не пьют за одним столом с нами и в браки с нами не вступают. "И законов царя они не выполняют": круглый год праздники у них; то суббота, то праздник. Вот, посчитай: пасха, пятидесятница, кущи, новолетие, день отпущения. (В эту минуту прозвучал Голос небесный: "Нечестивец! Тебе завидно, что праздников *много* у них? Вот, Я повергну тебя

---

[1] В тексте игра слов: "meforad" — рассеянный и "pered, pirda" — мул.

перед ними — и прибавится у них еще один праздник, в память гибели твоей".) "И царю, — продолжал Аман, — не стоит беречь их". Даже при еде и питье они царя оскорбляют: упадет в кубок муха, они муху выбросят вон, а кубок выпьют; а попробуй ты, государь, дотронуться до кубка, выплеснут на пол и пить не станут. Так вот, "если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить их".

"И призваны были писцы царские" — — "и посланы письма".

Вот что письма те гласили:

"Всем народам, нациям и племенам. Мир да умножится среди вас.

Да будет ведомо вам:

Предстал пред нами некий муж, не из края здешнего и не из земли нашей. Потомок Амалика он, происхождения весьма благородного, а зовут его Аман. И обратился сей муж ко мне с просьбою довольно пустячною. Просьба эта заключается в следующем:

Живет среди нас некий народец, самый презренный среди народов, высокомерный и пригодный только на то, чтобы помехой и преткновением служить для нас. Люди эти издеваются над нами и радуются бедствиям нашим. Царя проклинают они постоянно, вечером, утром и в полдень, говоря: "Господь — царь на веки вечные; исчезнут язычники с земли Его". И еще говорят: "чтобы совершить мщение над народами, кару над племенами". И что это за неблагодарные души! Посмотрите, что с беднягой фараоном сделали они: когда они прибыли в Египет, фараон принял их радушно и дал им поселиться в лучшей части страны; в голодные годы продовольствовал их, не отказывая в самом лучшем. А когда он попросил их построить для него один какой-нибудь дворец, они придумали такую коварную уловку. "Позволь нам, — заявили они, — отправиться в пустыню на три дня пути, чтобы принести жертву Господу, Богу нашему, после чего мы вернемся обратно. Да не будет ли еще благоугодно тебе одолжить нам серебряные и золотые сосуды и одежды?" Египтяне надавали им серебра и золота, и лучшие одежды дали. По нескольку ослов навьючил каждый из израильтян. И, обобрав египтян, они бежали. Фараон кинулся вслед за ними, чтобы хотя добро свое спасти. Двинулся он со всем войском своим. Что же устроили израильтяне? Был среди них некий человек, по имени Моисей, сын Авраама. Человек этот был колдуном; взял он обыкновенную палку, пошептал над нею и ударил палкою этою по морю, — море тотчас высохло; тут израильтяне все и прошли по морю, как по суше. Понять не могу, как это они прошли и куда вода девалась. Видя это, пошел и фараон вслед за ними, — и ума не проложу, как это они его в воду пихнули, где он вместе со всем войском и погиб. О всех благодеяниях, которые он им сделал, никто из них и не вспомнил. А как с предком моим Амаликом поступили они? Когда они от Чермного моря направились дальше, пошел Амалик за советом к Валааму.

"Посмотри, — говорил он, — что племя это с Египтом сделало! И если с Египтом, которому они столь обязаны, они так поступить могли, то другим и подавно добра ждать от них нечего. Что посоветуешь ты мне?"

— Иди на них войной, — дал ответ Валаам, — и если тебе не удастся одолеть их, то никому на свете не устоять против них. За ними заслуги Авраамовы; но ведь и ты потомок Авраама.

Пошел Амалик войной против них. А Моисей, предводитель их, вот что сделал: был у него ученик, некий Иегошуа Навин, злодей без капли жалости в душе. Ему-то Моисей и сказал: "Отбери-ка людей и выступи против Амалика". Уж и не знаю я, колдуны ли или действительные герои были те, которых выбрал он тогда. Моисей палку только в руки взял, что проделал он с нею — не знаю; на камень сел и колдовать начал; и колдовал он до тех пор, пока не ослабели амаликитяне и не пали все мертвыми.

Пошли потом израильтяне на царей Сигона и Ога. Это были всемирно известные богатыри, перед которыми никто устоять не мог. И что же? Поразили и их израильтяне. А что сделал потом Иегошуа, ученик Моисея? Вторгся с народом своим в землю Ханаанскую и мало того что землю взял, он тридцать одного царя поразил и владения их поделил между израильтянами. Даже жителей Гаваона, которые изъявили им покорность, израильтяне в рабов и рабынь обратили.

Пошел на них Сисара с сонмищем своим. Не знаю я, что проделали они с ним, но поток Киссонский подхватил войска его, захлестнул их и в океан унес.

Первым царем израильским был Саул. Царь этот пошел войной на предка моего Амалика и поразил Амаликитских всадников сто тысяч в один день, не щадя в народе ни женщин, ни грудных детей. И остается совершенно непонятным, как им удалось нанести амаликитянам такое поражение.

А как с дедушкой моим, Агагом, поступили они? Сначала, точно, пощадили его, а затем пришел один из них, по имени Самуил, изрезал его в куски и бросил на съедение птицам небесным. А за что такой лютой казни подвергли его? Был после того царем у них некий Давид сын Ессеев. Этот губил и уничтожал без жалости все царства кругом. Царствовал потом сын его Соломон, который, построив какой-то дом, дал ему название "Святилище", хотя неизвестно, что особенного такого могло быть в том доме. Известно только, что в то время, когда кто-нибудь пойдет войной на них, израильтяне входят в этот дом и начинают творить колдовство, после чего выходят и поражают всякого неприятеля. Нет той добродетели, которой они не приписывали бы себе. Избалованные удачами, смотрят с презрением на все другие племена и народы.

Когда же Бог их состарился, наступил на них Навуходоносор и сжег тот Дом их, и не помогли им чародейства их: одних Навуходоносор смертью казнил, других закованными в цепи изгнал из земли их и рассеял среди нас. Но и поныне люди эти не изменили постыдных привычек своих. Находясь в изгнании среди нас, они продолжают издеваться над нами и над богами нашими, нечистью и мерзостью считая нас.

И вот, все мы одно решение приняли: кинув жребьи, постановили — истребить их с лица земли. Жребий выпал на тринадцатый день месяца Адар.

Когда получите настоящее послание, будьте готовы к упомянутому дню: стреляющие из лука — приготовьте луки свои, мечники — мечи свои, и будьте все наготове, чтобы убивать и уничтожать всех иудеев, которые среди вас, от отрока до старца, не щадя ни детей, ни женщин и не оставляя в живых ни единой души".

А вот содержание письма, посланного Аманом, потомком Агага, ко всем правителям страны:

"Я, вельможа царский и наместник его, знаменитейший среди сановников царских, держал совет со всеми князьями, наместниками и областеначальниками. Постановили мы в едином совете, единодушно и единогласно, с соизволения царя Ахашвероша написали и печатью царской скрепили нерушимо. А идет дело о Великом Орле[1], который крылья свои над всем миром распростер, так что ни одна птица, ни один зверь устоять перед ним не могли, пока не восстал Великий Лев[2] и не нанес тому Орлу могучего удара, крылья его сломал, перья выщипал и ноги ему отрубил. И весь мир вздохнул свободно и жил спокойно и безмятежно с тех пор, как Орел тот был согнан с гнезда своего, и до настоящего времени. Ныне же замечать мы стали, что Орел стал снова перьями обрастать и крылья свои отращивать и собирается он, расправив крылья, покрыть нас и весь мир, как распростирал их прежде, опустошая земли древних предков наших. Ввиду этого, и с соизволения царя Ахашвероша, собрались все вельможи мидо-персидские и написали мы вам, — дабы действовать всем единодушно, — чтобы уготовить сети для Орла того, изловить его прежде, чем он окрепнет снова и вернется в гнездо свое, выщипать перья его, крылья сломать, тело бросить птицам на съедение, яйца в гнезде его разбить, птенцов его растерзать и искоренить память о нем на свете. И не так сделаем мы, как сделал фараон, который повелел только детей мужского пола казнить, а женского оставлять в живых; и не так, как поступил Амалик, истреблявший слабых из них и оставляя сильных; и не так, как Навуходоносор, который, приведя их пленниками в Вавилон, дал им жить спокойно и даже пользоваться высшими почестями в стране; и не так, как Сенахерив, который переселил их в страну ничем не хуже их собственной. Нет, мы постановили с ясным сознанием — убить и погубить *всех* израильтян, от мала до велика, чтобы не осталось ни наследия, ни имени, ни памяти о них на свете, дабы они не могли поступать с нами так, как поступили с дедами и отцами нашими, — ибо злом отплачивали они всякому, кто делал добро им".

(Аг. Эс.; Эс.-Р.; Аба-Гур.; Иалк.)

---

[1] Народ израильский.

[2] Навуходоносор.

XII. ТРИ СТИХА

Когда письма эти были подписаны и отданы на руку Аману, веселый вышел Аман из чертога царского вместе со всеми своими приверженцами. Попался им навстречу Мардохей. В это время Мардохей заметил трех мальчиков, выходивших из школы, догнал их и остановил. Видя это, подошли к ним и Аман с друзьями, чтобы послушать, о чем Мардохей говорит с ними. Подойдя к детям, Мардохей сказал одному из них:

— Скажи, какой стих изучал ты сегодня?

Ребенок ответил:

> — "Внезапный страх не устрашит тебя,
> Ни от злодеев пагуба грядущая".

Другой сказал:

— Я дошел сегодня в школе до стиха:

> "Замышляйте — замыслы разрушатся;
> Затевайте дело — не исполнится,
> Ибо с нами Бог".

А третий произнес:

> — "До вашей старости Я — тот же неизменно,
> До седины нести Я буду вас;
> Я создал вас — и вас нести Я буду,
> Обременю Себя и вас спасу".

Услыша слова эти, возрадовался Мардохей великой радостью, и смехом счастья наполнились уста его.

— Что такое сказали тебе дети эти, — спросил Аман, — что ты рассмеялся так радостно?

— Добрые вести поведали они мне, — ответил Мардохей, — чтобы не страшился я того зла, которое замыслил ты о нас.

Воспылал злобой Аман.

— С этих-то ребят я и начну! — проговорил он *(там же)*.

XIII. ПЕЧАТЬ ГЛИНЯНАЯ

И сказал Аман Ахашверошу:

— Бог израильтян ненавидит разврат. Вели, государь, собрать женщин и устроить пиршество, а израильтянам прикажи явиться всем, есть, пить и поступать по желанию своему.

Ахашверош так и сделал. Поспешил Мардохей объявить израильтянам, в предостережение им:

— "Дети мои! Не ходите на пиршество это, не давайте искусителю оружия против себя!"

Но не послушались израильтяне слов и пошли-таки в дом пиршества.

По преданию от раби Измаила — на пир тот пришло восемнадцать с половиною тысяч человек, ели, пили до опьянения и до греха повального дошли. Предстал сатана перед Господом и доносить стал:

— Доколе, Владыка, не отвратишь Ты лица Своего от народа этого, который так огорчает и гневит Тебя? Да будет воля Твоя истребить племя это с лица земли!

— Что же с Торою станется? — сказал Господь.

— Духами небесными пускай довольствуется она.

Предвечный и Сам склонен был к этому.

— Для чего Мне племя это, — говорил он, — которое столько огорчений приносит Мне? "Изглажу из среды людей память о них".

И сказал Господь сатане:

— Принеси свиток, и Я напишу о гибели их.

Принес сатана свиток — и написал Господь, и печать приложил.

В эту минуту предстала Тора, в одежды вдовьи облаченная, и подняла она плач перед Господом, и рыдали, вторя ей, Ангелы Служения, и к Господу взывали они:

— Владыка мира! Если Израиля не станет на свете, для чего *мы* тогда?

Услышали солнце и луна и погасили сияние свое, и скорбью исполнились небо и земля, и творения все.

Илия, доброй памяти, поспешил, встревоженный, к праотцам мира и к пророкам, взывая:

— Отцы мира! Небо и земля, и все воинство небесное плачут в скорби и огорчении; весь мир объят трепетом, трепету роженицы подобным, — и вам ли лежать спокойно?

— А по какому это случаю? — спросили они.

— Произнесен приговор о гибели Израиля.

— Но если приговор подписан уже, — отвечали Авраам, Исаак и Иаков, — то что мы сделать можем?

Обратился Илия к Моисею:

— Увы, пастырь верный! Сколько раз вставал ты в годины бедствий народных — и отменял Господь приговор свой. Что скажешь ты ныне о беде грядущей?

— Но разве нет ни одного безупречного человека в поколении этом? — спросил Моисей.

— Есть один, имя его Мардохей.

— Иди же и скажи ему, — пусть взывает он к Господу с места своего, а мы отсюда взывать будем.

— Пастырь верный! — продолжал Илия. — Уже написан свиток о гибели народной и запечатан уже.

— *Чем* запечатан? Если глиною — моления наши услышаны будут, а если кровью, то решенного уже не изменить нам.

— Печать глиняная, — отвечал Илия.

— Тогда поспеши к Мардохею.

И поспешил Илия и поведал о том Мардохею *(там же)*.

XIV. ПАЛАЧУ ВПОРУ

"И понравилось это (совет жены и друзей) Аману, и он приготовил дерево".

Пошел Аман в дворцовый парк, срубить кедр и с песнями и ликованием перевез его и поставил у входа в дом свой.

— Завтра утром, — приговаривал Аман, — повешу я на нем Мардохея.

И становился Аман подле дерева, ростом своим измеряя высоту его.

И прозвучал Глас Небесный:

"Впору тебе дерево это; с первых дней творения для тебя предуготовано оно" *(там же).*

XV. ГНЕВ НА МИЛОСТЬ

Приготовив дерево, пошел Аман к Мардохею и застал его в бет-гамидраше, окруженным учениками. Посыпав головы пеплом, облаченные во вретища, дети с плачем и воплями сидели над свитками Торы. Сосчитал их Аман — детей оказалось двадцать две тысячи. Всем им надели оковы на шеи и кандалы на ноги. Приставил к ним Аман стражу и заявил:

— Завтрашний день я сначала вырежу их всех, а затем и Мардохея повешу.

Приходили матери, приносили детям поесть и попить и говорили:

— Поешьте, дети, и попейте в последний раз, — завтра всем вам умереть, не умирайте хотя от голода.

Тогда дети, положа руки на свитки, отвечали:

— Жизнью Мардохея, учителя нашего, клянемся: ни до еды, ни до питья не дотронемся мы, лучше в посте умереть нам.

И каждый из них, свернув свиток свой, отдавал его учителю, и так говорили они при этом:

— Думали мы, что ради Торы Господь продлит жизнь нашу. Ныне же, когда не заслужили мы этого, прими от нас свитки эти.

И общий плач поднялся кругом. Подобно реву доносились снаружи рыдания матерей, а плач детей изнутри вторил им. И продолжалось это до тех пор, пока не достиг плач их до небесных высот — и услышал Господь голоса их. Было это в исходе третьего часа после полуночи. В этот час сошел Господь с престола Суда и воссел на престол Милосердия; и вопросил Господь:

— Что означают голоса эти, которые слышу Я, блеянию козочек и ягнят подобные?

Встал перед Господом Моисей, учитель наш, и сказал:

— Владыка мира! То не козочек и агнцев блеяние, но голоса детей народа Твоего, которые три дня и три ночи в посте пребывают, а на завтра, как агнцы, заклания ждут.

В то же мгновение возвратилось к Господу все милосердие Его, и сломал Господь печати, и разорвал Он письмена приговора небесного, и сон тревожный послал на Ахашвероша в ту же ночь *(там же).*

11-760

“В ту ночь отнялся сон у царя”.

Сказание р. Хамы бар Гурон:

— Эту ночь проводили без сна: Есфирь, занятая приговлениями к пиру для Амана, Мардохей — в посте, Аман — прилаживанием дерева для виселицы. Один только Ахашверош спал сном безмятежным. И сказал Господь духу сна:

— Дети мои в беде находятся, а этот нечестивец наслаждается сном на ложе своем. Иди, отгони сон от него.

Сошел дух сна и возмутил сердечный покой Ахашвероша, говоря:

— Неблагодарный! Иди, отплати благодарностью тому, кому обязан ты.

— Кто же это, — стал припоминать Ахашверош, — добро сделал мне, а я не вознаградил его? И он велел принести “Памятную книгу дневных записей”.

Сказание р. Леви:

— Один из сыновей Амановых был писцом царским, и ему-то пришлось читать перед царем из “Памятной книги”. Дочитав до места, которое гласило о том, как “донес Мардохей на Бигфана и Фереша”, чтец свернул свиток так, чтобы, пропустив место это, читать следующие затем строки записи; но царь, заметив это, сказал:

— Зачем свертываешь? Читай все, без пропусков.

— Государь! — сказал чтец. — Некоторых слов я розобрать не могу.

В эту минуту сами собою прозвучали слова: — — “*как донес Мардохей*” и пр. И когда имя Мардохея было произнесено, почувствовал царь, что благодатный сон вернулся к нему.

На рассвете царь увидел во сне: стоит над ним Аман с мечом в руке и убить его готовится. В ту же минуту послышался стук во входные двери. Очнувшись, царь спросил:

— Кто стучится там?

— Аман, — ответили ему.

— Значит, — подумал царь, — сон мой — сон вещий.

И он сказал:

— Пусть войдет.

Когда Аман вошел, царь предложил ему вопрос:

— Что бы воздать тому человеку, которого царь хочет отличить почестью?

— Кто же знатнее меня? — подумал тут Аман. — Кто более меня отличен почестью? Стало быть, все, что я предложу в ответ на вопрос царя, мне же и воздастся.

И отвечал Аман:

— Тому человеку, которого царь хочет отличить почестью, пусть будут предоставлены одеяние царское и конь, на котором ехал царь, когда возлагали царский венец на главу его.

При слове “венец” царь изменился в лице:

— Вот оно, — подумал он, — недаром я видел во сне, что он убить меня готовится.

И сказал ему Ахашверош:

— Тотчас же возьми одеяние и коня, как ты сказал, и отдай это Мардохею.

— Государь, — сказал Аман, — Мардохеев на свете много.

— Мардохею-иудеянину, — пояснил царь.

— Иудеев с именем Мардохей тоже немало есть.

— Сидящему у ворот царских!

— Этому-то? Но не достаточно ли будет деревушку, либо речку в пользование ему предоставить?

Голосом, подобным рыканию львиному, закричал царь на Амана:

— Чтобы не упущено было ничего из того, что говорил ты!

И послал царь Гафаха и Харбону, приказав им следить, чтобы все было исполнено Аманом в точности.

Согнувшись весь, уничтоженный, не зная, куда лицо спрятать от стыда, вошел Аман в царскую гардеробную. Глаза его померкли, рот перекривило, колени дрожали; казалось даже, точно уши обрубили у него. Взял он одеяние царское и прочие принадлежности; торопливо выйдя оттуда, пошел в стойла и, выбрав лучшего коня, в золотом ошейнике, положил на него облачение царское и, взяв коня под уздцы, отправился к Мардохею.

Увидев Амана с конем, Мардохей подумал: “Это он с конем пришел, чтобы под копытами его растоптать меня”. — “Бегите отсюда, — крикнул он ученикам своим, — чтобы и вам не пострадать от нечестивца этого!”

— Нет, — отвечали ученики, — на жизнь и на смерть мы останемся с тобою.

Облачился Мардохей в талис и встал на молитву. В это время вошел Аман и, подсев к ученикам, спросил:

— Каким предметом занимаетесь вы?

— Законом об “оморе”.

— А из чего “омор” этот сделан, — из серебра или из золота?

— Омор, — ответили они, — это сноп ячменный.

— А сколько мог стоить такой сноп?

— Много-много — десять зуз.

— *Ваши* десять зуз победили *мои* десять тысяч талантов серебра, — проговорил Аман.

Когда Мардохей окончил молитву, Аман обратился к нему и сказал:

— Встань, праведный Мардохей, сын Авраама, Исаака и Иакова! Вретище твое и пепел твой предупредили десять тысяч серебряных талантов моих. Освободись от вретища и пепла, облачись в одеяние царское и на царского коня садись.

— Нечестивец, отродье Амаликово! — воскликнул Мардохей. — Один час повремени мне, — дай мне хлебом горечи упитаться, упиться водой отравленной — и бери меня потом да на виселицу поведи.

— Встань, праведный Мардохей! — отвечал Аман. — Издавна многие чудеса сотворены вам; и ныне — то дерево, которое я пригото-

вил для тебя, я на беду свою приготовил. Встань же, облачись в одеяние царское и садись на коня, который приведен для тебя, чтобы почестью отличить тебя.

Понял тут Мардохей, что действительно совершилось чудо Господне, и, обратившись к Аману, сказал:

— Глупейший из людей! Я на пепле сидел и загрязнился весь, как же в одежды царские облачиться мне? Пристойно ли это? Нет, сперва помоюсь и побреюсь. Поискали банщика и брадобрея, но такого поблизости не оказалось. Тогда Аман сам повел Мардохея в бани, подпоясался потуже, рукава засучил и стал за банщика: принес разные благовония и нежнейшие елеи, привел все на Мардохее в благолепный вид, помыл его, намастил, сбегал домой, ножницы принес и брить его принялся. Бреет Мардохея Аман, а сам вздыхать не перестает.

— О чем вздыхаешь? — спросил Мардохей.

— Горе человеку, подобному мне! — отвечал Аман. — Тот, кто главой всех сановников был и выше их всех перед царем восседал, теперь банщиком и брадобреем сделался!

— Полно тебе! — сказал на это Мардохей. — Не знал я будто отца твоего, который в селе таком-то двадцать два года брадобреем был и этими самыми инструментами работал!..

Приладив все как следует и облачив Мардохея, Аман сказал:

— Теперь садись на коня.

— Стар я, — отвечал Мардохей, — и от поста ослаб я очень.

Согнулся Аман и затылок подставил ему. Ступил Мардохей ногою на затылок ему и сел на коня.

Мардохей ехал, а Аман шел впереди и выкрикивал: "Так воздается тому, кого царь желает отличить почестью!" Вслед за Мардохеем шла несметная толпа отроков из царского дворца; каждый из них имел по золотому кубку в правой руке и по серебряной чаше в левой, и все они хором повторяли слова Амана: "Так воздается тому, кого царь желает отличить почестью!" Иудеи же, шествовавшие по обеим сторонам Мардохея, возглашали: "Так воздается тому, кого *Царь Небесный* желает отличить почестью".

Со всех сторон раздавались хвалебные клики, и факелы пылали кругом.

И пели хвалу Господу:

Мардохей —

"Хвала Тебе, Господь, что поднял Ты меня,
Врагам моими не дав победы надо мною!"

Ученики его —

"Господу пойте, святые Его!"

Есфирь —

"К Тебе, Господь, взываю я!"

Народ израильский —

"В ликование Ты мне
Плач мой обратил".

Сказание р. Иегуды бар Симон:

— Заползшую в дом змею выкуривают дымом от рога серны и женских волос. Дебора и Есфирь уподоблены в Писании серне. Дебора не отступила ни на шаг, прежде чем не был истреблен Сисара со всем войском его; и Есфирь не успокоилась, пока не был повешен Аман с десятью сыновьями его.

Мардохеем отчеканены были монеты, имевшие повсеместное хождение. Изображение их: с одной стороны — вретище и куча пепла, с другой — золотой венец.

(Мег., 16; Ес.-Р.; Пон. Ах.; Бер.-Р., 39; Аг. Эс.)

XVII. ВИСЕЛИЦА АМАНА

"И сказал царь: повесьте его!"

Обратился Аман к Мардохею и сказал:

— Пока еще не повели меня на казнь, прошу тебя, праведный, пусть не распинают меня подобно тому, как это делают с заурядными преступниками. Богатыри с известностью всемирной ничего не значили предо мною; главноначальствующие покорялись мне; словом моим я царей в трепет приводил и страны в смятение дыханием моим. Я, Аман, с титулом вице-короля и почетным званием "царев отец" — я страшусь, не поступил бы ты теперь со мною так, как я поступить с тобою готовился. Пощади честь мою и не убивай меня так, как был убит Агаг, дед мой. Будь добр; ведь среди вас злодеев не водится. Не вспоминай ты мне вражды Агага и зависти Амалика; не помни зла, как злопамятствовал и мстил Исав, предок мой. Слишком тускл взор мой, чтобы поднять его на лик твой, и я не отверз бы уст моих перед тобою, если бы не подговорили меня к тому жена и приятели мои. Молю тебя, пощади душу мою, господин мой, Мардохей праведный! — Не вешай меня, в седине моей, на дереве. Казни меня каким-нибудь иным способом: мечом царским обезглавь меня, как обезглавливают обыкновенно сановников государственных.

С плачем и воплями продолжал Аман умолять Мардохея; видя, что Мардохей не внимает ему, пришел и остановился Аман посреди дворцового сада и с громким рыданием взывать стал:

— О, деревья, с дней творения насаждаемые! Сын Амадафов к виселице присужден!..

Держали деревья совет и решили так: дерево, которое имеет в вышину пятьдесят локтей, на нем и пусть повешен будет Аман.

Отвечали деревья:

Виноградная лоза: "Я и ростом мала, и не пристойно мне виселицей для Амана стать: сок ягод моих для священных возлияний служит".

Смоковница: "Ягоды мои служат для приношения первинок, из листвы же моей Адам и Ева одеяние сделали себе".

Масличное дерево: "Я доставляю елей для Светильника".

Финиковая пальма взмолилась к Господу, говоря: Всем известно, что нечестивец Аман — внук Агага, внука Амаликова, — и мне ли служить виселицей для него?" — "Будь благословенна! — раздался в ответ ей Голос Господень, — ты не станешь виселицей для него, ибо тебе уподоблен Сион, возлюбленный мною".

Райская яблоня: "Ко мне идут от всех народов земли, и от плодов моих берут, чтобы ликовать пред Тобою, Господи!"

Мирт: "Я райской яблони чета, и надо мною также гимны радости поют".

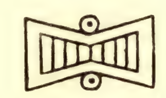
Дуб зашумел и воскликнул: "Дебора, кормилица Реввекина, под тенью моей погребена".

Теребинт: "На ветвях моих Авессалом, сын Давидов, повис".

Гранатовая яблоня: "Мне праведники уподоблены".

"Слушайте, — раздался голос *кедра*, — на мне да будет повешен Аман, — на том дереве, которое он приготовил сам на гибель себе".

(Тарг. Ш.)



ЭПОХА ВТОРОГО ХРАМА

I. ХРАМ

то не видел Иерусалима в полном величии его, тот не видал в жизни истинно великолепного города, и кто не видел храма в полном его сооружении, тот не видал никогда замечательного по красоте здания *(Сот., 51).*

Св. Земля была центром мира; центром Св. Земли был град Иерусалим, центром Иерусалима — храм, центром храма — Святилище, центром Святилища — ковчег, а перед Святилищем находился "эвен-шетиа" — камень, заложенный как фундамент для всего мироздания.

(Танх. Гак.)

В храме находились, сохранившиеся со времен Моисея, следующие предметы:

Лоза. У входа в Святилище стояла, подвязанная на тычинки золотая лоза виноградная, и каждый, кто жертвовал в храм золотые изделия в виде листка, ягоды или целой кисти, вешал свой дар на эту лозу.

По преданию от раби Елазара бераби Садок — тяжесть этой лозы дошла до того, что когда встретилась надобность сдвинуть ее с места, для этого потребовались усилия трехсот священников.

Флейта из тонкого, отполированного тростника. Флейту эту царь приказал покрыть золотой отделкой, после чего она потеряла чистоту звука; сняли золото — и флейта стала звучать мелодично по-прежнему.

Колокольчик медный, прекрасного звука. Слегка попорченный, он отдан был в починку лучшим александрийским мастерам, но после этого потерял чистоту звука; уничтожили сделанные исправления — и звук стал чист по-прежнему.

Ступка медная, употреблявшаяся при образовании состава священных фимиамов. После починки ее теми же мастерами, состав фимиамов стал получаться хуже прежнего;

уничтожили исправления — и ступка стала действовать по-прежнему.

Было еще в храме музыкальное орудие *магрефа*, род органа с набором из десяти труб, каждая из коих звучала на десять различных тембров, так что в общем орган звучал на сто тембров.

(Еруб., 10, 11; Тос.)

II. СИМЕОН ПРАВЕДНЫЙ

Пришли самаритяне к Александру Македонскому с просьбою разрешить им разрушить храм иерусалимский. Александр разрешил. Дали знать об этом Симеону Праведному. Облачившись в первосвященнические одежды, пошел Симеон, в сопровождении почетнейших израильтян, к Александру. Всю ночь шли они, освещая путь свой факелами. При свете утренней зари заметил их Александр и спросил самаритян:

— Кто эти люди?

— Это и есть, — ответили те, — изменники-израильтяне.

Встреча израильтян с Александром произошла в час восхода, у Антипароса. Едва взглянув на Симеона, царь сошел с колесницы и поклонился ему. Видя это, приближенные Александра воскликнули:

— Тебе ли, великому царю, кланяться иудею этому?!

— Лицо этого человека, — отвечал царь, — живое подобие лика ангела победы, в битвах предшествующего мне.

И, обратившись к израильтянам, Александр спросил:

— По какой надобности пришли вы ко мне?

— Мы пришли к тебе, Государь, из опасения, чтобы язычники не уговорили тебя разрушить ту Обитель, в которой мы возносим молитвы о благополучии твоем и царства твоего.

— Кто же язычники эти? — спросил Александр.

— Самаритяне эти, которые стоят перед тобою.

— Они в вашей власти, — сказал Александр.

В тот же день израильтянами разрушен был самаритянский храм на горе Геризим *(Иома, 69)*.

Случай, рассказанный Симеоном Праведным:

— Единственный раз в жизни я отведал мяса от жертвы осквернившегося назорея[1]. Однажды пришел ко мне назорей, житель южной страны. Человек этот был чрезвычайно красив, строен и имел пышные, волнистые волосы.

— Сын мой! — сказал я. — Чего ради ты решил остричь прекрасные волосы свои?

В ответ он рассказал следующее:

---

[1] Назорей (назир) — давший обет воздержания на определенный срок или на всю жизнь. Осквернивший, т.е. нарушивший, обречение свое, назорей приносил установленную жертву. *(См. Числа, VI.)*

— Я состоял пастухом при стаде отца моего. Однажды, подойдя к источнику, я увидел в воде отражение свое, и начал искуситель обольщать меня. "Проклятый! — воскликнул я. — Ты обольстить хочешь плоть мою, которая и не подвластна тебе, и в прах и тление обратиться должна? Клянусь, не бывать этому: остригусь ради Господа моего!"

— Услыша слова эти, — продолжал Симен Праведный, — я облобызал голову его и сказал: "Сын мой, дай Бог, чтобы много было подобных тебе назореев в народе нашем!" *(Нед., 40).*

Время кончины своей Симеон Праведный предсказал сам. "Я умру, — сказал он однажды своим близким, — в этом же году". На вопрос — как он узнал об этом, ответил:

— Ежегодно в Йом-Кипур некий старец в белых одеждах сопровождает меня при входе моем в Святилище и при выходе оттуда. На этот же раз мне явился старец, одетый в черное, вошел вместе со мною в Святилище, но оттуда не выходил.

Сейчас после праздников Симеон заболел и через семь дней умер.

(Мен., 109)

III. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Пришли к Александру Македонскому жители Африки на суд с народом израильским.

— Земля Ханаанская принадлежит нам, — заявили они, — ибо сказано: "Земля Ханаанская по границам ее". Ханаан же был предком нашим.

Обратился к мудрецам Гебиа бен Песиса и сказал:

— Разрешите мне выйти на суд с ними перед Александром: победят они меня, вы скажете: "простолюдина из среды нашей победили вы". А удастся мне взять верх над ними, вы скажете им: "Учение Моисеево победило вас".

Получив разрешение, предстал на суд Гебиа бен Песиса и сказал:

— Вы откуда приводите доказательство?

— Из Торы, — ответили те.

— И я, — сказал он, — не стану приводить доказательств, кроме слов Торы. В Торе же сказано: "Проклят Ханаан! Раб рабов да будет он у братьев своих". Раб, приобретший имение, — чьей собственностью остается и он, и приобретенное им? Кроме того, сколько лет уже, как вы не служите нам?

— Отвечайте ему, — сказал им Александр.

— Государь, — попросили они, — дай нам три дня сроку.

Царь согласился. Не найдя ответа, они бежали, бросив посевы на полях и посадки на виноградниках.

Год тот был "годом Субботним"[1].

---

[1] Седьмым годом, когда, по закону Моисееву, не производилось никаких посевов и посадок.

Другой раз судиться с израильтянами пришли к Александру египтяне.

— В Торе, — заявили они, — сказано: "Господь дал милость народу в глазах египтян, и они дали ему вещей серебряных, и вещей золотых, и одежд". Требуем, чтобы возвращены были нам серебро и золото, взятое у нас израильтянами.

Выступил тот же Гебиа бен Песиса.

— Приведу, — сказал он, — и я доказательство из Торы. В Торе же сказано: "Время пребывания сынов израилевых в Египте — четыреста тридцать лет". Заплатите же нам за работу шестисот тысяч человек, которых порабощали вы в продолжение четырехсот тридцати лет.

— Отвечайте ему, — сказал Александр.

— Государь, — попросили египтяне, — дай нам сроку три дня.

Но прошло три дня, и, не находя, что ответить, египтяне со стыдом бежали, бросив посевы на полях и посадки на виноградниках.

Год тот был "годом Субботним".

Пришли на суд с Израилем и потомки Измаила с потомками Хеттуры.

— В Торе, — говорили они, — Измаил именуется "сыном Авраама" точно так же, как и Исаак, а потому земля Ханаанская должна быть поделена между нами и израильтянами поровну.

— В Торе же, — отвечал Гебиа бен Песиса, — сказано: "И отдал Авраам все, что у него, Исааку. А сынам наложниц (Агари и Хеттуры), что у Авраама, дал он подарки". Раздел совершен был отцом при жизни. Могут ли дети после этого иметь притязания друг к другу?

Однажды Александр заявил советникам своим:

— Желаю идти в землю Африканскую.

— Проникнуть туда невозможно, — ответили советники, — Горы Мрака [1] препятствуют.

— Идти туда, — сказал Александр, — мне необходимо, и вас я прошу только придумать способ, как сделать это.

— Возьми, — сказали советники, — ливийских ослов, привыкших к темноте, и, запасшись клубками веревок, концы последних укрепи при входе в ущелья, по этим же веревкам ты и проследуешь обратно.

Александр так и сделал. Дойдя до Карфагена, местности, населенной одними женщинами[2], он объявил им войну. На это женщины те ответили:

---

[1] По-видимому — труднопроходимые горы, изобилующие темными ущельями.

[2] Легендой, очевидно, смешаны древний Карфаген, по преданию, *основанный* женщиной, Дидоной, с Каппадокией, где, по преданию же, жил народ воинственных женщин, амазонок.

— Победишь ты нас, скажут: "Женщин победил он". А одолеем мы, про тебя будут говорить: "Царь, которого женщины победили".

— Принесите нам хлеба, — попросил Александр.

Принесли они на золотом столе хлебы из золота и яблоки, и гранатовые яблоки, из золота же.

— Разве в стране вашей, — спросил Александр, — едят золото?

На это женщины те ответили:

— Но если тебе хлеб нужен, то разве в твоем царстве хлеба нет, что ты к нам пришел его искать?

Уходя, Александр начертал на городских воротах:

"Я, Александр Македонский, был царем-глупцом, пока не пришел в землю Африканскую и не поучился мудрости от женщин".

Пошел оттуда Александр к царю страны Кассии[1]. Стал царь этот показывать Александру несметные запасы серебра и золота. Но Александр сказал:

— Не серебро и золото ваше видеть пришел я, но обычаи и законы ваши.

В то время, когда они сидели и вели беседу, пришли двое судиться перед царем.

— Государь! — сказал один из них. — Я купил у этого человека пустошь, стал там рыть землю и нашел клад. Возьми себе, — говорю я ему, — клад этот: я купил у тебя пустошь, но не клад.

Другой же отвечал:

— Я так же, как и ты, боюсь греха присвоения чужого. Я продал тебе пустошь вместе со всем, что находится на ней, от недр земных до высот поднебесных.

Обратился царь к одному из них и спросил:

— Имеешь ты сына?

— Имею, — был ответ.

— А у тебя дочь есть? — спросил царь другого.

— Есть.

— Пожените их друг на друге и найденный клад отдайте в приданое им.

Видя удивление Александра, царь спросил:

— Разве нехорошо я рассудил их? А в вашей стране как решили бы подобный спор?

— Я, — ответил Александр, — отрубил бы обоим головы, а клад поступил бы в царскую казну.

— Светит ли солнце в вашей стране? — спросил царь.

— Светит.

— И дожди идут?

— Идут.

---

[1] Страна мифическая.

— А есть ли мелкий скот у вас?

— Есть.

— Проклятия достойны люди у вас, и только ради животных солнце светит вам и дождь идет у вас.

На обратном пути остановился Александр для обеда близ одного ручья. Поданную ему соленую макрель царь начал обмакивать в воду ручья — и рыба получала удивительно приятный запах.

— Это доказывает, — сказал Александр, — что ручей этот течет из рая.

Помыв лицо свое в воде ручья, Александр направился по истокам его и дошел до врат рая.

— Отворите! — воскликнул Александр.

— Врата эти — Господни, праведники входят через них, — услышал он в ответ.

— Но я царь, и я знаменит, — сказал Александр, — дайте же мне какую-нибудь вещь на память.

Дали ему черепную кость. Придя в свое царство, Александр положил на одну чашу весов эту кость, а на другую все серебро и золото, бывшее при нем. Перевешивала кость.

— Что значит это? — спросил Александр у мудрецов.

— Эта кость, — ответили мудрецы, — орбита человеческого глаза, ненасытного в жадности своей.

— Чем вы это докажете?

— Возьми горсть земли[1] и посыпь кость.

(Санг., 91; Бер.-Р., 61; Там., 31-32; Танх.)

IV. МАТЬ СЕМЕРЫХ

“За Тебя умерщвляют нас каждый день, считают нас за овец, обреченных на заклание”.

— О женщина с семью ее сыновьями, — говорил рав Иегуда, — гласит этот стих. Дело было с Мириам бат[2] Нахтом, которую схватили вместе с ее семью сыновьями. Заключив их в отдаленнейшей камере в темнице, начали выводить их поочередно перед императором. Вывели старшего из братьев.

— Поклонись идолу, — сказали ему.

— В Торе, — ответил он, — сказано: “Я, Господь — Бог твой”.

Казнили его.

Привели второго и сказали:

— Поклонись идолу.

— В Торе, — ответил он, — сказано: “Да не будет у тебя иных богов кроме Меня”.

---

[1] Символ могилы.

[2] Дочь.

Казнили и его.

Привели третьего и сказали:

— Поклонись идолу.

— В Торе, — ответил он, — сказано: "Богу иному не поклоняйся".

И его казнили.

Привели четвертого и сказали:

— Поклонись идолу.

— В Торе, — ответил он, — сказано: "Жертвующий богам, кроме одного Господа, подвергнется истреблению".

И его казнили.

Привели пятого и сказали:

— Поклонись идолу.

— В Торе, — ответил он, — сказано: " Слушай, Израиль, — Господь, Бог наш — Господь единый".

И его казнили.

Привели шестого и сказали:

— Поклонись идолу.

— В Торе, — ответил он, — сказано: "Познай же ныне и тверди сердцу твоему, что Господь есть Бог на небе вверху и на земле внизу. Нет другого".

И его казнили:

Привели седьмого, самого младшего. И сам император обратился к нему и сказал:

— Дитя мое! Поклонись идолу.

— Упаси меня Господь! — ответил отрок.

— Но почему? — спросил император.

— Потому, — был ответ, — что в нашей Торе так сказано: "Господа превознес ты ныне, чтобы Он был Богом твоим — — — и Господь превознес тебя ныне, — — — чтобы был ты Ему народом дорогим". Давно поклялись мы Всесвятому Благословенному, что не заменим Его другим богом, и также Господь поклялся нам, что другим племенем не заменит нас.

Сказал император:

— Братья твои успели пожить на свете, познать жизнь и счастье; ты же еще мал, ни жизни, ни счастья не изведал еще. Послушайся меня — поклонись идолу.

— В Торе нашей, — ответил отрок, — сказано: "Господь будет царствовать во веки веков". И еще сказано: "Господь — царь во веки веков, и исчезнут язычники из земли Его". Вы будете уничтожены, и царство ваше будет уничтожено, а Всесвятой Благословенный жив и будет жить вечно.

— Взгляни, — сказал император, — братья твои убитыми лежат пред тобою. Вот я оброню перстень мой перед идолом, наклонись и подними перстень, дабы присутствующие подумали: "он все же послушался веления императора".

На это отрок ответил:

— Горе тебе, император! Горе тебе, император! *Своей* честью ты так дорожишь, — как же должно дорожить честью Господа?

Повели и его к плахе.

— Дайте мне, — взмолилась мать, — в последний раз облобызать его.

Ей это разрешили.

— Головой твоей заклинаю тебя, — сказала она, обращаясь к императору, — казни раньше меня, а его потом.

Не внял император мольбе ее.

— Казнить отрока! — повелел он.

Заключила Мириам сына в объятия и, целуя и лаская его, говорила:

— Дитя мое! Иди к Аврааму, предку твоему, и скажи: Так велела мать моя сказать тебе: "Ты воздвиг один жертвенник, я семь жертвенников воздвигла: ты одним испытанием ограничился, а мое несчастье до конца совершилось".

Не успела она освободить сына из объятий своих, как его тут же умертвили. Поднялась она на кровлю и, бросившись вниз, убилась насмерть.

В эту минуту прозвучал Небесный Голос: "Радуйся, мать, о детях своих!" *(Гит,. 57; Exa-P.).*

V. ЧУДО С ЕЛЕЕМ

Ворвавшиеся в Святилище войска Антиоха Епифана осквернили весь имевшийся в храме запас елея. После победы Асмонеев там найден был единственный кувшин с елеем, с печатью первосвященника на нем. Елея этого едва доставало бы на один день. Произошло чудо: разлитый по лампадам, елей продолжал гореть в продолжение восьми дней. С тех пор установлено было празднование "Восьми дней обновления" — Хануки *(Шаб., 21).*

VI. ГИРКАН И АРИСТУВОЛ

Во время осады Гирканом Иерусалима, где царствовал брат его Аристовул[1)], священники ежегодно спускали с городской стены сосуд с динариями, взамен чего получали от осаждавших животное для жертвы тамид. Состоявший при Гиркане некий старец, приверженец эллинской мудрости, сказал осаждавшим так:

— Покуда в храме продолжают совершать жертвоприношения, Иерусалим не будет предан в руки ваши.

На следующий день, когда от священников был получен сосуд с

---

1) Из дома Асмонеев.

динариями, осаждавшие привязали к спущенной веревке свинью. Когда свинья была поднята до середины стены, она вцепилась копытцами в стену — и в эту минуту задрожала Св. Земля вдоль и поперек на протяжении четырехсот парса. И тогда же было постановлено: "проклят тот, кто разводит свиней, и проклят тот, кто обучает сына мудрости эллинской!" *(Сот., 49).*

VII. ИРОД

Ирод был слугою царствующего дома Асмонеев, и полюбилась ему юная царевна. Однажды услышал он вещий голос: "Рабу, который *ныне* изменит, будет удача". Встал Ирод и убил всех членов Асмонеева рода, оставив в живых одну упомянутую царевну. Поняв намерение Ирода, царевна взошла на кровлю дома и громким голосом провозгласила:

— Кто придет и скажет, что он из рода Асмонеев, тот — раб лживый, ибо из рода этого оставлена была в живых единственная отроковица, и та бросилась с кровли на землю.

И с этими словами царевна бросилась с кровли и убилась насмерть.

"Из среды братий твоих поставь над собой царя".

— Это кем установлено? — сказал Ирод. — Законоучителями? Казнить их всех!

Оставлен был в живых, по велению Ирода, один Бава бен Бута, чтобы пользоваться мудрыми советами его. Предварительно, однако, у него выкололи глаза и пиявками окружили в виде венца голову его.

Пришел Ирод, сел против него и сказал:

— Видел ты, что этот жестокий раб сделал?

— Что же я в силах сделать в отношении его? — спросил слепой Бава?

— Прокляни его!

— В Писании сказано: "Даже в помыслах не кляни царя".

— Сказано: "Начальника *в народе твоем* не проклинай", т.е. *преданного народу.* Этот же — враг народу. — — — И ты не бойся проклясть его: ведь кроме меня и тебя здесь нет никого.

— "Птица небесная может слово перенести и крылатая — речь пересказать".

— Знай же, это я, Ирод, говорю с тобою. И признаюсь: знай я, что иудейские ученые — люди столь строгой нравственности, я не казнил бы их. Ныне же чем могу я искупить преступление свое?

На это Бава ответил так:

— "Заповедь — светильник и закон — свет". Погасивший свет мира (казнью мудрых), пусть зажжет свет мира (восстановлением храма).

Когда строился храм во времена Ирода, по ночам шли дожди, а к утру ветер разгонял облака, и светило ясное солнце. И это укрепляло в народе убеждение, что работа эта угодна Господу.

Предание гласит: кому не довелось видеть храма, восстановленного Иродом, тот не видал ничего истинно великолепного. Здание построено было из мрамора и лазоревого камня; кладка стен делалась с выступами и углублениями. Ирод намеревался покрыть стены золотой обшивкой, но ему посоветовали не делать этого: в натуральном виде стены отливали тонами морских волн *(Б. Б., 3-4; Таан., 23).*

VIII. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Поучение р. Иегуды бар Симона:

— Десять животных чистых указаны в Писании, из них трое — домашних, находящихся под рукой у человека: вол, овца и коза, и семеро — живущих на дикой воле; изюбрь, олень, серна, козерог, сайгак, зубр и лось. И Всемилосердный не заставлял человека взбираться на горы и утомляться, рыская по лесам, чтобы приносить в жертву из животных, находящихся на воле, но приемлет Господь приношения из животных домашних, вскормленных у яслей.

Вол преследуем львом, овца — волком, коза — пантерой. И Господь повелел: "Не из преследующих , но из преследуемых приносите в жертвы мне" *(Танх.; Ваик.-Р., 27).*

Поучения раби Исаака:

— Почему в законе о дароприношениях, в отличие от жертвоприношений, сказано "душа"[1]? Потому что: "Кем, — сказал Господь, — обыкновенно совершается дароприношение[2]? Бедняком. И это для Меня так же ценно, как если бы он душу свою принес в жертву Мне".

Был такой случай: бедная женщина принесла в дар горсть муки, и начал священник издеваться над нею, говоря: "Взгляните, что люди эти приносят? Ни священнику поесть, ни Богу пожертвовать!" И был тому священнику во сне вещий голос: "Не издевайся над женщиной этой: равно, что душу свою она в жертву принесла" *(Ваик.-Р., 3).*

IX. НЕ В МЕРУ УСЕРДНЫЕ

"Человек с Храмовой Горы"[3] при свете факелов обходил, для проверки, сторожевые посты священников. При появлении его с каждого сторожевого пункта раздавалось: "Человек с Храмовой Горы, мир

---

[1] "Nefesch" — душа, вместо обычного "Isch" — человек.

[2] Состоящее из небольшого количества муки, елея и ладана.

[3] Надзиратель при храме.

тебе!" Тех же из стражи, которых он заставал спящими, он бил палкой и имел право поджечь одежды на них.

Было в обычае, что пепел с жертвенника мог сгребать каждый желающий из числа священников. Когда желающих оказывалось много, они взбирались по ступеням наперегонки, и право сгрести пепел доставалось тому, кто опережал остальных на четыре локтя. Однажды был такой случай: двое кинулись по алтарным ступеням, отставший так сильно толкнул опередившего его товарища, что тот упал и сломал ногу. После этого случая очистка жертвенника от пепла стала производиться по жребию.

Сохранилось предание о другом случае: двое священников кинулись одновременно по ступеням жертвенника; оставшийся позади схватил нож и воткнул опередившему его в грудь. Прибежавший в храм отец убитого застал сына еще с последними признаками жизни и торжественно заявил присутствующим:

— Сын мой не убит наповал, он еще в агонии, и жертвенный нож, следовательно, остался неоскверненным!

На этом случае можно видеть, что в то время нарушение ритуальной чистоты считалось важнее даже кровопролития *(Иома., 23).*

X. ПРИНОШЕНИЕ ПЕРВИНОК

Как приносились первинки?

Из всех поселений данного прихода[1] собирались в центральном городе его и располагались на ночлег на улицах, под открытым небом. В обычное время пробуждения от сна глашатай выкликал:

— Вставайте, пойдем на гору Сион, к Господу, Богу нашему!

Из ближайших местностей приносились свежие смоквы и виноград, из более отдаленных — сушеные смоквы и изюм. Во главе шествия водили жертвенного вола с венком масличным на золоченых рогах. Сопровождаемые звуками свирели, направлялись к Иерусалиму. На близком расстоянии от святого града, посылали оповестить о своем приближении и приступали к украшению корзин с первинками. Навстречу паломникам выходили начальники города, наместники и казнохранители для приема их, согласно степени достоинства прибывших, а горожане-ремесленники всех цехов, выстраиваясь рядами, приветствовали их словами:

— Братья наши из такой-то и такой-то местности, благословен приход ваш!

При звуках свирели шествие направлялось к Храмовой Горе. При приближении к последней все, не исключая и царя Агриппы, брали корзины с первинками на плечи и несли их к храму, где шествие встречалось хором левитов, певших псалом:

---

[1] Св.Земля делилась на двадцать четыре прихода, и в каждом приходе совершалось богослужение в тот час, когда в храме, в Иерусалиме, совершалось жертвоприношение тамид.

12-760

"Хвала тебе, Господь, что поднял Ты меня
И торжества врагам Ты не дал надо мною".

Люди богатые приносили первинки в серебряных и золотых корзинках, кто победнее — в плетенках из ивовых, очищенных от коры, ветвей *(Бик., 3).*

XI. ТОРЖЕСТВО ВОЗЛИЯНИЯ[1]

Кому не довелось видеть "торжества возлияния", тот не видал в жизни своей зрелища истинно радостного.

Большие приготовления к этому торжеству начинались в исход первых трех дней праздника Кущей.

В женском отделении храма находились золотые светильники с четырьмя золотыми елейниками и четырьмя ступенчатыми подъемами при каждом. Четыре отрока из рода коганидов наполняли елейники из кувшинов, содержимостью каждый в сто двадцать луг.

Фитили приготовлялись из приходивших в ветхость священнических облачений. И не было угла в городе, куда не достигал бы свет, зажигаемый при торжестве возлияния.

Благочестивейшие из граждан, с факелами в руках, устраивали хороводы перед народом, сопровождая пляски свои пением гимнов и славословий. На пятнадцати ступенях (по числу "Песен Восхождения" в Псалтири), нисходящих от мужского отделения к женскому отделению, толпились левиты с цитрами, арфами, кимвалами, трубами и бесчисленным множеством других музыкальных оудий. Двое священников с трубами в руках стояли в верхних вратах, ведущих от мужского к женскому отделению. При первом крике петуха они троекратно трубили в трубы, сходили до десятой ступени, вновь трубили троекратно и, продолжая трубить, шли к вратам, выходящим на Восток. Дойдя до этих ворот, поворачивались лицом на Запад и возвещали:

— Предки наши на этом месте становятся бывало "спиною к храму Господню, а лицом к востоку и кланяются на восток солнцу"[2], а мы, — к Господу, к Господу очи наши.

И был прощальный привет их друг другу:

"Благословит тебя Господь с Сиона.
Иерусалима благоденствие
Всю жизнь свою ты будешь созерцать.
Увидишь сыновей у сыновей своих.
Мир Израилю!"

Предание о Гилеле Старшем:

---

[1] Ежедневно при жертвоприношении тамида совершалось возлияние вина на жертвенник, а в дни праздника Кущей совершалось также возлияние воды.

[2] Иезекииль, VIII, 16.

— Празднуя торжество возлияния, Гилель говаривал: "Здесь я — все здесь. Нет меня — кто же здесь? В то место, которое мне дорого, стопы мои ведут меня". Также и Господь говорит: "Придешь ты в Мой дом, Я в твой дом приду, а если ты в Мой дом не будешь приходить, Я в твой дом приходить не буду". Ибо сказано: "На всяком месте, на котором назначу памятовать имя Мое, явлюсь Я к тебе и благословлю тебя".

(Сук., 5; Тос.)

XII. АГРИППЕ ПОЛЬСТИЛИ!..

В исходе первого дня праздника Кущей, после субботнего года, в храмовой палате устанавливался деревянный амвон, на котором в этот день восседал царь. Св. Свиток вынимался храмовым надзирателем и передавался главе Собрания, главой Собрания — священнонаместнику, священнонаместником — первосвященнику, первосвященником — царю. Царь вставал, принимал Свиток и прочитывал положенную на этот день главу.

Царь Агриппа, дочитав до слов: "Не можешь поставить над собою чужеземца, который не брат тебе", заплакал. Видя это, окружающие стали утешать его, говоря:

— Успокойся, Агриппа, — ты брат нам, ты брат нам.

В тот час, — гласит сказание от имени раби Натана, — израильтяне гибели достойны были: Агриппе польстили они!.. *(Сот., 41).*

XIII. ЖЕРТВА ЗА ВРАГОВ

"За любовь мою они враждуют против меня, а я молюсь"

(Псал.).

В дни праздника Кущей приносилась жертва из семидесяти волов за благоденствие всех семидесяти народов земли. Народы должны были бы с братской любовью относится к нам, но мало того что любови не питают к нам, они еще ненавидят нас *(Танх. Гак.).*

XIV. ПАЛОМНИКИ

"И не посягнет никто на землю твою, когда пойдешь являться пред лицо Господа Бога твоего три раза в году". Телица твоя будет ходить по пастбищу, и зверь не нападет на нее, курица твоя будет копаться в навозе, и хорек не тронет ее.

Был случай с одним паломником, который, уходя, забыл запереть на замок двери своего дома. Возвратившись, он нашел на дверях змею, обвившуюся вокруг пробоев.

Другой случай: один паломник забыл загнать кур и оставил их на свободе. По возвращении своем он на том месте, где бродили его куры, нашел несколько растерзанных хорьков.

И еще был случай с двумя братьями-богачами из Аскалона. Соседи их, язычники и люди весьма порочные, говорили: "Поскорее бы ушли они на богомолье в Иерусалим, — заберемся мы к ним в дом и присвоим себе все имущество их". Когда братья отправились в путь, явились два ангела, принявшие образ их, и стали заниматься хозяйством так, как это делали ушедшие братья. Возвратившись с богомолья, братья поднесли соседям подарки из всего принесенного ими из Иерусалима. Удивленные соседи стали спрашивать:

— Уходили вы разве куда-нибудь из дому?

— Как же, — отвечали братья, — в Иерусалим.

— Когда же вы отправились туда?

— В такой-то день.

— А возвратились когда?

— Тогда-то.

— А кого вы оставили вместо себя дома?

— Никого.

Услыша это, язычники сказали:

— Благословен Бог евреев. Он не оставил их и не оставит во веки!

(Пес., 8; Иеруш., Пеа; Ш.-Гаш.-Р.)

XV. ИСКОРКИ НАРОДНОГО ОСТРОУМИЯ

Один иерусалимлянин отправился по делам в провинцию и в одном городе заболел. Чувствуя приближение смерти, он призвал хозяина дома и, вручив бывшие при нем деньги, сказал: когда явится мой сын из Иерусалима и совершит три остроумные вещи, отдай ему эти деньги.

Вскоре иерусалимлянин умер. Жители же того города сговорились между собой[1] не указывать приезжему местожительства кого-либо из граждан.

Наследник, узнав о смерти отца и догадываясь, у кого оставлено наследство, отправился в тот город. У городских ворот ему попался дровосек с вязанкой дров.

— Продаешь дрова? — спросил он.

— Продаю, — ответил тот.

— Получи следуемое и отнеси дрова к такому-то. (И он назвал хозяина, в доме которого умер его отец.)

Дровосек направился с дровами к названному домохозяину. Он идет, а наследник — за ним. Придя на место, дровосек постучал в ворота и стал звать хозяина:

— Послушай, такой-то, выходи принимать дрова.

— Но разве я заказывал тебе дрова принести?

— Правда, ты не заказывал, но заказал вот этот человек, который пришел следом за мною.

---

[1] По-видимому, по наущению наследохранителя, задумавшего присвоить себе доверенные ему деньги.

Пришлось хозяину волей-неволей открыть двери и принять гостя с подобающими приветствиями.

— Кто ты? — спросил хозяин.

— Я сын того человека, который скончался у тебя в доме.

Пригласил его хозяин к обеду. За столом, кроме хозяина и жены его, сидели двое сыновей и две дочери их. Кушанья подано было пять порций.

— Прошу тебя, — обратился хозяин к гостю, — подели кушанье между всеми нами.

Гость поделил кушанье так: одну порцию подал хозяину и хозяйке, одну — обоим сыновьям, одну — обеим дочерям, а остальные две оставил себе.

На ужин подали фаршированную курицу. Снова хозяин предложил гостю распределить кушанье. Разрезал гость курицу и роздал так: голову хозяину, печенку, сердце и пупок хозяйке, каждому из сыновей по бедрышку с ножкой, каждой дочери по крылышку, а все остальное взял себе.

— Послушай, — сказал хозяин, — это у вас, в Иерусалиме, принято так делить кушанье?

— А разве я поделил неправильно? На первый раз подано было пять порций; я положил тебе и жене одну порцию, получилась — тройня, двум сыновьям вашим одну порцию, получилась тройня, две дочери и одна порция — тройня, остался я с двумя порциями, что также составляет тройню, — не правда ли, ничуть не больше чем у вас. На второй раз подали курицу. Хозяину, главе дома, я дал головку; жене, родительнице детей твоих, — внутренние органы; сыновьям, опоре дома, — бедрышки с ножками; дочерям, которым предстоит улететь от тебя к будущим мужьям, — крылышки, а себе взял корпус, похожий на кораблик: я на корабле прибыл сюда и на корабле уеду отсюда. А теперь отдай, любезный друг, деньги, оставленные у тебя моим отцом.

Некий афинянин, находясь в Иерусалиме, дал ребенку несколько мелких монет и сказал:

— Иди, купи и принеси мне такого кушанья, чтобы я поел, насытился и, что останется, мог взять в дорогу.

Ребенок пошел и принес ему соли.

— Вот, — сказал он, — то, что ты велел купить: клянусь, ты и поешь, и насытишься и чтобы в дорогу взять останется.

Афинянин зашел в школу и, не застав там учителя, стал задавать ученикам разные вопросы.

— Послушай, — предложили дети, — условимся так: у того, кто не сумеет ответить на заданный вопрос, вопрошающий имеет право забрать все находящиеся при нем вещи.

Афинянин согласился. Тогда дети предложили такой вопрос:

— Скажи, что это значит: девять уходят, восемь приходят, двое наливают, один пьет, двадцать четыре прислуживают.

Афинянин разгадать не мог и, отдав все бывшие при нем вещи, отправился с жалобой к учителю тех детей, раби Иоханану.

— А какой вопрос они задали тебе? — осведомился р. Иоханан.

Афинянин сказал.

— Сын мой, — объяснил р. Иоханан, — девять уходят, это девять месяцев беременности; восемь приходят, это восемь дней от рождения до обрезания; двое наливают — материнские сосцы; один пьет — младенец; двадцать четыре прислуживают — число месяцев для кормления грудью.

Афинянин возвратился в школу с этой разгадкой и получил обратно свои вещи. Дети, догадавшись, у кого он узнал разгадку, сказали словами поговорки:

"Кабы ты не нашей телицей пахал, ты бы загадки нашей не разгадал".

— Зашей, — сказал афинянин портному-иудею, подавая расколотую ступку.

— Скрути нитку, — ответил портной, высыпая перед ним горсть песку.

Раби Иегошуа, приближаясь к одному городу, увидел молоденькую девушку, черпающую воду из ручья.

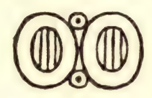
— Дай мне напиться, — попросил он.

— Пей и ты, и осел твой, — ответила девушка.

Напившись, раби Иегошуа сказал:

— Благодарю тебя, дочь моя, ты поступила со мною подобно Ревекке.

— Да, — ответила девушка с лукавой улыбкой, — я-то поступила с тобою подобно Ревекке, да ты-то вот не поступил со мною подобно Елеазару...[1] *(Еха-Р.)*.



---

[1] См. Бытие, XXIV, 22.

РАЗРУШЕНИЕ ВТОРОГО ХРАМА

I. РОКОВОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

а сорок лет до разрушения Второго храма светильник, прежде неугасимый, стал потухать, и врата Святилища начали открываться сами собою.

Предание от р. Леви:

— В продолжение шести лет (перед разрушением храма) тлел уголь в руке архангела Гавриила, который все ждал в надежде, что народ раскается. Не видя раскаяния, он готов был в гневе бросить запылавший уголь в царство Израильское, но остановил архангела голос Господень:

— Гавриил! Гавриил! Умерь гнев свой: есть и среди этого грешного народа сердца милосердные *(Иома, 39; Еха-Р.).*

II. ИЗ-ЗА ЧЕГО?

Предание от раби Иоханана:

“Блажен человек, который всегда осторожен; ожесточенный сердцем впадает в несчастие”. — Из-за Камцы и Бар-Камцы разрушен был Иерусалим. Из-за петуха и курицы — Тур-Малка. Из-за тележной оси — Бетар:

а) КАМЦА И БАР-КАМЦА

Некий человек имел друга по имени Камца и врага по имени Бар-Камца. Однажды, устроив пир, человек этот сказал своему слуге:

— Иди и скажи Камце, что я приглашаю его на пир.

Слуга, по ошибке, пригласил Бар-Камцу.

Войдя в пиршественную залу и увидя Бар-Камцу среди гостей, хозяин, обращаясь к нему, сказал:

— Ведь ты враг мне. Место ли тебе здесь? Встань и уйди.

— Прошу тебя, — сказал Бар-Камца, — так как я уже нахожусь

здесь, позволь мне остаться; я готов заплатить стоимость всего, что съем и выпью на твоем пиру.

— Я на это не согласен, — ответил хозяин.

— Я уплачу половину стоимости всего пира.

— Не желаю.

— Уплачу все, сколько пир стоит.

— Нет! — решительно сказал хозяин и, схватив гостя за руку, заставил его встать и удалиться.

"При нанесенной мне обиде, — сказал себе Бар-Камца, — присутствовали просвещеннейшие люди города и не заступились за меня, — они, следовательно, рады моему унижению. Хорошо же, пойду с доносом на них к кесарю".

Явившись к кесарю, Бар-Камца сказал:

— Государь! Евреи изменили тебе.

— Чем ты докажешь это? — спросил кесарь.

— Пошли им, — ответил Бар-Камца, — жертвоприношение, и увидишь принесут ли они жертву твою.

Послал кесарь через него же трехлетнего тельца. В дороге Бар-Камца сделал тельцу повреждение на верхней губе (по другому преданию — в роговой оболочке), что делало животное неприемлемым для жертвоприношения. Держали ученые совет и решено было: ради царя принять тельца для жертвоприношения. Восстал против этого р. Захария бен Евколос.

— Это, — сказал он, — может создать в народе мнение, что вообще животные с телесным изъяном могут быть приносимы в жертву.

Пришли к решению — казнить Бар-Камцу, дабы он не стал доносить о деле этом кесарю. И тут противником общего мнения выступил р. Захария.

— Утвердится мнение, — сказал он, — что казни подлежит всякий, кто причинит жертвенному животному повреждение.

По поводу этого раби Иоханан говорил:

— Смиреномудрие р. Захарии бен Евколоса привело к разрушению нашего храма, сожжению Святилища и изгнанию народа из родной земли.

Три года продолжалась осада Иерусалима Веспасианом. В Иерусалиме в то время жили три богатых человека: Накдимон бен Горион, Бен Калба-Шабуа и Бен Цицит-Гакесат. Эти трое заявили, что принимают на себя продовольствие всех жителей Иерусалима: первый пшеницей и ячменем, второй вином, солью и елеем, третий топливом. В их складах оказалось предметов продовольствия для всего города на двадцать один год.

Партия зелотов настаивала на том, чтобы сделать вылазку и попытаться оттеснить римлян. Люди благоразумные, напротив того, советовали вступить в мирные переговоры с Веспасианом. Тогда зелоты

сожгли все продовольственные склады, и в городе наступил жестокий голод.

Богатейшая женщина во всем Иерусалиме, Марта, дочь Байтоса, послала слугу на базар за хлебом из тонко просеянной муки. Вернувшись, слуга заявил, что на базаре остался в продаже только обыкновенный пшеничный хлеб.

— Хорошо, — сказала Марта, — сходи и принеси пшеничного хлеба.

Придя вторично на базар, слуга нашел уже только пшеничный хлеб низшего качества и поспешил сообщить об этом Марте.

— Купи, — сказала она, — хотя этого хлеба.

— Госпожа, — доложил слуга, побывав снова на базаре, — хлеба больше нет никакого, а есть один только ячменный хлеб.

Но когда он пришел в последний раз на базар, не было уже никакого хлеба.

— Пойду сама, — сказала Марта, — может быть, найду хотя чего-нибудь съестного.

Сняв сандалии, она пошла на базар и, ступая с последними усилиями по засоренной навозом мостовой, упала и умерла. Узнав о смерти ее, воскликнул раби Иоханан бен Заккай:

— О, жившая в неге и роскоши, никогда ноги своей не ставившая на землю от роскоши и изнеженности!..

Выйдя на улицу, увидел р. Иоханан бен Заккай, как народ варит в воде солому и воду эту пьет. И воскликнул он:

— Люди, которым осталось одно это питание, — им ли устоять перед силами Веспасиана? Остается единственное средство: мне необходимо выбраться из стен города.

Во главе иерусалимских зелотов стоял Аба-Сикара бен Батиах, племянник р. Иоханана бен Заккая. Послал к нему р. Иоханан и велел сказать: "Приди ко мне для тайного совещания". Аба-Сикара пришел.

— Скажи мне, — обратился к нему р. Иоханан, — доколь вы будете поступать так, обрекая народ на голодную смерть?

— Что же я в силах сделать? — отвечал Аба-Сикара. — Ты знаешь, что за малейшее возражение они (зелоты) убьют меня.

— Вот что, — сказал р. Иоханан, — найди способ, как выбраться мне из города; может быть, удастся хотя сколько-нибудь облегчить нашу участь.

— Нами установлено, чтобы никого живым не выпускать из городских стен.

— Вынесите меня как бы умершего.

— Хорошо, сделаем так: ложись в постель и притворись больным, а в постель положи что-нибудь с гнилостным запахом. Придут проведать тебя — и разнесется слух, что ты умер. Соберутся ученики твои и вынесут тебя в гробу за город для погребения.

Р. Иоханан так и сделал. Понесли ученики гроб с р. Иохананом, — в головах шел р. Елеазар, в ногах — р. Иегошуа. До городской стены дошли только на закате.

— Кого несете? — окликнула их стража.

— Покойника. Вы разве не знаете, что покойников не оставляют на ночь в Иерусалиме?

Зелоты вознамерились проколоть тело копьем, но Аба-Сикара остановил их, сказав:

— Не делайте этого: будут говорить: "Учителя своего закололи!"

Зелоты отворили ворота и пропустили их с гробом.

Дойдя до лагеря Веспасиана, открыли гроб. Встал р. Иоханан и приветствовал Веспасиана словами:

— Мир тебе, император! Мир тебе, император!

— Ты вдвойне заслуживаешь смерти, — отвечал Веспасиан, — за то, что ты величаешь меня императором, а я не император; затем, если императором меня считаешь, почему ты до сих пор не являлся ко мне?

— Государь! — ответил р. Иоханан. — Если бы ты не был императором в эту минуту, Иерусалим не был бы отдан в руки твои, ибо сказано: "Ливан от *могучего* падет". Не являлся же я раньше к тебе потому, что зелоты не давали мне сделать это.

На это Веспасиан сказал:

— Ехидна обвилась вокруг бочки с медом. Что остается сделать, если не уничтожить бочку вместе с ехидной?

Не нашелся р. Иоханан что ответить. По этому поводу рав Иосиф (а по словам других — раби Акиба) сказал:

— Воистину: "низвергает ум мудрецов и превращает знание их в глупость". Р. Иоханан должен был бы ответить: "щипцами удаляют змею и бочку сохраняют в целости".

В это время прибыл из Рима гонец с известием, что Нерон умер и императором провозглашен Веспасиан.

— Я ухожу отсюда, — сказал Веспасиан р. Иоханану, — и пришлю вместо себя другого. Проси чего хочешь, просьба твоя будет исполнена.

Зная, что просить о пощаде Иерусалима бесполезно, р. Иоханан сказал:

— Государь! Прошу тебя: пощади город Ябне[1] с его учениками и пощади княжеский род рабан Гамлиеля.

Ушел Веспасиан и вместо себя прислал Тита. Пришел Тит, встал и воскликнул: "Где Бог их, твердыня, на которую они надеялись?" И вот что сделал он:

Войдя в Св. Святых, разостлал свиток Торы и осквернил его. Взяв меч, он проткнул завесу на ковчеге, — и совершилось чудо: из образовавшихся в завесе отверстий стала капать кровь; нечестивец же воз-

---

[1] Ямния.

мнил, что он Самого Предвечного поразил. Сорвал он потом завесу и, завязав в нее всю храмовую утварь, перенес все это на свой корабль, чтобы отвезти, как трофей, в свой город. Поднялся шторм, и кораблю грозило крушение.

— Видно, — воскликнул Тит, — Бог иудеев силен только на воде: фараона утопил, Сисару утопил, и теперь встал Он, чтобы утопить меня. Нет, если Он действительно всемогущ, то пусть на суше поборется со мною.

Раздался голос:

— Нечестивец, сын нечестивца, потомок Исава нечестивого! Есть одно ничтожное творение в мире Моем, комаром называется оно. Выходи на сушу и с этим творением поборись.

Едва Тит вышел на берег, как в ноздри ему влетел комар и, засев в голове, в продолжение семи лет точил мозг его.

Однажды, проходя мимо кузницы, Тит почувствовал, что при ударах молота комар перестал мучить его. "Средство найдено" — решил он и поместил в комнате своей кузнеца, который должен был беспрерывно колотить молотом о наковальню. Кузнецу из римлян выдавалась плата по четыре зуза за день, кузнецу же из иудеев Тит говорил:

— Достаточно, что ты видишь несчастье врага твоего.

Прошло тридцать дней — и комар, привыкнув к стуку молота, снова принялся точить мозг Тита.

Умирая, Тит завещал:

— Тело мое сожгите и пепел развейте по семи морям, дабы Бог иудеев не мог отыскать меня и призвать на суд Свой.

За три преступления был разрушен Первый храм: за идолопоклонство, кровосмешение и кровопролитие. Но Второй храм, во времена которого занимались изучением Торы и исполнением заповедей и процветала благотворительность, — за что подвергся этот храм разрушению? За беспричинную вражду. Этим указано, что беспричинная вражда равносильна вместе взятым идолопоклонству, кровосмешению и кровопролитию.

б) РАЗРУШЕНИЕ ТУР-МАЛКИ

Существовал обычай — в свадебном шествии нести перед женихом и невестой петуха и курицу, символ плодородия. Однажды со свадебным шествием встретились римские воины и отобрали петуха и курицу. Свадебные гости кинулись на римлян и побили их. Донесли императору: "Иудеи взбунтовались против тебя".

И пошел император на Тур-Малку.

Был среди жителей Тур-Малки некий богатырь Бар-Дероми[1]. Человек этот делал прыжок версту в длину и на всем этом пространстве

---

[1] Собственно: житель юга, южанин.

производил избиение римлян. Видя это, снял император венец свой и, положив его на землю, воскликнул:

— Властитель мира! Молю Тебя, не предавай меня и царства моего в руки единого человека.

Бар-Дероми же горделиво воскликнул: "Не Ты ли, Боже, отринул нас и не выходишь, Боже, с войсками нашими?" Ужалила Бар-Дероми ехидна, и он умер. Узнав об этом, император сказал:

— В благодарность за чудо, совершенное ради меня, я оставлю город этот в покое.

Едва император удалился, свадебные гости принялись пировать и веселиться. Освещение на этом пиршестве было такое, что на расстоянии целой версты от города можно было различать начертание именной печати на перстне.

"Так вот что! — подумал император. — Иудеи издеваются надо мной!" И он снова напал на город.

Предание гласит:

Приговорив к смертной казни двух иудейских богатырей в Лаодикее, братьев Юлиануса и Папиаса, император Траян обратился к ним с такими словами:

— Вы единоплеменники Ханании, Мисаила и Азарии. Пусть же явится Бог ваш и спасет вас от меня так же, как он спас Хананию, Мисаила и Азарию от Навуходоносора.

На это Юлианус и Папиас ответили:

—Ханания, Мисаил и Азария были истинными праведниками и достойны были, чтобы произошло чудо для их спасения; и царь Навуходоносор был личностью незаурядной и достоин был, чтобы через него чудо то совершилось. А ты, нечестивец — человек ничтожный, не достоин ты, чтобы через тебя чудо сотворилось. Мы же заслужили гибели своей, и если не ты казнишь нас, то есть у Господа много других истребителей, — достаточно есть медведей, львов, тигров, чтобы напасть и умертвить нас. И если предал нас Господь в руки твои, то Он же и взыщет с тебя за кровь нашу.

Не взирая на слова их, Траян тут же казнил обоих. Предание гласит, что не успел Траян тронуться оттуда, как был убит двумя посланцами из Рима, которые, напав на него, поленьями размозжили ему голову.

Жена Траяна разрешилась от бремени в ночь на девятое Аба, когда иудеи справляли траур в память разрушения храма. Рожденный императрицей ребенок умер в дни Хануки. Совещались иудеи, зажигать ли свечи Маккавеев, — и решили зажигать, как ни опасно было это (ввиду смерти императорского сына). Зажгли иудеи свечи Маккавеев, а жене Траяна было донесено:

— Иудеи эти, когда у тебя родился сын, устроили траур, а когда сын твой умер, праздничные огни зажигают!

Написала императрица к Траяну: “Вместо того чтобы с чужими народами воевать, возвратись лучше и накажи иудеев, которые бунтуют против тебя”.

Сел Траян на корабль, рассчитывая прибыть к берегам Иудеи через десять дней. Поднялся попутный ветер, и на пятый день Траян уже был у цели. Прибыв в город, он проник в бет-гамидраш в ту минуту, когда там изучали стих:

> “Подымет Господь на тебя народ от пределов земли,
> Из дальнего края подобно орлу налетит он".

— Про меня, — сказал Траян, — гласит стих этот: я рассчитывал прибыть через десять дней, но ветер через пять дней привел меня сюда.

Окружили иудеев воины Траяна и умертвили их. Женщинам же Траян сказал:

— Будьте послушны моим воинам, дабы я не поступил и с вами так, как поступил с мужьями вашими.

— Сделай с женщинами то, что ты сделал с мужчинами, — ответили жены иудейские.

Окружили их воины Траяновы и умертвили всех, и смешалась кровь их с кровью убитых мужей.

в) РАЗРУШЕНИЕ БЕТАРА

Существовал обычай: родится сын, сажали кедровое дерево, когда родится дочь, сажали акацию; когда дети эти вырастали и вступали в брак, срубали деревья и изготовляли из них шесты для венчального балдахина. Однажды через Бетар проезжала дочь императора, и сломалась ось в ее колеснице. Слуги срубили первый попавшийся кедр и сделали новую ось. Напали на них иудеи и побили их. Донесли римляне императору: “Иудеи взбунтовались”. Пошел император на Бетар.

Предание от р. Иоханана:

— В числе римлян, нападавших на Бетар, одних “трубящих в трубы”[1] было восемьдесят тысяч человек. В Бетаре находился в то время Бен-Козиба[2]. У него было двести тысяч воинов, каждый с отрубленным толстым пальцем на руке. На вопрос старейшин: “Доколь ты будешь заставлять сынов израилевых увечить себя?” — Бен-Козиба ответил: “Каким же иным способом испытать их мужество?” На это старейшины сказали: “Кто верхом на лошади не сумеет на всем скаку

---

[1] Начальники отрядов.

[2] Во главе Бетарского войска стоял человек из города Козибы, прозванный раби Акибою “Бар-Кохба” — сын звезды, применительно к словам Писания: “И выступит звезда от Иакова”. Не оправдав возлагавшихся на него надежд, Бар-Кохба был назван “Бен-Козиба”, — что означает: человек из Козибы, а также: сын лжи.

вырвать с корнем кедр ливанский, того не принимай в ряды своего войска".

Бен-Козиба так и сделал, и оказалось у него два отряда воинов, прежних и вновь принятых, по двести тысяч в каждом. Но люди эти, выходя на бой, говорили:

— Пусть Он (Господь) нас не поддерживает, но пусть и не вредит нам.

Сам Бен-Козиба обладал такой силой, что пущенные в него с пращей камни он одним коленом отбрасывал обратно, убивая этим каждый раз множество неприятеля.

Увидя его, раби Акиба сказал:

— Вот царь Мессия!

На что р. Иоханан бен Торефа ответил:

— Акиба! Быльем порастут челюсти твои, пока еще Мессия придет.

Три с половиною года продолжалась осада Бетара Адрианом. В Бетаре жил в то время дядя Бен-Козибы, раби Елазар Модийский. Проводя все дни в посте и молитве, раби Елазар ежедневно взывал к Господу:

— Владыка мира! Да не совершится *сегодня* суд Твой над нами!

Адриан уже намеревался отступить от Бетара, как явился к нему некий самаритянин и, рассказав про р. Елазара, сказал:

— Государь! До тех пор, пока курица эта в пепле валяется, не взять тебе Бетара. Однако позволь мне, и я устрою так, что сегодня еще город будет в твоих руках.

Пробрался самаритянин в город и, застав р. Елазара погруженным в молитву, наклонился к нему, делая вид, будто шепчет ему что-то на ухо. Донесли Бен-Козибе: "Дядя твой р. Елазар намеревается предать округ этот Адриану". Послал Бен-Козиба за самаритянином.

— О чем говорил ты, — спросил он, — р. Елазару?

Отвечал самаритянин так:

— Скажу, буду казнен императором; не скажу, буду убит тобою. Так лучше сам покончу с собою, но тайны, доверенной мне императором, не открою.

Эти слова убедили Бен-Козибу в том, что р. Елазар намеревался предать народ в руки Адриана. Велел Бен-Козиба привести р. Елазара.

— О чем, — встретил он р. Елазара вопросом, — говорил тебе тот самаритянин?

— Не знаю, — ответил р. Елазар, — о чем шептал он мне на ухо: я был погружен в молитву и ничего не расслышал.

— А что ты ответил ему?

— Ничего.

Разъяренный Бен-Козиба толкнул ногою р. Елазара с такой силой, что старик упал мертвый. В эту минуту раздался Голос: "Горе негодному пастуху, оставляющему стадо! Меч на руку его и на правый глаз

его! Тобою, — продолжал Голос, — сокрушена мышца Израиля и ослеплен правый глаз его. Рука того, кем сделано это, совершенно иссохнет и правый глаз его совершенно потускнеет".

Мера прегрешений исполнилась, — Бетар был взят и Бен-Козиба убит.

Принесли голову Бен-Козибы к Адриану.

— Кем убит он? — спросил император.

— Мною, — ответил один самаритянин.

— Иди и принеси тело его, — повелел Адриан.

Когда тело было принесено, на убитом оказалась обвившаяся вокруг шеи змея.

— Нет, — сказал Адриан, — если бы не Господь убил этого человека, кто в силах был бы убить его?

Истребление бетарийцев продолжалось до тех пор, пока кровь их не стала литься через пороги домов, через кустарники, через края водостоков. Кони тонули в крови. Камни весом в сорок саа катило кровавым потоком. На протяжении четырех верст окрашена была кровью вода морская. Виноградник был у Адриана, восемнадцати верст в квадрате, и повелел император поставить вокруг этого виноградника ограду из убитых бетарийцев, воспретив хоронить их. И лишь впоследствии, по приказу другого императора, трупы эти преданы были погребению.

Предание гласит, что в продолжение семи лет собирали урожай с напитанных иудейской кровью виноградников, обходясь без удобрения *(Еха-Р; Иеруш. Таан., 4; Гит., 57).*

III. ЗЛОДЕЙСТВО АДРИАНА

Один иудей при встрече с Адрианом произнес обычное приветствие.

— Кто ты? — спросил Адриан.

— Иудей, — ответил тот.

— А разве смеет иудей приветствовать Адриана? Отсечь ему голову! — повелел Адриан.

Другой иудей, видя, как поступили с первым, прошел мимо Адриана и не приветствовал его.

— Ты кто? — спросил Адриан.

— Иудей.

— А разве смеет иудей проходить без приветствия мимо Адриана? Отсечь ему голову!

— Государь! — сказали приближенные Адриана, — как объяснить поступок твой? Приветствуют тебя — ты велишь казнить, не приветствуют — ты также велишь казнить.

— Уж не хотите ли вы, — ответил Адриан, — указывать мне, *как* я должен истреблять врагов моих?

В эту минуту зазвучал скорбящий голос Духа Святого:

"Ты видишь, Господь, обиду мою — —
Ты видишь всю мстительность их!"

Адриан установил три сторожевых пункта: в Хамате, селении Лекатии и Вифлееме иудейском. Спасшийся от первой стражи попадал в руки второй; спасшийся от второй стражи попадал в руки третьей. Глашатаи ходили и объявляли: "Где бы ни скрывался иудей, пусть выйдет, и ему не будет причинено никакого вреда". Более сообразительные из иудеев не поддавались на обман и не выходили из своих убежищ; другие выходили и их тотчас забирали в плен. О них и гласит стих пророка: "И стал Ефрем как глупый, бессмысленный голубь". Собрались иудеи в долине Бет-Римон. Узнав об этом, Адриан сказал своему военачальнику:

— Приказываю, чтобы, пока я ем этот ломтик хлеба и бедрышко курицы, ни одного иудея не осталось в живых!

Окружили иудеев войска и умертвили всех до единого.

Прятавшиеся в пещерах выходили по ночам и, по трупному запаху отыскивая тела убитых, приносили трупы в свои пещеры и питались их мясом *(Еха-Р.)*.

IV. ДЕТИ СИОНСКИЕ

Доег бен Иосиф остался в детском возрасте сиротою без отца. Мать его ежедневно взвешивала его и по прибавлявшемуся весу жертвовала золото в храм. Во время осады она, мучимая голодом, заколола его и съела. О ней говорил в плаче своем Иеремия:

"Взгляни, Господь, над кем подобное совершил Ты,
Чтоб ели женщины свой плод,
Детей, взлелеянных с любовью?"

И, вторя пророку, восклицал Дух Святой:

"Чтоб в храме Божьем пали
Убитыми священник и пророк!"

(Иома., 34)

На одном корабле везли четырехсот пленных детей, мальчиков и девочек, предназначенных для гаремов. Сообразив, куда их везут, дети рассуждали между собою: "Если бы мы утонули в море, мы удостоились бы жизни вечной за гробом?" Более взрослый из них стал разъяснять им: "Господь сказал: "От Васана возвращу, возвращу из глубины морской," — "от Вассана" — из пасти львиной[1], "из глубины

[1] Игра слов: Mibaschan — miben schen.

морской" — утонувших в море. — Услыша слова эти, девочки бросились через борт и утонули. Видя это, мальчики сказали: "Если девочки, для которых попадать в гаремы есть явление обыкновенное, поступили так, то нам тем более следует сделать это". И также бросились в море *(Гит., 57).*

Сын и дочь раби Измаила бен Елиша попали в плен, он — к одному римлянину, она — к другому. По прошествии времени оба эти римлянина разговорились при встрече.

— Имеется у меня раб, — сказал один, — красивее которого не найдется никого на свете.

— А у меня, — сказал другой, — есть рабыня такой красоты, что равной ей не сыскать во всем мире.

И порешили римляне поженить раба на рабыне и детьми, которые родятся от них, делиться между собою. Ввели обоих пленных и оставили их в одной комнате. Забившись в разные углы, сидели они, оплакивая судьбу свою.

— Мне, — говорил юноша, — священнику, потомку первосвященников, взять в жены рабыню!

— Мне, — причитывала девушка, — дочери первосвященников, сделаться женою раба!

Всю ночь провели они в слезах. При свете зари они узнали друг друга. С воплями кинулись они друг другу в объятия и рыдали до тех пор, пока отлетели души их *(там же, 58).*

Дочь первосвященника, Цафнаф бат Пениил, женщина редкой красоты, попала в плен. После проведенной с нею ночи полонивший ее римлянин надел на нее семь туник и вывел для продажи на рынок. Явился покупатель, человек крайне безобразного вида, и стал требовать, чтобы римлянин сначала дал ему взглянуть на красоту рабыни.

— Нечего тебе, негодный ты человек, глядеть; говорю тебе, что другой такой красавицы на свете нет.

— А все-таки покажи, — настаивал тот.

Начала Цафнаф снимать с себя туники; шесть сняла, а последнюю разодрала она на себе, бросилась на землю и вывалялась в прахе.

— Владыка мира! — вопила она. — Если нас не пощадил Ты, святости имени великого Твоего зачем не щадишь Ты?

И о ней плакал Иеремия, говоря:

"О, дочь народа моего!
Во вретище ты облекись, и в пепле
Валяйся, и оплакивай себя,
Как плачут о единственном ребенке:
Придет на нас внезапно истребитель".

13-760

Не сказано "на тебя", но "*на нас*", т. е. — на меня, Господа, и на тебя, народ, пришел истребитель *(там же).*

Одним иноземцем взята была в плен девушка-израильтянка. Девушка жила у него в доме и занималась хозяйством. Однажды был ему в сновидении голос: "Отпусти девушку эту из дома своего". Воспротивилась этому жена его. И снова был ему во сне голос: "Если ты не отпустишь ее, я убью тебя". Встал он и отпустил ее на свободу. Сам же пошел вслед за ней, говоря: "Пойду, посмотрю, что станется с нею". В дороге девушка почувствовала жажду и спустилась к источнику напиться. В ту минуту, когда она оперлась рукою на ограду у источника, ужалила ее змея, и она умерла и упала в воду. Видевший это иноземец извлек ее из воды, унес и похоронил. Придя домой, он сказал жене:

— Народ этот, как видишь, воистину обречен на гибель гневом Отца Небесного *(Аб. д. Нат., 17).*

Когда Накдимон бен Горион выходил из дому в бет-гамидраш, вся дорога устилалась перед ним шелковыми тканями, и бедные шли за ним и забирали себе эти ткани.

Когда он умер, дочери его назначено было из наследства четыреста золотых ежедневно на благовонные вещества.

— Дочерям вашим желаю не более этого! — сказала она, недовольная назначенной суммой.

Невестке Накдимона назначено было двести саа вина на один приварок в неделю. И она тоже осталась недовольной.

Говорил р. Елазар бен Садок:

— Дай Господь также мне увидеть народ наш в благоденствии, как видел я дочь Накдимона бен Гориона подбирающей в Ако ячменные зерна из-под копыт лошадиных.

Выезжал из Иерусалима, верхом на осле, р. Иоханан бен Заккай, и шли за ним ученики его. По дороге встретилась ему молодая женщина, которая подбирала ячменные зерна из помета арабских стад. Увидя приближающегося р. Иоханана, женщина закрыла себе лицо волосами и, приблизившись к нему, проговорила:

— Учитель! Дай мне на пропитание.

— Кто ты, дочь моя? — спросил р. Иоханан.

Женщина не отвечала.

— Дочь моя, скажи — кто ты? — повторил р. Иоханан.

— Я дочь Накдимона бен Гориона.

— Куда же девалось богатство твоего отца?

— Учитель! Недаром говорится: "денег в прок не засолишь".

— А богатство свекра твоего?

— Пошло туда же. А помнишь ли, учитель, как ты свидетелем на брачном договоре моем подписался?

— Помню, — сказал р. Иоханан, обращаясь к ученикам, — в подписанном мною брачном договоре говорилось, что она получает тысячу тысяч золотых динариев из имущества отца, кроме приданого со стороны свекра.

Заплакал р. Иоханан бен Заккай, и так сказал он:

— Благо тебе, Израиль, когда ты следуешь заветам Господа, — нет тогда ни народа, ни племени, властных над тобою. Когда же ты идешь против воли Господа, Он подчиняет тебя ничтожному народу, и не только людям, но и скоту народа этого *(Кет., 65—67; Аб. д. Нат.)*.

V. ГОСПОДЬ СКОРБЯЩИЙ

Сказание от р. Иегошуи бен Леви:

— Воззвал Господь к Ангелам Служения и сказал: "Что делает царь, оплакивая смерть близкого существа?"

— Завешивает вретищем двери чертога своего, — ответили Ангелы Служения.

— И Я делаю так, — сказал Господь:

"Я мраком одеваю небеса
И вретище им делаю покровом".

— И еще что делает царь?

— Велит светильники потушить.

— И Я делаю так, — по слову пророка:

"Померкнут солнце и луна,
И звезды блеск свой потеряют".

— И в молчании пребывает царь.

— И Я делаю так — по слову пророка:

"В безмолвии сидеть он будет одиноко,
Отягощенный бременем своим".

(Еха-Р.)

"В тайниках будет плакать душа моя".

Поясняли со слов Рава: место есть у Господа, где он плачет, и "Мистарим" (тайники) название его *(Хаг., 5)*.

"Вот он стоит за нашей стеною".

Рав Аха учил:

— От западной стены храма[1] никогда не отходил дух Господень.

(Танх. Гак.)

---

[1] От храма осталась часть западной стены, существующая и поныне.

VI. МЕНАХЕМ

В день разрушения храма родился искупитель.

Некий человек пахал поле. Замычала телица его. Шедший мимо араб обратился к пахарю с вопросом, какого племени он.

— Иудей, — ответил пахарь.

— Иудей! Иудей! — сказал араб. — Распряги телицу и оставь плуг свой.

— Зачем?

— Святилище иудейское разрушено.

— Откуда узнал ты об этом?

— Из мычания телицы.

В эту минуту телица снова замычала. И араб сказал:

— Иудей! Иудей! Запряги телицу и берись за плуг свой: родился Мессия, искупитель Израиля.

— Как имя его?

— Менахем[1].

— А имя отца его?

— Иезеккия.

— А где находится он?

— В Вифлееме иудейском, в Бират-Арбе.

Пошел пахарь тот, продал телицу свою, продал плуг и стал торговцем детскими пеленками. Ходил он из города в город, из одной области в другую, пока не пришел в то место (в Вифлеем). Стали приходить женщины из всех окрестных сел покупать пеленки. Одна только женщина, мать Менахема, пеленок покупать не стала. Услыхал он, как другие женщины говорят ей:

— Мать Менахема! Мать Менахема! Купи и ты пеленки для своего сына.

А она отвечает:

— Дай Бог удавиться всем врагам Израиля[2]!

— Почему говоришь ты так? — спрашивают женщины.

— Потому, что в тот день, когда он родился, разрушен был храм Господень.

Тогда он обратился к ней и сказал:

— С появлением на свет сына твоего храм был разрушен; но уверен я, что через него же храм будет восстановлен снова.

— У меня денег нет, чтобы купить пеленки, — сказала женщина.

— Это для меня безразлично, — ответил он, — бери пеленки для сына, а я в другой раз приду, и ты заплатишь за них.

Придя через некоторое время в тот город, где жила женщина эта, он решил пойти взглянуть на ребенка. Пришел и спрашивает:

— Как поживает сын твой?

---

[1] М е н а х е м — утешитель.

[2] Иносказательно проклятие относится к сыну ее.

— Его нет больше у меня, — ответила женщина, — сейчас после того, как ты встретился со мною, налетели ветры бурные, вырвали его из рук у меня, унесли, — и нет его.

(Иеруш. Бер.; Еха-Р.; Мид. Пан. Ах.)

VII. СКОРБЬ О СИОНЕ

"Плачет и плачет она"[1].

Плачет она, и Господа заставляет плакать вместе с нею. Плачет — и Ангелов Служения плакать заставляет. Плачет — и небеса и землю плакать заставляет. Плачет, и горы и равнины плакать заставляет.

"Плачет она по ночам".

Голос плачущего ночью более отчетливо слышен.

Когда человек плачет ночью, звезды и планеты плачут вместе с ним.

Человек, который слышит ночью голос плачущего, невольно и сам плакать начинает.

Был такой случай. У одной женщины, жившей в соседстве с рабан Гамлиелем, умер сын, и она не переставала рыдать всю ночь. Слышал р. Гамлиель рыдания ее, и пришло на память ему разрушение храма. И заплакал он, и плакал не переставая всю ночь, пока ресницы не выпали у него. На завтра, узнав об этом, ученики выселили ту женщину из соседства р. Гамлиеля *(Санг., 104; Еха-Р.)*.

VIII. С ТЕХ ПОР

С тех пор, как храм разрушен, не стало улыбки веселой перед Господом и более нет свода небесного в прежней чистоте его.

Р. Елазар говорил:

— С тех пор, как храм разрушен, воздвиглась железная стена между Израилем и Отцом небесным.

Р. Симеон бен Гамлиель говорил:

— С тех пор, как храм разрушен, нет дня, который не принес бы нового бедствия *(Бер., 32; Сот., 89)*.

IX. УТЕШЕНИЯ

"Заплатить должен, кто произвел пожар".

— ***Я*** должен заплатить за сожженное Мною, — сказал Господь, — Я "зажег огонь на Сионе, пожравший основания его", и огнем Я снова воздвигну Сион, по слову Моему: "И я буду для него огненною стеною вокруг него и прославлюсь посреди него" *(Б.-К., 9)*.

---

[1] Столица Иудейская.

Шли дорогою рабан Гамлиель, раби Елиезер бен Азария, раби Иегошуа и раби Акиба. За сто двадцать верст до Рима стал шум форума доноситься до них. Трое первых заплакали, а р. Акиба засмеялся.

— Как можешь ты смеяться, Акиба? — воскликнули они.

— А вы о чем плачете? — ответил вопросом р. Акиба.

— Язычники эти, — ответили они, — поклоняющиеся истуканам и идолам кадящие, живут в безмятежном мире, а мы, — Святилище наше, подножие Господа нашего, в огне сожжено, — как не плакать нам?

— Потому-то я и смеюсь радостно, — сказал р. Акиба, — если преступающим волю Его Господа дает счастье, то тем более он даст счастье тем, кто исполняет святую волю Его.

В другой раз они же шли по пути к Иерусалиму. Дойдя горы Цофим, разодрали они одежды свои. На Храмовой Горе увидели шакала, выходящего из развалин Св. Святых, и горестно заплакали они, а р. Акиба рассмеялся.

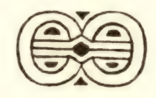
— Чего ты смеешься, Акиба? — спросили они.

— А вы чего плачете? — ответил вопросом р. Акиба.

— В том месте, о котором сказано: "посторонний, который приблизится, умрет", ныне шакалы бродят, — как же не плакать нам?

— Вот поэтому-то и смеюсь я радостно, — сказал р. Акиба, — сказано: "И я взял себе верных свидетелей, Урию-священника и Захарию, сына Еварахиина". Что имеют общего Урия с Захарией? Ведь Урия жил во времена Первого храма, а Захарий во времена Второго храма. Но недаром приведено в связь пророчество Захарии с пророчеством Урии. У Урии сказано: "Посему из-за вас Сион распахан будет, как поле, и Иерусалим сделается грудою развалин, и будет Гора Храмовая лесистым холмом". А у Захарии сказано: "Снова старцы и старицы будут сидеть на улицах в Иерусалиме, каждый с посохом в руке — от полноты дней". До тех пор, пока не исполнилось пророчество Урии, я опасался, что не исполнится пророчество Захарии; ныне же, когда первое пророчество осуществилось, я верю, что и второе осуществится.

— Акиба! — воскликнули все. — Ты утешил нас! Акиба, ты утешил нас! *(Мак.,24).*



РАБИ СИМЕОН БЕН ШЕТАХ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОРЫ

есь мир оставался пораженным совершенной Яннаем[1] казнью законоучителей, пока не явился р. Симеон бен Шетах, возвративший Торе ее исконное величие *(Кид., 66).*

КТО КАЗНОЙ, КТО МИЛОСТЬЮ ГОСПОДНЕЙ

Во времена Симеона бен Шетаха явилось триста назареев для совершения девятисот жертвоприношений[2]. Найдя законным полутораста из них дать отпущение без жертвоприношения, р. Симеон обратился к царю Яннаю и сказал:

— Триста назареев пришли для совершения девятисот жертвоприношений, но у них не на что купить жертвенных животных. Государь, дай ты половину стоимости, и я дам половину, и тогда они совершат жертвоприношения.

Царь Яннай дал половину стоимости, и жертвоприношения совершились. Донесли Яннаю на р. Симеона:

— Да будет ведомо тебе, что все жертвенные животные были куплены на деньги, данные тобою. Симеон же не потратил ничего.

Разгневался царь Яннай, а р. Симеон, узнав о том, устрашился и бежал.

Через некоторое время был пир у царя Янная, и бывшие на том пиру персидские вельможи стали спрашивать:

— Государь, помнится нам, бывал здесь некий старец, который поучал нас божественной мудрости.

Сказал Яннай своей жене, — она же сестра р. Симеона:

— Пошли за ним и приведи его сюда.

— Поклянись, — ответила царица, — что не сделаешь ему никакого зла и (в знак этого) пошли ему свой перстень.

---

[1] Царь из дома Хасмонеев.

[2] Назарей приносил три очистительные жертвы.

Царь поклялся и послал перстень.

Р. Симеон явился.

— Зачем ты бежал? — спросил царь.

— Слышал я, что государь мой, царь, в гневе на меня, и, боясь, чтоб ты не велел казнить меня, я поступил, применив к себе слова Писания: "Укройся лишь на мгновение, пока гнев не пройдет".

— А зачем ты надсмеялся надо мной?

— Упаси Бог, не надсмеялся я над тобою. Ты оказал назареям помощь деньгами, я — властью Закона. Кто казною, кто милостью Божией.

— Отчего же ты не предупредил меня об этом?

— Если бы я предупредил тебя, ты, пожалуй, не дал бы ничего.

Посадил его Яннай между собою и царицей и сказал:

— Видишь, какой почет я тебе оказываю.

— Не ты, — ответил р. Симеон, — а Тора возвеличивает меня, ибо сказано у сына Сирахова: "Лелей ее, и она вознесет тебя и посадит среди вельмож" *(Бер.-Р., 91.; Берах., 48).*

ЦАРЬ ПРЕД СУДОМ

Один из царских рабов совершил убийство.

— Привлеките его к суду, — приказал р. Симеон.

Доложили Яннаю:

— Твой раб человека убил.

Поставил царь убийцу на суд. Послали судьи сказать царю:

— Явись и ты, — этого требует закон.

Когда царь явился, поставили кресло для него рядом с креслом р. Симеона, и царь сел. Видя это, р. Симеон сказал:

— Царь Яннай! *Встань* и выслушай показания против тебя[1], ибо сказано: "Пусть *предстанут* оба сии человека, у которых тяжба".

— Я сделаю, — возразил царь, — не так, как говоришь ты, а как товарищи твои скажут.

Обратился р. Симеон к сидящим справа, те уставились глазами в землю; обратился налево — и те уставились глазами в землю.

— Вы *размышляете* еще, — воскликнул р. Симеон, — как поступить? Пусть же *Ведующий помыслы* воздаст вам!

В ту же минуту явился архангел Гавриил и поверг судей на землю, грозя умертвить их.

Затрепетал царь.

— Встань! — повторил Яннаю р. Симеон. — Не перед нами стоишь ты, но перед Тем, по слову Которого сотворена вселенная.

Тотчас же встал с места царь Яннай *(Сан., 19; Тан. Гак., Шофт.).*

---

[1] Как против владельца, ответственного за преступления своих рабов.

НАХОДКА

Р. Симеон вел торговлю льном. Чтоб облегчить ему труд по перевозке товара, ученики купили для него у одного измаилтянина осла. На шее у животного оказалась драгоценная жемчужина. Приходят ученики к р. Симеону и говорят:

— Отныне, учитель, тебе трудиться больше не придется.

— Почему? — спрашивает р. Симеон.

— Мы для тебя купили осла у одного измаилтянина и на животном оказалась драгоценная жемчужина.

— А знал об этом продавец?

— Нет.

— Идите и отдайте ему жемчужину.

И сказал о р. Симеоне тот измаилтянин:

— Благословен Господь. Бог Симеона бен Шетах!

— А вы, — обратился р. Симеон к ученикам, — варваром считали Симеона бен Шетаха? Услышать слова: "благословен Господь, Бог иудеев" — для меня дороже всех сокровищ мира.

(Иеруш., Б.-М., 2; Деб.-Р., 3)

В ПЕЩЕРЕ КОЛДУНИЙ

Когда Симеон бен Шетах был избран в "Насси"[1], пришли к нему и сказали:

— В пещере близ Аскалона скрываются восемьдесят колдуний.

В один ненастный день собрал р. Симеон восемьдесят юношей, рослых и сильных, и велел им следовать за собою. Каждому из них он дал по новому кувшину со свернутым в нем чистым плащом. Юноши поставили кувшины опрокинутыми себе на головы, и р. Симеон сказал:

— Когда я крикну по-птичьему, накиньте на себя плащи; крикну вторично — бегите все в пещеру и, схватив каждый по колдунье, поднимите их вверх, ибо таково свойство колдуна: отделишь его от земли — он ничего сделать не может.

Пошел р. Симеон и, став у входа в пещеру, стал звать, выкрикивая:

— Ойим! Ойим!..[2] Отоприте! Один из ваших я.

— А каким образом, — спрашивают колдуньи р. Симеона (также успевшего закутаться в сухой плащ), — ты в дождь сухим остался?

— Я *между* каплями пробирался, — объяснил р. Симеон.

— А чего ради пришел ты?

— Поучиться и вас поучить. Покажите-ка каждая свое искусство.

И вот, поколдовала одна — и серебро в хлеб превратилось.

Поколдовала другая — из железа мясо выковалось.

---

[1] Князь. Патриарх.

[2] Пароль у колдунов.

Третья — расплавленная медь бульоном закипела.

Четвертая — растопленное золото вином заструилось.

— Видишь, — говорят колдуньи, — какой мы тебе пир устроили. А ты что умеешь сделать?

— Вот что: чирикну раз и другой — и явятся восемьдесят женихов, одетых в совершенно сухие плащи, — и будете вы пировать и веселиться с ними.

Чирикнул р. Симеон раз — надели юноши плащи; чирикнул вторично — все сразу появились в пещере.

— Выбирай каждый свою суженую! — крикнул р. Симеон.

Схватили юноши колдуний, вынесли их из пещеры и всех повесили *(Иеруш. Хаг.; Санг., 6; Раши).*

ВО СЛАВУ СУДА И ЗАКОНА

Вступились родственники казненных колдуний, и двое из них оговорили сына р. Симеона в преступлении, караемом смертной казнью.

Когда приговоренный был выведен на место казни, он воскликнул:

— Если есть на мне вина в деле этом, пусть казнь послужит мне возмездием. Если же невинен я, пусть смертью своей искуплю все свои прегрешения, а кровь моя падет на головы ложных доносчиков!

Услыша эти слова, доносчики раскаялись и заявили:

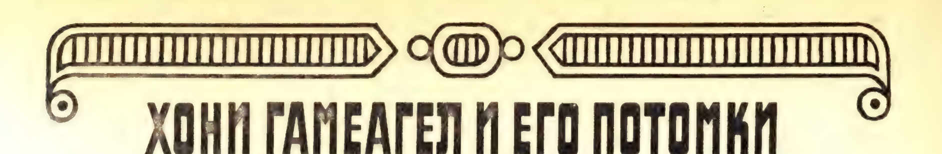
— Мы свидетельствовали ложно.

Вознамерился р. Симеон тут же освободить сына, но тот сказал:

— Отец! Если желаешь, чтобы через тебя *пришло спасение*[1)], то оставь меня подобно "порогу на попрание"[2)] *(там же).*

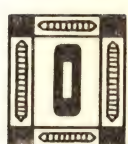
[1)] Т.е. поднят был бы престиж суда и закона. Дело в том, что, по действовавшим тогда правилам, отказ свидетеля *после* произнесения судебного приговора от данного им показания не являлся поводом к отмене назначенного подсудимому наказания.

[2)] Т.е. предоставь меня своей судьбе, дабы не стали говорить, что законоучители лицеприятствуют своим близким на суде.



ХОНИ ГАМЕАГЕЛ И ЕГО ПОТОМКИ

МОЛЕНИЕ О ДОЖДЕ



Однажды, когда приближался конец месяца Адар[1] и не было дождя, стали просить Хони Гамеагела:

— Помолись о дожде.

— Внесите со двора пасхальные очаги[2], дабы они не размокли, — сказал Хони.

Начал он молиться, но дождь не шел. Тогда он очертил круг и, стоя в середине, воззвал:

— Творец вселенной! Дети Твои обратились ко мне, как к возлюбленному Твоему сыну, — и вот поклялся я, что не сойду с этого места, прежде чем Ты не смилуешься над детьми Своими.

Стало слегка накрапывать.

— Учитель! Опора жизни нашей! — сказали Хони ученики. — Сдается нам, что только для освобождения тебя от клятвы дождь едва-едва накрапывать начал.

— Не о том просил я, — возобновил молитву свою Хони, — о проливном дожде я прошу.

Разразился ливень.

— Учитель! Опора жизни нашей! — сказали ученики. — Ливень весь мир грозит разрушить.

И воззвал Хони к Всевышнему:

— Не о том просил я. Молю Тебя: дождя благословенного и благодатного пошли нам, Господи!

Пошел дождь умеренный, но шел так долго, что вынужден был народ подняться на Храмовую Гору, умоляя Хони:

— Учитель! Ты молился о дожде; помолись, чтобы дождь наконец прекратился.

— Установлено запрещение, — сказал Хони, — творить молитву против излишнего обилия дара Божьего[3]. Тем не менее приведите вола для благодарственного жертвоприношения.

---

[1] Период дождей.

[2] Глиняные.

[3] По духу библейского миропонимания, дождь, как и роса, является сам по себе Божьим благословением.

Привели вола. Возложил Хони руки на него и воззвал к Господу:

— Владыка вселенной! Народ Твой Израиль, из Египта выведенный Тобою, не в силах устоять ни против изобилия добра, ни против непосильных испытаний, — ни против Твоего гнева, ни против безграничной благости Твоей. Да будет же воля Твоя, чтобы прекратился дождь и наступила ясная погода.

И сразу подул ветер, рассеялись тучи, засияло солнце, и пошел народ грибы собирать.

По этому поводу патриарх р. Симеон бен Шетах велел сказать от его имени Хони:

— Не будь ты Хони Гамеагел, я подверг бы тебя строжайшему наказанию[1]. Но что поделаешь с тобою, если ты перед самим Господом нежишься, как избалованное дитя перед отцом, исполняющим все прихоти его:

"Поведи меня, отец, в теплой воде купаться".

Отец ведет его.

"Поведи меня купаться в холодной воде".

Ведет его.

"Дай мне орехов, миндалю, персиков, гранатовых яблок".

Дает ему.

Так и ты. И о тебе это сказано: "Отец твой возрадуется, и возликует родившая тебя" *(Таан., 23)*.

СОН ХОНИ ГАМЕАГЕЛА

Сказание р. Иоханана о Хони:

Всю жизнь тревожил праведника этого смысл стиха: "Когда возвращал Господь пленников Сиона, мы были как в сновидении".

— "Возможно ли, — говорил он, — семьдесят лет[2] бредить во сне?"

Однажды, находясь в пути, Хони увидел человека, занятого посадкою рожкового дерева.

— Через сколько времени принесет это дерево плоды? — спросил Хони.

— Через семьдесят лет.

— Но разве ты уверен, что проживешь еще семьдесят лет и будешь есть плоды с этого дерева?

На это человек тот ответил:

— Я застал на свете рожковые деревья; и вот, так же как предки мои взрастили деревья эти для меня, я взращу их для моих потомков.

Сел Хони поесть хлеба, и напал на него сон. Выступил утес и образовал вокруг него ограду.

Когда Хони проснулся, он увидел человека, собирающего плоды с того дерева.

— Ты ли это, — спросил Хони, — тот самый, которым посажено это дерево?

---

[1] За злоупотребление силою молитвы и искушение Божьего милосердия.

[2] Период Вавилонского пленения.

— Дерево это, — ответил человек, — посажено моим дедом.
— Очевидно, — сказал себе Хони, — я проспал семьдесят лет.
Взглянул он туда, где оставил свою ослицу, а там табуны целые.
Направился Хони к своему жилищу.
— Дома ли, — спросил он, — сын Хони Гамеагела?
— Сына, — ответили ему, — уже нет на свете, а жив его внук.
— Я Хони Гамеагел, — заявил он.
Не поверили.
Пришел он в академию и слышит — ученые говорят:
— Это толкование так же ясно, как во времена Хони Гамеагела, который разъяснял всякий ученый вопрос, как только являлся в академию.
— Я и есть Хони Гамеагел, — заявил он ученым.
Но и те не поверили и должного почета ему не оказали.
Пал Хони духом, стал молить о милосердии Господнем. И принял Господь душу его.
По этому поводу говорил Рава:
— Правы люди, говоря: "Либо общение с людьми, либо смерти".
(Таан., 23)

УЧЕНЫЕ И ПОДЕНЩИК

Аба-Хелкия был внуком Хони Гамеагела. Когда страна страдала от бездождия, законоучители обращались к нему, прося помолиться о милосердии Божием, и по его молитве шел дождь.

Придя однажды и не застав его дома, отправились в поле, где он в то время полол. Подошли к нему с приветствием, но он не ответил. К вечеру, набрав вязку хвороста, он направился домой. Дрова и мотыгу он нес на одном плече, а верхнюю одежду свою на другом. Всю дорогу шел босой, а чтобы перейти через ручей надел сандалии. Пробираясь через терновник, поднял повыше края одежды. При приближении его к месту, где он жил, жена вышла нарядной к нему навстречу. В дом он дал войти сначала жене, за нею вошел сам, а законоучителей впустил последними. Сел за обед, а их к столу не пригласил. Раздавая хлеб детям, старшему дал ломоть, младшему два ломтя.

Потом он сказал жене:

— Я знаю, законоучители пришли не иначе, как по поводу дождя. Пойдем поднимемся на кровлю и помолимся Господу, — быть может, смилуется Всевышний и пошлет дождь. И пусть не говорят, что благодаря нам произошло это.

Придя наверх, встали он в одном углу, жена в другом и начали молиться. Первым появилось облако с той стороны, где стояла жена.

Сойдя вниз, он обратился к пришедшим, спрашивая:

— Чего ради, наставники мои, вы пришли ко мне?

— Нас послали просить тебя помолиться о дожде.

— Ну что ж, — ответил он, — благословен Господь, избавивший вас от нужды в молитве Аба-Хелкии.

На это они сказали:

— Мы уверены, что только по твоей молитве пошел дождь. Теперь просим тебя, раби, объяснить непонятные для нас поступки твои:

— Почему не ответил ты на наше приветствие?

— Потому, — пояснил Аба-Хелкия, — что я нанят был на поденную работу и не вправе был отрываться от нее.

— Почему ты дрова нес на одном плече, а плащ на другом?

— Плащ этот чужой, и мне одолжили его для надевания, но не для носки дров.

— Почему всю дорогу ты шел босой, а дойдя до ручья, обулся?

— На суше видно, что под ногами, а в воде не видно.

— Зачем, перебираясь через терновник, ты поднял края одежды?

— Пораненное тело можно залечить, а платья не залечишь.

— Для чего при приближении твоем жена твоя вышла к тебе навстречу нарядной?

— Чтобы я не стал заглядываться на других женщин.

— Почему пошла в дом первою твоя жена, за нею ты, а нам дал ты войти последними?

— Потому, что вы недостаточно знакомы мне.

— Почему, садясь за стол, ты не сказал нам, по обычаю: "Садитесь и разделите со мною трапезу"?

— Потому, что хлеба было недостаточно, и я не хотел, чтобы вы благодарили меня напрасно.

— Почему старшему сыну дал ты один ломоть, а младшему два?

— Старший остается дома, а младший ходит в школу.

— Почему первым появилось облако с той стороны, где стояла и молилась твоя жена?

— Жена, бывая постоянно дома, подает бедному хлеб, и голод его немедленно утоляется. Я же подаю милостыню деньгами — и голод бедного не сейчас утоляется *(Таан., 23)*.

РАДИ МАЛЫХ СИХ

Ханан Ганехба был сыном дочери Хони Гамеагела. Когда стояло бездождие, ученые посылали к нему детей из школ, которые, бывало, тянут его за края одежды, крича: "Отец! Отец! Дай нам дождя!"

И Ханан взывал к Господу:

— Владыко вселенной! Сделай ради малых сих, не различающих между Отцом, посылающим дождь на землю, и отцом, не во власти которого посылать дождь *(Таан., 23)*.

ГИЛЛЕЛЬ СТАРШИЙ

ВСТУПЛЕНИЕ В АКАДЕМИЮ

Рассказывают про Гиллеля, что он нанимался на поденную работу и, получая полдинарий в день, половину отдавал привратнику академии, а другую половину тратил на пропитание своей семьи.

Однажды случилось так, что он остался без заработка, и привратник не впустил его в академию. Тогда он взобрался на кровлю и, держась в полувисячем положении, припал лицом к решетчатому просвету, чтобы услышать слово Бога Живого из уст законоучителей Шемаии и Авталиона.

Случилось это — рассказывают — в канун субботы, в зимнюю пору. Выпал снег и засыпал его. Когда стало рассветать, Шемаия сказал Авталиону:

— Брат Авталион! Всегда в это время светало, а сегодня темно. Настолько ли облачно сегодня?

Взглянули наверх и видят человеческий облик в просвете. Взошли на кровлю и нашли Гиллеля покрытым слоем снега в три локтя толщиною. Очистив его от снега, умыли, умастили елеем и усадили у очага.

— *Этот*, — сказали Шемаия и Авталион, — заслуживает, чтобы ради него и субботний покой нарушить *(Иома, 35)*.

ДОЛГОТЕРПЕНИЕ ГИЛЛЕЛЯ

Был такой случай:

Двое заспорили о том, возможно ли рассердить Гиллеля.

— Уж я-то выведу его из терпения! — говорил один.

Побились об заклад в четыреста зуз[1].

Было это в канун субботы. Гиллель в то время собирался купаться. Пошел тот человек и, проходя мимо дверей Гиллеля, стал выкрикивать:

— Кто здесь Гиллель? Кто здесь Гиллель?

Оделся Гиллель и вышел к нему:

---

[1] Древняя монета — четверть шекеля.

— Что угодно тебе, сын мой?

— Хочу задать тебе один вопрос.

— Спрашивай, сын мой, спрашивай.

— Отчего у вавилонян головы неправильной формы?

— Сын мой, — сказал Гиллель, — важный вопрос ты задал мне, — оттого, что у вавилонян нет хороших повивальных бабок.

Ушел тот человек. Но через некоторое время вернулся и вновь принялся выкрикивать:

— Кто здесь Гиллель? Кто здесь Гиллель?

Оделся Гиллель и, выйдя к нему, спросил:

— Что угодно тебе, сын мой?

— Хочу задать тебе один вопрос.

— Спрашивай, сын мой, спрашивай.

— Отчего у тармудян глаза больные?

— Важный вопрос, сын мой, задал ты мне, — должно быть, оттого, что они в песчаных местностях живут.

Ушел тот человек, но вскоре вернулся и вновь давай кричать:

— Кто здесь Гиллель? Кто здесь Гиллель?

Оделся Гиллель и вышел к нему:

— Что угодно тебе, сын мой?

— Хочу задать тебе один вопрос.

— Спрашивай, сын мой, спрашивай.

— Отчего у апракийцев ступни широкие?

— Важный вопрос, сын мой, задал ты мне, — оттого, что они живут среди болот.

— Много еще вопросов я имею, но боюсь рассердить тебя.

Облачился в одежды свои Гиллель, сел и говорит:

— Спрашивай обо всем, что желаешь.

— Тот ли ты Гиллель, которого величают князем израильским?

— Да.

— Пусть же не будет много тебе подобных в Израиле!

— Почему, сын мой?

— Потому, что из-за тебя я потерял четыреста зуз.

— Будь же впредь осмотрительней. Ты не один раз четыреста зуз потеряешь, а рассердить Гиллеля тебе не удастся *(Шаб., 30-31)*.

ВСЯ СУТЬ ТОРЫ

Был такой случай:

Приходит некий иноверец к Шаммаю и говорит:

— Я приму вашу веру, если ты научишь меня всей Торе, пока я в силах буду стоять на одной ноге.

Рассердился Шаммай и, замахнувшись бывшим у него в руке локтемером, прогнал иноверца.

Пошел тот к Гиллелю. И Гиллель обратил его, сказав:

— *"Не делай ближнему того, чего себе не желаешь"*. В этом заключается вся суть Торы. Все остальное есть толкование. Иди и учись. *(Там же)*

ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОМ!

Еще был случай:

Некий иноверец, проходя по задворку школы, услышал голос читавшего из Писания:

— "И вот одежды, которые должны они сделать: наперсник и ефод, и верхняя риза, и хитон тонкий, кидар и пояс".

— Для кого это? — спросил иноверец.

— Для первосвященника, — ответили ему.

"Пойду, — подумал тот человек, — приму иудейскую веру и сделаюсь первосвященником".

Пришел он к Шаммаю и говорит:

— Обрати меня с тем, чтобы я стал первосвященником.

Шаммай прогнал его.

Пришел он к Гиллелю. Обратил его Гиллель и сказал:

— Не венчают человека на царство прежде, чем он не усвоит весь обиход царский.

Начал новообращенный читать Писание. Дочитав до стиха: "А если приблизится[1] посторонний, смерти предан будет, — спросил:

— О ком в этих словах говорится?

— О всяком человеке, несвященнического рода, будь это сам Давид, царь израильский, — ответил Гиллель.

И рассудил тот человек так:

"Если и про израильтян, прозванных детьми Божьими и Самим Господом любовно именуемых: "сын мой, первенец мой Израиль", — если и про них сказано: "посторонний смерти предан будет", то тем более пришедший с посохом и котомкою человек чужой и ничтожный".

Придя затем к Шаммаю, он сказал:

— Разве не вполне понятно[2], почему недостоин я быть первосвященником? Ведь сказано в Торе: "Если приблизится посторонний, смерти предан будет".

А к Гиллелю придя, сказал:

— Кроткий Гиллель! Будь благословен за то, что помог мне приблизиться к благодати Господней.

Случай этот законоучители приводили в пример, поучая:

"Будь всегда кроток, как Гиллель, а не вспыльчив, как Шаммай" *(там же).*

ЧИСТОТА ТЕЛЕСНАЯ

Каждый раз, когда Гиллель уходил из академии, сопровождавшие его ученики спрашивали:

— Куда идешь ты, учитель?

— Иду совершать угодное Богу дело, — отвечал Гиллель.

---

[1] К Скинии Завета.

[2] Т. е. разве трудно было объяснить мне.

— Какое именно?

— Купаться.

— Разве это такое богоугодное дело?

— Бесспорно. *Статуи* царей в театрах и цирках — и для тех имеется особое лицо, которое обмывает и чистит их, и не только получает за это плату, но и почетом пользуется. Тем более должен соблюдать чистоту свою человек, созданный по образу и подобию Божию.

(Ваик. Р., 34)

ГОСТЬ В ДОМЕ

На тот же вопрос: "Куда идешь ты, учитель?" — Гиллель иногда отвечал:

— Иду подкрепить себя пищей и этим оказать радушный прием моему гостю.

— Какой же это у тебя ежедневно гость в доме?

— А бедная душа разве не тот же гость в нашем теле? Сегодня она здесь, а завтра, глядишь, и нет ее *(там же)*.

ПАТРИАРХ-СЛУГА

Про Гиллеля рассказывают, что одному впавшему в бедность, высокодостойному человеку он на свои средства нанимал лошадь для верховой езды и слугу для сопровождения его в пути. А однажды, не найдя подходящего провожатого, сам целых три мили сопровождал того человека, исполняя обязанности слуги *(Кес., 67)*.

БЕДНЫЙ ЖЕНИХ

Был с Гиллелем такой случай:

Приготовили у него обед для гостя. А в это время приходит к нему один бедный человек, останавливается у порога и говорит:

— Я сегодня справляю свою свадьбу, но у меня ничего не приготовлено для свадебного обеда.

Услыша это, взяла жена Гиллеля все приготовленное для гостя и отдала бедному жениху, а сама замесила другое тесто, поставила варить другое кушанье и, когда наконец все было готово, подала мужу и гостю.

— Дочь моя, — обратился к жене Гиллель, — отчего ты так долго не подавала обеда?

Она рассказала ему о случае с бедным женихом.

— Дочь моя, — сказал Гиллель, — я всегда судил о тебе не с худшей, но с лучшей стороны, зная, что ты всегда стараешься делать только угодное Богу *(Д.-Эр., гл. 6)*.

ПО СТОПАМ ЭЗРЫ

Когда забыта была Тора в народе, явился Эзра и возродил ее. Когда Тора снова была забыта, явился Гиллель Вавилонский и снова дал крепкие устои ей.

Из Вавилона Гиллель вышел в возрасте сорока лет, сорок лет слушал учение мудрецов и сорок лет был пастырем добрым своего века.

Рассказывают про Гиллеля, что ни одной науки и ни одного наречия он не оставлял без учения. Изучал он также голоса гор, равнин и долин[1], шелест деревьев и трав[2], язык зверей и животных[3], голоса демонов[4], притчи, басни и сказки народные.

(Сук., 20; Сиф.; Софр., 16)

УЧЕНИКИ ГИЛЛЕЛЯ

Восемьдесят учеников имел Гиллель. Тридцать из них достойны были восприять благодать наравне с Моисеем; тридцать заслуживали, чтобы солнце остановилось для них, как для Иошуи бин Нун; двадцать остальных были людьми средних дарований. Старшим средь учеников был Ионатан бен Узиэль, младшим р. Иоханан бен Заккай *(Сук., 28)*.

ПРАВЕДНЫЙ И КРОТКИЙ

Со смертью последних из пророков — Хагги, Захарии и Малахии — Дух Святой покинул народ израильский, только Бат-Кол[5] еще продолжал вещать ему.

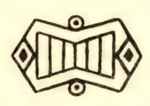
Однажды, когда ученые сидели под кровом Бет-Гурия, в Иерихоне, раздался Бат-Кол:

— Здесь находится человек, достойный, чтобы благодать почила на нем наравне с Моисеем, только современники его этого не заслуживают.

При этих словах взоры всех обратились на Гиллеля.

Оплакивая смерть его, ученые восклицали:

— Горе нам, о, праведный! Горе нам, о, кроткий! Эзры достойный ученик! *(Сан., 11)*.



---

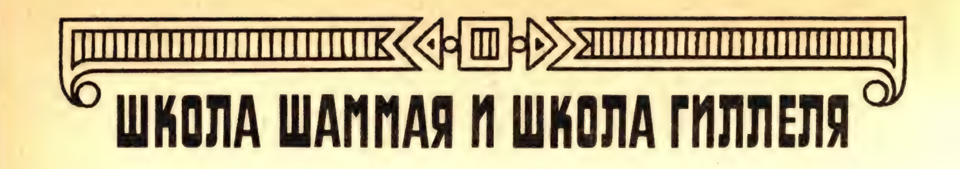
1) Геологию.

2) Ботанику.

3) Зоологию.

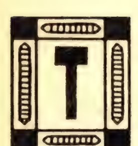
4) Мифологию.

5) Небесный Голос.



ШКОЛА ШАММАЯ И ШКОЛА ГИЛЛЕЛЯ

ПОБЕДА КРОТКОГО



ри года продолжался спор между школою Шаммая и школою Гиллеля. Каждая настаивала на правильности своих толкований Закона. Но раздался Бат-Кол:

— Устами и тех, и других гласит слово Бога Живого, но поступать следует по толкованиям школы Гиллеля.

Но если учение и тех, и других есть слово Бога Живого, чем же удостоилась преимущества школа Гиллеля?

Тем, что ее последователи отличались духом кротости и смиренномудрия и наряду со своим учением преподавали также учение школы Шаммая. Мало того, мнения школы Шаммая они излагали всегда ранее собственных толкований.

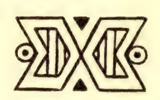
Это учит нас, что того, кто сам умаляет себя, Господь возвеличивает и, напротив того, умаляет тех, кто сам себя возвеличивает.

(Эр., 13).

СОПЕРНИКИ ВО СЛАВУ БОЖИЮ

Невзирая на резкое различие своих толкований Закона, — причем одними разрешалось то, что другими запрещалось, последователи обеих школ не переставали родниться друг с другом, заключая между собою брачные союзы и служа примером единения в приязни и дружелюбии, в исполнение сказанного: “*Истину и мир возлюбите*”.

(Иеб., 14)



ИОНАТАН БЕН УЗИЭЛЬ

БОЖЕСТВЕННЫЙ ОГОНЬ

ро Ионатана бен Узиэля рассказывали, что когда он вдохновлялся изучением Торы, птицы, пролетавшие над ним, сгорали от пламени его воодушевления *(Сух., 28).*

ПЕРЕВОД СВ. ПИСАНИЯ

Перевод Пятикнижия был сделан прозелитом Онкелосом со слов р. Элиэзера и р. Иошуи, а перевод Пророков Ионатаном бен Узиэлем со слов Хагги, Захарии и Малахии. Когда появился этот перевод, заколебалась Св. Земля на протяжении четырехсот парса в длину и ширину, и раздался Бат-Кол:

— Кто он, дерзнувший раскрыть тайны Мои людям?

Встал Ионатан бен Узиэль и сказал:

— Я тот, кто открыл тайны Твои людям. Но Ты, Господи, знаешь, что не для своей славы и не для славы рода моего я сделал это, но ради прославления Тебя, Господи, дабы не возрастали разногласия в Израиле *(Мег., 3).*

ПОБЕДА ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ

Был такой случай.

Некий человек лишил своих, не совсем безупречных, детей наследства, а завещал все имущество свое Ионатану бен Узиэлю.

Как же поступил Ионатан?

Треть имущества продал, треть пожертвовал на богоугодные дела и треть возвратил наследникам.

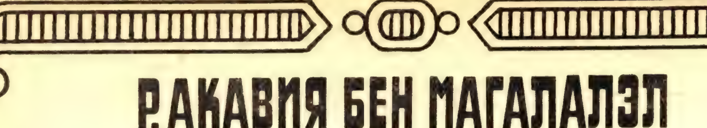
Узнал об этом Шаммай и восстал с негодованием против Ионатана (за возвращение наследникам части имущества).

— Шаммай, — сказал ему в ответ Ионатан, — если ты считаешь себя вправе отобрать то, что продано мною, и то, что посвящено мною Богу, тогда отбери, пожалуй, и то, что возвращено мною бедным наследникам. А если ты первого не можешь сделать, то ты и последнего сделать не вправе.

И Шаммай мог только сказать:

— Смело ответил мне бен Узиэль, смело ответил, но победил меня.

(Бава-Б., 133-134)



Р. АКАВИЯ БЕН МАГАЛАЛЭЛ

МНЕНИЕ БОЛЬШИНСТВА

кавия бен Магалалэл держался по четырем вопросам особого мнения, несогласного с мнением всех других законоучителей.

Говорили ему:

— Акавия, откажись от своего мнения — и мы аб-бет-дином[1)] назначим тебя.

— Нет, — отвечал он, — лучше мне всю жизнь называться глупцом, чем час один преступником перед Господом. Ради почета и власти я делать этого не стану.

Однако же перед смертью он сказал своему сыну:

— Ты от моего мнения по тем четырем вопросам откажись.

— Отчего же сам ты не отказывался? — спросил сын.

— Видишь ли, сын мой, — ответил Акавия, — я свое мнение воспринял от многих ученых законоведов; противники мои, в свою очередь, руководились мнением также многих авторитетных ученых; каждая из спорящих сторон и оставалась при своем мнении. Тебе же предстоит выбор между двумя мнениями: одно ты воспринял от целой коллегии ученых, другое от единичного лица — и преимущество должно быть отдано мнению большинства.

— Хорошо, отец, но повлияй на своих товарищей, чтобы они радушно приняли меня в свою среду.

— Этого, сын мой, я не сделаю.

— Знаешь ты какой-нибудь проступок за мною?

— Нет. Но пусть сами дела твои создадут тебе в жизни либо друзей, либо врагов *(Эд., 5)*.

[1)] Главный судья.

РАБАН ИОХАНАН БЕН ЗАККАЙ

В ШКОЛЕ И В ЖИЗНИ

Р. Иоханан бен Заккай прожил сто двадцать лет. Сорок лет он занимался торговыми делами, сорок лет учился и сорок лет обучал других.

Про Иоханана бен Заккая рассказывали:

Ни разу за всю жизнь свою он не вел разговора ненаучного; четырех локтей расстояния не прошел без учения и без тефилин. Никто раньше его не являлся в академию. Не было случая, чтобы он вздремнул хотя на минуту за все время занятий в академии. Не уходил из академии, пока там оставался хотя один человек. Никто не заставал его иначе, как занятого учением. Никому не позволял открывать двери его ученикам, а делал это сам. Никогда не высказывал суждения, не воспринятого им от своих учителей, и никогда не говорил: "Пора кончать занятия", за исключением канунов Пасхи и Иом-Кипура.

Во всем этом ученик его р. Элиэзер подражал ему.

Про р. Иоханана бен Заккая рассказывали, что при встрече он первый приветствовал каждого, даже любого иноплеменника на улице.

Про него же рассказывали, что ничего не оставлено было им без тщательного изучения в Писании, Мишне, Гемаре, Галахе и Агаде, тончайших деталях Закона с его комментариями, методах логики и аналогии, космографии и астрономии. Он изучил мифологию и демонологию, притчи, басни, сказки — все, от великого до малого (великое — о Колеснице Небесной[1], малое — в духе диспутов Абаии и Раввы) *(Р. Гаш., 31; Сук., 28; Берах. 26).*

КОЛЕСНИЦА НЕБЕСНАЯ

Однажды р. Иоханан бен Заккай отправился в дорогу верхом на осле. Погонщиком шел ученик р. Иоханана р. Элазар бен Арах. И начал р. Элазар просить р. Иоханана:

— Учитель, преподай мне из учения о Небесной Колеснице.

---

[1] Мистическое учение.

— Сын мой, — ответил р. Иоханан, — этого предмета дозволено касаться только в беседе с одним человеком и то с таким, который способен многое постигать собственным разумом.

— В таком случае, разреши мне, учитель, повторить перед тобою кое-что из того, чему ты же учил меня.

— Хорошо, — сказал р. Иоханан. И, сойдя с осла, облачился и уселся на камень под масличным деревом.

— Учитель, зачем ты спешился? — спросил р. Элазар.

— Допустимо ли, чтобы в то время, когда ты поведешь речь о "Строении Колесницы", Шехина[1] сойдет на нас и Ангелы Служения будут сопровождать нас, — допустимо ли, чтобы я в это время верхом ездил!

Начинал р. Элазар излагать сказания о Небесной Колеснице. И пал огонь с неба, и пламенем охватило все деревья кругом. И запели деревья хвалебную песнь:

"Хвалите Господа от лица Земли,
Исполины морские и бездны все,
Огонь и град, снег и туман,
Буря, творящая волю Его,
Горы, холмы, дерева плодоносные
И кедры все. Аллилуйя!"

И голос ангельский зазвучал из пламени:

— Воистину, таково, таково Строение Колесницы.

Встал р. Иоханан, поцеловал р. Элазара в голову и сказал:

— Благословен Господь, Бог Израиля, давший праотцу нашему Аврааму потомка, сумевшего исследовать, постигнуть и объяснить "Строение Колесницы". Один хорошо истолковывает, но плохо исполняет, другой исполняет безукоризненно, но не умеет ясно истолковать. Ты же, Элазар, и поучаешь хорошо, и хорошо исполняешь. Благо тебе, отец наш Авраам, что Элазар — потомок Твой!

Узнали об этом р. Иошуа и р. Иосе-Коген в то время, когда и они находились в пути. И решили они также повести между собою беседу о "Строении Колесницы". Было это на исходе месяца Тамуз. И вот, все небо заволокло тучами, дивного вида радуга засветилась вдруг, и стали слетаться, сонм за сонмом, Ангелы Служения, чтобы послушать их беседу, подобно людям, которые спешат толпами полюбоваться на веселье венчальное.

Рассказал об этом р. Иосе-Коген р. Иоханану бен Заккаю. И сказал р. Иоханан:

— Благо вам и благо родившей вас! И блаженны очи мои, видевшие это! А видел я во сне себя и вас на горе Синае, и Бат-Кол с небес вещал нам: "Взойдите сюда! Взойдите сюда! Покой роскошный отведен для вас и ложа прекрасная приготовлена вам и вашим ученикам, и ученикам учеников ваших почетное место назначено в Третьем Сонме праведников в раю" *(Хаг., 14)*.

---

[1] Святой Дух.

УЧЕНИКИ Р. ИОХАНАНА

Пять учеников было у р. Иоханана бен Заккая: р. Элиэзер бен Гиркан, р. Иошуа бен Ханания, р. Иосе-Коген, р. Симеон бен Натанаил и р. Элазар бен Арах.

Качества их р. Иоханан определял так:

Элиэзер бен Гиркан — водоем цементированный, не теряющий ни капли.

Иошуа бен Ханания — благо родившей его[1].

Иосе-Коген — образец благочестия.

Симеон бен Натанаил — страшится малейшего греха.

Элазар бен Арах — неустанно бьющий родник знания *(Аб., 2)*.

ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Когда у р. Иоханана бен Заккая умер сын, пришли ученики утешать его.

Первым вошел р. Элиэзер, сел перед ним и сказал:

— Разрешишь ли, учитель, сказать тебе слово утешения?

— Говори.

— Прародитель Адам имел сына, и когда сын этот пал мертвым, Адам утешился в своей скорби, что подтверждается его же словами: "Бог даровал мне другое дитя вместо Авеля." Утешься и ты, учитель!

— Разве мало для меня моей собственной скорби, — ответил р. Иоханан, — что ты еще про скорбь Адама напоминаешь мне?

Вошел р. Иошуа и сказал:

— Разрешишь ли, учитель, сказать тебе слово утешения?

— Говори.

— Иов имел сыновей и дочерей, и все они погибли в один день. И Иов утешился, говоря: "Бог дал и Бог взял. Да будет благословенно имя Господне!" Утешься и ты, учитель!

— Разве мало для меня моей собственной скорби, — ответил р. Иоханан, — что ты еще про скорбь Иова напоминаешь мне?

Вошел р. Иосе и сказал:

— Разрешишь ли, учитель, сказать тебе слово утешения?

— Говори.

— Аарон имел двух, уже возмужалых, сыновей; оба они погибли в один день. И Аарон утешился, что подтверждается сказанным: "И Аарон *молчал*". А в такие минуты возможность оставаться молчаливым есть уже само по себе утешение. Утешься и ты, учитель!

— Разве мало для меня моей собственной скорби, — ответил р. Иоханан, — что ты еще про скорбь Аарона напоминаешь мне?

Вошел р. Симеон и сказал:

---

[1] См. ниже, об Иошуе бен Ханании.

— Разрешишь ли, учитель, сказать тебе слово утешения?

— Говори.

— Царь Давид имел сына; сын умер — и Давид утешился, что подтверждается сказанным: "И Давид утешил жену свою Бать-Шеба — и она родила. И он назвал сына именем Соломон". Утешься и ты, учитель!

— Разве мало для меня моей собственной скорби, — ответил р. Иоханан, — что ты еще о скорби царя Давида напоминаешь мне?

Входил р. Элазар бен Азария. Завидя его, р. Иоханан сказал слуге:

— Возьми скорей умывальный сосуд и ступай за мною в ванную. Я хочу уйти, потому что это великий человек — и мне не устоять перед ним.

Но р. Элазар успел войти и, сев перед р. Иохананом, обратился к нему с такими словами:

— Скажу тебе притчу. Ты подобен человеку, которому царь отдал сокровище на хранение. День за днем человек этот со слезами и вздохами повторял: "Горе мне! Когда наконец я благополучно освобожусь от обязанности оберегать отданное мне на хранение сокровище?" Так и с тобою, учитель: дал тебе Бог сына, который ревностно изучал и Тору, и слово пророческое, и поучения мудрецов наших. И безгрешным и чистым ушел он из мира. Не должен ли ты утешиться тем, что безупречно возвратил сокровище, отданное тебе на хранение?

— Элазар, сын мой! — радостно сказал р. Иоханан. — *По-человечески*[1] утешил ты меня! *(Аб. д. Н., 14).*

КАК НЕ ПЛАКАТЬ?

Когда р. Иоханан бен Заккай заболел, ученики пришли его проведать. При виде их слезы потекли у него из глаз.

— Учитель! — заговорили они. — Светоч Израиля! Столп народный! Молот могучий! О чем плачешь ты?

Отвечал р. Иоханан:

— Дети мои! Если бы меня повели к царю смертному, который сегодня здесь, а завтра в могиле и гнев которого не вечен; и если он в темницу заключит меня, то не на веки, и если казнит меня, то казнь та не вечная; и словами можно умилостивить его, и подарками задобрить, — я и тогда плакал бы. Тем более теперь, когда поведут меня к Царю царей, свят и благословен Он, жив и сущ во веки вечные! Если Он вознегодует на меня, негодование это будет вечным, и если Он в темницу заключит меня, заключение это будет вечным, казнит меня — казнь моя станет казнью вечною. И словами мне не умилостивить

---

[1] Т.е. просто и сердечно.

Его и подарками не задобрить. И мало того: два пути лежат передо мною — один в рай, другой в ад, и не знаю я, которым из двух путей поведут меня. Как же не плакать мне?

ПРЕДСМЕРТНОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

— Учитель, благослови нас! — стали просить ученики.

— Да будет воля Господня, — произнес р. Иоханан, — чтобы страх перед Богом был так же силен в вас, как страх перед людьми!

— И этого достаточно, учитель?

— О, дал бы только Бог! Вы знаете — совершающий преступление повторяет одно: "Только бы *никто* не заметил сделанного мною!"

(Берах., 28)

Со смерти раба Иоханана бен Заккая погас блеск Мудрости.

(Сот., 49)

КОЖАНЫЙ МЕХ И МЫШИ

Пока был жив р. Иоханан бен Заккай, все пятеро учеников оставались при нем. После кончины его они переселились в Ямнию, за исключением Элазара бен Араха, который возвратился к жене своей, жившей в местности, богатой источниками и растительностью. Рассчитывал он, что товарищи придут к нему, и после напрасных ожиданий решил сам отправиться к ним. Но жена воспротивилась этому, говоря:

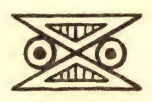
— Кто нуждается в ком?

— Они во мне.

— Итак: кожаный мех[1] и мыши — кто к кому идет обыкновенно? Мыши к меху или мех к мышам?

Послушался р. Элазар жены и остался дома, пока не позабыл все, чему учился.

Через известное время явились товарищи и стали предлагать ему ученые вопросы. Но Элазар уже не умел отвечать им *(Ког.-Р.)*.



---

[1] Для хранения пищевых продуктов.

Р. ХАНИНА БЕН ДОСА

ГОРСТЬ РОЖКОВ

аждый день раздавался Бат-Кол:

— Весь мир получает питание свое ради заслуг сына Моего Ханины, а сын Мой Ханина довольствуется горстью рожков от одной субботы до другой *(Таан., 24)*.

САМОПЕКУЩАЯ ПЕЧЬ

Каждый раз в канун субботы жена р. Ханины, стыдясь своей бедноты, клала в печь дымящуюся головню[1)].

Была у нее злая соседка, и однажды в канун субботы она сказала себе:

— Знаю ведь я, что нет у них ничего. Пойду-ка погляжу, с чего это дым из трубы идет?

Пришла и начала стучать в дверь. От стыда за свою бедность жена р. Ханины скрылась в другую комнату. В это время произошло чудо: соседка, войдя, нашла печь полною хлебами, а квашню тестом.

— Послушай, послушай, — закричала она, — неси скорее лопату, — хлеб твой подгорает!

— Я за лопатой и пошла, — спокойно ответила жена р. Ханины.

(там же)

НОЖКА ЗОЛОТОГО СТОЛА

Говорит однажды р. Ханине жена его:

— Доколе будем жить в такой бедноте?

— Но что же делать?

— Помолись Богу и попроси дать нам что-нибудь из трех сокровищ, которые приуготованы для праведников в грядущей жизни.

---

1) Чтобы, по дыму из трубы, думали, что она субботние хлебы печет.

Помолился р. Ханина. Появилось подобие руки и бросила ему ножку от золотого стола. В ту ночь увидел р. Ханина во сне: сидят за райской трапезой праведники, каждый за золотым столом о трех ножках, а он с женою за столом о двух ножках.

Рассказал он жене о своем сне и спрашивает:

— Приятно ли тебе будет, когда все праведники будут сидеть каждый за столом о трех ножках, а у нашего стола одной ножки не будет доставать?

— Нет, нет! — заявила жена. — Помолись, чтоб взяли ее обратно.

Помолился р.Ханина — и ножка была взята обратно.

(Таан., 25)

ЧУДО С КРОВЕЛЬНЫМИ БАЛКАМИ

Соседка р. Ханины строила себе домик, и потолочные балки оказались недостаточно длинными. Пришла она и рассказала о том р. Ханине.

— Как зовут тебя? — спросил р. Ханина.

— Эйху.

— Эйху, — сказал р. Ханина, — повелеваю, чтобы балки сделались достаточно длинными!

Так и произошло.

Пелеймо рассказывал:

— Я видел этот домик. Балки выступали на целую локоть с одного и с другого конца, и соседи мне говорили: “Это тот самый домик, балки которого удлинились по молитве р. Ханины бен Досы” *(там же).*

СКАЗКА О ЧУДЕСНЫХ КОЗАХ

Были у р. Ханины козы.

Приходят соседи и говорят:

— Козы твои вред нам приносят.

— Если это правда, — отвечает р. Ханина, — то пусть медведи растерзают их, а если нет, пусть вечером каждая принесет медведя на своих рогах.

И вечером каждая коза принесла по медведю на своих рогах[1)].

Откуда у бедного р. Ханины взялись козы?

[1)] Одна из тех легенд Агады, к которым (как и к рассказу о чуде с балками) сами агадисты не могли относиться иначе как к невинной, забавной сказке. Любопытно, однако, в этих легендах то, что чудо вызывается данным лицом не по непосредственному его почину, ради прославления себя как чудо творца, а всегда вытекает из желания его оказать кому-либо помощь и поддержку, вещественную или моральную — вплоть до защиты бедных коз от несправедливых на них нареканий.

По словам рав Пинхоса, дело было так:

— Однажды какой-то прохожий оставил у дверей р. Ханины нескольких кур и ушел. Найдя кур, жена р. Ханины приютила их у себя в доме, но муж запретил ей пользоваться яйцами от этих кур. Пошли цыплята, и кур расплодилось столько, что не оставалось свободного места в доме. Тогда они продали кур и купили коз.

Вскоре после этого явился хозяин кур и говорит своему товарищу:

— Вот в этом месте я оставил своих кур.

Услыхал это р. Ханина и говорит:

— А можешь ли ты указать их приметы?

— Могу.

Указал тот человек приметы кур — и р. Ханина отдал ему коз.

(Таан., 25)

ЧУДО С ГОРЯЩИМ УКСУСОМ

Однажды в канун субботы, уже в сумерках, р. Ханина застал свою дочь чем-то огорченною.

— Чем, — спросил он, — огорчена ты, дочь моя?

— Вместо сосуда с маслом я, по ошибке, взяла сосуд с уксусом и налила из него в лампаду.

— Не беда, дочь моя, — сказал р. Ханина, — Тот, Кто маслу повелел гореть, прикажет гореть и уксусу.

И лампада с уксусом горела весь субботний день, до тех пор, пока от нее же взяли огонь для Авдалы[1] *(там же)*.

ЧУДЕСНЫЕ НОСИЛЬЩИКИ

Был с р. Ханиной такой случай:

Видя, как сограждане его отправляются в Иерусалим с разными приношениями, он стал жаловаться на свою судьбу:

— Все несут дары свои в Иерусалим, а мне и понести нечего.

Что же он надумал? Отправился на пустырь за город и, высмотрев там гранитную плиту, выломал ее, обтесал, отполировал — и решил:

— Беру на себя доставить этот камень в дар св. граду.

Стал он искать носильщиков, встретил пятерых и спрашивает:

— Возьметесь ли доставить этот камень в Иерусалим?

— За пятьдесят сэла[2] доставим, — отвечают носильщики.

---

[1] Восковая свеча, зажигаемая на исходе субботы, праздника и поста Йом-Кипур при чтении молитвы того же названия.

[2] Древняя монета.

Р. Ханина готов был бы заплатить, но такой суммы у него не было.

Носильщики ушли.

Послал Господь пять ангелов в образе людей.

— Доставите ли вы камень этот в Иерусалим? — спросил р. Ханина.

— За пять сэла, — ответили они, — доставим, но только и ты хотя бы одной рукой, хотя бы одним пальцем подсоби нам.

Сделал так р. Ханина — и они мгновенно очутились в Иерусалиме. Обратился р. Ханина к носильщикам, чтобы отдать им плату, но их не стало.

Пришел р. Ханина в Синедрион и рассказал о случившемся.

— Не иначе, — сказали там, — как Ангелами Служения доставлен твой камень сюда *(Когел.-Р., 1).*

ЗМЕЯ

Появилось в одном месте чудовище-змея, искусавшая множество людей. Сказали об этом р. Ханине.

— Укажите мне ее нору, — сказал р. Ханина.

Привели его туда. Наступил он ногою на отверстие норы. Поднялась змея, ужалила его — и упала мертвой.

Взял ее р. Ханина на плечо и принес в школу.

— Видите, дети мои, — сказал он ученикам, — не змея убивает, а грех.

По этому поводу сложилась поговорка:

— "Горе человеку, который наткнется на змею, и горе змее, которая попадется р. Ханине бен Досе" *(Берах., 33).*

И ТВАРЬ БЕССЛОВЕСНАЯ

Однажды воры увели у р. Ханины осла, поставили его у себя во дворе на привязи и дали ему сена, ячменя и воды. Но осел стоял, не дотрагиваясь ни до корма, ни до воды.

— Не стоит, — решили воры, — и держать его дальше: того гляди, еще околеет и весь двор заразит.

Отвязали осла и прогнали. Поплелся бедный осел домой.

Услышал крик его сын р. Ханины.

— Отец! Отец! — позвал он. — Похоже на крик нашего животного.

— Открой поскорее ворота, — откликнулся р. Ханина, — бедное животное давно умирает от голода.

Впустили осла во двор, дали ему сена, ячменя и воды, и он принялся есть и пить.

Правду говорят: "В старину безупречны были не только сами праведники, но даже их животные"[1] *(Аб. де-р. Н., 8).*

ПОЩАЖЕН ИЛИ ОБРЕЧЕН

Про р. Ханину рассказывали, что, молясь за больных, он предсказывал, кому выздороветь, кому умереть.

На вопрос: как он это узнает, он отвечал:

— Если плавно течет моя молитва, это служит мне указанием, что больной пощажен, если нет — что он обречен *(Берах., 34).*

МИНУТА В МИНУТУ

Однажды, когда заболел сын у рабан Гамлиеля, он послал двух ученых мужей к р. Ханине просить его помолиться о милости Господней. Увидав их, р. Ханина взошел в верхнюю горницу и углубился в молитву. Сойдя вниз, он сказал посланным р. Гамлиеля:

— Вы можете идти: жар у больного прекратился.

— — — — —

Записали они, точно отметив время, когда сказал это р. Ханина. А когда они возвратились и передали слова р. Ханины, р. Гамлиель заявил:

— Клянусь, что это произошло ни раньше, ни позже: в ту именно минуту жар у больного прекратился, и он попросил пить *(там же).*

СЛУГА И ВЕЛЬМОЖА

Еще случай был с р. Ханиной бен Досой.

Пришел он к р. Иоханану бен Заккаю поучиться божественной мудрости, а в то время у р. Иоханана заболел сын, и стал патриарх просить р. Ханину, говоря:

— Ханина, сын мой! Помолись о милости Господней к моему больному.

Низко, до самых колен, склонил голову р. Ханина и углубился в молитву.

---

[1] Примером чего может служить осел р. Ханины бен Досы, не дотронувшийся до корма, данного ему ворами.

Больной выздоровел.

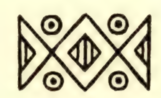
— Если бы я, — сказал р. Иоханан жене, — хотя целый день просидел, поникнув головой до колен, молитва моя не была бы услышана.

— Но на столько разве Ханина достойнее тебя?

— Не в достоинстве дело. Но Ханина кротостью своей подобен слуге перед царем, а я и перед Господом стою как вельможа перед царем.

(там же)

Со смертью р. Ханины бен Досы не стало более людей *деятельного благочестия (Сот., 49).*



РАБАН ГАМЛИЕЛЬ II ЯМНИЙСКИЙ

НЕ ВЛАСТЬ, А РАБСТВО

Рабан Гамлиель и р. Иошуа ехали вместе на одном корабле. Р. Гамлиель имел с собою только печеный хлеб, а Иошуа, кроме хлеба, взял про запас и пшеничной муки. Когда вышел весь хлеб у р. Гамлиеля, он начал пользоваться мукою р. Иошуи и при этом спросил:

— Разве знал ты наперед, что мы задержимся в пути, и запасся мукою?

— Есть одна звезда, — ответил р. Иошуа, — которая появляется через каждые семьдесят лет, и при ее появлении мореплаватели часто сбиваются с пути. Я и подумал, как бы не случилось это с нашим кораблем.

— Удивляюсь тебе, — сказал р. Гамлиель, — ты обладаешь столь разнообразными знаниями, а пускаешься в плавание (в поисках за заработком).

— Вместо того чтобы удивляться мне, — ответил р. Иошуа, — не находишь ли ты достойною удивления судьбу двух твоих учеников, р. Иоханана бен Гудгоды и р. Элазара бен Хисмы? Люди эти умеют вычислить, сколько капель содержится в океане, а у них ни хлеба нет, ни одеться не во что.

Узнав об этом, решил р. Гамлиель назначить тех учеников своих на какую-нибудь почетную общественную службу.

С этой целью, р. Гамлиель, возвратясь из плавания, позвал их к себе. Но они, узнав, зачем их зовут, отказались прийти. Вторично послал за ними р. Гамлиель, и они наконец явились.

— Вы считаете, — сказал им патриарх, — что, назначая вас на общественную службу, я власть вам даю? Рабство даю я Вам, по слову старейшин царю Рехавааму. “Ныне слугою ты будешь народу этому” *(Гор., 24)*.

СПОР О НОВОЛУНИИ

В доме у р. Гамлиеля висели на стене две таблицы с изображениями лунных фаз, и по ним он проверял показания свидетелей о новолунии[1)].

---

1) В то время установленной календарной системы еще не было, и наступление новомесячия, а в зависимости от этого и наступление праздников, устанавливалось по наблюдениям частных лиц за фазами луны.

Однажды между р. Гамлиелем и р. Иошуей вышел спор относительно момента новомесячия и, в зависимости от этого, поста Иом-Кипур. Послал р. Гамлиель к р. Иошуе и велел сказать ему:

— Приказываю тебе явиться ко мне с посохом в руке и деньгами в кармане в тот самый день, когда, по твоему утверждению, имеет быть Иом-Кипур.

В это время к р. Иошуе заходит р. Акиба и, видя его глубоко огорченным, спрашивает:

— Чем огорчен ты, учитель?

— Акиба, — отвечает р. Иошуа, — лучше бы мне год целый лежать больным в постели, чем исполнить повеление патриарха.

— Я же, — сказал на это р. Акиба, — считаю неоспоримым одно: всякое постановление р. Гамлиеля должно оставаться в силе. Ибо сказано: "Вот праздники Господни, священные дни, которые *вы должны определять*". Точно ли или не точно их определяют — эти праздники обязательны.

Приходит р. Иошуа к р. Досе бен Гиркан. И говорит ему р. Доса:

— Если начать обсуждать постановления бет-дина[1] рабан Гамлиеля, мы должны будем подвергнуть пересмотру постановления всех бет-динов со времен Моисея и до настоящего дня. — — — Нет, каждый бет-дин, состоящий из трех судей, имеет такое же значение, как и бет-дин времен Моисея.

Отправился р. Иошуа в Ямнию и с посохом в руке и деньгами в кармане явился к рабан Гамлиелю в тот самый день, когда по утверждению его же, р. Иошуи, должен был быть Иом-Кипур. Увидя его, встал рабан Гамлиель, поцеловал его в голову и сказал:

— Мир тебе, учитель мой и ученик мой: учитель мой — в мудрости, ученик мой — в послушании. Благо тому поколению, в котором великие подчиняются малым! *(Р.-Гаш., 24).*

ЛИШЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА[2]

Между р. Гамлиелем и р. Иошуей возник спор по вопросу богослужебного ритуала; именно: следует ли считать вечернюю молитву ("Маарив") обязательной или нет. Во все время спора рабан Гамлиель сидел на своем председательском месте, заставляя р. Иошую продолжать прения стоя. Такое явное пренебрежение к противнику вызвало взрыв негодования среди всех присутствующих. В виде протеста они прервали речь тургемана[3], и со всех сторон стали раздаваться голоса:

— До каких пор еще он будет оскорблять и тиранить р. Иошую? — — — Пора наконец лишить его патриаршего звания!

---

[1] Ученая коллегия с функциями законодательной и судебной.

[2] Патриарх, глава Синедриона, человек богатый и гордый знатностью рода — рабан Гамлиель чрезвычайно сурово относился к своим принципиальным противникам, в особенности к р. Иошуе, и в спорах с ними не всегда оставался в границах беспристрастия и справедливости. Это не могло не вызвать недовольства со стороны учеников и посторонних посетителей академии. И недовольство это выразилось наконец в весьма резкой форме.

[3] Лицо, излагавшее речь ученого в доступной форме.

Тут же стали обсуждать вопрос о заместителе.

— Выберем, — предлагали одни, — р. Иошую.

— Неудобно, — возражали другие, — он же послужил причиной смещения рабан Гамлиеля.

— Изберем, быть может, р. Акибу?

— Нет, он человек не знатного рода.

Избрать решили р. Элазара бен Азарию, человека мудрого и богатого, к тому же потомка, в десятом колене, пророка Эзры.

Пришли ученые к Элазару бен Азарии и говорят:

— Соблаговолит ли учитель стать главою академии?

— Я должен, — ответил р. Элазар, — посоветоваться с домашними моими.

Спросил он совета у жены.

— Опасаюсь, — заметила жена, — чтобы и тебя не сменили так же, как и твоего предшественника.

— Пословица гласит, — сказал р. Элазар: "День один пей из дорогого бокала, хотя бы он завтра и разбился".

— Но ты еще так молод, — продолжала жена, — ни одного седого волоса не имеешь.

В то время р. Элазару было всего восемнадцать лет. И совершилось чудо: восемнадцать рядов седых волос венцом окружили чело его.

В тот же день был устранен привратник академии и всем желающим учиться был открыт свободный вход. Не так, как было при рабан Гамлиеле, который, не довольствуясь внешним благоприличием слушателей, требовал доказательства их нравственной безупречности.

Немедленно же академия наполнилась целыми рядами новых слушателей.

Видя это, пал духом рабан Гамлиель.

"Не был ли я со своими строгостями, — подумал он, — в самом деле причиною уменьшения знания в народе?"

Но в ту же ночь было ему видение: *урны белые, наполненные пеплом*[1].

В тот же день, когда р. Элазар бен Азария был избран патриархом, приступлено было к составлению свода решений "Эдуиот", и ни одной галахи, установление которой зависело от Синедриона, не осталось нерешенной.

Рабан Гамлиель и после устранения его от патриаршества не переставал посещать академию и принимать участие в ее работах.

---

1) Символ небезупречности некоторых из вновь допущенных в академию слушателей, а вместе с тем и указание на то, что строгие отношения рабан Гамлиеля к ученикам не всегда заслуживали порицания.

(Споры его с р. Иошуей по-прежнему возникали нередко.) Но, споря с ним как равный с равным и высоко ценя его обширные знания, рабан Гамлиель решил попросить у р. Иошуи прощение за все нанесенные ему обиды. С этой целью рабан Гамлиель отправился к нему на дом.

Пришел он и видит — стены в доме черны от дыма и копоти.

— Судя по виду этих стен, — сказал рабан Гамлиель, — ты, должно быть, занимаешься кузнечным ремеслом?

На это р. Иошуа ответил:

— Горе поколению, которому ты вождь, и горе кораблю, которому ты кормчий! Ибо не знаешь ты, в какой нужде живут обыкновенно ученые и каким мучительным трудом добывают себе пропитание.

— Я виноват перед тобою, — сказал рабан Гамлиель, — прости меня!

Р. Иошуа не отвечал.

— Из уважения к предку[1] моему сделай это.

Смягчился р. Иошуа и помирился с ним *(Берах., 27)*.

ВИНОЧЕРПИЙ

Однажды, на свадьбе у сына рабан Гамлиеля сидело за столом трое ученых — р. Элиэзер, р.Иошуа и р. Саддок, и сам рабан Гамлиель наливал гостям вино в бокалы.

Подал рабан Гамлиель бокал р. Элиэзеру, но тот бокала не принял; подал р. Иошуа — этот принял.

— Допустимо ли это, Иошуа? — обратился к нему р. Элиэзер. — Мы сидим, а учитель наш рабан Гамлиель стоит и вино нам наливает!

— Мы знаем человека более великого, — возразил р. Иошуа, — который прислуживал своим гостям: Авраам был величайшим человеком своего времени, и про него сказано: "И сам *стоял* перед ними". Скажешь, может быть, те странники были ангелами? Но Аврааму ведь явились они в виде простых аравитян. Так почему бы и рабан Гамлиелю не послужить виночерпием нам?

— А я другое скажу, — отозвался р. Саддок: доколе, — забывая о величии Всевышнего, вы будете спорить о почестях людских? Господь направляет ветры, возносит облака, изливает дождь, оплодотворяет землю и каждой живой душе питание посылает. Что же обидного для рабан Гамлиеля в том, что он прислуживает нам? *(Кид., 32)*.

ПРОКЛЯТИЕ — БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Рабан Гамлиель выдавал дочь замуж.

— Благослови меня, отец! — попросила дочь.

Рабан Гамлиель произнес:

---

[1] Гиллелю.

— Да будет воля Господня, чтобы ты более не переступала моего порога.

Родив сына, она снова стала просить отца благословить ее.

— Да будет воля Господня, — произнес рабан Гамлиель, — чтобы слова "горе мне!" были обычным твоим восклицанием.

— Отец! — сказала дочь. — Два торжества были у меня — и оба раза ты проклял меня!

— Нет, дочь моя, — ответил рабан Гамлиель, — не проклятия это были, но благословения: я пожелал тебе столь счастливой и радостной жизни в доме мужа, чтобы никогда надобности не было тебе возвращаться в мой дом. Затем, я пожелал сыну твоему жить и расти, а тебе заботиться о нем, то и дело восклицая:

— "Ах, горе мне, я еще сына не накормила!"

— "Горе мне, я еще сына не напоила!"

— "Горе мне, я еще в школу его не отправила!" *(Бер.-Р., 27).*

РАДИ ТОРЫ

Р. Акиба подарил своей жене золотое запястье. Увидала это жена рабан Гамлиеля и, мучимая завистью, пришла и рассказала о запястье своему мужу.

— Друг мой, — заметил ей рабан Гамлиель, — а подражала ли ты жене р. Акиба в то время, когда она косы свои отрезывала и продавала, чтобы дать возможность мужу спокойно заниматься изучением Торы? *(Иеруш., Шаб.)*

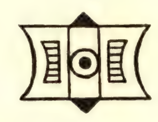
РАБ — СВЯТОЙ ЧЕЛОВЕК

К рабам не принято применять почетные наименования. Слуг же рабан Гамлиеля все чествовали, обращаясь к ним: "*Отец* такой-то!" — "*Мать* такая-то!"

Когда умер слуга его Тоба, рабан Гамлиель справил по нем траур. Видя это, ученики сказали рабан Гамлиелю:

— Не сам ли ты поучал нас, что по рабам траура не справлять?

— Слуга мой Тоба, — ответил рабан Гамлиель, — не чета всем прочим слугам: это безупречно честный человек *(Берах., 16).*



Р. ЭЛИЭЗЕР (ВЕЛИКИЙ) БЕН ГИРКАН

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

До двадцати двухлетнего возраста р. Элиэзер бен Гиркан ничему не учился. Отец его был богатым поселянином и, занимаясь в обширных размерах хлебопашеством, заставлял своих сыновей исполнять все полевые работы.

Однажды, когда братья были заняты на черноземной полосе, Элиэзеру досталось обработать участок каменистой почвы, и отец застал его за работой в слезах.

— О чем ты плачешь? — спросил отец. — Если для тебя эта работа тяжела, я переведу тебя на черноземное поле.

Но и за работой на новом месте отец застал его плачущим и спрашивает:

— О чем же ты теперь плачешь? Быть может, и эта работа тебе не под силу?

— Нет, — ответил Элиэзер, — а плачу я потому, что меня влечет к изучению св. Торы.

— Но ведь тебе уже двадцать два года, и в таком возрасте вздумал ты начать учиться! Нет, жениться тебе пора. Будут вот дети у тебя, ты их и посылай учиться.

Однажды приходит он к отцу и заявляет:

— Ухожу учиться к рабан Иоханану бен Заккаю.

— А я говорю тебе, — отвечает отец, — что ты крошки в рот не возьмешь, пока не распашешь весь участок!

Назавтра, встал чуть свет, отправился Элиэзер в поле и принялся за работу, но вдруг животное, на котором он пахал, оступилось и сломало ногу.

"Мне же ко добру случилось это", — подумал Элиэзер и, бросив все, бежал с поля и отправился в Иерусалим, к рабан Иоханану бен Заккаю.

Как предание гласит, это произошло в канун субботы, и Элиэзер целые сутки[1] оставался без пищи. Мучимый голодом, он брал в рот кусочки полевого шпата, поднятые им на дороге.

---

[1] Во время остановки для субботнего покоя.

Прибыв в Иерусалим, он отправился в академию и, представ перед рабан Иохананом, разрыдался.

— О чем рыдаешь ты? — спросил рабан Иоханан.

— Я учиться хочу.

— Учился ты уже чему-нибудь?

— Нет.

Начал рабан Иоханан обучать его молитвам, потом галахе, по два параграфа в день.

Ревностно принялся Элиэзер за учение. Прошла целая неделя, в продолжение которой он не переставал голодать. Ютился он в это время в бедной каморке на постоялом дворе и голод пытался утолить тем, что сосал чернозем, принесенный им в мешке с родного поля. Узнав об этом, рабан Иоханан позаботился относительно его пропитания на дальнейшее время.

Три года продолжал р. Элиэзер свое учение в академии. И стали братья его говорить отцу:

— Ты подумай только, как поступил с тобой сын твой Элиэзер: бросил старика отца и в Иерусалим ушел себе! Ты должен пойти и лишить его наследства.

Отец согласился и с этой целью отправился в Иерусалим.

Прибыл старик в Иерусалим как раз в такое время, когда у патриарха был большой прием почетных гостей. Между прочим там находились трое знатнейших граждан Иерусалима: Бен Цицит-Гаксат, Накедимон бен Гурион и Бен Калба-Шабуа. Узнав о приходе отца Элиэзера, рабан Иоханан пригласил его в дом и посадил между почетнейшими гостями.

Сидит Гиркан в глубоком смущении от такого почета. А в это время рабан Иоханан обращается к р. Элиэзеру и говорит:

— Скажи слово перед нами.

— Учитель, — отвечает р. Элиэзер, — что я в состоянии сказать? Не может водоем дать воды более, чем влито в него. И могу ли я сказать более того, чему я научился от тебя же?

— Нет, сын мой, — говорит рабан Иоханан, — не водоему подобен ты, но роднику, который самостоятельно бьет непрерывной, живой струей.

Присоединились к рабан Иоханану и ученики его. И, уступая общему желанию, встал р. Элиэзер и начал говорить.

Зазвучала речь столь вдохновенная, какой не слыхал никто до того времени. Как солнце, сияло лицо его, и лучи исходили от него, как от лика Моисея. Все присутствующие ослеплены были этим сиянием настолько, что им трудно было бы сказать, дневной ли свет видят они, или ночь была — и вдруг дивным блеском озарилась она...

Встал рабан Иоханан, обнял р. Элиэзера, прижался устами к голове его и воскликнул:

— Слава, слава вам, Авраам, Исаак и Иаков, что явился муж этот в потомстве вашем!

— О ком это, — спросил Гиркан, — говорит патриарх?

— О сыне твоем, Элиэзере, — пояснили ему.

— В таком случае, — заявил Гиркан, — он не так выразился. Надо было сказать так: "Слава Гиркану, от которого такой сын родился!"

С этими словами старик встал на стул и громким голосом заявил:

— Жители Иерусалима! Слушайте: я пришел сюда для того, чтобы лишить сына моего Элиэзера его доли в наследстве. Теперь же я заявляю, что все добро мое перейдет в его исключительное владение; братья же его ничего получить не должны.

На эти слова р. Элиэзер ответил так:

— Нет, отец! Если бы я земли попросил у Господа, Он и без тебя мог бы дать мне ее достаточно: "Господу принадлежит земля и все, что наполняет ее". И если бы золота и серебра я пожелал, Господь и этим сумел бы наделить меня: "Мое все серебро и Мое все золото — говорит Господь Саваоф". Но я ничего, кроме знания, не прошу у Господа *(П. де-р. Э., 1, 2; Аб. де-р. Н., 6: Бер.-Р., 42; Т. Гак., Л.-Лехо; Беца, 13).*

КАМЕНЬ Р. ЭЛИЭЗЕРА

Здание, в котором помещалась академия р. Элиэзера[1], было круглой формы, в виде ристалища, и лежал там камень, на котором р. Элиэзер сидел во время занятий с учениками.

Зашедший туда р. Иошуа стал целовать этот камень, говоря:

— Камень этот подобен Синаю, а тот, кому он служит сиденьем, — Кивоту Завета *(Ш. га.-Ш., 1).*

НЕ ЖЕНСКОЕ ДЕЛО

Одна римская матрона задала вопрос р. Элиэзеру:

— Справедливо ли было за *один* грех поклонения золотому тельцу покарать народ *тремя* родами казни?

— Вся мудрость женщины не идет дальше прялки, — проговорил, вместо ответа, р. Элиэзер.

— Отец, — заметил ему сын его Гиркан, — благодаря твоему отказу ответить на ее вопрос, мы лишимся ежегодного поступления от нее десятинного сбора в количестве целых трехсот коров.

— Пусть сгорят! — ответил р. Элиэзер. — Тора не женское дело.

(Бам.-Р., 9)

---

[1] В г. Лидде, куда р. Элиэзер переселился после кончины р. Иоханана бен Заккая.

ЧУДЕСА — НЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Однажды возник большой спор между учеными по закону о "чистом" и "нечистом". Р. Элиэзер был одного мнения, прочие ученые другого. Каких доказательств ни приводил р. Элиэзер, ученые оставались при своем.

— Слушайте же! — воскликнул р. Элиэзер. — Если мнение мое верно, пусть вон то рожковое дерево подтвердит мою правоту!

В ту же минуту невидимою силой вырвало с корнем дерево и отбросило его на сто локтей.

Это, однако, не убедило его противников.

— Чудо с деревом не может служить доказательством, — заявили они.

— Если прав я, — сказал далее р. Элиэзер, — пусть ручей подтвердит это!

При этих словах вода в ручье потекла обратно.

— И ручей ничего не доказывает, — настаивали на своем ученые.

— Если прав я, пусть стены этого здания свидетельствуют о моей правоте!

Накренились стены, угрожая обрушиться, но прикрикнул на них р.Иошуа: "Там, где ученые спор ведут, не вам вмешиваться!" И стены, из уважения к р. Иошуе, не обрушились, но, из уважения к р. Элиэзеру, и не выпрямились, — так навсегда и остались в наклонном положении.

— Пусть наконец само небо подтвердит мою правоту! — воскликнул р. Элиэзер.

Раздался Бат-Кол.

— Зачем противитесь вы словам Элиэзера? "Закон всегда на его стороне".

Встал р. Иошуа и говорит:

— Не в небесах Тора. Мы и Бат-Колу не подчинимся!

Встретился после этого р. Натан с Илией-пророком и спрашивает:

— Как отнеслись на небе к этому спору?

Отвечает Илия:

— Улыбкою озарились уста Всевышнего — и Господь говорил: "Победили Меня сыны мои, победили Меня!"

Рассказывают, что в тот же день все, что р. Элиэзером признано было "чистым", было собрано и сожжено, после чего ученые торжественно провозгласили его отлучение.

Возник вопрос: кому идти объявить об этом самому р. Элиэзеру ввиду того, что, распаленный гневом, р. Элиэзер мог бы накликать на всю страну неисчислимые бедствия. Требовалось, по крайней мере, чтобы пошел человек наиболее достойный и уважаемый. Пойти решился р. Акиба.

Облачившись, в знак печали, в черные одежды, он пришел к р. Элиэзеру и сел в четырех локтях расстояния от него.

Спрашивает р. Элиэзер:

— Акиба, что особенного произошло сегодня?

— Мне кажется, — отвечает р. Акиба, — что твои товарищи *удалились* от тебя.

Услыша это, разорвал на себе одежды р. Элиэзер, снял обувь и опустился на землю. Горячие слезы обиды и гнева полились из глаз его. И опасения оправдались — тяжелые бедствия обрушились на страну: целая треть масличного урожая погибла; пропала также треть посева на пшеничных и ячменных полях. Даже тесто в руках у месильщицы как-то размокало и разлезалось. Великие бедствия произошли в тот день: куда ни взглянет р. Элиэзер, все выгорало как от пожара.

Сам патриарх рабан Гамлиель едва избегнул смертельной опасности:

Как раз в тот день он находился в плавании. Совершенно неожиданно поднялся ужасный шторм, грозя потопить корабль. "С чего это? — стал размышлять рабан Гамлиель, — не иначе как из-за р. Элиэзера". И воззвал он к небесам:

— Господи! Ты ведаешь, что не ради своей славы и не ради славы предков моих поступил я так, но только для прославления Тебя, Господи, дабы не усиливались разногласия и распри среди Израиля.

Прекратилась буря; море успокоилось.

Имма-Шалом, жена р. Элиэзера, — она же сестра рабан Гамлиеля, — все время следила за тем, чтобы не давать р. Элиэзеру *пасть ниц* во время молитвы. Ибо знала она, что *такая* молитва его всегда вызывала грозные бедствия для его противников.

Но случилось так, что к дому их подошел нищий, и она отлучилась на одну минуту, чтобы подать милостыню. В это время терзаемый невыносимою скорбью, пал р. Элиэзер на лицо свое, изливая в горьких мольбах своих душевные муки.

Вернувшись в комнату и увидя это, Имма-Шалом воскликнула:

— Встань, Элиэзер! Брат мой[1)] уже убит тобою!

И в ту же минуту раздались звук рога (и голос) из дома патриарха: "Умер рабан Гамлиель!"

Спрашивает жену р. Элиэзер:

— Как предугадала ты его смерть?

— Еще от деда, — отвечает Имма-Шалом, — в нашей семье сохранилось предание: все врата небесные время от времени закрываются, и только врата для жалоб невинно скорбящих всегда остаются открытыми *(Баба-М., 59)*.

---

1) Санкционировавший отлучение.

ВСЕ ПЛАЧУТ, ОДИН РАДУЕТСЯ

Когда р. Элиэзер заболел, пришли (невзирая на отлучение) ученики проведать его. Видя страдания учителя, они заплакали. Один р. Акиба стоял, радостно улыбаясь.

— Чему радуешься ты? — спрашивают товарищи.

— А вы о чем плачете? — отвечает вопросом р. Акиба.

— Как же нам не плакать при виде той скорби, в которой находится перед нами Тора?[1]

— По той же причине я и радуюсь. Видя до сих пор, что у учителя нашего вино никогда не скисает, лен не выбивает градом, елей не горкнет и мед не бродит, я тревожился мыслью, не послужит ли земное его благополучие наградой ему вместо блаженства в грядущей жизни? Ныне же, видя его в такой скорби, я спокоен за него *(Санг., 101).*

С ПОКОРНОСТЬЮ И ЛЮБОВЬЮ

Пришли также проведать р. Элиэзера старейшины: р. Тарфон, р. Иошуа, р. Элазар бен Азария и р. Акиба.

И, желая утешить его, говорит р. Акиба:

— Учитель! Ты для народа благодатнее, чем дождь для полей: дождь благотворен для нас только на земле, а ты, учитель — и в земной жизни, и в грядущей.

— Учитель! — говорит р. Элиэзер бен Азария. — Ты для нас дороже отца и матери: они для нас только на земле, ты же и в земной жизни, и в будущей.

Но вот раздался голос р. Акибы:

— Страдания должны быть принимаемы с покорностью и любовью.

Услышал сказанное р. Элиэзер — сломили слова эти и его неукротимую волю.

— Поддержите меня, — обратился он к своим ученикам, — дайте мне получше расслышать слова ученика моего Акибы. Да, "страдания должны быть принимаемы с покорностью и любовью!"

(Санг., 101; Ял.-Ш.)

ОТЛУЧЕНИЕ СНЯТО

При известии о близкой смерти р. Элиэзера пришли снова навестить его р. Акиба с товарищами и стали просить у него разъяснений по закону о "чистом" и "нечистом".

И умирающий давал им ответы, до последней минуты поражая их глубиною знаний и ясностью своего ума.

---

[1] В лице болящего р. Элиэзера.

И с последним словом “чисто” отлетела душа его в вечность.

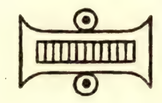
Тогда поднялся р. Иошуа и провозгласил:

— “Отлучение снято! Отлучение снято!”

На исходе субботы, когда погребальное шествие направлялось из Кесарии[1] в Лидду, навстречу вышел р. Акиба. В непреодолимом отчаянии он начал истязать себя, обливаясь кровью.

И зазвучал надгробный плач его:

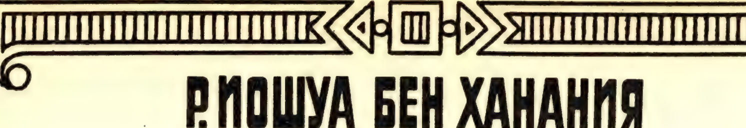
— “Отец мой! Отец мой! Колесница Израиля и всадники его!”[2] Много у меня монеты мелкой, но не стало того, кто мне выменял бы ее на чистое золото"... *(Санг., 68; Аб. де-р. Н., 25).*



---

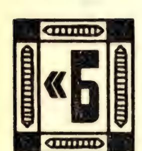
[1] Куда р. Элиэзер удалился после отлучения.

[2] II Цар., 2, 13.



Р. ИОШУА БЕН ХАНАНИЯ

БЛАГО РОДИВШЕЙ ЕГО!



«Б*лаго родившей его!*" — говорили про р. Иошуа.

Встретив впервые р. Иошую, старый Ионатан бен Гиркан сказал про него словами пророка Исайи:

"Кого поучит он знанию? Отнятых от молока, отлученных от груди".

— Я помню, — пояснил р. Натан, — что мать приносила его в колыбели в школу, чтобы дать ушам его с младенчества насытиться словами Торы.

Сам же р. Иошуа говаривал:

— Если бы все моря текли чернилами, все тростники были перьями, земля и небо пергаментом и люди все писцами, еще недостаточно было бы, чтобы описать все, чему я учился. И при всем том зачерпнуть из родника знания я успел не более, чем кисточка, обмокнутая в воды океана *(Иевам., 81; Ш.га-Ш., гл. I).*

МУДРОСТЬ И КРАСОТА

— О, прекрасная Мудрость в некрасивом сосуде! — воскликнула дочь кесаря при виде р. Иошуи, не отличавшегося красотой лица.

— Дочь моя, — сказал ей р. Иошуа, — в каких сосудах у твоего отца, у кесаря, хранится вино?

— В глиняных.

— Как, вино кесаря — и в таких же глиняных кувшинах, как и у всех простых людей!

— А в чем же следовало бы нам держать наше вино?

— Вам, столь знаменитым и славным, приличествует держать ваше вино в серебряных и золотых вазах.

Вино было перелито в серебряные и золотые вазы — и скисло.

Спрашивает кесарь:

— Кто посоветовал тебе сделать это?

— Р. Иошуа бен Ханания, — отвечает царевна.

Призывает кесарь р. Иошую:

— Как мог ты посоветовать это моей дочери?

Рассказал р. Иошуа, по какому поводу он так поступил:
— Мой совет был только ответом на ее вопрос.
— Встречаются, однако, мудрецы и с красивой наружностью?
— Некрасивые — они были бы еще более мудрыми *(Таан., 7).*

ЛЕВ И ЖУРАВЛЬ

Во времена р. Иошуи бен Ханании императором Адрианом разрешено было евреям вновь построить храм в Иерусалиме. Двое граждан Папус и Лулианус открыли по всему пути от Аку до Антиохии кассы для снабжения всех возвращающихся в Иерусалим евреев деньгами и всем необходимым.

Когда об этом узнали хутеи[1], они оклеветали евреев перед Адрианом, донося о будто бы готовящемся против него восстании.

— Как же быть? — задумался Адриан. — Ведь разрешение уже вступило в силу.

— Прикажи им, — посоветовали хутеи, — возобновить храм не на прежнем месте, или же вели изменить его размеры, увеличив или уменьшив их хотя бы на пять локтей против прежнего. Тогда они от постройки храма сами откажутся.

Между тем весь народ собрался в долине Бет-Римон, и известие о новом указе Адриана вызвало общий плач и отчаяние. Тут и там начали раздаваться голоса против подчинения указу. Необходимо было немедленно успокоить народ. Кому же поручить это? Выбор пал на р. Иошую бен Хананию, как на самого популярного из ученых.

Встает р. Иошуа и, обращаясь к народу, говорит:

— Однажды лев, пожирая свою добычу, подавился костью.

И начал лев звать на помощь:

"Кто вытащит у меня кость из горла, того я вознагражу по-царски!"

Прилетел журавль, засунул свой длинный клюв в глотку льву и, вытащив кость, стал требовать награды.

"Уходи поскорее, — ответил лев, — достаточно для тебя награды, что ты можешь похваляться, говоря: "Я был в пасти у льва — и ушел, как видите, цел и невредим!"

— Так и мы, братья: будем довольны тем, что, подпав под власть Рима, мы хотя жизнь свою сохранили до сих пор *(Береш.-Р., 64).*

СРЕДИ СЕМИДЕСЯТИ ВОЛКОВ

Адриан говорит однажды р. Иошуе:

— Как сильна должна быть овечка, остающаяся невредимой между семьюдесятью волками!

Отвечает р. Иошуа:

— Как могуществен должен быть Пастырь, оберегающий ее от них! *(Ял.-Ш.).*

---

[1] Самаритяне, непримиримые враги евреев.

ДИТЯ В ТЕМНИЦЕ

Прибыл однажды р. Иошуа бен Ханания в один из больших римских городов. Говорят ему там, что в темнице содержится еврейский мальчик, чрезвычайно красивый, с блестящими глазами и курчавыми локонами. Пошел р. Иошуа к темнице, стал у дверей и громким голосом прочитал стих из Исаии:

"Кто предал Иакова на разорение и Израиля грабителям?"

Отвечает дитя из темницы словами того же пророка:

— Не Господь ли, против Которого мы грешили, не желая ходить по Его путям и не слушая Завета Его?

Услыша это, воскликнул р. Иошуа:

— О, дорогие сыны Сиона, чистейшему золоту равноценные![1)]

И со слезами на глазах продолжал:

— Я уверен, что из этого ребенка выйдет великий ученый, и я клянусь, что не уйду из этого города, прежде чем не освобожу бедного ребенка, сколько бы это ни стоило.

И он исполнил свою клятву, хотя и пришлось внести огромный выкуп.

Не много прошло времени — и мальчик тот стал известен как великий ученый.

То был Исмаил бен Элиша *(Гит., 58; Эха-Р., 4).*

ДЕТИ СМУТИЛИ ЕГО

Р. Иошуа бен Ханания рассказывал:

— Однажды мне пришлось проходить полем. Заметив тропинку, проложенную через ниву, я направился по ней.

Увидела это малютка-девочка и говорит:

— Учитель, разве для того существует нива, чтобы ходить по ней?

— Но ведь тут протоптана тропинка?

— Да, тропинка, — отвечает малютка, — такие же, как и ты, разорители протоптали ее.

Другой раз встречаю одного мальчика на перекрестке двух дорог.

— Дитя мое, — спрашиваю, — не можешь ли мне указать, которою из двух этих дорог направиться мне в город?

Мальчик отвечает так:

— Вот эта самая длинная и самая короткая, а та самая близкая и самая далекая.

Пошел я по второй дороге. Вскоре приближаюсь к городу, но сады и огороды преграждают мне путь, и я вынужден вернуться назад к перекрестку.

— Дитя мое, — говорю я мальчику, — не говорил ли ты мне, что этот путь самый близкий?

[1)] Плач Иер., IV.

— А не прибавил ли я: "и самый далекий"?

В третий раз был со мною такой случай. Подъезжая к одному селению, я увидел девочку-подростка, черпающую воду из ручья.

— Дай мне напиться, — попросил я.

— Пей и ты, и осел твой, — ответила девочка.

Напившись, я сказал:

— Благодарю тебя, дочь моя, ты поступила со мною подобно Ревекке.

— Да, — ответила девочка с лукавой улыбкой, — я-то с тобой поступила подобно Ревекке, а ты, вот, не поступил со мною подобно Элеазару...[1]

— Никогда, — говорил по этому поводу р. Иошуа, — я не чувствовал себя настолько смущенным, как перед этими тремя детьми.

(Эр, 53; Эха-Р.)

ГЛЯДИ НА СОЛНЦЕ!

Однажды император Адриан говорит р. Иошуе:

— Действительно ли Бог царит над миром?

— Бесспорно.

— И Им же небо и земля сотворены?

— Конечно.

— Отчего же Богу хотя бы раза два в год не являться людям, чтобы все Его видели и проникались страхом перед ним?

— Оттого, что глаза человеческие не в силах выдержать ослепительного блеска Его.

— Нет, не поверю, пока ты мне не покажешь Его.

Когда наступил полдень, вывел р. Иошуа Адриана на солнце и говорит:

— Вглянись хорошенько — и увидишь Его.

— Но кто же может глядеть прямо на солнце?

— Вникни же в то, что ты сам говоришь. Если на солнце, которое является одним из тьмы тем служителей Господних, глядеть невозможно, то мыслимо ли *видеть* Самого Господа, осияющего светом Своим всю вселенную? И только в те моменты, когда людьми низвергается какое-нибудь лжебожество, очи их озаряются отблеском славы Господней *(Хул., 60; Мид. Абх.; Ял.)*.

ПИР ДЛЯ БОГА

Другой раз говорит Адриан:

— Хочу устроить пир для вашего Бога.

— Не по силам тебе это будет, — отвечает р. Иошуа.

— Почему?

---

[1] См. Бытие, XXIV, 22.

16–760

— Слишком много войска сопровождает Его.

— А все-таки, — упорствует Адриан.

— Хорошо. Выбери на берегу реки место посвободнее и приготовь там свой пир.

Всю весну и все лето провел Адриан за работами по приготовлению пира. Но подули осенние ветры, разрушили все и снесли в реку. Снова начал строить Адриан, всю зиму проработал. Но полили весенние дожди и смыли все в реку.

— Что же все это значит? — спрашивает Адриан.

— А это, видишь ли, Божьи заметальщики и поливальщики, предшествующие Ему.

— Да, — согласился Адриан, — не по силам мне затея моя.

(Хул., 60)

БЕЙ-ИЛАИЙСКИЙ ЛЕВ

— Вашего Бога, — сказал Адриан р. Иошуе, — пророки ваши сравнивают со львом. Велико ли, в таком случае, Его могущество? Ведь любой всадник может на охоте убить льва.

— В этом уподоблении подразумевается бей-илаийский лев[1)].

— Хотелось бы мне взглянуть на этого льва, — заявил Адриан, — покажи мне его.

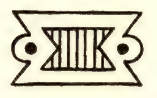
— Не по силам тебе это будет.

— Все-таки.

Обратился р. Иошуа к небесам — и вот, поднялся тот лев из своего логовища. Находясь в четырехстах милях от Рима, он зарычал — и обрушились стены адриановой столицы, а все беременные выкинули. В трехстах милях вторично зарычал он — у людей выскочили зубы из десен, а императора сбросило с трона на землю.

— Будет! Довольно! — взмолился Адриан. — Попроси своего Бога, чтоб лев ушел обратно.

Обратился р. Иошуа к небесам — и вернулся лев в дебри Бей-Илаи *(Хул., 59)*.



---

1) Легендарный лев, живший в сказочном лесу Бей-Илаи.

НАХУМ ИШ-ГАМЗО

ИШ-ГАМЗО

дин из известнейших танаев, родом из иудейского города *Гимзо.* Прозван же "*Иш-Гамзо*" потому, что чтобы с ним ни случилось, он говорил: "Gam so letowa" — и это к лучшему *(Санг., 108).*

ЧУДЕСНАЯ ЗЕМЛИЦА

Однажды задумали евреи поднести ценный дар кесарю. Стали думать, кому поручить это дело, и выбор пал на Нахума, прославившегося своими чудесными приключениями.

Вручили ему ларец, наполненный бриллиантами и жемчугом. В дороге ему пришлось заночевать на постоялом дворе.

Выждав, когда он заснет, хозяева двора похитили драгоценности, а ларец наполнили землею.

Проснувшись назавтра и увидя это, Нахум сказал: "И это к лучшему". И отправился с ларцом к кесарю.

Открыв ларец и увидев содержимое его, кесарь пришел в негодование.

— Евреи дерзают издеваться надо мною! — воскликнул он. — И тут же приказал казнить Нахума.

— И это к лучшему, — спокойно говорит Нахум. А в эту минуту является Илия-пророк и, приняв образ одного из придворных вельмож, говорит:

— Государь, не та ли самая земля это, которою так чудесно пользовался их праотец Авраам в схватках с неприятелем? Бросит, бывало, горсть земли — и земля превращается в мечи. Бывало также, бросит соломинки — и становятся стрелами.

В то время как раз вел кесарь войну с одной страной, и все не удавалось ему покорить ее. Решено было испробовать принесенную Нахумом землю. И действие ее оказалось таким, что неприятель немедленно сдался.

По повелению кесаря, повели Нахума в царскую сокровищницу и, наполнив принесенный им ларец бриллиантами и жемчугом, отпустили с большими почестями в обратный путь.

Остановился он снова на том же постоялом дворе. И стали хозяева спрашивать:

— Что ты принес такое кесарю, что таких почестей удостоился?

— Что я унес отсюда, то и принес я туда, — ответил им Нахум.

Услыша это, они раскопали весь двор, набрали земли как можно больше и понесли к кесарю.

— Государь! — заявили они. — Этой самой земли и взял у нас Нахум, чтобы поднести тебе.

Испробовав принесенную ими землю, в которой не оказалось, конечно, ничего чудесного, их казнили *(Санг. 108—109).*

САМ НА СЕБЯ НАКЛИКАЛ

Ослепший на оба глаза, с параличом рук и ног и весь покрытый вередами, доживал Нахум иш-Гамзо последние дни в своей обветшалой, полусгнившей избушке. Под ножки кровати, на которой он лежал, поставлены были лоханки с водою, чтобы не давать муравьям вползать к больному.

Ученики его, замечая, что избушка грозит обрушиться, собирались вынести больного, а затем и его вещи.

— Нет, дети мои, — сказал Нахум, — раньше вынесите вещи, а затем кровать: пока я здесь, изба — я надеюсь — не обрушится.

Они так и сделали. И как только была вынесена кровать с больным, избушка обрушилась.

Говорят ему ученики:

— Учитель! За что тебе, угоднику Божьему, такие ужасные муки посланы?

— Дети мои, — отвечает Нахум, — я сам испросил себе у Бога эти муки. Дело было так:

Отправился я однажды в гости к моему тестю и на трех навьюченных ослах вез ему подарки: на одном — съестные припасы, на другом — вина и разные напитки, на третьем — плоды и сласти.

В дороге останавливает меня бедный, изможденный от голода странник и просит:

— Учитель, дай мне поесть чего-нибудь!

— Подожди, — отвечаю я, — дай мне развьючить сначала.

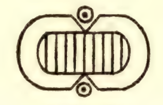
И пока я не спеша начал развязывать тюки, странник свалился с ног и тут же умер.

Увидя это, припал я к трупу и воскликнул:

— Глаза мои, которые не сжалились над твоими глазами, — пусть они ослепнут!

— Руки мои, не пожалевшие твоих рук, пусть отрезаны будут!
— Ноги мои, не пожалевшие твоих ног, пусть отсечены будут!
Наконец я в отчаянии воскликнул:
— И пусть все тело мое язвами покроется!
Говорят ученики:
— Горе нам, что мы в таком положении видим тебя!
Отвечает им на это Нахум:
— Горе было бы *мне*, если б вы меня *не видели* в этом положении.

(Таан., 21)



Р. ТАРФОН

ПИРАМИДА ИЗ ОРЕХОВ

Тарфон подобен был сложенным в пирамиду орехам: тронешь один — все покатятся с шумом один за другим. Предложит ему, бывало, ученик *один* какой-нибудь вопрос — и р. Тарфон засыплет его изречениями из Торы, из Мишны, Галахи, Агады. И ученик выходит от него с богатым, благодатным запасом знания *(Аб. де-р. Н., гл. 18).*

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С СУШЕНЫМИ ФИГАМИ

[Р. Тарфон владел многими садами, которые он посещал очень редко, так что его же садовники зачастую и в лицо не знали его.]

Однажды был с ним такой случай:

Зашел он в один из своих садов, чтобы отведать там в сушильне винных ягод. За этим делом застал его садовник и, не узнав в нем хозяина, закричал:

— А-а! Вот он, тот самый, кто постоянно виноград здесь ворует!

С этими словами избил р. Тарфона садовник своей дубинкой и, засунув его в мешок, потащил к реке топить.

Видя себя в такой опасности, начал р. Тарфон кричать из мешка:

— Заклинаю тебя, добрый человек, прежде чем утопить меня, ступай на дом к р. Тарфону и скажи, чтоб приготовили для него саван.

Услыша это и, догадавшись о роковой ошибке, упал садовник р. Тарфону в ноги, начал рвать на себе волосы и молить, заливаясь слезами:

— Прости меня, господин, прости меня!

— Успокойся, — сказал р. Тарфон. — Накажи меня Бог, если я не прощал тебе каждый удар по мере того, как ты наносил их мне.

(Иеруш., Шв., гл. 4; Аб. де-р. Н., гл. 25)

ПОКУПКА ПОМЕСТЬЯ

Рассказывают о р. Тарфоне, что, сравнительно со своим колоссальным богатством, он мало жертвовал в помощь бедным. Зная это, говорил ему однажды р. Акиба:

— Имеются для продажи одно-два поместья. Не пожелаешь ли, чтоб я купил их для тебя?

— Хорошо, — отвечает р. Тарфон и тут же передает р. Акибе четыре тысячи золотых динариев.

Взял р. Акиба и роздал эти деньги нуждающимся ученым.

Через некоторое время встречает его р. Тарфон и спрашивает:

— А где находится поместье, которое ты взялся приобрести для меня?

Берет его р. Акиба за руку и, приведя в школу, вызывает одного из учеников и велит ему читать из псалмов Давида. И когда ребенок дошел до стиха: "Широкой рукою раздавал он нищим; правда его пребывает во веки", — говорит р. Акиба:

— Вот поместье, которое я приобрел для тебя.

Кинулся к нему р. Тарфон и говорит, обнимая и целуя его:

— Учитель мой! Наставник мой! Учитель — в Торе, наставник в жизни!

И много стал он давать р. Акибе на щедрую помощь бедным.

МАТЬ И СЫН

Вышла однажды в субботу мать р. Тарфона на прогулку по своему двору. Порвался у нее ремешок и свалился сандалий с ноги. Увидя это, р. Тарфон нагнулся, положил обе руки ей под ноги и, давая ей ступать по своим ладоням, довел ее таким образом до ее ложа в комнату.

После этого случая, когда р. Тарфон заболел и ученики пришли его проведать, подходит его мать и говорит:

— Помолитесь за моего сына. Вы не можете представить себе, какой он мне почет оказывает.

— Что же особенного, — спрашивают они, — сделал он для тебя?

Рассказала она о случае с сандалием. А они говорят:

— Если бы он и в тысячи раз бóльшие услуги тебе оказывал, оно и наполовину не составляло бы того почета, какой Тора повелевает оказывать родителям *(Иеруш., Пеа., 81).*

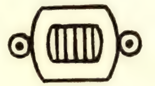
РАДОСТЬ ВЕНЧАЛЬНАЯ

Был такой случай.

Мимо р. Тарфона, сидевшего в то время в кругу своих учеников, проходила бедная девушка-невеста. Увидя ее, р. Тарфон велел пригласить ее в дом, а жене и матери сказал:

— Поведите ее в купальню, умастите ее благовониями, оденьте в венчальное платье и с песнями и пляской отведите ее в дом ее суженого.

(Аб. де-р. Н., гл. 4)



Р. АКИБА

ВЕНЧИКИ ТОРЫ

казание рав Иуды со слов Рава: — — —

Когда Моисей взошел на небо, ему открылось такое видение: сидит на престоле Всевышний и украшает буквы Торы венчиками.

— Господи, — вопрошает Моисей, — для чего эти венчики?

Отвечает Всевышний:

— Через много поколений должен родиться человек по имени Акиба бен Иосиф, и ему суждено из каждой черточки этих венчиков извлекать многое множество законотолкований.

Просит Моисей:

— Господи, дай мне увидеть этого человека.

— Гляди, — говорит Господь.

Видит Моисей: учитель — и перед ним рядами ученики.

Занял Моисей место в конце восьмого ряда, слушает и недоумевает, о каком это [в Торе *не написанном*] законе у них речь идет?

Но вот он слышит — на вопрос учеников:

— Раби, на чем основываешь ты это толкование?

Р. Акиба отвечает:

— Оно вытекает из *принципов*, установленных Моисеем на Синае.

С бодрым и радостным духом снова представ перед Всевышним, Моисей говорит:

— Господи! Ты показал мне все величие Торы у этого человека, покажи мне и награду, назначенную ему.

— Смотри, — отвечает Всевышний.

И видит Моисей — тело Акибы лежит растерзанным на куски, как мясо на весах резничных[1].

— Господи! — восклицает в ужасе Моисей. — За такие заслуги — и такая награда?

— Не спрашивай, — слышит Моисей ответ Всевышнего, — так предопределено Мною *(Санг., 29)*.

---

[1] Р. Акиба — один из принявших мученическую кончину при императоре Адриане.

ПАСТУХ И ЕГО ЖЕНА

Р. Акиба в молодости служил пастухом у знаменитого богача Калба-Шабуи. Дочь Калба-Шабуи, Рахиль, приглядываясь к бедному пастуху и видя в нем честного и достойного юношу, полюбила его.

— Акиба, — сказала она ему однажды, — если я соглашусь стать твоею женой, поступишь ли ты в школу, чтобы посвятить себя науке?

— Да, — ответил Акиба.

Они тайком и обручились. А когда об этом узнал Калба-Шабуа, он выгнал дочь из дому и объявил о лишении ее наследства.

Молодые люди повенчались. Жили они настолько бедно, что на зиму вынуждены были искать приют в сенном сарае.

Сидит однажды Акиба и, выбирая соломинки, приставшие к волосам Рахили, говорит:

— Имей я деньги, я подарил бы тебе золотой "иерусалим"[1].

В это время у дверей сарая появляется Илия-пророк в образе нищего и начинает молить:

— "Пожертвуйте охапку соломы, — жена моя родила и лежит на голой земле".

— Видишь, — говорит жене Акиба, — у этого бедняка даже соломы нет. В сравнении с ним мы — богачи.

— Не о богатстве мечтаю я, — отвечает Рахиль, — единственное желание мое, это — чтобы ты отправился в школу учиться.

Поступил Акиба в школу р. Элиэзера и р. Иошуи.

Прошло двенадцать лет. Бедный пастух стал ученым законоведом с аудиторией из двенадцати тысяч учеников. И тогда он решил, что пора ему возвратиться к жене.

Подойдя к дверям избушки, в которой жила в одиночестве Рахиль, он слышит, как один из соседей, человек злой и безнравственный, говорит его жене:

— Что ни говори, отец твой вполне прав. Во-первых, нищий пастух вообще тебе не пара; а затем, подумай, столько лет оставлять тебя в положении вдовы при живом муже!

А Рахиль на это отвечает:

— Если бы Акиба послушался меня, он остался бы в академии еще на двенадцать лет.

Получив таким образом согласие жены, р. Акиба возвратился в академию.

Прошло еще двенадцать лет.

Наставником двадцати четырех тысяч учеников возвращался р. Акиба в родные места.

---

[1] Диадема с выгравированным на ней изображением Св. града.

Весь город вышел навстречу знаменитому ученому.

Пошла и Рахиль.

— Ты бы хотя одолжила у кого-нибудь во что одеться поприличнее, — стали говорить ей соседки.

— Не беда и так, — отвечала Рахиль, — праведный знает, что в сердце моем.

Приблизившись к Акибе, она склонилась до земли и стала целовать ноги его. Видя незнакомую женщину, ученики бросились отгонять ее.

— Пустите ее ко мне, — остановил их р. Акиба, — все мои и ваши знания принадлежат этой женщине.

Услышал о прибытии какого-то знаменитого ученого и старый Калба-Шабуа и [раскаявшись в жестоком отношении к дочери] подумал:

— Пойду к нему, не разрешит ли он меня от моего обета в отношении дочери.

[Приходит он к р. Акибе и рассказывает ему свое дело.]

Спрашивает р. Акиба:

— А если бы тебе было известно, что пастух тот сделается знаменитым ученым, дал бы ты такой обет?

— Никоим образом, — отвечает Калба-Шабуа, — даже если бы он одну-единственную галаху взялся выучить.

— Если так, — говорит р. Акиба, — то знай же, что муж твоей дочери это я.

Поклонился до земли старый Калба-Шабуа и, целуя ноги у р. Акибы, заявил, что отдает ему с дочерью половину своего состояния.

(Кетуб., 62; Нед., 50)

ВОДА И КАМЕНЬ

По другому преданию, р. Акиба начал учиться будучи уже сорока лет от роду. Побудил его к этому такой случай:

Увидал он однажды у колодца плиту с правильно выдолбленным желобом и спрашивает:

— Кем это так хорошо сделано?

— Не знаешь ты, Акиба, — отвечают ему, — сказанного: “камни стирает вода”. Капля за каплей падала она, изо дня в день долбя этот камень.

И подумал р. Акиба: “Капли водяные, жидкие, слабые — и тем удалось камень выдолбить, тем более крепким как сталь словам Торы не поздно будет огранить живое сердце мое”.

И засел р. Акиба за один букварь рядом с сыном своим.

Изучив Пятикнижие, явился р. Акиба к р. Элиэзеру и р. Иошуе и говорит:

— Наставники, помогите мне изучить Мишну.

Объяснили они ему одну галаху из Мишны. Уединился р. Акиба и стал обдумывать данное ему учителями объяснение: почему, дескать, так и правильно ли это? И стал он потом задавать им вопросы сложные и трудные.

В продолжение нескольких лет проходил он учение у р. Элиэзера, но оставался почти не замеченным со стороны р. Элиэзера. После же одного блестящего объяснения, данного р. Акибою на заданный ему вопрос, р. Иошуа сказал р. Элиэзеру: "Ведь это тот, которым ты пренебрегал; выходи же теперь и сразись с ним!"[1)]

Говоря о р. Акибе, р. Симеон бен Элазар приводил такую притчу.

Однажды каменотес поднялся на гору и принялся отсекать топором тонкие слойки почвы. Спрашивают его люди:

— Зачем делаешь ты это?

— Хочу, — отвечает каменотес, — срубить всю эту гору и низвергнуть ее в Иордан-реку.

— Нет, — говорят ему люди, — не срубить тебе всей горы этой.

А каменотес продолжает свою работу: рубит да рубит, пока не дошел до скалистого основания горы. Подрылся под него, расшатал, сдвинул и низверг в Иордан всю гору: "вот так, мол — не там, а вот где место тебе!"

Точно так поступил и р. Акиба по отношению к р. Элиэзеру и р. Иошуе *(Аб. де-р. Н., гл. 6; Иеруш., Песах.)*.

ТРОЙНАЯ ПОЛЬЗА

Во время пребывания в академии р. Акиба ежедневно отправлялся в лес и приносил связку дров, половину продавал и половину оставлял для собственного пользования; между прочим, он щипал лучину для своих вечерних занятий, и соседи роптали, говоря ему:

— Акиба, ты нас всех закоптил дымом. Лучше бы ты продавал нам свои дрова и покупал себе масла для лампады.

— Нет, друзья мои, — отвечал Акиба, — дрова лучше: в каждом полене заключается целых три возможности: читать при лучине, греться у очага, и, наконец, полено, в случае чего, может и за подушку послужить.

А впоследствии р. Акиба на серебряной и золотой посуде кушал, на кровати с золотыми ступеньками спал, а жена его в драгоценнейшие запястья и диадемы наряжалась.

— Раби, — заметили ему однажды ученики, — это для наших жен соблазном служит.

— А сколько страданий ради св. Торы, — ответил р. Акиба, — испытала Рахиль вместе со мною в прежние годы?.. *(там же)*.

---

1) Судей, IX, 38.

ЕГО УДОВОЛЬСТВИЕ

Однажды в субботу ученики застали р. Акибу в слезах.

— Учитель! — удивились они. — Не сам ли ты поучал нас словами пророка: "И назовешь субботу *удовольствием* своим?"

— *Это* и есть мое удовольствие, — ответил р. Акиба.

(Шиб. Гал. по Мидр.)

НАГИБАЛ ГОЛОВУ [1)]

— Однажды, — рассказывал рабан Гамлиель, — с корабля, на котором я находился, замечено было, как на далеком от нас расстоянии разбился челнок и сидевший в нем человек погрузился в воду. Велико было мое огорчение, когда мне сказали, что утонувший был р. Акиба. Когда же я возвратился из плавания, вижу — входит р. Акиба и как ни в чем не бывало вступает со мною в ученую беседу.

— Сын мой, — спрашиваю, — как удалось тебе спастись?

А он отвечает:

— Ухватился за доску и при каждой набегающей волне *нагибал голову (Иебам., 121).*

РОЗНЬ В СРЕДЕ УЧЕНЫХ

[Дважды двенадцать тысяч учеников были у р. Акибы от Гибфона до Антипароса, и все они умерли при жизни р. Акибы в один и тот же промежуток времени, между Пасхой и Шемини-Ацерет. Постигло их это за то, что они не оказывали уважения друг другу.]

Опустел мир знания, пока школы на юге не посетил р. Акиба, учениками которого там сделались р. Меир, р. Иуда, р. Иосе, р. Симеон и р. Элазар бен Шаммуа.

И, напутствуя их, сказал р. Акиба:

— Прежних моих учеников постигла их судьба за то, что соперничество привело их к взаимной розни и вражде. Вы, я уверен, не последуете их примеру.

И слова его оправдались: от этой группы его учеников наполнилась знанием земля Израильская *(Иебам., 62; Ког.-Р.).*

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ

Однажды р. Акиба отправился в дорогу верхом на осле, взяв с собою петуха [по пению которого определялись ночные смены] и лампаду [для чтения по вечерам].

Пришел он в один город, но остаться на ночлег там ему не дали.

[1)] О том, как велики были, при всех пережитых им испытаниях, выносливость и настойчивость р. Акибы в стремлении его к намеченной цели, дает представление этот рассказ рабан Гамлиеля.

— Что Бог делает, все к лучшему, — сказал р. Акиба.

А наутро оказалось, что тем полем, где он ночевал, прошла шайка разбойников, которые ограбили весь город, а жителей увели в плен.

— Не прав ли я был? — сказал р. Акиба. — Бог делает все к лучшему![1] *(Берах., 60).*

ДОЛГ ПОВЕЛЕВАЕТ

Когда опасно заболел сын его, р. Симеон, р. Акиба ни на один день не прерывал занятий с учениками и только посылал время от времени узнавать о положении больного.

Приходит посланный: больному плохо.

— Продолжайте, — говорит ученикам р. Акиба.

Второй посланный: больному хуже.

— Продолжайте, — повторяет ученикам р. Акиба.

Третий: больной при смерти.

— Продолжайте.

Наконец, сообщают: скончался.

Тогда только встал р. Акиба, снял с себя тефилин[2] и разорвал одежды свои.

— До последней минуты. — пояснил он ученикам, — мы не имели права прерывать Св. учение. Теперь мы должны исполнить свой долг перед умершим.

Несметные толпы народа собрались на погребение, горячо оплакивая смерть покойного. Когда народ после погребения начал расходиться, р. Акиба, встав на скамью, обратился к присутствующим с такими словами:

— Братья израильтяне, выслушайте меня. Если бы сына моего даже женихом из-под венчального балдахина похитила смерть, я почел бы себя достаточно утешенным за свою потерю тем почетом, какой вы теперь оказали ему. Не ради моей учености вы сделали это, — здесь есть лица ученее меня; не ради богатства моего, — здесь многие богаче меня. На юге Акиба известен, а кто в Галилее знает о нем? Знаком он здесь мужчинам, но что знают женщины и дети о нем? Людей с именем Акиба на любом базаре найдется немало. Но знаю я, что все вы не пожалели труда явиться сюда только во имя святого долга перед умершим и из благовения перед Торой. И вдвойне велики поэтому ваши заслуги. Вот что служит утешением для меня. С миром возвратитесь в дома ваши *(Симх., гл. 8; М.-К., 21).*

---

[1] Во время ночлега в городе он подвергся бы общей участи жителей, но и в поле осел и петух своим криком и лампада своим светом могли бы выдать разбойникам убежище р. Акибы.

[2] Т е ф и л и н одевался законоучителями не только для утренней молитвы, но также на все время занятия их с учениками.

ВЕЛЬМОЖА ОБИДЕЛСЯ

Однажды начальник города Рима Руфус говорит р. Акибе:

— В вашем Писании сказано: "Исава возненавидел я". За что, скажи, ваш Бог так не любит нас?

— Завтра я отвечу тебе на это, — заявляет р. Акиба.

Назавтра спрашивает Руфус:

— Что же, было тебе сонное видение и указано, что́ ответить мне?

— Именно так, — отвечает р. Акиба. — Двух собак я видел во сне; одну зовут Руфус, другую Руфина[1]...

— Как! — закричал возмущенный градоправитель. — Ты для своих собак других кличек не нашел, как имя мое и моей жены?! Смерти заслуживаешь ты за такую дерзость!

— А велика ли разница, — спокойно отвечает р. Акиба, — между тобой и ими? Ты кушаешь и пьешь, и они едят и пьют; у тебя рождаются дети, у них также; ты умираешь, и они умирают. А стоило мне назвать одну из них твоим именем, и ты в такое негодование пришел! А Всевышний? Он небеса простер, Он землю основал, а ты берешь чурбан какой-нибудь и Богом его называешь! Как же Господу не возненавидеть вас, потомков Исава? *(Танх.)*.

ЛИСИЦА И РЫБЫ

Вышел от Рима указ, запрещающий евреям заниматься изучением Торы.

Некий Папус бен Иуда, видя, как р. Акиба продолжает попрежнему устраивать собрания и всенародно преподавать Св. учение, говорит ему:

— Раби! Неужели ты не боишься гнева императора?

— Папус, — ответил р. Акиба, — люди считают тебя умным человеком, а рассуждаешь ты не лучше любого глупца. Слушай, скажу тебе притчу:

Шла лисица по берегу реки и видит — рыбки мечутся туда-сюда в большой тревоге. И спрашивает лисица:

— От кого это вы бежите, рыбки?

— Спасаемся, — отвечают они, — от сетей, закинутых в реку, чтоб изловить нас.

— Так выходите лучше на берег, — советует лисица, — заживем мы мирно вместе, как жили когда-то мои и ваши предки.

Отвечают рыбки:

— Про тебя, лисица, говорят, что ты умнейшее из животных, а рассуждаешь ты не лучше любого глупца. Ты рассуди: если в реке, где

---

[1] Имя жены Руфуса.

нам жить назначено, мы очутились в такой опасности, то как же мы решимся выйти на сушу, где верная гибель нас ждет?

Точно так же и я отвечу тебе, Папус: если и теперь, продолжая изучать Тору, в которой залог жизни и долгоденствия нашего, нам приходится трепетать за свою жизнь, то что же будет с нами, когда мы сами откажемся от Св. Торы нашей? *(Берах., 61).*

КАЗНЬ Р. АКИБЫ

Вскоре после этого схватили р. Акибу и посадили в темницу.

На казнь повели его как раз в тот час, когда читается молитва "Шема"[1]. Железными гребнями терзали палачи тело р. Акибы, а он, углубленный в чтение "Шема", стоял, с покорностью и любовью принимая кару Божью.

— Учитель! Учитель! — восклицали ученики его. — Где же мера терпению твоему?

— Дети мои, — отвечал р. Акиба, — всю жизнь не давало мне покоя заповеданное нам: "И люби Господа *всей душою* твоею". Это значит: люби Господа даже в ту минуту, когда он душу отнимает у тебя. "О, когда же, наконец, придется мне исполнить это?" — думал я. И вот, сподобил меня Господь осуществить мечту мою! Так мне ли теперь роптать против Господа?

И до тех пор звучало в устах его слово "Единый"[2], пока не отлетела душа его.

И прозвучал в ту минуту Голос Небесный:

— Благо, Акиба, душе твоей, отлетевшей со словом "*Единый*"!

— Господи! — возопили Ангелы Служения. — Такова ли Тора и такова ли награда ее?

И раздался в ответ Голос Небесный:

— Благо тебе, Акиба! Жизнь грядущая уготована тебе *(там же).*

НОЧЛЕГ БЛАЖЕННЫЙ

Тотчас после казни р. Акибы к состоявшему при нем ученику его р. Иошуе Гарсийскому явился Илия-пророк и, стоя в дверях, говорит:

— Мир тебе, учитель!

— Мир и тебе, учитель и наставник мой, — отвечает р. Иошуа.

— Не могу ли я, — продолжает Илия, — чем-нибудь услужить тебе?

— Кто ты именно? — спрашивает р. Иошуа.

— Священнослужитель я, пришел сказать тебе, что смерть р. Акибы уже наступила.

---

[1] "Слушай, Израиль! Господь, Бог наш — Бог единый!"

[2] Из молитвы "Шема".

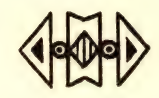
Отправились оба в темницу. Двери нашли они отпертыми, а тюремщика и всех заключенных спящими. Положив тело на носилки, они вышли с ним из темницы. Поднял Илия тело с носилок и положил к себе на плечи. Видя это, р. Иошуа говорит:

— Раби, ведь ты назвался священником. Как же ты оскверняешь себя прикосновением к мертвому?

— Не беспокойся, сын мой, — отвечает Илия, — как свят Господь, говорю тебе: ни от праведника, ни от учеников его осквернения быть не может.

Дошли они таким образом до Антипароса. Тут они поднялись на три уступа в гору, по трем же уступам спустились вниз — и открылась перед ними пещера, а в той пещере стоят кресло, скамья, стол и лампада. Опустили они тело на ложе и вышли. Тотчас же загорелось пламя в лампаде и вход в пещеру закрылся. Видя это, Илия воскликнул:

— Блаженны вы, праведники! Блаженны вы, подъемлющие труд учения! Блаженны вы, носители страха Божьего! Ибо уготовано и сохранено для вас пристанище райское в грядущей жизни. И благо тебе, Акиба! Прекрасен ночлег, в час кончины обретенный тобою!" *(Ял.-Ш.)*.



ДЕСЯТЬ ВЕЛИКОМУЧЕННИКОВ

ПЕЧАТЬ КАРЫ ГОСПОДНЕЙ

Когда от беспощадной в своей жестокости власти римской вышло повеление казнить еврейских законоучителей, пришли к р. Исмаилу-первосвященнику товарищи его и говорят:

— Взойди на небо и узнай, действительно ли ниспослана от Господа кара эта?

Встал р. Исмаил и, совершив очищение и возложив на себя молитвенное облачение, произнес "Шем-га-Мефораш". В ту же минуту ветер поднял его и вознес на небо.

Встретил его архангел Гавриил и спрашивает:

— Это ты, Исмаил, которым Творец твой гордится постоянно, говоря, что есть у Него слуга на земле, являющийся верным отражением божественного образа? Ради чего явился ты сюда?

— Чтобы узнать, закреплена ли печатью Господней кара та?

— Исмаил, сын мой! — отвечает архангел. — Клянусь, я сам из-за "Завесы Престольной" слышал об этом: десять законоучителей израильских обречены на казнь властью злодейской.

— За что?

— За предательство Иосифа его братьями. День за днем Суд Небесный вопиет перед Престолом Всевышнего: "Может ли быть в Торе хоть единая буква, напрасно написанная? Сказано: "Кто украдет человека и продаст его, того должны предать смерти". Родоначальники десяти колен продали Иосифа — и поныне Ты не взыскал за это ни с них, ни с их потомков".

— Этим, — сказал в заключении архангел, — и вызвана ниспосланная теперь на вас кара.

— Отчего же, — спрашивает р. Исмаил, — Господь до сих пор никого не покарал за Иосифа?

— Клянусь тебе, сын мой, поныне не нашел Господь праведников в народе, столь достойных, как вы, и поэтому возмездие возложено на вас.

Видя, что близко уже скрепление приговора печатью Господней, возликовал злой дух Самаил[1] и начал похваляться, говоря:

---

[1] Дух зла, покровитель Рима.

17–760

— Я победил Михаила, ангела-хранителя Израиля.

Вознегодовал Предвечный на Самаила. И призывает великого архангела Метатрона и говорит:

— Напиши и печатью Моей скрепи: "Сера и пламень на Рим, город злодейский! На людей и на животных, на серебро его, на золото его и на все, что находится в нем!"

Услышал это р. Исмаил — и сошел мир в сердце его. Стал он ходить по небу и видит подобие жертвенника подле Престола Всевышнего. И спрашивает он Гавриила:

— Что это?

— Алтарь, — отвечает архангел.

— А какие жертвы приносятся на этом алтаре?

— Души праведников.

— А кто совершает жертвоприношение?

— Великий архангел Михаил.

Возвратился на землю р. Исмаил и рассказал товарищам о том, что приговор давно утвержден Господом. И стали скорбеть они и радоваться стали в то же время, что поставил их Господь на весы противу всех колен Израиля.

Р. СИМЕОН И Р. ИСМАИЛ

Первыми выведены были на казнь р. Симеон бен Гамлиель и р. Исмаил-первосвященник.

Не выдержал р. Симеон — заплакал.

— О, князь мой юный! — воскликнул р. Исмаил. — Шаг-другой — и в лоно праведных откроется доступ тебе. А ты плачешь!

— Сердце мое слезами исходит, — ответил р. Симеон, — ведь я не знаю даже, за что я муки принимаю.

— А ты постарайся вспомнить, не было ли, например, такого случая: пришел к тебе кто-нибудь с тяжбой или с требой, не терпящей промедления. А ты не спеша заставил того человека ждать, пока ты допьешь свой кубок, пока ремень на сандалии завяжешь, в более нарядную одежду облачишься. По Торе же это значит подвергать человека мучениям, безразлично на долгое ли или на короткое время. И не за это ли смертные муки преждевременно ниспосланы тебе?

— Учитель, ты утешил меня[1)], — сказал р. Симеон.

И оба начинают просить палача. Один говорит:

— Я первосвященник, сын первосвященника, потомок Аарона, священнослужителя перед Господом. Казни меня первым, чтоб не видеть мне мук моего товарища.

И другой просит:

— Я князь, потомок князей, отпрыск Давидова дома. Казни меня раньше, чтобы не видеть мне муки товарища моего.

---

1) Потому что более тяжелого греха я за собою не знаю.

— Киньте между собою жребий, — предлагает палач.

Жребий пал на р. Симеона.

Взмахнул палач мечом и обезглавил его. Поднял р. Исмаил отсеченную голову и, прижимая ее к груди, воскликнул, заливаясь слезами:

— О, священные уста, уста праведные, уста, из которых яхонты, алмазы и перлы сыпались! Кем вы теперь в прах повержены, кем песком и пеплом наполнены! О, горе, горе! Такова ли Тора и такова ли награда ее?

Пока р. Исмаил горевал так, выглянула в окно дочь кесаря и остановилась очарованная красотой его, ибо р. Исмаил был одним из семи красивейших мужей на свете, и сияло лицо его подобно лику ангельскому. Преисполнилось сердце царевны жалостью к нему, и посылает она просить кесаря:

— Отец, обещай исполнить одну мою просьбу.

Отвечает кесарь:

— Исполню всякую просьбу твою, дочь моя; не проси только за р. Исмаила и его товарищей.

Посылает снова она просить отца:

— Молю тебя, подари ему жизнь!

— Это невозможно, — отвечает кесарь, — я поклялся казнить его.

Начал палач сдирать кожу на голове у р. Исмаила. И когда он дошел до того места, где возлагается тефилин, — земля и небо содрогнулись; повторился стон — Престол Небесный пошатнулся.

— Господи! — возгласили, не выдержав более, Ангелы Служения. — Праведник, перед которым Ты открыл все сокровищницы высших миров и все тайны низших — ему ли умирать такой ужасной смертью? Такова ли Тора и такова ли награда ее?

Отвечает Всевышний:

— Как помочь мне детям моим? Это — гезера[1] и некому из смертных устранить ее.

Раздался голос:

— Еще один вопль р. Исмаила — и я всю вселенную в пустыню превращу!

Услыша последние слова, р. Исмаил умолк.

Говорит ему кесарь:

— Что же, все еще уповаешь ты на своего Бога?

— Да, — отвечает р. Исмаил словами Иова: "если Он и убьет меня, я на Него уповать буду".

И с этими словами отлетела душа его.

Когда весть о казни р. Симеона и р. Исмаила дошла до р. Акибы, он разорвал на себе одежды, облекся во вретище и сказал ученикам:

— Готовьтесь к великим испытаниям. Ибо, если бы милость Божия была суждена нам, она пришла бы не иначе как через Симеона и Исмаила. Но ведомо Тому, Кем сотворена вселенная, что великая кара грядет на землю — и вот, взяты от нас праведники эти.

---

1) Роковое предопределение.

Р. АКИБА БЕН ИОСИФ

Повели на казнь р. Акибу — того, кто в св. письменах каждую черточку изъяснял, черпая в ней истинный *смысл* синайских заветов.

Но в этот момент пришла весть о нашествии из Аравии на римские владения, и кесарь, спеша в поход, приказал отложить казнь и до его возвращения с войны держать р. Акибу в заключении.

Возвратясь из похода, он не замедлил возобновить приказ о казни.

Начали палачи рвать железными гребнями тело р. Акибы. С любовью принимал он муки, и каждый раз, когда острые зубья впивались в него, он восклицал словами предсмертной песни Моисея:

"Твердыня наша! — Совершенны
Дела Его, законны все пути.
Бог — Истина; нет кривосудья в Нем,
И справедлив Он, и правдив!"

Раздался Бат-Кол:

"Благо тебе, Акиба! Праведен ты был и правдив — и со словом "Правдив" отлетела душа твоя".

Р. ХАНИНА БЕН ТЕРАДИОН

Настала очередь р. Ханины бен Терадиона.

Про р. Ханину бен Терадиона рассказывали, что это был человек, приятный и Богу, и людям. Никто не слышал от него дурного слова.

Когда вышло запрещение заниматься изучением Торы, он не переставал собирать вокруг себя народ и преподавать свои поучения.

Больной р. Иосе бен Кисма, которого он зашел проведать, стал увещевать его, говоря:

— Ханина, брат мой! Не видишь ли сам, что этому племени[1)] Самим Богом дана власть над нами? Оно опустошило дом Его, сожгло Его святыню, умертвило праведнейших Его, погубило избранных Его — и поныне племя это остается невредимым. А мне сказали про тебя, что продолжаешь изучать сам и другим преподавать Тору, устраивая собрания и публично держа свитки Завета раскрытыми перед собою.

— Господь милостив, — отвечает р. Ханина.

— Это не ответ, Ханина! Я дело говорю, а ты отвечаешь: "Бог милостив". Чудом будет, если не сожгут тебя вместе со свитками на костре.

— Раби, — говорит Ханина, — удостоюсь ли я блаженства?

---

1) Римлянам.

— Разве ты знаешь какой-нибудь тяжкий грех за собою?

— Заведуя благотворительными сборами, я однажды деньги, назначенные на трапезу для неимущих в Пурим, роздал по ошибке, как обычную милостыню бедным.

— Только то? Я ничего лучшего не желал бы себе, как быть на твоем месте.

Вскоре р. Иосе умер. На погребение его пришли знатнейшие граждане Рима и на обратном пути застали р. Ханину читающим поучение с раскрытым свитком Завета перед многочисленным собранием. Привели его на суд и спрашивают:

— Как дерзнул ты нарушить приказ кесаря?

— Я поступил так, как повелел мне Господь.

Суд постановляет: р. Ханину сжечь на костре, жене его отрубить голову, а дочь отдать на публичное позорище.

Вывели р. Ханину на площадь, обернули в свиток Торы и в таком виде возвели на костер. Затрещал охваченный пламенем хворост. А палачи начали класть на грудь р. Ханине волокна шерсти, напитанные водою, дабы подольше поддержать в нем дыхание и этим продлить мучения.

— Отец! — кричит в ужасе дочь его. — Я не в силах муки твои видеть!

— Дочь моя! — отвечает р. Ханина. — Если бы меня одного жгли на костре, я возроптал бы, но вместе со мною горит и св. Тора наша. И Тот, Кто явится мстителем за нее, отомстит и за меня.

Спрашивают ученики:

— Раби, что видишь ты в эти минуты?

— Вижу, — отвечает р. Ханина: пергамент сгорает, а буквы возносятся в вышину.

— Раби! — советуют они. — Вдохни в себя пламя — скорее наступит конец твоим мукам.

— Пусть Тот, Кто дал мне душу, примет ее у меня, — отвечает р. Ханина, а сам я ускорять свою смерть не стану.

Тут уже и сам палач не мог дольше видеть его муки, и спрашивает он р. Ханину:

— Раби, если я сниму мокрую шерсть и усилю пламя, введешь ли ты меня в жизнь вечную?

— Да, — отвечает р. Ханина.

— Поклянись мне в этом.

— Клянусь.

Сделал так палач. И отлетела в вечность душа мученика. В ту же минуту и палач бросился на костер и исчез в пламени.

И зазвучал Бат-Кол.

"Раби Ханина и палач его с ним грядут в жизнь вечную!"

По поводу этого Рабби[1] говорил со слезами на глазах:

— Кому удастся одной минутой обрести вечную жизнь, а кому долгими годами приходится выносить самые мучительные испытания.

Р. ИУДА БЕН БАБА

Про р. Иуду бен Баба рассказывают, что с восемнадцати до восьмидесяти лет своей жизни он не знавал сна, довольствуясь, как это наблюдается у лошади, легкой и кратковременной дремотой. День и ночь он отдавал ученью.

Однажды вышел указ, запрещающий выдавать семиху[2], под страхом смерти как выдающего, так и получающего ее. Кроме того, указом налагалась строгая ответственность на весь город и на окрестные местности, в пределах которых нарушено будет это запрещение.

Поразмыслив над этим, р. Иуда прибегнул к такому исходу: приглядел он место в горах, лежащее между двумя городами с их округами и на полпути между Ушой и Сефареам. Там приютился он с пятью учениками: р. Меиром, р. Иудою, р. Симеоном, р. Иосе и р. Элазаром бен Шаммуа, чтобы подготовить их к семихе.

Когда убежище их было открыто, говорил им р. Иуда:

— Дети мои, скорей бегите отсюда.

— Учитель, что же с тобой будет? — возражают ученики.

— Обо мне не тревожьтесь: я останусь здесь подобно скале, которой не сдвинуть с места.

Предание гласит, что когда явились римляне, р. Иуда оставался на своем месте, и триста дротиков, пущенных в него римлянами, изрешетали все тело его.

Р. ИУДА БЕН ДАММА

Повели казнить р. Иуду бен Дамма. Тот день был канун пятидесятницы[3].

Просит р. Иуда у кесаря:

— Отпусти меня на короткое время — дай встретить святой праздник и поблагодарить Господа за дарование нам Торы.

— Как, ты до сих пор еще веришь, — восклицает кесарь, — в Тору и в Бога, который дал вам ее?!

— Верую! — отвечает р. Иуда.

— На какую же еще награду за свою Тору можешь ты рассчитывать?

— На это уже давно дан ответ Давидом, — мир душе его: "Как велико благо Твое, которое Ты хранишь для боящихся Тебя!"

---

[1] Так именовали в сокращении р. Иуду Га-Насси.

[2] Аттестат на звание раввина.

[3] Ш е в у о т — день получения Моисеем Завета на Синае.

— Подобных вам безумцев и на свете не было. Неужели вы действительно верите в загробную жизнь?

Отвечает р. Иуда:

— Безумцев, подобных *вам*, действительно нет и не было на свете. Возможно ли отрицать существование Бога Живого? И горе же тебе будет, когда увидишь нас в сиянии вечной жизни, а сам, в стыде и позоре, повержен будешь в преисподнюю!

Воспылал гневом кесарь — и велит он привязать р. Иуду за волосы к хвосту дикой лошади и влачить по улицам Рима, а затем изрубить тело его в куски.

Когда казнь была совершена, явился блаженной памяти Илия-пророк и, подобрав куски, предал их погребению в пещере у реки, протекающей вблизи Рима. И в продолжение тридцати дней после этого слышали римляне рыдания и стоны, доносившиеся из той пещеры.

Доложили об этом кесарю. А он крикнул в ответ:

— Если бы и всему миру грозило разрушение, я до тех пор не успокоюсь, пока не выполню волю свою над старейшинами еврейскими.

РАБИ ХУЦПИТ ТУРГЕМАН

По преданию, р. Хуцпиту в то время было сто тридцать лет, а он и тогда еще был красив лицом, как ангел Божий.

Доложили кесарю о красоте и глубокой старости осужденного и стали просить:

— Жизнью твоей заклинаем тебя, государь, смилуйся над этим старцем!

Спрашивает кесарь р. Хуцпита:

— Сколько лет тебе?

— Сто тридцать лет без одного дня, — отвечает старец. — И я прошу тебя: отложи мою казнь до завтра и дай исполниться числу лет моих.

— Но разве тебе умирать не все равно, — удивляется кесарь, — что днем раньше, что днем позже?

Отвечает р. Хуцпит:

— Я хотел бы еще два повеления Божьи исполнить.

— Какие же это повеления?

— Еще дважды прочитать “Шема”, утром и вечером, дважды еще признать над собою власть Единого Бога, Великого и Страшного.

— О, дерзкие! О, неукротимые! — раздражается криком кесарь. — Доколе вы еще будете уповать на вашего Бога. Ведь этот Бог ваш уже состарился и не в силах больше защищать вас от меня. Кабы не бессилие Его, разве Он давно уже не рассчитался бы со мною за Себя, за Свой народ, за Свой храм, как Он сделал это с фараоном, с Сисарой и со всеми царями ханаанскими?

Слыша такое богохульство, горько зарыдал р. Хуцпит и, разорвав на себе одежды, воскликнул:

— Горе, горе тебе, кесарь! Что станешь ты делать в тот день, когда придет Господь, чтобы воздать по заслугам Риму и богам его?

— Довольно препираться со мною этому старику! — крикнул кесарь. — Казнить его!

Р. Хуцпита сперва закидали камнями, а затем распяли!

Р. ХАНИНА БЕН ХАХИНАЙ

Вывели на место казни р. Ханину бен Хахиная.

Предание гласит, что всю жизнь свою, с двенадцати и до девяностопятилетнего возраста, он провел в посте.

День, когда его повели на казнь, был канун субботы.

Стоя перед палачами, он приступил к чину "Встречи Субботы".

"И совершены были небо и земля,
И все сонмы их.
И Бог благословил день седьмой
И освятил его".

И едва он произнес слово "освятил", напали на него палачи и умертвили его.

И Бат-Кол возгласил:

"Благо тебе, Ханина бен Хахинай! Ты свят — и со словом "Свят" отлетела душа твоя!"

Р. ИЕШЕВАВ ГА-СОФЕР

Когда повели казнить р. Иешевава Га-Софера, ученики стали говорить ему:

— Учитель, что с Торою станется?

— Дети мои, — отвечает он им, — наступает время, когда Тора забыта будет в народе. Недаром злодейское племя это принялось с такой наглостью уничтожать лучшую красу нашу, достойнейших и славнейших среди нас. О, если бы моя смерть послужила уже последним искуплением для всего поколения нашего! Но, увы, я предвижу, что не останется ни одной улицы в Риме, где не валялись бы кости еврейские. О, много, много крови еврейской будет еще пролито этими злодеями.

— Что же следует нам делать, учитель?

— Стойте крепко один за другого, живите между собою мирной и праведной жизнью. Может быть, не все еще надежды потеряны.

Спрашивает кесарь:

— Сколько лет тебе, старик?

— Сегодня, — отвечает р. Иешевав, — мне девяносто исполнилось. Но еще в чреве матери надо мною произнесен был приговор — и мне, и товарищам пасть от руки твоей. Но знай, кесарь, Господь взыщет с тебя за кровь нашу.

— Сейчас же казните и этого! — крикнул кесарь. — И посмотрим, каковы власть и сила его Бога.

Р. Иешевава сожгли живым на костре.

Р. ЭЛИЭЗЕР БЕН ШАММУА

Повели казнить р. Элиэзера бен Шаммуа.

По преданию, ему тогда было сто пять лет. С детства и до последних дней его никто не слыхал от него легкомысленного или дурного слова; ни с кем ни разу не выходило у него ссоры. Это был человек величайшей скромности и миролюбия. Восемьдесят лет он провел в постоянных постах.

День, когда его повели на казнь, был Иом-Кипур.

Спрашивают ученики:

— Учитель, скажи, что в эту минуту открыто очам твоим?

— Воды потока Шилоах вижу я, и душа каждого праведника погружается в них, чтобы чистою войти в Иешивашел-Маала[1] и слушать там сегодняшнее поучение р. Акибы. И вижу я: для каждого праведника особым ангелом ставится золотой трон, чтобы восседать на нем в чистоте небесной.

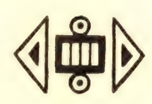
Велит кесарь казнить его.

И в эту минуту звучит Бат-Кол:

“Благо тебе, Элиэзер бен Шаммуа! Чиста была твоя душа — и со словом ”чистота” отлетела она в вечность”.

Р. Иоханан говорит:

“Горе им, горе народам языческим, ибо нет достаточно грозного искупления для них. Пророк говорит: ”Отнятую медь я восполню золотом, железо — серебром, серебро — медью, камни — железом. Чем же могут враги за р. Акибу и его товарищей ответить? Про них и сказано: “И смою кровь их, которая еще не смыта Мною” *(Мид. Эл.-Эз.; Р. га-Ш., 23; Санг., 14; Аб.-З., 17; Аб. де-р. Н. гл. 38; Симх., гл. 7).*



---

[1] Небесная школа, где души праведников продолжают заниматься изучением Торы.

Р. МЕИР (НЕГОРАИ). ЭЛИША БЕН АБУЯ (АХЕР). БЕРУРИЯ.

РЕМЕСЛО Р. МЕИРА

Меир был переписчиком св. книг, и чрезвычайно искусным. Зарабатывая три шекеля в день, он тратил шекель на пропитание, шекель на одежду, а третий шекель отдавал в помощь неимущим ученым.

Ученики однажды спросили его:

— Учитель, кто же о твоих детях позаботится?

— Псалмопевец говорит, — ответил р. Меир: — "Я был молод и состарился, но не видал праведника оставленного и детей его просящих хлеба". Будут дети мои вести праведную жизнь — Господь их не оставит, а если нет, то зачем стану я заботиться[1] о врагах Божьих?

(Эх.-Р.)

СВЯЩЕННАЯ РАБОТА

Р. Меир рассказывал:

— Когда я поступил в число учеников к р. Исмаилу, он спросил меня:

— Чем ты, сын мой, занимаешься?

— Перепискою св. книг, — ответил я.

— Сын мой, — сказал учитель, — будь чрезвычайно внимателен к своей работе: пропустишь одну букву или прибавишь букву — и может произойти переворот в умах во всем мире *(Эрув., 13)*.

ТИТАН

Видавшие р. Меира во время его занятий св. наукой говорили, что он пламенным воодушевлением напоминал титана, выламывающего скалы, измалывая их в порошок одну о другую *(Санг., 24)*.

---

[1] Т. е. копить для них.

ИЗ-ЗА ЧИНОПОЧИТАНИЯ

Р. Симеон бен Гамлиель носил титул "Насси", р. Меир — "Хахам", р. Натан — "Аб-бет-дин". В обычае было, что при входе каждого из них все присутствующие в академии вставали со своих мест.

Не понравился обычай этот р. Симеону.

"Недопустимо, — решил он, — чтобы между мною, патриархом, и ими не было никакой разницы чинопочитания".

И ввел он новое правило:

При появлении патриарха встают все и остаются на ногах, пока он не скажет: садитесь. При входе аб-бет-дина ближайшие к проходу становятся двумя шеренгами и стоят, пока он не сядет на свое место. При входе же хахама и следовании его к своему месту поднимаются поочередно — передние встают, а те, которые позади, садятся.

В тот день, когда новое правило было введено, р. Меира и р. Натана как раз не было в академии. На завтра же, придя в академию, видят они — не все встали перед ними, как бывало прежде, и спрашивают:

— Что значит это?

— Так установил, — отвечают им, — р. Симеон бен Гамлиель.

И говорит р. Меир р. Натану:

— Я хахам, ты аб-бет-дин. Придумаем что-нибудь против него. И вот что пришло мне на мысль: потребуем, чтобы он публично прочел лекцию по трактату "Окцин" — предмету ему малознакомому. Он неизбежно растеряется. Этим мы воспользуемся, чтобы низвергнуть его с патриаршества. И станешь ты патриархом, а я аб-бет-дином.

О заговоре этом проведал р. Иаков бен Карши и решил предупредить недостойное столкновение. С этой целью он поместился рядом с комнатой р. Симеона и принялся громко читать и повторять трактат "Окцин". Слышит это р. Симеон и удивляется, по какому случаю ученик этот взялся за трактат "Окцин"? Не иначе, что там, в академии, задумано против него, р. Симеона, что-то недоброе. Садится р. Симеон и усердно принимается за трактат "Окцин".

Назавтра, когда он появился в академии, раздались голоса:

— Просим раби читать о трактате "Окцин".

Прочитал р. Симеон свою лекцию, а затем обратился к р. Меиру и р. Натану:

— Итак, не изучи я предварительно этот трактат, вы опозорили бы меня перед всей академией?

И приказывает удалить их из академии.

Стали после этого р. Меир и р. Натан поступать так: напишут разные головоломные вопросы и через окна бросают записочки р. Симеону в зал академии. На одни вопросы р. Симеон давал ответы, а на которые он отвечать не умел, р. Меир с р. Натаном сами писали ответы и записки свои бросали через окно в зал академии.

Видя это, р. Иосе заявил громогласно:

— Что же это, однако? Тора — там, на дворе, а мы здесь!

Поневоле пришлось патриарху вновь разрешить им свободный вход в академию. Но при этом он поставил условием, в виде наказания для них, имена их ни с какой галахой в связи не упоминались. С тех пор, вместо "р. Натан говорит", произносили: "*одни* говорят", а вместо "р. Меир говорит" — "*другие* говорят".

Был обоим им сон: "Повелевается вам извиниться перед р. Симеоном!"

Р. Натан послушался, а р. Меир нет.

— Сновидениям, — сказал он, — я значения не придаю.

Сурово встретил патриарх явившегося с повинной р. Натана:

— Стать аб-бет-дином, — сказал он, — помог тебе золотой пояс твоего отца[1]; но чтобы сделаться патриархом, ты на что рассчитывать можешь?.. *(Гор., 13).*

АХЕР[2]

В одну из суббот р. Меир проповедовал в школе в Тивериаде, а бывший учитель его Элиша катался в это время верхом на лошади по базару. Сказали об этом р. Меиру. Пошел он к Элише.

Спрашивает Элиша р. Меира:

— Какой текст взял ты для сегодняшней проповеди?

— Я начал, — отвечает р. Меир, — стихом из книги Иова: "И Господь благословил конец жизни Иова более, чем начало ее", — т.е. удвоил богатство Иова.

— Учитель твой Акиба, — замечает на это Элиша, — иначе толковал этот стих: "Господь благословил конец жизни Иова *в награду за начало ее*, т. е. за прежнее благочестие и добродетели Иова. А дальше о чем говорил ты?

— Я говорил на стих из Екклезиаста: "Конец дела лучше начала".

— А что сказал ты по поводу этого изречения?

— Бывает, — сказал я, — что человек в молодые годы купит товару и потерпит убыток, а на старости лет прибыль получит. То же бывает с человеком, который в молодости грешен, а на старости становится добродетельным и благочестивым.

— Учитель твой Акиба, — говорит опять Элиша, — иначе объяснял это изречение "конец дела лучше начала": "Конец дела говорил он, лучше, *если начало его доброе*". Возьми, для примера, меня. Отец мой Абуя был одним из значительнейших людей своего времени. Празднуя мое рождение, он разослал приглашения знатнейшим людям Иерусалима. Между прочим приглашены были р. Элиэзер и р. Иошуа.

---

[1] Отец р. Натана был экселархом в Вавилоне.

[2] Ахер — иной. Так прозван был Элиша после отпадения его от религии иудаизма. Был, как и р. Акиба, учителем р. Меира.

После трапезы развеселившиеся гости принялись петь: евреи — каноны, эллины — забавные акростихи.

Говорит р. Элиэзер р. Иошуе:

— Эти добрые люди занялись пением. Не займемся ли и мы, чем нам подобает?

Завязалась у них нравоучительная беседа; от Торы перешли к пророкам, от пророков к гаиографам. Свежими, новыми звучали слова Писания, словно сейчас на Синае провозглашенные и божественным огнем осиянные. Видя это, отец мой сказал:

— Убеждаясь, насколько могущественна власть Торы, обещаю: новорожденного сына моего, если он жив будет, посвятить всецело священной науке.

Небескорыстно, как видишь, было это обещание. И поэтому-то я и не устоял перед соблазнами жизни. Расскажи, однако, о чем еще говорил ты в своей проповеди?

— Я говорил на стих: "То и другое создал Бог".

— Как объяснял ты этот стих?

— Планомерно все в природе: горы — и равнины; моря — и реки.

— Нет, учитель твой Акиба иначе объяснял этот стих. "Господь, — говорил он, — создал праведников и создал грешников, создал рай и создал ад. Каждому человеку уготованы две доли, одна в раю, другая в аду. Праведник получает обе, за себя и за грешника, доли райского блаженства, грешнику же достается возмездие и за себя, и за праведника в безднах преисподней." И еще о чем говорил ты?

— О стихе: "Не равняется с нею (Торою) золото и стекло, и не выменяешь ее на сосуды из золота чистейшего".

— Как объяснял ты этот стих?

— Тора, — сказал я, — подобна и золоту, и стеклу: приобрести ее трудно, как изделия из чистейшего золота, а лишится ее легко, как сосудов стеклянных.

— Клянусь Богом, даже как сосудов глиняных. Ничего не может быть легче. Однако учитель твой Акиба давал этому изречению другое объяснение:

— Золотые и стеклянные сосуды, — говорил он, — если и разобьются, их можно починить. Также и ученый: если он и согрешит, для него возможно раскаяние.

— Если так, — говорит р. Меир, — раскайся же и ты!

— Для меня это уже невозможно.

— Но почему?

— Однажды в Йом-Кипур, совпавший с субботним днем, я проезжал верхом мимо бет-гамидраша, и услышал я оттуда Бат-Кол, громко возвещавший:

— Возвратитесь, заблудшие дети! Возвратитесь ко Мне, и Я обращу лицо Мое к вам. Все возратитесь, все, кроме Ахера, познавшего могущество Мое и восставшего против Меня!

Заметив, что кончился техум[1], говорит Элиша р. Меиру:

— Возвратись, Меир, домой; по шагам моей лошади я вижу, что мы прошли техум.

— *Возвратись* и ты, Элиша! — убеждает его р. Меир.

— Я уже говорил тебе, — отвечает Ахер, — о слышанном мною Бат-Кол: "*Все — за исключением Ахера!*"

Уступая настойчивым просьбам р. Меира, Элиша согласился посетить вместе с ним некоторые школы для детей. Входят они в ближайшую школу.

— Какой стих проходил ты сегодня? — обращается р. Меир к одному из учеников.

"Нет мира нечестивым — говорит Господь".

Входят в следующую школу — и ученик на тот же вопрос отвечает:

"Хотя бы умыла себя щелоком и много потратила на себя мыла, нечестие твое все останется пятном предо Мною, говорит Господь Бог".

В третьей школе:

"А ты, опустошаемая, что станешь делать? Хотя наряжаешься в пурпур, надеваешь на себя золотые украшения, очерчиваешь глаза свои румянами, но напрасно украшаешь себя: презрели тебя любовники — они ищут души твоей".

Побывали они таким образом в тринадцати школах, и везде ответы учеников содержали дурное предзнаменование для Ахера.

Последний из школьников, к которому р. Меир обратился с тем же вопросом, прочитал стих:

"Нечестивому же сказал Бог: "Что тебе до Моих уставов?"

Рассказывали про Ахера, что при посещении им школ он, указывая на детей, сидящих за учебниками, говорил:

— К чему они сидят за этими ненужными книжками? Этому лучше бы сделаться каменщиком, тому столяром, третьему маляром, четвертому портным.

Слыша это, дети оставляли книги и совершенно прекращали учение.

Еще рассказывали про Ахера, что он постоянно напевал какую-нибудь греческую песенку, а когда он находился в бет-гамидраше, ронял из карманов разные книги еретического содержания.

Как началось вероотступничество Ахера?

Рассказывают следующее.

---

[1] Пространство в 2000 локтей, которое дозволено пройти в субботние и праздничные дни в окрестностях города.

Однажды в субботу он сидел, занимаясь Св. учением, в Генисаретской долине. И видит он — некий израильтянин влезает на верхушку пальмы, берет из гнезда птицу-мать от едва вылупившихся птенцов и уходит благополучно. В ту же субботу вечером другой израильтянин влез на дерево, сперва согнал с гнезда птицу (как и повелевается Торою) и затем взял птенцов. Но едва он сошел с дерева на землю, его ужалила змея, и он тут же скончался.

Глубоко задумался Элиша над этим случаем.

— Как же так? — размышлял он. — В Торе сказано: "Мать отпусти, а птенцов возьми себе — чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои". Где обещанное добро и долгоденствие этого человека?

Это и послужило началом его вероотступничества.

Когда Элиша заболел, пришел к нему р. Меир и начал его убеждать:

— Покайся и возвратись к вере.

— Но может ли еще быть принято мое раскаяние?

— А разве не сказано: "Ты возвращаешь человека до сокрушения"? Т. е. доведя человека до окончательного сокрушения духа его.

Заплакал Элиша и со слезами на глазах скончался.

— Эти слезы показывают, — радостно воскликнул р. Меир, — что учитель мой умер раскаявшимся.

Едва его похоронили, пал с небесных высот огонь на могилу и начал охватывать ее пламенем.

Известили р. Меира:

— Могила твоего учителя вся в пламени!

Поспешил туда р. Меир. Разостлал он над пылающей могилой молитвенное покрывало свое, и громко и властно зазвучал голос его словами Ноемини:

"Lini halajlo" — проспи мирно ночь эту — проспи время, пока я, ученик твой, остаюсь в темной как ночь земной юдоли до светлого утра воскресения моего в жизни вечной. Помилует тебя Искупитель — хорошо; нет — клянусь: жив Господь, я сам спасу и избавлю тебя. Спи мирно до утра!"

И в ту же минуту пламя на могиле погасло.

Существует еще такое предание:

Ученые были того мнения, что Ахера на том свете судить не будут, но не удостоится он и жизни грядущей: судить его не будут — потому что он занимался изучением Торы, а блаженства он лишен будет за прегрешения свои. Р. Меир же говорил:

— Нет, справедливее, чтобы он искупил муками грехи свои, но и блаженства грядущей жизни удостоился бы. Оно так и будет. И после

смерти моей, вы, в знак этого, увидите, что дым пойдет из его могилы.

И после кончины р. Меира пошел дым из могилы Ахера.

Видя это, сказал р. Иоханан:

— Геройство ли это — обречь на сожжение учителя своего! Единственный в своем роде был он среди нас, и не могли уберечь его! Если бы он под моим влиянием находился, кто в силах был бы отнять его у меня? Когда я умру, я сумею прекратить дым из могилы его.

И после кончины р. Иоханана дым из могилы Ахера прекратился.

РАДИ СЕМЕЙНОГО МИРА

Однажды в канун субботы, вечером, одна женщина до того заслушалась проповеди р. Меира, что вернулась домой, когда лампады уже успели догореть.

— Ты где это была так поздно? — спрашивает муж.

— Слушала проповедь р. Меира.

Муж, человек, склонный к грубым шуткам, крикнул ей:

— Пусть будет, что угодно, но ты не переступишь моего порога, прежде чем не пойдешь и не плюнешь в лицо этому проповеднику!

(И выгнал ее из дому.)

Прошла неделя, другая, третья. Говорят ей соседки:

— Ты все еще с мужем в ссоре? Соберись, пойдем с нами к проповеднику.

Р. Меиру уже было известно об этом случае, и, когда женщины пришли, он вышел к ним с повязкой на глазу и спрашивает:

— Не умеет ли кто из вас ячмень на глазу заговорить?

Соседки и говорят тихонько той женщине:

— Иди-ка ты, пошепчи и сплюнь ему в больной глаз — муж и помирится с тобою.

Женщина направилась было к р. Меиру, но, подойдя поближе, оробела.

— Учитель, — созналась она, — это неправда, я заговорить глаз не умею.

— Ничего, не беда, дочь моя, — успокоил ее р. Меир, — ты только плюнь мне в лицо семь раз, я и вылечусь.

Женщина так и сделала.

— А теперь, — заявил ей р. Меир, — иди к своему мужу и скажи: “Ты приказал плюнуть раз, а я целых семь раз плюнула”.

— Раби! — взволновались ученики. — Пристойно ли ученому так унижать себя?

— Никакого тут унижения для меня нет, — ответил р. Меир, — упрочение мира между мужем и женой сам Бог считает великим и святым делом *(Ваик.-Р., гл. 9)*.

УБЕЖИЩЕ САТАНЫ

Были два человека, которых сатана восстанавливал друг против друга, — и постоянно при наступлении св. субботы люди эти затевали между собою ссору.

Случилось побывать в том месте р. Меиру. Три недели подряд в канун субботы он удерживал их от ссоры — и они наконец помирились и стали друзьями. И услышал р. Меир вопль сатаны:

— Горе мне! Раби Меир из убежища моего изгнал меня! *(Гит., 52).*

МОЙ БРАТ КИ-ТОВ

В одном из южных городов был содержатель заезжего двора, который вместе с шайкою грабителей обирал своих постояльцев. Поступал он так: встанет ночью, оденется по-дорожному и пойдет будить приезжих, говоря:

— Вставайте, отправляйтесь по холодку в дальнейший путь. Я пойду провожу вас.

Проезжие отправлялись вслед за ним, а грабители уже подстерегали их и всем награбленным делились с содержателем заезжего двора.

Случилось и р. Меиру заночевать там. Встает, по своему обыкновению, хозяин и предлагает проводить его в дорогу. Р. Меир же отвечает:

— Мне надо подождать здесь моего брата.

— А где он теперь находится?

— В синагоге.

— Как зовут его?

— Ки-Тов.

Отправляется хозяин к синагоге и начинает звать:

— Ки-Тов! Ки-Тов! Где тут Ки-Тов?

Никто не откликается. Всю ночь проходил он, ища Ки-Това.

Когда начало рассветать, поднялся р. Меир, вывел своего осла и стал собираться в дорогу.

— Где же, — спрашивает хозяин, — твой брат, которого ты здесь ждал?

— Да вот же он и пришел, — отвечает р. Меир, — указывая на восходящее солнце: "И видел Господь свет — ки-тов (что он хорош)".

(Береш.-Р., гл. 92)

ОТДАННОЕ НА ХРАНЕНИЕ

Однажды на исходе субботы, когда р. Меир произносил проповедь в бет-гамидраше, внезапно умерли оба его сына. Положила их Беррурия, жена р. Меира, на ложе и покрыла их простыней.

Возвратившись домой, спрашивает р. Меир:

— Где дети?

18-760

— В бет-гамидраше, — отвечает Берурия.

— Странно, — говорит р. Меир, — я смотрел, но не видел их там.

Подает ему жена кубок для "Гавдалы".

После "Гавдалы" р. Меир спрашивает снова:

— Где же, однако, дети?

— Должно быть, погулять пошли и скоро возвратятся.

Дав мужу поужинать, Берурия говорит:

— Раби, позволь предложить тебе один вопрос.

— Спрашивай.

— На днях некто отдал мне одну вещь на хранение, а сегодня пришел взять ее обратно. Должна ли я возвратить ее, или нет?

— Дочь моя! — говорит р. Меир. — Надо ли возвратить чужую собственность? Как ты можешь еще спрашивать об этом?

— Без твоего ведома я не хотела сделать это, — говорит Берурия, — и с этими словами она берет мужа за руку, подводит его к постели и сдергивает простыню.

Горько зарыдал р. Меир, оплакивая смерть детей:

— О, дети мои! Дети и наставники мои! Дети, милые мне добронравием своим, а светом Торы, сиявшим в очах ваших, озарявшие меня!

— Раби, — говорит ему жена, — не сам ли ты сказал мне, что отданное на хранение следует возвратить по принадлежности? "Господь дал и Господь взял; да будет имя Господне благословенно!"

(Мид. Миш.)

НЕ ГРЕШНИКИ, НО ГРЕХИ

Соседи у р. Меира были люди злые и безнравственные. Довели они его до того, что он стал просить Бога о их смерти.

Слыша это, говорит ему Берурия:

— Нет, муж мой, не на грешников надо гибель просить, а на грехи. Об этом и просил Господа Псалмопевец, говоря: "Да исчезнут грехи с земли — и нечестивых не будет более". Помолись же лучше, чтобы люди эти раскаялись и исправились.

Воззвал р. Меир к милости Господней — и злые соседи его сделались людьми честными и добрыми *(Берах., 10)*.

ЛИКУЙ, НЕПЛОДНАЯ!

Некий еретик говорит Берурии:

— Написано у пророка: "Ликуй, неплодная, нерожавшая!" О чем же ей ликовать? Не о том ли, что неплодна она?

— Глупец! Прочти, что дальше сказано, — отвечает Берурия: "Потому что у покинутой детей больше, чем у замужней". А смысл таков: ликуй, дщерь Израильская, не рожавшая для ада детей, *тебе подобных*! *(Там же)*.

ИЗ БАСЕН Р. МЕИРА

Р. Иоханан рассказывал:

— Произнося свои проповеди для народа, р. Меир делил каждую проповедь на три части: треть посвящал галахе, треть агаде и треть притчам и басням. Последних им составлено было целых триста, но из них у нас сохранилось всего на следующие три текста.

a) "Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина".

b) "Весы верные, гири верные".

c) "Праведный спасен от беды; вместо него постигнет она нечестивого".

"Отцы ели кислое".

Однажды говорит волку лисица:

— Зайди в канун субботы в какой-нибудь еврейский двор, предложи свои услуги на кухне, и тебя там пригласят к обеду.

В первом же дворе волка встретили с кольями в руках.

Избитый волк набросился на лисицу.

— Но при чем же я тут, — стала оправдываться лисица, — тебя побили за вину твоего отца, который, помогая им однажды на кухне, сам все лучшие куски сожрал.

— Так меня за что же бить?

— А уж это по правилу: "Отцы ели кислое, а у детей на зубах оскомина". Забудь об этом; лучше пойдем, я покажу тебе такое местечко, где ты досыта накушаешься.

Привела она волка к колодцу. А у того колодца журавец был в виде коромысла с двумя бадьями. Прыгнула лисица в одну из них и спустилась в колодец, а другая бадья поднялась вверх.

— Зачем это ты спустилась туда? — спрашивает волк.

— Да тут, — отвечает лиса, — и мяса, и сыра сколько душе угодно.

И указывает она волку на отражение луны в колодце, похожее на круг сыра.

— А как, — спрашивает волк, — мне попасть туда?

— Полезай в верхнюю бадью.

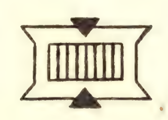
Едва волк влез, бадья под тяжестью его опустилась вниз, а другая, с лисицей, поднялась вверх.

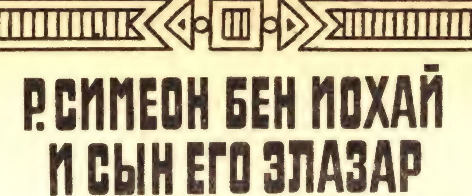
Кричит волк из колодца:

— Послушай, как мне выбраться отсюда?

А лисица отвечает:

— "Праведный спасен от беды; вместо него постигает она нечестивого". "Верные весы — верные гири" *(Санг., 38 и Раши).*





Р. СИМЕОН БЕН ИОХАЙ И СЫН ЕГО ЭЛАЗАР

ДВА РТА

Р. Симеон бен Иохай говорил:
— Если бы я был на Синае в момент Откровения, я попросил бы Бога дать людям по два рта каждому: один исключительно для учения, другой для обихода... Нет, нет! — прибавлял он тут же. — Если земля и так едва может устоять от клеветы и сплетен, то что же это было бы, если бы каждый человек имел по два рта! *(Иеруш. Берах.)*.

В ПЕЩЕРЕ И ПО ВЫХОДЕ ОТТУДА

Сидели однажды за дружеской беседой р. Иуда, р. Иосе и р. Симеон. Тут же находился некий Иуда бен Герим. Разговор зашел о римлянах.

— Сколько хороших вещей устроено этим народом, — говорил р. Иуда, — обширные рынки, превосходные мосты, прекрасные бани.

Р. Иосе промолчал. Р. Симеон же возразил р. Иуде.

— Да, — сказал он, — устроить устроили, да только для собственной выгоды: устроили рынки — и насадили там непотребных женщин; бани — чтобы нежить свое тело; мосты — чтобы непомерную пропускную плату брать.

Пошел бен Герим и рассказал об этом разговоре тому, другому; дошло до римских властей, и отдан был приказ:

Р. Иуду, за его похвальные речи, наградить.

Р. Иосе за то, что молчал, не выражая согласия со словами р. Иуды, сослать в Сепфорис.

Р. Симеона же, за хулу на римлян, казнить.

Заблаговременно узнав о приказе, р. Симеон со своим сыном скрылся в одном уединенном бет-гамидраше, куда жена р. Симеона тайком доставляла им ежедневно хлеб и кувшин с водою. Этим они и питались.

Когда же розыски усилились, сказал р. Симеон сыну:

— Женщины слабовольны: начнут ее пытать — она не выдержит и откроет наше убежище.

И ушел р. Симеон с сыном и спрятался в одной пещере. Произошло чудо: появились в пещере рожковое дерево и родник свежей воды.

Чтобы не износилась их одежда, они днем оставались раздетыми,

зарывшись по горло в песок, и занимались св. учением, одевались же только на время молитвы.

Пробыли они таким образом в пещере двенадцать лет.

Однажды у пещеры зазвучал голос Илии-пророка:

"Кесарь умер, и приказ его отменяется".

Услыша это, вышли они из своего убежища — и видят: люди пашут и сеют.

— Вот, — сказал р. Симеон, — забывают о жизни вечной, а занимаются ничтожными земными делами!

И куда ни упадал его негодующий взор, место то мгновенно выгорало как от пожара.

Зазвучал Бат-Кол:

"Мир Мой разрушить вышли вы? Возвратитесь в свою пещеру!"

Пошли они обратно в пещеру. Прошло еще двенадцать месяцев. И возроптали они, говоря:

— Грешников в аду и тех держат не более двенадцати месяцев.

Снова зазвучал Бат-Кол:

"Выходите из пещеры!"

На этот раз р. Симеон сам уже стал возражать сыну против нападок его на суету людской жизни.

— Сын мой, — говорил он, — хорошо, что хотя мы с тобою живем разумной жизнью в этом грешном мире.

В канун субботы встретился им старичок, спешивший куда-то с двумя букетами из миртовых веток в руке. Спрашивают они:

— Для чего, дедушка, собрал ты эти ветки?

— В честь субботы, — отвечает старичок.

— А не довольно ли одного букета?

— Нет: один в ознаменование завета "Помни", другой — завета "Храни"[1]. Видишь, — говорит р. Симеон сыну, — насколько заветы Господни близки еще и дороги народу!

И радостно стало на душе у обоих.

Узнав о возвращении р. Симеона, вышел навстречу к нему зять его р. Пихнас бен Яир.

Повел он р. Симеона в тибериадские бани, чтобы самому помыть его там. Увидя тело его покрытым порезами и ссадинами (от песку), не мог р. Пихнас удержаться от слез. Упали слезы на пораненное тело. Закричал р. Симеон от боли.

— О, горе мне, — воскликнул р. Пихнас, — горе мне, что вижу тебя таким.

— Нет, сын мой, — ответил р. Симеон, — не горе, а благо тебе, что именно таким видишь меня; иначе я не был бы тем, чем я теперь.

(Шаб., 34; Береш.-Р., гл. 79)

---

[1] Повеление о Субботе повторено в Св. Писании дважды, причем в одном месте (Исх. XX) оно начинается словом "Помни", а в другом (Втор., V) словом "Храни".

ИСЦЕЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ БЕСА

Вышел указ, воспрещающий евреям праздновать субботу и совершать обрезание.

[Желая добиться отмены указа] р. Рувим бен Истробул постригся [и оделся] по-римски и, выдавая себя за римлянина, стал заводить знакомство с властями.

Однажды, заведя с ними разговор об указе, он говорит:

— Как, по-вашему, чего мы должны желать врагу: обеднеть или разбогатеть?

— Обеднеть, разумеется.

— В таком случае, вы запретите евреям работать по субботам, и это будет для них прямым убытком.

— Ты совершенно прав.

Спрашивает р. Рувим далее:

— А пожелаете ли вы врагу быть слабосильным или же, наоборот, здоровым и крепким?

— Слабосильным, конечно.

— Пускай же евреи таки обрезывают своих сыновей на восьмой день от рождения и вместе с кровью теряют и силы.

— И в этом ты прав.

Перестали исполнять приказ. Но вскоре узнали, что советчик этот сам еврей, — и запрещение возобновили.

Стали евреи совещаться, кого послать в Рим добиться отмены указа. И решено было послать р. Симеона бен Иохая, человека, испытанного в чудесах, а вместе с ним р. Элазара бен Иосе.

По дороге в Рим является им бес Бен-Темалион и говорит:

— Хотите, пойду и я с вами?

Заплакал р. Симеон:

— Рабыне праотца нашего (Агари) трижды ангел являлся; я же ни разу не удостоился этого [а является мне на помощь бес]. Пусть же придет избавление через кого бы то ни было.

Поспешил бес вперед и вселился в дочь кесаря. Пришел р. Симеон и крикнул:

— Бен-Темалион, выходи! Бен-Темалион, выходи!

Услыша голос р. Симеона, бес оставил царевну и исчез.

Говорит им кесарь:

— Просите в награду чего хотите; все сокровищницы мои открыты перед вами.

Получив свободный вход повсюду, они разыскали тот указ и разорвали его *(Мегила, 17)*.

ДОЛИНА ЗОЛОТЫХ ДИНАРИЕВ

Один из учеников р. Симеона отправился в чужие края и вернулся оттуда с большим богатством. Стали товарищи ему завидовать и захотели также отправиться в поиски за счастьем. Узнав об этом, повел их

всех р. Симеон в долину за городом Мероном и, сотворив молитву, воскликнул:

— Долина! Долина! Повелеваю тебе наполнится золотыми монетами!

И вся долина начала покрываться золотыми динариями.

Обратился р. Симеон к ученикам и говорит:

— Если золота хотите, то вот, перед вами оно, берите. Но знайте: берущий теперь получает это вместо доли свой в грядущем мире, ибо награды Торы — только там, в Жизни Вечной *(Шем.-Р., гл. 52)*.

НОСИЛЬЩИК И ПРОРОК

Сын р. Симеона, Элазар, был в молодости носильщиком тяжестей. Однажды подходит к нему Илия в образе старца и говорит:

— Приготовь-ка вьючное животное, чтобы повезти меня.

— А велика ли кладь у тебя? — спрашивает Элазар.

— Вот, — указывает старец, — тут моя котомка и тут мой плащ. Едем, что ли?

— Что вы скажете об этом старом чудаке! — расхохотался Элазар. — На одно плечо я могу усадить его со всей его поклажей и до конца света унести, а он говорит: "вьючное животное приготовь для меня". Верхом тебе, старичок, покататься захотелось? Садись.

Посадил его Элазар к себе на плечи и пустился в путь. Заходили ноги у Элазара, пути не разбирая, и в гору, и под гору, по пустырям и колючим кустарникам, не остановиться ему. А в то же время старичок, замечает он, все тяжелее и тяжелее становится.

— Послушай-ка, старый, — говорит наконец Элазар, — не наваливайся ты так, Бога ради! Иначе невмоготу мне больше, сброшу тебя!

— Что, отдохнуть захотелось? — спрашивает старец.

— Ну да.

Сошел Илия на землю, повел его в открытое поле и, усадив под деревом, дал ему из своей котомки поесть и попить. Когда Элазар насытился, Илия ему и говорит:

— Стоит ли, сын мой, заниматься таким тяжелым делом? Лучше бы ты поступил так, как отец твой.

— А согласился бы ты учить меня?

— Охотно, сын мой!

В продолжение тринадцати лет — гласит предание — занимался с ним Илия. Дойдя до "Сифра"[1], бывший носильщик тяжестей обессилил настолько, что собственный плащ стал казаться ему непомерной тяжестью *(Песикта де. р. К.)*.

---

[1] Сборник толкований на книгу "Левит".

Р. ПИНХАС БЕН ЯИР

ЧУЖОГО НИ КРОШКИ

ро р. Пинхаса бен Яира рассказывали, что он за всю жизнь не съел куска хлеба, им самим не заработанного, и с первых минут своей сознательной жизни не брал ни крошки даже от отцовского стола *(Хул., 7)*.

ДЛЯ ЧУЖОГО УРОЖАЯ

В город, в южной части страны, в котором жил р. Пинхас, пришли два человека на заработки и попросили р. Пинхаса позволить им оставить у него на время две меры ячменя. Прошло довольно продолжительное время, а люди эти все не являлись за ячменем. Тогда р. Пихнас решил ячмень посеять. Прошло семь лет, в продолжение которых он продолжал производить посевы и весь собираемый урожай откладывать в амбары. Наконец люди те явились и попросили возвратить оставленные ими две меры.

— Приведите верблюдов и ослов, — сказал р. Пинхас, указывая на свои сараи, — и заберите добро свое *(Деб.-Р., 3; Иеруш.-Дем.)*.

ДОРОЖНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Отправился однажды р. Пинхас бен Яир на богоугодный подвиг “освобождения заключенных”.

Дошел он до глубокой реки Гинаи. Перевоза нет. Обращаясь к реке, р. Пинхас восклицает:

— Гиная! Гиная! Да расступятся воды твои предо мною!

Отвечает река:

— Пинхас! Пинхас! Ты идешь исполнить волю Творца твоего, но и я исполняю волю моего Творца. Исполнишь ли ты — еще неизвестно, а я уже исполняю.

Говорит снова р. Пинхас:

— Если ты сейчас же не расступишься, я заклинаю тебя, чтобы воды твои остановили свое течение.

Тотчас же река расступилась, и р. Пинхас перешел на другой берег.

В это время к реке подоспел еще один человек. Оказалось, что он несет пшеницу для мацы. И повелел р. Пинхас реке:

— Расступись и перед этим человеком, ибо он идет для совершения святого дела.

Река снова расступилась.

Но едва опять сомкнулись воды, на берегу появился третий путешественник, аравитянин, который шел той же дорогой.

— И перед ним повелеваю тебе расступиться! — сказал реке р. Пинхас. — Дабы он не стал говорить: "Так-то поступают они с попутчиком!"

Расступилась река и в третий раз.

На заезжем дворе, где р. Пинхас остановился для отдыха, дали его ослице необмолоченного ячменя. Не стала она есть. Дали ей овса в зерне — опять не ест. Перебрали и очистили зерно — все-таки не ест.

— Возможно, — заметил р. Пинхас, — что от этого зерна не успели еще отделить десятину[1].

Десятина тут же была отделена, и тогда ослица принялась есть.

— Вот, — сказал р. Пинхас, — примеры для вас: тварь неразумная — и та покорна Божьей воле, а вы, разумные существа, заставляете ее нарушить волю Божью!

Узнав о прибытии р. Пинхаса бен Яира, вышел Раби к нему навстречу и стал просить:

— Войди в дом мой и поешь хлеба со мною.

— Хорошо, — ответил р. Пинхас.

У Раби лицо засияло от радости.

Поглядел на него р. Пинхас и говорит:

— Ты думал, как видно, что я дал себе зарок не есть хлеба в еврейском доме. Упаси меня Бог. Дети народа моего все святы для меня. Бывает, правда, так: один желал бы делать добро, но не может; другой мог бы, но не желает. Ты же и можешь, и желаешь. Я рад посетить твой дом, но сейчас я спешу по богоугодному делу, а на обратном пути обещаю быть твоим гостем.

Возвращаясь из своего путешествия, р. Пинхас завернул в усадьбу Раби. Тут ему пришлось проходить мимо стойл, и в воротах одного из них он заметил мулов белой масти.

— Этот человек, — сказал р. Пинхас, — держит смерть в своем доме[2]. За его столом я есть не стану.

---

[1] См. Числа, XVII, 21.

[2] Мулы белой масти считались чрезвычайно норовистыми и опасными для человека.

Услыша эти слова, вышел к нему Раби и говорит:

— Обещаю тебе немедленно продать этих мулов.

— Сказано: “Перед слепым не клади препятствия”[1].

— Пущу их на волю.

— Этим только увеличишь опасность.

— Велю перерезать у них сухожилия на ногах.

— Нарушишь закон о жалости к животным.

— Убью их, наконец.

— Нарушишь повеление “не порти” (ничего полезного).

Раби продолжал усиленно просить его войти в дом и разделить с ним трапезу. Но в ту минуту видит Раби: точно гора выросла между ними и скрыла р. Пинхаса от глаз его.

Заплакал Раби при виде этого *(Хул., 6)*.

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОЙ И НАЙДЕННОЙ ЖЕМЧУЖИНЕ

У одного сарацинского царя выпала дорогая жемчужина из венца, и, прежде чем успели ее поднять, подскочила крыса, проглотила ее и убежала.

Обратился тот царь к р. Пинхасу, прося его отыскать жемчужину.

— Что я, колдун, что ли? — отвечает р. Пинхас.

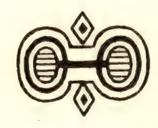
— Имя твое, учитель, — говорит тот царь, — славится повсюду, и к тебе, как к угоднику Божьему, обращаюсь я за помощью.

И было повеление от р. Пинхаса всем крысам того места явиться. Оказалась одна с необыкновенно выгорбившейся спинкой.

— “Вот эта!” — заявил р. Пинхас.

И крыса, подчиняясь его велению, отдала жемчужину обратно.

(Иеруш. Дем.)



---

1) Второз., XX.

Р. ИУДА-НАСИ (РАБИ, РАБЕНУ ГА-КАДОШ)

ОБМЕН ДЕТЬМИ

ышел указ, воспрещающий совершать обряд обрезания. А у р. Симеона бен Гамлиеля как раз к тому времени родился сын, прозванный впоследствии Рабену Га-Кадош[1].

— Мыслимо ли, — сказал себе р. Симеон, — повеление Господа нашего нарушить, а приказание этих нечестивцев исполнить?

Не колеблясь нисколько, он совершил обрезание новорожденного.

Узнал об этом начальник того города и, призвав р. Симеона, спрашивает:

— Как дерзнул ты нарушить повеление кесаря?

— Я исполнил повеление Бога, — отвечает р. Симеон.

— Слушай, — говорит начальник, — я, правда, должен оказывать тебе всяческий почет и уважение, как главе народа. Но тут дело касается императорского указа, и я этого так оставить не могу.

— Что же ты намерен сделать?

— Отправить тебя в Рим, и пусть кесарь сам решит, как поступить с тобою.

Отправил начальник к кесарю жену р. Симеона с новорожденным.

После целого дня пути остановилась мать с ребенком на ночлег в доме одного знакомого римлянина. У этого римлянина также был новорожденный сын, которому отец дал имя Антонин. Мать Антонина, увидя жену р. Симеона, с которою была дружна, спрашивает:

— По какому случаю ты здесь?

Рассказала ей жена р. Симеона: так и так, вышел приказ кесаря, но мы с мужем не послушались, совершили обрезание, и вот везут меня с ребенком к кесарю.

Услыша это, римлянка говорит:

— Если желаешь, возьми с собою к кесарю моего сына (он не обрезан, конечно), а твой пусть остается у меня до твоего возвращения.

---

[1] Наш святой учитель.

Жена р. Симеона так и поступила и с подмененным ребенком отправилась к кесарю.

Обнаружилось, что ребенок необрезанный. Разгневался кесарь на того начальника и подверг его строжайшему наказанию, а мать с ребенком отпустил с миром.

Вернулась она к своей подруге, матери Антонина, и та сказала:

— Так как небесам угодно было через меня совершить чудо тебе, а я через моего сына твоему сыну, то пусть эти дети наши станут добрыми друзьями на всю жизнь *(Бет-Гам. 6; Тосеф., Аб.-З. 10)*.

ВОСЕМЬ БЛАГ

Р. Симеон бен Менасия говорил:

— Восемь благ насчитывали наши мудрецы в награду благочестивым: красоту, силу, богатство, почет, глубину ума, долгоденствие, седину благословенную и многочисленное потомство. Всех этих благ вместе удостоился Раби и дети его *(Аб., гл. 6)*.

ИЗ-ЗА ТЕЛЕНКА

В продолжение тринадцати лет поражен был Раби тяжкой болезнью. И болезнь его, и исцеление произошли от случая.

Однажды вели по улице теленка на бойню. Когда резники поравнялись с проходившим в то время Раби, теленок вырвался и, подбежав к Раби, с жалобным ревом спрятал голову в полы его одежды, как бы умоляя заступиться за него. Но Раби отогнал теленка, говоря: "Ступай, куда тебя ведут, — ты на то и создан!"

— Он не знает жалости, — сказали на небе, — пусть же он сам испытает страдания.

И в ту же минуту Раби поразил тяжкий недуг.

Исцеление же его произошло от следующего случая.

Убирая в доме, служанка нашла выводок хорьков и вознамерилась вымести крошек-зверьков вместе с мусором. Увидя это, Раби закричал ей:

— Оставь их! Милость Господа на всех творениях Его.

И тогда сказали на небе:

— Он смиловался, — смилуемся и над ним.

(Б.-М., 84; Береш.-Р., гл.33)

В ГОЛОДНЫЙ ГОД

Однажды в голодный год Раби открыл свои зернохранилища, заявив:

— Пусть приходит всякий, учившийся чему-нибудь: Св. Писанию, Мишне, Талмуду — галахе ли или агаде. Круглым же невеждам вход сюда закрыт.

С трудом удалось пробиться туда р. Ионатану бен Амраму. Подошел он к Раби и говорит:

— Учитель, дай мне на пропитание.

— Учился ли ты, сын мой, Св. Писанию? — спрашивает Раби.

— Нет.

— Мишне?

— Нет.

— Какое же право ты имеешь на даровое пропитание?

— Учитель! Накорми меня, как ты накормил бы собаку или ворона.

Велел Раби выдавать ему на пропитание. Но вскоре же начал раскаиваться в этом: следовало ли все-таки давать хлеб какому-то невежде?

— Отец, — заметил ему сын его р. Симеон, — если я не ошибаюсь, человек этот один из твоих бывших учеников. Зовут его Ионатан бен Амрам, и он известен тем, что никогда за всю жизнь свою не позволял себе извлекать малейшую пользу из своего звания ученого.

Удостоверившись в этом, Раби объявил:

— Отныне житницы мои открыты для всех без исключения.

(Баба-Б., 5)

ДВЕНАДЦАТЬ ВДОВ

Было тринадцать братьев. Двенадцать из них умерли бездетными. Приходят их вдовы к Раби и требуют, чтобы оставшийся в живых женился на них, согласно закону[1].

— Учитель! — говорит тот. — Я не имею достаточно средств, чтобы кормить их всех.

— Мы сами будем содержать дом, — заявляют вдовы, — каждая из нас по одному месяцу в году.

— А в високосные годы кто же возьмет на себя издержки на лишний, тринадцатый месяц?

— Это я принимаю на себя, — заявляет Раби и, пожелав им счастливой жизни, отпускает их с миром.

Проходят три года, и Раби сообщают:

— Целый табор детей явился на поклон к тебе.

Выглянул Раби в окно и видит: двенадцать женщин и с ними детей целых три дюжины.

— Зачем, — спрашивает он, — явились вы ко мне?

— Чтобы ты дал нам на пропитание на тринадцатый месяц нынешнего високоса.

Раби ничего не оставалось, как исполнить их требование.

(Иеруш., Иеб.)

---

[1] Второзак, XXXV.

ДОЧЬ ВЕРООТСТУПНИКА

К Раби явилась однажды женщина и говорит:

— Учитель, дай мне на пропитание.

— Кто ты? — спрашивает Раби.

— Я дочь Ахера.

— Как! — воскликнул Раби. — Еще осталось потомство от него на земле? Не сказано ли о ему подобных: "Ни сына у него, ни внука в народе его"?

— Учитель! — продолжала дочь Ахера. — Вспомни великую его ученость и не вспоминай о поступках его.

В эту минуту пал огонь с неба и опалил кресло, на котором сидел Раби.

Видя это, воскликнул Раби со слезами на глазах:

— Если ради человека, посрамившего Тору, возможно подобное, то сколько же возможно чудесного ради тех, кто почитал и прославлял ее! *(Хаг., 15).*

НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК

Парфянский вельможа Артабан послал в подарок Раби драгоценный жемчуг, рассчитывая, что Раби отдарит его чем-нибудь не менее ценным. Раби же послал ему мезузу[1].

Посылает Артибан сказать Раби:

— Я послал тебе вещь, которой цены нет, а от тебя я получаю безделицу, стоящую какую-нибудь мелочь!

Отвечает Раби:

— Все мои и твои драгоценности ничего не стоят в сравнении с этой безделицей. Более того, ты послал мне вещь, которую *мне* приходится оберегать, а то, что я тебе послал, будет и на яву, и во сне *тебя* оберегать.

(Береш.-Р., гл.35)

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ МЕССИЯ

Илия-пророк часто посещал школу Раби. Однажды, в день новомесячия, он явился позже обыкновенного. Спрашивает его Раби:

— Почему опоздал сегодня господин мой?

— Время прошло у меня, — отвечает Илия, — пока я поднял праотца Авраама из гробницы, дал ему совершить омовение и стать на молитву, после чего я вновь уложил его. То же самое с Исааком, затем с Иаковом.

— Отчего, — спрашивает Раби, — господину моему не поднимать праотцев одновременно?

— Из опасения, — отвечает Илия, — чтобы силою общей их молитвы не был бы Мессия *преждевременно* призван на землю.

(Бава-М., 85)

---

[1] Свиток со свящ. текстами, прибиваемый на дверном косяке.

МУХИ

Прибыв однажды в Кессарию, Антонин послал пригласить к себе Раби. Проводить Раби пошли сын его р. Симеон и р. Хия Великий. По пути встретили они легион римских воинов — все на подбор красавцы на редкость и ростом до капителей колоннад.

— Полюбуйся, — говорит р. Симеон р. Хии, — до чего откормлены эти тельцы Исавовы!

Повел его р. Хия на базар и, указав на корзину с виноградом и финиками, обсыпанными роем мух, говорит:

— В моих глазах тот легион и этот мушиный рой имеют одинаковое значение.

Передал р. Симеон этот разговор отцу своему, Раби — так, мол, сказал я и так ответил мне р. Хия.

— Удивляюсь р. Хии, — заметил на это Раби, — можно ли этим легионам придавать значение даже наравне с мухами: мухи, как-никак, а все же выполняют волю Божию *(Танх., Ваеш.)*.

ПРИГОДИТСЯ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Ежедневно Антонин посылал Раби мехи, наполненные золотым песком, сверху засыпанным пшеничным зерном, и посланному говорил:

— Отнеси эту пшеницу к Раби.

Говорит при встрече Раби Антонину:

— Напрасно ты посылаешь мне это золото, — у меня и своего достаточно.

— Нет, не напрасно, — отвечает Антонин, — пусть унаследуют это золото *твои* потомки, чтобы иметь из чего давать *моим* потомкам. *(Аб.-3, 10)*

ХОЛОД И ЗНОЙ

— Помолись за меня, — сказал однажды Антонин Раби.

— Да спасет тебя Господь от холода! — произнес Раби.

— Но стоит ли об этом молиться? — возразил Антонин. — Один теплый плащ — и холода как не бывало.

— Пусть же спасет тебя Господь от *зноя!*

— Вот это пожелание, — сказал Антонин, — имеет действительно большое значение. И дай Бог, чтобы молитва твоя услышана была. Ибо памятно мне сказанное вашим псалмопевцем: “Ничто не укрывается от зноя Его” *(Иеруш., Санг.)*.

ПАТРИАРХ-СНОПОВЯЗ

Пришел однажды Раби в один город поучать народ. Не нашлось в том городе достаточно обширного помещения, и Раби вышел с учени-

ками в поле. Поле оказалось сплошь занятым свежескошенным хлебом — и Раби тут же принялся за работу и весь хлеб перевязал в снопы. *(Шаб., 127)*

ПРИЧИНА ДОЛГОЛЕТИЯ

Раби спросил однажды престарелого р. Иошую бен Карха:

— Чему ты обязан своим столь необыкновенным долголетием?

— Да мне это долголетие мое давно надоело, — ответил р. Иошуа.

— Учитель! — продолжал Раби. — Это вопрос весьма серьезный, и я должен его уяснить себе.

Отвечает Р. Иошуа:

— Во всю жизнь мою взор мой не останавливался на облике человека злого и порочного.

Перед смертью р. Иошуи Раби пришел к нему за последним благословением.

Раби Иошуа произнес:

— Да благословит тебя Бог дожить до половины моих лет.

— Почему не полностью?

— Но ведь и другим не пастухами же только быть?[1] *(Мег., 28).*

КОНЧИНА РАБИ

Чувствуя приближение смерти, Раби сказал:

— Я хочу видеть моих детей.

Когда дети явились, он обратился к ним со следующими словами:

— Завещаю вам, дети мои:

Оберегайте честь и покой матери вашей.

Из-за траура по мне не нарушайте ничем обычного порядка в доме: лампады пусть горят, стол стоит накрытым и ложе убранным — все по-прежнему.

Иосиф хайфянин и Симеон ефратянин, прислуживавшие мне при жизни, пусть займутся приготовлениями к моему погребению.

Далее Раби заявил:

— Прошу ученых зайти ко мне.

Когда ученые явились, он сказал:

— Прошу вас нигде не устраивать по мне траура.

По истечении тридцати дней после моей кончины приступите вновь к обычным занятиям в академии.

Хахамом будет сын мой Симеон, патриархом мой сын Гамлиель, главою академии Ханина бен Хамма.

---

[1] Т. е. ведь найдутся и другие достойные занимать столь же почетное положение.

Отпустив ученых, Раби велел позвать младшего сына, р. Симеона, и подробно объяснил ему правила, которых должен придерживаться хахам.

Призвав затем старшего сына, р. Гамлиеля, и изложив ему правила патриаршества, Раби прибавил:

— Завещаю тебе держать патриаршую власть на подобающей высоте и соблюдать строгое отношение к ученикам.

В последний день перед смертью Раби учеными объявлен был пост, и молебствия происходили беспрерывно.

Верная служанка Раби взошла на кровлю и стала горячо взывать к Господу, говоря:

— На небесах ждут Раби и на земле не желают расстаться с ним. Дай Господи земным победить небесных!

Но когда она сошла вниз и увидела, как тяжко страдает любимый учитель, борясь со смертью, она страстно начала молить:

— Нет, Милосердный, пусть уже победят небесные!

С этими словами она схватила глиняный кувшин и бросила его об землю. При треске разбитого кувшина молебствие прервалось — и в ту же минуту раби почил на веки.

Посланный Бар-Капара нашел Раби уже скончавшимся и, разорвав на себе одежды, начал погребальный плач такими словами:

“Львы небесные спорили со земными твердынями
Из-за Ковчега святыни.
Львам победа дана — и досталась в добычу им
Слава Ковчега Святыни”.

Перед последним вздохом поднял Раби руки свои к небесам, и уста его прошептали:

— Тебе, Властелину миров, известно, что я всеми силами своими служил св. Торе Твоей и даже краем мизинца не извлекал из того для земных благ моих. Да будет же воля Твоя дать мне отпущение с миром для успокоения вечного!

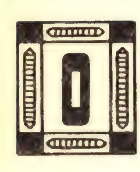
И прозвучал Бат-Кол:

— Да грядет с миром и покоиться будет на ложе своем.

(Кет., 103-104)

Р. ХИЯ

ЧТОБЫ ТОРА НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЛАСЬ



днажды, во время ученого спора с р. Хией, у р. Ханины вырвались такие слова:

— Со мною споришь ты? Но тебе следовало бы помнить, что если бы Тора, чего упаси Бог, совершенно оказалась забытой, я с моим знанием всех тонкостей ее, сам снова возродил бы ее в народе.

— А я, — сказал на это р. Хия, — лучше повел бы дело так, чтобы Тора никогда не забывалась. И сделал бы я вот что: посеял бы лен, сплел бы сети и стал бы ловить оленей. Мясо их отдавал бы сиротам в пищу, а из кожи приготовлял бы пергамент. И написал бы я пять свитков Пятикнижия и отправился бы с ними в такие места, где некому заниматься первоначальным учением. В каждом таком месте я пятерых деток обучил бы Пятикнижию и шестерых других шести отделам Мишны. И каждому из них был бы наказ от меня: "До следующего моего прихода сюда повторяйте сами и друг друга обучайте тому, чему я научил вас". Этим я достиг бы того, чтобы Тора никогда не забывалась в народе *(Сот., 49)*.

Р. ХИЯ И АНГЕЛ СМЕРТИ

Пришло время р. Хии умереть. Но не было у ангела смерти власти приблизиться к нему. Принял ангел смерти образ нищего и, постучавшись в дверь к р. Хии, стал молить:

— Вынеси мне кусок хлеба.

Когда ему дали хлеба, он обратился к р. Хии, говоря:

— Над нищим ты сжалился, почему же ты ко мне жалости не имеешь?

И при этих словах сверкнула огненная лоза в руках ангела.

Тотчас же р. Хия покорно отдал ему душу свою.

(Моэд-К., 28)

ТРОН ПРАВЕДНИКА

Р. Хабиба рассказывал:

— Я знал одного благочестивого ученого, которого часто посещал Илия-пророк. Заметил я, что у этого ученого глаза имеют удивительное свойство: утром они совершенно ясны, а к вечеру кажутся будто опаленными огнем. Спросил я его, отчего это происходит, и он рассказал мне следующее:

— Я попросил однажды Илию-пророка дать мне увидеть, как души праведников восходят в Синедрион Небесный. На это Илия ответил:

— Хорошо. Но помни: ты можешь глядеть на всех праведников, за исключением того места, где сидит р. Хия.

— А по какому признаку, — спросил я, — смогу я отличить его от других?

— Вот по какому: всех праведников туда и обратно сопровождают ангелы, а кресло, на котором сидит р. Хия, само поднимается и опускается вместе с ним.

Но я не удержался, взглянул туда — и в то же самое мгновение две огненные брызги ударили мне в глаза, и я ослеп. Назавтра пошел я к гробнице р. Хии, простерся ниц над склепом и стал молить:

— Раби! Твою Мишну изучаю я. Смилуйся надо мною!

И зрение возвратилось мне *(Баба-М., 85)*.

Р. ИОХАНАН И Р. СИМЕОН БЕН ЛАКИШ (РЕШ-ЛАКИШ)

то желал бы получить представление о красоте р. Иоханана, пусть возьмет вазу чистейшего серебра, наполненную гранатовыми зернами и с розовой гирляндой по краю ее, и поместит ее так, чтобы на нее падала игра лучей и теней. Это даст некоторое представление о дивной красоте р. Иоханана.

Сам р. Иоханан говорил о себе:

— Я последний из красивых людей Иерусалима *(Баба-М., 84)*.

ВЛАСТЬ ЖИЗНИ

К заболевшему р. Элазару зашел р. Иоханан и застал его лежащим в полутемной комнате. Обнажил р. Иоханан одно предплечье свое, и от белизны тела его точно свет во тьме блеснул. При виде этого слезы появились на глазах у р. Элазара. Спрашивает р. Иоханан:

— О чем слезы эти, Элазар? Если о том, что ты в учении недостаточно успел, то давно мудрецами сказано: "Кто больше, кто меньше — безразлично, лишь бы с душою искренней". Если о том, что приходилось тебе нужду испытывать, то не каждому суждено в жизни за двумя столами[1] сидеть. Если о том, что ты бездетным остался, то погляди — вот зубок моего десятого ребенка, единственное, что я мог оставить себе на память о всех бывших у меня десяти сыновьях.

— Нет, Иоханан, — отвечает р. Элазар, — я видел твою красоту и невольно заплакал при мысли о том, что и такой красоте суждено тлеть в могиле.

— Ты прав, Элазар! — И у самого р. Иоханана при этих словах показались слезы на глазах. — *Об этом* и поплакать нам, смертным, не грешно *(Берах., 5)*.

---

[1] Т. е. обладать одновременно и ученостью, и богатством.

ЗА БОГАТСТВОМ

Илпа и р. Иоханан учились вместе и были оба очень бедны. Посоветовались они однажды друг с другом и решили позаняться каким-нибудь торговым делом, — "Авось, говорили они, исполнится на нас сказанное: "*Не будет у тебя нищего*".

Отправились они в поиски за счастьем. Проголодавшись в пути, они присели закусить под стеною какой-то ветхой постройки. Явились два ангела, и слышит р. Иоханан, как один ангел говорит другому:

— Обрушим на них стену и умертвим их: эти люди пренебрегли блаженством вечности, предпочитая блага краткой земной жизни.

— Нет, — отвечает другой, — мы их трогать не должны: одному из них предстоит высокое назначение в жизни.

— Слышишь? — спрашивает р. Иоханан Илпу.

— Я не слышу ничего, — отвечает Илпа.

Подумал р. Иоханан так:

"Я слышал разговор ангелов, а Илпа нет. Значит, мне именно и предстоит то высокое назначение, о котором у них была речь".

И говорит р. Иоханан Илпе:

— Я, товарищ, решил возвратиться к прежним занятиям. А что касается нужды, то сказано ведь также: "*Нельзя же не бывать нуждающемуся на земле*".

Возвратился р. Иоханан один. И когда Илпа покончил со своими торговыми делами и тоже вернулся обратно, р. Иоханан уже был увенчан высоким титулом главы академии *(Таан., 21)*.

ВЫБРАЛ БЛАГУЮ ЧАСТЬ

Р. Иоханан отправился однажды на прогулку из Тивериады в Сепфорис. Он шел, опираясь на плечо ученика своего р. Хии бар Аба. Проходя мимо возделанного поля, говорит р. Иоханан:

— Вот этот участок прежде принадлежал мне, и я продал его, чтобы получить возможность всецело посвятить себя ученью.

Дальше шла оливковая роща.

— И эта роща была моей собственностью, и я также продал ее ради той же цели.

За рощей был виноградник.

— Когда-то и этот виноградник был моим, и я для той же надобности продал его.

Слыша это, не мог удержаться от слез р. Хия и говорит:

— Я невольно плачу, думая о том, что ты, учитель, остался на старости лет ничем не обеспеченным.

— Что ты говоришь, Хия, сын мой! А разве в твоих глазах не имеет

значения то, что продано мною добро, целиком сотворенное в продолжении шести дней, а приобретено сокровище, на появление которого потребовалось для самого Господа целых сорок дней! *(Шем.-Р., гл. 47; Песик.).*

ВСЕ ЛЮДИ — БРАТЬЯ

Р. Иоханан считал за правило, что бы он ни ел сам, делиться со своим слугой, вспоминая при этом слова Иова: "Ведь Тот же, Кто в утробе создал меня, создал и его и равно образовал нас во чреве".

(Иеруш., Кет.).

О ТОМ, КАК РЕШ-ЛАКИШ СПАССЯ ОТ ЛЮДОЕДОВ

Реш-Лакиш, находясь в тяжелой нужде, нанялся в работники к людям одного дикого племени. Каков же был его ужас, когда он узнал, что хозяева его — людоеды, и, как только его откормят хорошенько, он неминуемо будет ими убит и съеден. Вспомнил он, однако, о существовавшем у этих людоедов обычае: перед тем как убить своего пленника, беспрекословно исполнить все, о чем он ни попросит. По их мнению, от этого кровь его становится слаще.

Имея это в виду, он взял мехи со спрятанным в них увесистым камнем, и, когда назначена была его казнь, он говорит людоедам:

— Имею одну просьбу. Дайте связать себя и посадить на землю, а я каждому из вас вот этими мехами дам по полтора удара.

Дикари соглашаются. Перевязал их всех Реш-Лакиш и пошел колотить их своими мехами. Взвыли дикари, от боли при каждом ударе судорожно зубы скалят. А Реш-Лакиш бьет и приговаривает:

— Вы что же это, зубы на меня еще скалите? По остальному полуудару получить вам хочется?

Так всех их и перебил *(Гит., 47).*

ЛЕВ ИЗ ВАВИЛОНА

Когда рав Кагана собрался переселиться из Вавилона в Палестину, сказал ему учитель его Рав (рав Аба):

— Когда ты поступишь в школу р. Иоханана, ты в продолжении семи лет, при занятиях его с учениками, не вступай с ним ни в какие ученые споры.

Явившись в школу, рав Кагана застал там Реш-Лакиша повторяющим с учениками лекцию р. Иоханана. Не зная еще Реш-Лакиша в лицо, он стал спрашивать:

— Скажите, кто здесь Реш-Лакиш?

Спрашивают ученики:

— А для чего тебе нужен Реш-Лакиш?

— Хочу сделать некоторые замечания по поводу одной лекции р. Иоханана. Такие-то положения в этой лекции подлежат таким-то возражениям, а другие требуют такой-то и такой-то аргументации.

Сообщили об этом Реш-Лакишу. И говорит Реш-Лакиш р. Иоханану:

— Из Вавилона лев прибыл сюда, и к завтрашней лекции тебе следует подготовиться особенно основательно.

Назавтра, когда слушатели собрались на лекцию р. Иоханана, отвели рав Кагане место в первом ряду учеников, поближе к лектору. Объяснил р. Иоханан одну галаху и ждет, что скажет рав Кагана. Но рав Кагана молчит. Объяснил вторую галаху — рав Кагана все молчит. Перевели его из первого ряда во второй, затем в третий, пока он наконец не оказался в последнем ряду, в седьмом.

Говорит р. Иоханан Реш-Лакишу:

— Лев-то твой лисицей оказался.

Этого уже рав Кагана стерпеть не мог.

— Это понижение, — сказал он себе, — по всем семи рядам, до самого последнего, которому меня подвергли здесь, вполне равносильно семи годам молчания, возложенного на меня моим учителем Равом.

С этой мыслью он встает и заявляет:

— Прошу р. Иоханана потрудиться повторить свою лекцию.

Повторил р. Иоханан объяснения свои к первой галахе, и рав Кагана тут же опроверг все его доводы. Объяснил р. Иоханан следующую галаху — рав Кагана опять начал блестяще оспаривать его суждения. И так далее, пока рав Кагану постепенно вновь не перевели в первый ряд слушателей. Все присутствующие обыкновенно помещались сидя на полу, р. Иоханану же клались для сидения семь подушек одна на другую. По мере того, как рав Кагана возражал ему, р. Иоханан, после каждого удачного возражения, вынимал одну подушку и отбрасывал ее в сторону, пока наконец не остался сидеть на полу наравне со всеми своими учениками *(Баба-К., 117)*.

ЧЕТЫРЕ МОНУМЕНТА

Однажды пришлось Реш-Лакишу в дороге перебраться через залитое водою место. Случившийся там незнакомец предложил перенести его на плечах.

Реш-Лакиш принял услугу и спрашивает того человека:

— Учился ты Писанию?

— Да, — отвечает тот.

— И Мишне?

— Прошел четыре отдела.

— Как! — воскликнул Реш-Лакиш. — Целых четыре утеса-монумента воздвиг ты себе. Так тебе ли носить Реш-Лакиша на плечах своих? В воду брось его! *(Мег., 28)*.

КНЯЗЮ — СВОЕ, БОГУ — СВОЕ

— Уличенный в грехе патриарх? Мое мнение таково, — заявил Реш-Лакиш: сорок ударов плетью и лишение патриаршества навсегда!

Доложили об этом патриарху р. Иудану. Воспылал гневом патриарх и послал арестовать Реш-Лакиша. Бежал Реш-Лакиш — одни говорили: в какую-то башню, другие: в село Хитин.

Пришел назавтра в коллегию р. Иоханан; явился и р. Иудан. Видя, что р. Иоханан долго не появляется на кафедре, р. Иудан спрашивает:

— Отчего, раби, не начинаешь своей лекции?

Начал р. Иоханан читать, но трудно вязалась речь его, точно однорукий за работу взялся.

Р. Иудан так и выразился, обращаясь к нему.

— Да, — сказал на это р. Иоханан, — без Реш-Лакиша я точно что без руки.

— Но куда же девался Реш-Лакиш?

— Находится, говорят, в какой-то башне.

— Завтра, — заявил, смягчившись, р. Иудан, — пойдем со мною к нему.

Послал р. Иоханан предупредить Реш-Лакиша и сказать ему:

— Приготовь подходящее приветствие к приходу патриарха.

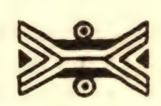
Когда патриарх, в сопровождении р. Иоханана и других, приблизился к башне, Реш-Лакиш встретил его такими словами:

— Мое освобождение отсюда, патриарх, ты обставил по примеру Всевышнего: для освобождения Израиля из Египта. Он не послал ни смертного, ни ангела, но явился Сам со всем воинством Своим.

Говорят ему:

— Как же ты позволил себе так резко выразиться относительно суда над патриархом?

— А вы как думали, — отвечает Реш-Лакиш, — стану я из страха перед вами изменять учению Господа моего? *(Иеруш., Санг. 2).*



РАВ (РАВ АБА)

ИСКРЫ МУДРОСТИ

огда Иси бар Гуна прибыл из Вавилона в Палестину, встретился с ним р. Иоханан и спрашивает:

— Кто у вас теперь в Вавилоне главою академии?

— Аба-долговязый[1], — отвечает Иси.

— Долговязый! — восклицает с негодованием р. Иоханан. — Я живо помню его еще в то время, когда я учился с ним в школе Раби. Я помещался семнадцатью рядами ниже Рава, — и помню я, когда между ним и Раби, бывало, завяжется ученый диспут, искры божественного огня перелетали у обоих из уст в уста. Я за потоком их ученых речей и уследить не в состоянии был. А ты, кроме "долговязый", и названия другого не нашел для него! *(Хул., 117).*

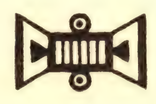
ЛОЖЬ НЕ ДОПУСТИМА НИКОГДА

Жена Рава была чрезвычайно непокорливого характера и всегда делала наперекор ему: попросит он сварить ему чечевицы, она сварит гороху, попросит гороху — сварит чечевицы. Когда сын их Хия подрос и заметил это, он стал передавать ей просьбы от отца наоборот, так что выходило почти всегда так, как желал Рав. Говорит он однажды сыну:

— Нрав у твоей матери, я замечаю, куда лучше стал.

— Так ведь это же потому, — отвечает Хия, — что я твои распоряжения передавал ей как раз наоборот.

— Так вот оно что! — улыбнулся Рав, — недаром люди говорят: "У детей учитесь мудрости". Это ты умно придумал, а все-таки больше так не делай: ложь не допустима никогда *(Иеб., 83).*



[1] Прозван был так в народе за свой непомерно высокий рост.

САМУИЛ (ЯРХИНАЙ[1])

СИРОТСКИЕ ДЕНЬГИ

бе бен Абе, отцу Самуила, часто отдавались на хранение сиротские деньги. Умер он в чужом городе, вдали от семьи. Самуилу не было известно, где спрятаны были отцом те деньги, и он не мог возвратить их сиротам. Стали люди упрекать Самуила, называя его "сыном пожирателя сиротских денег".

Решил Самуил во что бы то ни стало узнать, где находятся деньги, и с этой целью отправился в тот город, где умер его отец.

Приходит он на кладбище и начинает допытываться:

— Где тут погребен Аба?

— Покойников с именем Аба, — отвечают ему, — здесь много.

— Аба бен Аба.

— И Аба бен Аба немало.

— Об Абе бен Абе, отце Самуила, спрашиваю я.

[И слышит он Голос]:

"Отец Самуила вознесся в Иешиба-шел-Майла".

Видит Самуил — отец явился перед ним, на глазах его слезы, на устах радостная улыбка.

Спрашивает он отца:

— О чем плачешь и чему радуешься?

Отвечает отец:

— Плачу я оттого, что вскоре и тебе лежит дорога сюда, а радуюсь потому, что высокие почести ждут тебя в жизни вечной.

Спрашивает затем Самуил:

— Где спрятаны тобою сиротские деньги?

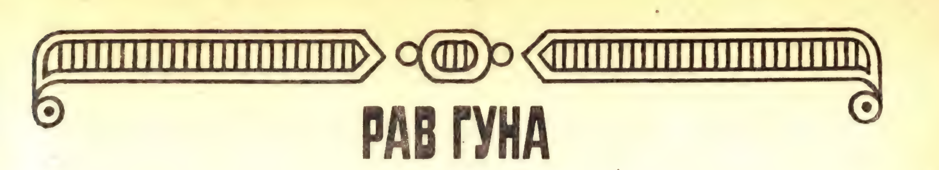
— Ты найдешь их, — отвечает Аба, — в мельничном поставе; сверху и снизу лежат наши собственные, а в середине сиротские.

— Для чего положил ты их таким образом?

— А вот для чего: лежащие сверху деньги могут быть замечены кем-нибудь и похищены, лежащие внизу — попорчены от сырости; и в том, и в другом случае пострадаем мы, а деньги сиротские останутся в сохранности *(Берах., 18)*.

---

1) От слова "jareach" — луна. Прозван был так за свои обширные познания в астрономии.



РАВ ГУНА

В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Рава просил однажды Рафрама бар Папу поделиться с ним своими воспоминаниями о раве Гуне.

— В молодые годы, — ответил Рафрам бар Папа, — я с рав Гуной знаком не был, а знал его уже стариком. Помню я такую его привычку: когда наступало ненастное время года, рав Гуна, несомый в золоченом паланкине, обходил все улицы города, осматривая строения, чтобы удостовериться в достаточной их прочности. Если где-нибудь стена или забор оказывались недостаточно прочными и угрожающими общественной безопасности, он приказывал тут же их повалить и возвести новые. Если же хозяин не в состоянии был произвести требуемый расход, рав Гуна производил ремонт на собственные средства.

Кроме того, в каждый канун субботы, когда начнет вечереть, он посылал на базар с поручением скупать все оставшиеся непроданными овощи и зелень. Делалось это им с той целью, чтобы торговцы не терпели убытков и продолжали привозить зелени и овощи на каждую субботу.

Дома у себя рав Гуна держал открытый стол и перед каждой трапезой приказывал открывать настежь двери своей столовой и всех желающих приглашать к столу *(Таан., 20).*

ЧЕТЫРЕСТА БОЧЕК СКИСШЕГО ВИНА

У рав Гуны однажды скисло четыреста бочек вина[1].

Узнав об этом, пришли к рав Гуне законоучители и говорят:

— Раби, исследуй и взвесь поступки свои.

— А вы, — спрашивает рав Гуна, — считаете возможным заподозрить меня в каком-нибудь дурном поступке? Если кому о чем-либо подобном известно, пусть скажет.

— Нам передавали, что ты своему арендатору не выдаешь положенной ему доли хворосту при обрезке виноградников.

---

[1] В те времена причину подобных явлений склонны были видеть скорее в какой-нибудь религиозной или нравственной погрешности владельца, чем в естественных условиях порчи вина.

— Но ведь арендатор этот лучше делает — ворует все целиком.

— Вот видишь, люди и правы, говоря: “Укради хотя бы и у вора — и войдешь во вкус воровства”.

— Вы правы, — согласился рав Гуна, — беру на себя отныне отдавать ему все, что следует.

Вскоре после того уксус настолько вздорожал, что рав Гуне удалось продать все сорок бочек по цене настоящего вина *(Берах., 5)*.

КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ РАВ ГУНЫ

Умер рав Гуна скоропостижно, и это привело в большое смущение его товарищей-ученых[1]. Успокоило их объяснение, приведенное Зогой из Адиабена: “Особое значение имеет скоропостижная смерть только в возрасте *до* восьмидесяти лет. После же этого, наоборот, внезапная кончина почитается сладостной, как поцелуй от уст Господних”.

Когда тело рав Гуны прибыло в Палестину, вышли отдать последний долг умершему р. Ами и р. Иси (с которыми, в бытность их в Вавилоне, р. Гуна постоянно вступал в ожесточенные диспуты). Стали обсуждать, где избрать место для его погребения, и решено было похоронить его в склепе р. Хии: оба они имели одинаково великие заслуги в деле насаждения св. знания в народе.

Кому же поручить погребение? Вызвался рав Хага:

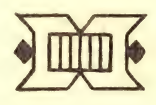
— Я, — заявил он, — все время учился у р. Хии, постоянно при нем находился и хорошо изучил его отношение к себе и к людям.

Дали ему в руки гроб с телом рав Гуны, и он спустился с ним в склеп. А в том склепе, кроме р. Хии, покоились также двое сыновей его — по правой стороне Иуда, по левой Хизкия.

Обратился Иуда к могиле Хизкии и сказал:

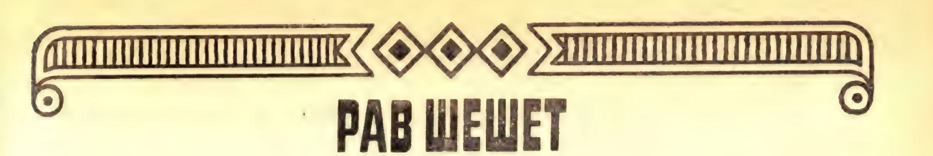
— Встань, Хизкия! Не подобает тебе покоиться в мире, когда снаружи ждет рав Гуна.

Мгновенно показался из гроба Хизкия, а вместе с ним столп огненный встал перед рав Хагой. Дрожащими руками опустил рав Хага гроб с телом рав Гуны и рад был, что ему удалось выбраться с миром из склепа *(Моэд-К., 25 и 29)*.



---

[1] Скоропостижная смерть, по их мнению, не соответствует понятию “праведной кончины”.



РАВ ШЕШЕТ

ЗРЯЧИЙ СЛЕПОЙ

ав Шешет был слеп на оба глаза. Через каждые тридцать дней он повторял в уме все, чему он прежде учился, и каждый раз радостно восклицал после этого:
— Ликуй, душа моя! Торжествуй и радуйся! Для тебя учился я Св. Писанию, и Мишне учился на радость тебе!

Однажды все население вышло на встречу кесаря, прибытие которого ожидалось в том городе. Пошел и рав Шешет. Заметил его некий еретик и говорит:

— Кувшины по воду пошли, а черепки куда же это?

— Идем, — отвечает рав Шешет, — и увидишь, что я, слепой, знаю больше тебя, зрячего.

С шумом и звоном оружия проходит легион.

— Кесарь идет! — говорит еретик рав Шешету.

— Нет еще, — отвечает слепой.

Шумно проходит следующий легион.

— Вот уже кесарь прибыл! — говорит еретик.

— Нет еще, — повторяет слепой.

Наступила торжественная тишина, и медленно стал приближаться третий легион.

— Вот теперь действительно кесарь идет, — заявил рав Шешет.

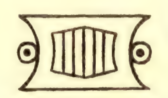
— Как же ты это узнал?

— Весьма просто. "Царство земное, — сказано нашими мудрецами, — подобно царству небесному". И также было при явлении Господа Илье-пророку: была буря, но не в буре, а в веянии тихом шествовал Господь.

Когда кесарь приблизился, рав Шешет торжественно произнес установленное на этот случай благословение.

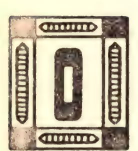
— Удивляюсь тебе, — сказал насмешливо еретик, — расточаешь благословения тому, кого ты даже увидеть не можешь.

Навел рав Шешет на лицо его незрячие глаза свои, брызнули искры из них — и навеки погас свет в глазах у еретика *(Берах., 52).*



РАБА БАР НАХМАНИ

ИСПЫТАНИЯ И КОНЧИНА ЕГО



О Рабе бар Нахмани донесли кесарю:

— Есть один человек среди евреев, по вине которого[1] двенадцать тысяч израильтян ежегодно один летний месяц и один зимний не платят царской подати.

Отправлен был царский посланец задержать Рабу бар Нахмани и привести его. Но Раба бежал из Пумбедиты. — — Добравшись, после долгих скитаний по разным местам, до Агама[2], Раба взобрался на верхушку пальмы и, притаившись там, углубился в св. учение. В это время происходил спор в Иешибе-шел-Майла по законам о ритуальной чистоте. — — — Для разъяснения спорного вопроса решено было призвать на небо душу Раба бар Нахмани, величайшего авторитета по вопросам ритуальной чистоты. Однако Ангелу Смерти невозможно было приблизиться к нему, потому что Раба ни на мгновение не отвлекался от св. учения. Но вот повеял ветер, в тростниках зашумел. Подумал Раба: "Отряд кесаревых всадников скачет" — и решил: "Лучше приму кончину от руки Ангела Смертного, чем отдаться в руки кесаря". И со словом "Чисто! Чисто!" он умер.

Раздался Бат-Кол, вещая:

— Благо тебе, Раба бар Нахмани! Чиста была плоть твоя, и со словом "чисто" душа твоя отлетела.

Упали в Пумбедите письма с неба: "Раба бар Нахмани призван в Иешибу-шел-Майла". Отправились Абаия и Рава и все прочие ученые с ними, чтобы совершить погребение усопшего, но не знали они, где он находится. Пришли в Агам и видят: птицы стоят и поднятыми крыльями место одно осеняют. "Наверное там он", — сказали они. Подошли и увидели его. — — — Семь дней кончину его оплакивали.

---

[1] Приходя слушать поучения Рабы, люди эти бросали свои обычные занятия, лишались заработка, а вместе с тем и средств для уплаты податей.

[2] Предместье Пумбедиты.

В тот день, когда умер Раба, поднялась буря и одного аравитянина, проезжавшего верхом на верблюде мимо реки Паппы, подняло и перебросило с одного берега на другой.

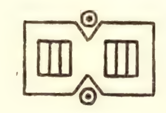
— Что это значит? — спросил аравитянин.

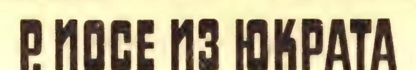
— Раба бар Нахмани скончался, — ответили ему.

Обратился тот аравитянин к Всевышнему, говоря:

— Владыка вселенной! Весь мир Тебе принадлежит и Раба бар Нахмани принадлежит Тебе же, Ты — его и он — Твой. Зачем же мир разрушаешь?

И буря утихла *(Баба-М., 86).*





Р. ИОСЕ ИЗ ЮКРАТА

НАСИЛИЕ НАД ПРИРОДОЙ

Иосе нанял работников на свое поле. Случилось так, что он не мог доставить им обед вовремя.

— Мы голодны! — заявили они сыну р. Иосе и, бросив работу, уселись под фиговым деревом.

Видя это, подходит сын р. Иосе к дереву и говорит:

— Фиговое дерево! Фиговое дерево! Дай плоды свои, чтобы работники моего отца могли голод свой утолить.

Тотчас появились плоды на ветвях, и работники поели и насытились.

В это время подоспел р. Иосе с обедом.

— Простите меня, — сказал он, обращаясь к работникам, — меня задержало одно доброе дело, и я опоздал с вашим обедом.

— Пусть, — отвечают работники, — Бог насытит тебя так же, как нас насытил сын твой.

— Каким же образом?

Рассказывают они ему, как дело было с фиговым деревом.

Услыша это, говорит р. Иосе сыну:

— Сын мой, ты позволил себе утруждать Творца и совершить насилие над природой, заставив дерево безвременно давать плоды свои. Увы, и тебе суждено безвременно из мира уйти.

ПРОКЛЯТИЕ КРАСОТЫ

У р. Иосе была дочь замечательной красоты. Видит он однажды, как какой-то человек буравит отверстие в заборе и пытается увидеть лицо девушки. Спрашивает его р. Иосе:

— Зачем ты это делаешь?

— Прости, раби! — отвечает тот, не суждено мне обладать ею, я хотя издали полюбоваться на нее хочу.

Говорит р. Иосе дочери:

— Лучше бы тебе, дочь моя, в прах обратиться, чем доставлять красотою своей мучения людям!

ПРЕЖНИЕ И НЫНЕШНИЕ

Хаги со слов р. Самуила бар Нахмана говорил:

— Люди былых времен умели делать все в совершенстве: они и вспахивали ниву Знания, и засевали ее, и пололи, и корни выкорчевывали, и гряды окапывали, и жали, и в снопы вязали, и молотили, и веяли, и зерно от примесей очищали, и мололи, и просеивали, и тесто месили, и на части его делили, и готовые для нас хлебы выпекали, а мы — мы не знаем даже, как рот открыть и готовым насытиться как следует *(Иеруш., Шек.)*.

Раба бар Земина говорил:

— Если прежние наши ангелам подобны были, мы простым смертным подобны; если же они простыми смертными были, то мы недалеко от ослов ушли, и не от таких, каким был осел р. Ханины бен Досы или р. Пинхана бен Яира[1], а от самых обыкновенных *(Шаб., 112)*.

Р. Иоханан говорил:

— У прежних сердца широко, как притвор пред храмом[2], распахивались, у последующих — как двери храма[3], а у нас они игольному ушку подобны.

Спрашивает рав Папа Абаию:

— Почему ради прежних совершались чудеса, а ради нас не совершаются? Ведь то, что изучалось, например, при рав Иуде, и в сравнение не может идти с тем огромным запасом знания, какой успели мы приобрести с тех пор. Между тем стоило во время засухи рав Иуде просто-

---

[1] См. выше.

[2] Имел двадцать локтей в ширину.

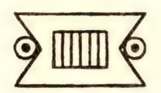
[3] Десять локтей в ширину.

20–760

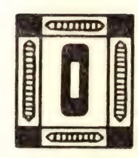
ять на молитве о дожде не больше времени, чем требуется, чтоб шнурок на одном сандалии развязать, — и дождь лить начинал. А мы сколько ни скорбим, взывая, вопия к небесам — и все напрасно.

— Дело не в размерах знания и не в продолжительности молитвы, — отвечает Абаия, — прежние умели на муки и казнь идти для прославления имени Божьего, а у нас на это сил уже не хватает.

(Берах., 20)



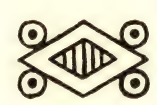
В ЧЕСТЬ УЧИТЕЛЯ



ставляя школу и расставаясь с любимым учителем, ученики р. Ами исполняли в честь его следующий гимн:

Познай в свой век всю радость мира.
Грядущий путь твой — к жизни вечной,
Стремленья — в даль и глубь веков.
Будь сердцем Разума герольдом.
Пусть голос твой вещает Мудрость,
И ликование — уста,
Зеницы путь твой озаряют,
И светом Торы блещут очи,
И лик — сиянием небес.
Будь Знанья вестником для мира.
И, всей душой ликуя в Правде,
Гряди Предвечному внимать!

(Берах., 17)



САПДАНЫ[1]

огда скончались Раба бар рав Гуна и рав Гамнуна, тела усопших перевезли на верблюдах из Вавилона в Палестину. Выйдя навстречу погребальному шествию, сапдан начал речь свою такими словами:

В столетиях славный род грядет из Вавилона.
И доблестей он летопись несет.
Ежи ползут, слетелись пеликаны
На кару, что идет из Синеара[2].
О, как велик и страшен Божий гнев!
Чистейшие отняв у мира души,
Он радуется, как жених невесте.
На облаках Грядущий торжеством
И ликованьем каждую встречает
Чистейшую и праведную душу.

НА СМЕРТЬ РАББИНЫ

Поникли пальм вершины, о праведном скорбя,
Что пальмой стройной в жизни так пышно расцветал.
Ночь в день он превращал над вещей книгой Знанья, —
И ныне светлый день нам ночью темной стал.

---

1) Плакальщики. Лица, произносившие надгробные речи, в которых изображались в поэтической форме заслуги усопшего.

2) Из Вавилона.

НА СМЕРТЬ РАВ ОШЕ

Где кедры объяты пожаром,
Исопу ли там уцелеть?
Где сети сомкнулись над левиафаном,
Там рыбке ли малой спастись?
Раскинулся невод в реке многоводной,
Ручью ли избегнуть его?

НА СМЕРТЬ Р. ЗЕРЫ

В стране Синеара увидел он свет,
Стране Красоты[1] украшеньем служил он.
И плач раздается в Сепфорисе:
— Горе!
Разбить мой бесценный, мой лучший сосуд!

---

[1] Палестине.

СОКРАЩЕНИЯ

А.-Б. д. Сира — Алеф-Бет дебен Сира.
Аб. д. Нат. — Абот дераби Натан.
Аба-Гур. — Аба Гурион.
Абк. — Абкир.
Ав. З. — Трактат Авода-Зара.
Аг. Эс. — Агадат Эстер.
Б. Б. — Трактат Бава-Батра.
Б. К. — Трактат Бава-Кама.
Б. М. — Трактат Бава-Мециа.
Бам.-Р. — Бамидбар-Раба.
Бер. — Трактат Берахот.
Бер.-Р. — Берешит-Раба.
Бет-Гам. — Бет-Гамидраш.
Бик. — Бикурим.
Ваик.-Р. — Ваикра-Раба.
Введ. — Введение.
Гит. — Трактат Гитин.
Деб.-Р. — Дебарим-Раба.
Зеб. — Трактат Зебахим.
Иалк. — Иалкут (Шимони).
Иеб. — Трактат Иебамот.
Иеруш. — Талмуд Иерушалми.
Кет. — Трактат Кетубот.
Кидд. — Трактат Киддушин.
Ког.-Р. — Когелет-Раба.
М. Авр. — Маасе Авраам.
Мак. — Трактат Макот.
Мег. — Трактат Мегилла.
Мен. — Трактат Менахот.
Мид., Мидр. — Мидраш.
Мид. Ас. Гад. — Мидраш Асерет Гадиброт.
Мид. Миш. — Мидраш-Мишлэ.
Мидр. Сам. — Мидраш Самуил.
Нед. — Трактат Недарим.
П. (Аб.) — Пирке (Абот).
П. (Пир.) д. Ел. — Пирке дераби Елиезер.
Пес. — Трактат Песахим.
Пес. д. К. — Песикта дерав Кагана.
Песик. (Р.) — Песикта (Рабоси).
Пон. Ах. — Поним Ахерим.
Р. — Раби.
Р. Гаш. — Трактат Рош-Гашана.
Санг. — Трактат Сангедрин.
Сеф. Гаиаш. — Сефер Гаиашар.
Сиф.-З. — Сифре Зуто.
Сот. — Трактат Сотта.
Сук. — Трактат Сукка.
Т. д. Ел. — Танна дебэ Елия.
Таан. — Трактат Таанит.
Там. — Трактат Тамид.
Танх. — Танхума.
Танх. Гак. — Танхума Гакодум.
Тарг. Ш. — Таргум Шени.
Тиф. Иср. — Тиферес Исроэль.
Тос., Тосеф. — Тосефта.
Хаг. — Трактат Хагига.
Хул. — Трактат Хулин.
Ш. Гаш. Р. — Шир Гаширим Раба.
Шаб. — Трактат Шаббот.
Шек. — Трактат Шекалим.
Шем.-Р. — Шемот-Раба.
Шох. Т. — Шохер Тов.
Эр. Эрув. — Трактат Эрувин.
Эха Р. — Эха Раба.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АГАДА

Сказания, притчи, изречения талмуда и мидрашей

Рабство и Исход

В пустыне

Судьи. Цари. Пророки

Разрушение Первого храма

От Первого до Второго храма

Эпоха Второго храма

Разрушение Второго храма

Раби Симеон бен Шетах

Хони Гамеагел и его потомки

Гиллель старший

Школа Шаммая и школа Гиллеля

Ионатан бен Узиэль

Р. Акавия бен Магалалэл

Рабан Иоханан бен Заккай

Р. Ханина бен Доса

Рабан Гамлиель II Ямнийский

Р. Элиэзер (великий) бен Гиркан

Р. Иошуа бен Ханания

Нахум Иш-Гамзо

Р. Тарфон

Р. Акиба

Десять великомучеников

А23 Агада. Сказания, притчи, изречения талмуда и мидрашей / Перевод С. Г. Фруга. Вступ. ст. В. Гаркин. — М.: Раритет, 1993. — 319 с.

ISBN 5-85735-076-X

«Агада» выходит впервые на русском языке после 1910 года.

Древнейший памятник мировой духовной цивилизации, устная традиция которого восходит ко временам до нашей эры.

Книга включает в себя не только иудейскую, но и христианскую, эллинскую и римскую традиции.

А $\frac{0403000000}{952(02)-93}$ Без объявления

ББК 86.31

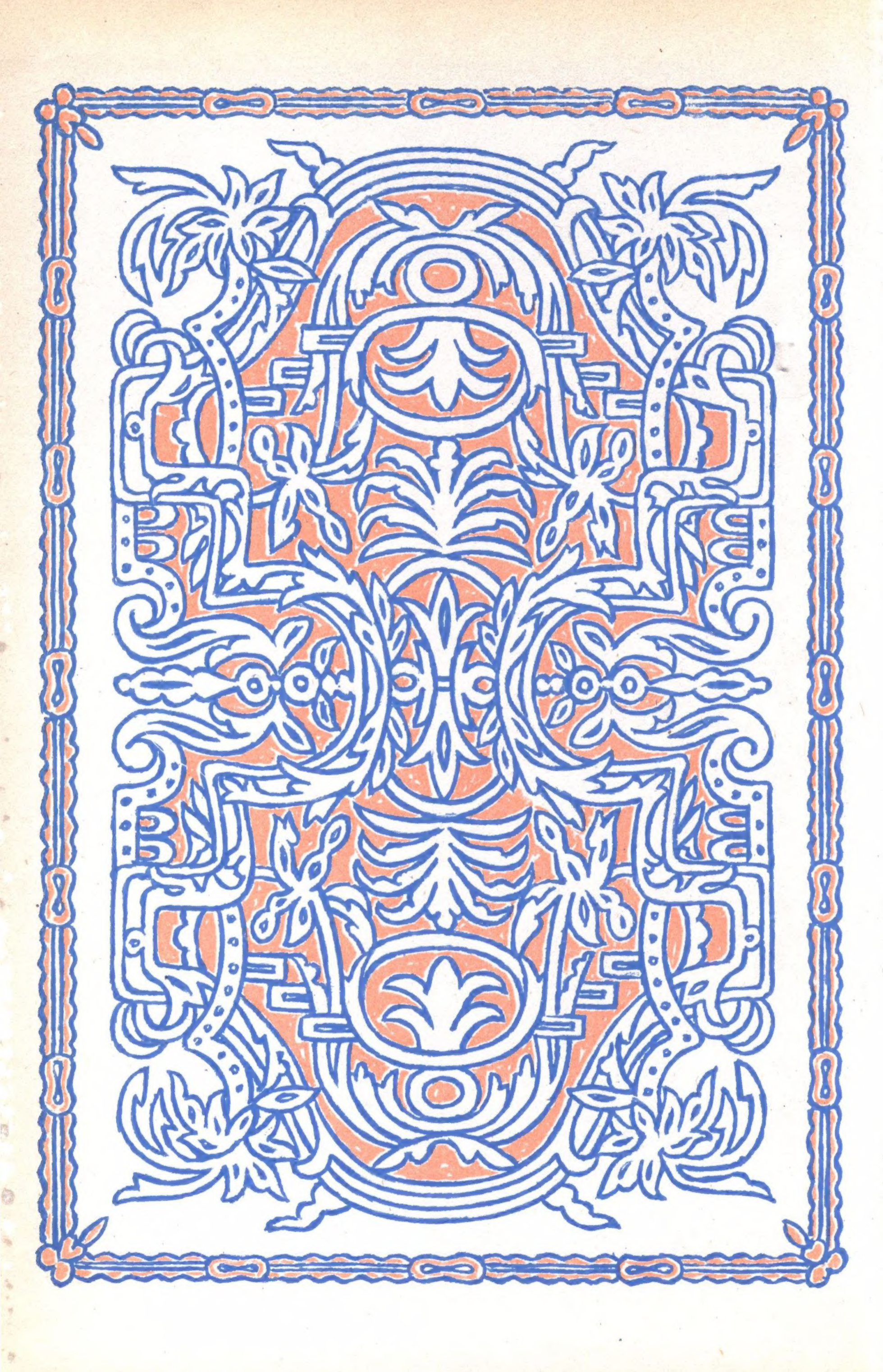
АГАДА
сказания, притчи, изречения талмуда и мидрашей

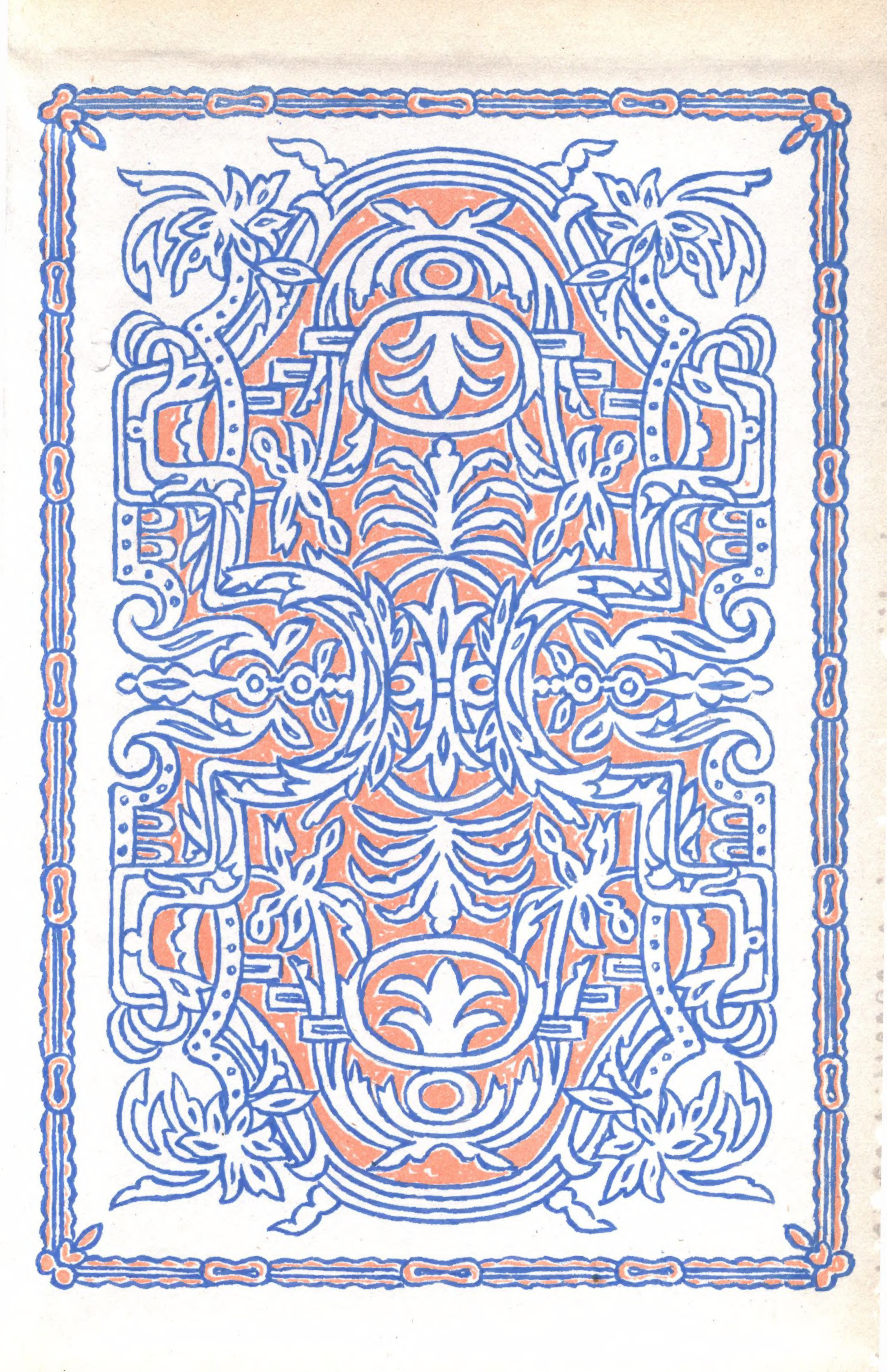
Ответственный за выпуск
Т. Бирченко
Редактор *М. Зякина*
Технический редактор *Л. Платонова*
Корректор *З. Тихонова*

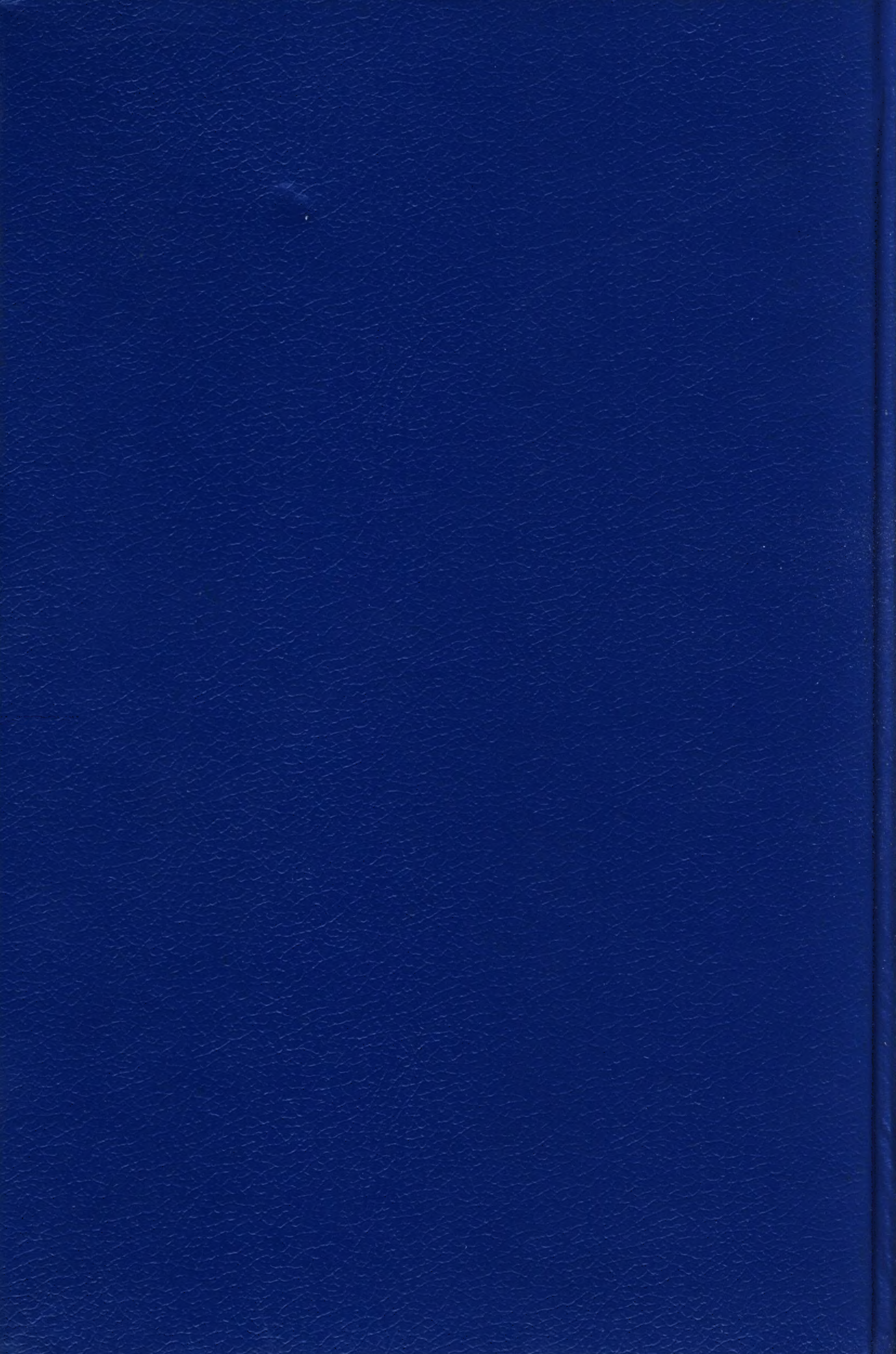
Сдано в набор 28.04.93. Подписано к печати 07.07.93. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. кр.-отт. 20,96. Уч. -изд. л. 18,61. Усл. печ. л. 20,25.
Тираж 50 000 экз. Заказ 760 .

Издательство «Раритет», 101405, Москва, ул. Петровка, 26.
При участии ИПО «Сирин».

Отпечатано фотоофсетом на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.







АГАДА